

12550

37990
12550

Прокламации къ Молчанову

II

Часть 2

ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ АЗІИ.

II

ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ

А З І И

КАРЛА РИТТЕРА.

ГЕОГРАФІЯ СТРАНЪ

НАХОДЯЩИХСЯ

ВЪ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ СЪ РОССІЕЮ

Т. Е.

КИТАЙСКОЙ ИМПЕРІИ, НЕЗАВИСИМОЙ ТАТАРІИ, ПЕРСІИ И СИБИРИ,

ПЕРЕВЕДЕНА

ПО ПОРУЧЕНІЮ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ

СЛУЖАЩИМИ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ РИТТЕРОВА ТРУДА НА ОСНОВАНІИ МАТЕРІАЛОВЪ ОБНАРОДОВАННЫХЪ СЪ 1832 ГОДА

И СОСТАВЛЕННЫМИ

П. СЕМЕНОВЫМЪ,

ДѢЙСТВ. ЧЛ. ИМПЕРАТОРСКАГО РУССК. ГЕОГР. ОБЩЕСТВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 6 дня 1859 года.

Ценсоръ *П. Дубровскій.*

ТОМЪ II.

Горная система Небеснаго хребта (Т'янь-Шаня). — Пространство между Т'янь-Шанемъ и Алтаемъ (Китайская и Русская Джунгарія). — Алтайская система съ китайской стороны. — Исторія открытія и заселенія Южной Сибири (системъ Алтая, Саяна и Кентея).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе переводчика . . . . 1 — 34

ОТДѢЛЪ II.

Сѣверная окраина нагорной Азіи.

§ 26. Обзоръ . . . . 1— 6

Глава 1.

Горная система Т'янь-Шаня или Небеснаго хребта.

§ 27. Обзоръ . . . . 7— 13
§ 28. Изложеніе 1-е. Южный склонъ Т'янь-Шаня съ его отдѣльными частями: Мустагомъ, Бай-Шанемъ (Pe-Shan) и горами Турфана и Хами . . . . 13— 47
I. Мустагъ съ его ледянымъ проходомъ . . . . 13— 22
II. Вулканъ Бай-Шань (Pe-Shan) на С. отъ Ку-чá . . . 22— 26
III. Богдо-Ола и искуственная дорога черезъ продолженіе Эринъ-Хабиргана . . . . 26— 31
IV. Вулканъ Хо-чеу или Турфанъ; второе отечество Уйгуровъ; горный проходъ черезъ Т'янь-Шань въ Бей-т'инь. 31— 39
V. Горы отъ Турфана до Хами; восточный ихъ склонъ и переходъ къ нагорной степи Гоби; этнографическая граница; буддійскій Линь-Шань . . . . 39— 47
§ 29. Изложеніе 2-е. Оазисъ Комуль или Хами при Ю.В. подошвѣ Т'янь-Шаньской системы . . . . 47— 70

СТРАН.

§ 30. Изложеніе 3-е. Сѣверный склонъ Тянь-Шаня; Бей-лу, Сѣверная провинція съ Баркюлемъ, Урумчи, Или . . 70— 84
I. Баркюль, Чинъ-Си-фу китайцевъ, въ древности Гу-люй . 70— 72
II. Бишбалигъ, Пентаполисъ, Урумчи нынѣ Ди-хуа-Чжеу; Бей-Тянь, сѣверная резиденція Уйгуровъ. Вулканическая область Бишбалигъ; область землетрясеній внутренней Азіи . . . . 72— 84
§ 31. Изложеніе 4-е. Сѣверо-западный склонъ уступовидной, нагорной Джунгаріи между системами Тянь-Шаня и Алтая къ Джунгаро-киргизскимъ низменнымъ степямъ . . 85—122
I. Иссыкъ-Куль и р. Чу . . . . 87— 91
II. Озеро Балхашъ или Тенгизъ съ притокомъ своимъ Или. Илійское намѣстничество. Кульджа, его резиденція и главный рынокъ . . . . 91—100
III. Ала-Куль съ притокомъ своимъ Имиль. Округъ Тарбагатай, пограничный городъ Чугучакъ . . . . . . 110—122
§ 32. Изложеніе 5-е. Продолженіе: небольшіе бассейны озеръ и древнія мѣстопребыванія народовъ на Или; Усунь, Тугю, Гао-Ча, Тей-ле и Хой-хэ . . . . 122—138
IV. Боротала или озеро Караталь . . . . 122—123
V. Ажаръ-Норъ 123
VI. Озеро Дарлай съ Кобокомъ . . . . 123—124
VII. Кызылъ-башъ съ притокомъ Урунгу . . . . . . 124—127
Древнѣйшія мѣстопребыванія народовъ на Или . . . . 127—138
I. Усуни во второмъ ихъ отечествѣ на Или; посредствующій членъ Индо-германскаго племени до VI в. по Р. Х. . 128—134
II. Происхожденіе Ту-кюэ (Ту-гю) на Си-хаѣ; сказаніе объ Иргана-конъ . . . . 134—136
III. Уйгуры Гао-Ча, племя Тей-лэ, царство Хой-хэ . . . 136—138
§ 33. Изложеніе 6-е. Перемѣны въ судьбѣ народовъ и властителей древней Джунгаріи съ XII в. до возмущенія 1826 года . . . . 138—171
I. Элюты и Джунгары—новѣйшіе обитатели Илійской долины, какъ отрасли Монголовъ; ихъ распространеніе . 139—145
II. Элютское царство Галдана и его разрушеніе въ 1696 г. . 145—150
III. Владычество Джунгаровъ и ихъ истребленіе въ 1757 г. . 150—162
IV. Возвращеніе Тургутъ-Элютовъ съ Волги въ Илійскія степи 1771 года . . . . 162—171

Глава II.

Алтайская горная система.

	стран.
§ 34. Обзоръ	172—186
§ 35. Изложенiе 1-е. Три горныя группы: Алтай, Хангай и Кентей-Ханъ съ Хинганомъ, по китайской Государственной Географiи	186
I. Западная группа—Алтай	187—195
II. Средняя группа—Хангай	195—205
III. Восточная группа—Кентей-Ханъ или Хинъ-ганъ	205—230
§ 36. Изложенiе 2-е. Гидрографiя Алтайской системы, по Китайской Государственной Географiи	230—273
I. Система р. Селенги, впадающей въ Байкалъ	231—235
II. Верховья системы Амура	235—255
1. Ононъ	235—237
2. Кэруленъ	237—255
Марштруты П. Жербильона на Керулэнѣ	241—255
III. Степныя рѣки между Алтаемъ Хан-гаемъ и Тянь-Шанемъ	256—263
Примѣчанiе. Каракорумъ, Коринъ, Хоринъ, Холинъ, Хонинъ, древняя станица Хойху, Кэраитовъ и Монголовъ	263—273

Глава III.

Сѣверныя развѣтвленiя Алтайской системы со стороны Сибири.

§ 37. Обзоръ	274—280
§ 38. Изложенiе 1-е. Открытiе и географическое изслѣдованiе Алтая отъ озера Зайсана и Иртыша до Оби и Телецкаго озера	280—303
§ 39. Изложенiе 2-е. Открытiе и географическое изслѣдованiе средняго Алтая и Саянскихъ горъ, отъ Оби черезъ Енисей до Хан-гая, при озерѣ Коссоголѣ и до Селенги или Западной оконечности Байкальскаго озера	303—308
§ 40. Изложенiе 3-е. Открытiе и изслѣдованiе горныхъ окрестностей Байкальскаго озера, Даурскихъ Альповъ и нагорья верхняго Амура со стороны Россiи	309—350

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Второй томъ русскаго перевода Риттеровой „Азіи“ содержитъ въ себѣ описаніе сѣверо-западной части нагорной Азіи, т. е. обширнаго пространства между Алтаемъ и Небеснымъ хребтомъ, отъ восточной оконечности сего послѣдняго при Хами (Комулѣ) до водоема озера Балхаша, а также исторію открытія и заселенія Сибири.

Разсматриваемое пространство заключаетъ въ себѣ все бывшее Джунгарское царство, или китайскую провинцію *Т'янь-Шань-бэй-лу* (т. е. страну на сѣверъ отъ Небеснаго хребта: области Илійскую, Тарбагатайскую, Гобдо и т. д.), а также русскіе округи Алатавскій, Копальскій и Аягузскій, нынѣ вошедшіе въ составъ новой Семипалатинской области. Вся эта страна, т. е. какъ китайская, такъ и русская Джунгарія, представляетъ собою самую малоизвѣстную внутренность Азіи, въ которой лежитъ и самый центръ азіатскаго материка, а именно исполинская горная группа *Тенгри-Тагъ* (часть Небеснаго хребта), находящаяся въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ Чернаго моря на З. и Жел-

таго на В., отъ Обской губы на С. и Бенгальскаго залива на Ю., на срединѣ прямой линіи, соединяющей мысъ Сѣверо-восточный въ Сибири съ мысомъ Комориномъ въ Индіи.

Сверхъ того, страна эта является намъ особенно замѣчательною какъ въ физическомъ, такъ и въ этнографическо-историческомъ отношеніяхъ. Въ *физическомъ* отношеніи представляетъ она рѣзкую границу между нагорною и низменною Азіею, замѣчательную контрастами своихъ исполинскихъ, заходящихъ далеко за предѣлы вѣчнаго снѣга и увѣнчанныхъ обширными альпійскими ледниками горныхъ группъ *Богдо* и *Тенгри-Тага* въ Небесномъ хребтѣ и низменной, песчаной и безплодной голодной степи — *Бедъ-Пакъ-Дала* на Ю. З. отъ Балхаша, носящей на себѣ, вмѣстѣ со всѣми другими низменными степями Арало-Каспійской котловины, характеръ высохшаго въ недавнюю (новѣйшую) геологическую эпоху дна внутренняго моря. Въ *этнографическомъ* отношеніи страна эта заключаетъ въ себѣ не менѣе рѣзкую границу двухъ количественно преобладающихъ племенъ внутренней Азіи: монгольскаго и туркскаго, властителями надъ которыми являются пришельцы съ отдаленнаго Востока и Запада—Китайцы и Русскіе, занимающіе въ одной и той же рѣчной области озера Балхаша небольшіе осѣдлые оазисы посреди чуждыхъ имъ по языку и обычаямъ туземныхъ племенъ, и могущественные не числительностью своею, а преимуществомъ своей цивилизаціи передъ кочевымъ бытомъ номадовъ и обширностью

своихъ имперій, самыхъ исполинскихъ на всемъ земномъ шарѣ. Наконецъ и въ *историческомъ* отношеніи страна эта не менѣе замѣчательна. Она служила съ незапамятныхъ временъ какъ бы воротами выхода народныхъ переселеній изъ колыбели переселявшихся племенъ, т. е. съ азіатскаго нагорья въ низменныя и безплодныя степи Арало-Каспійской котловины и еще далѣе въ благословенныя природою страны Запада. Здѣсь именно, въ разсматриваемой нами Джунгаріи, на привольныхъ берегахъ рѣкъ Или и верхняго Иртыша, останавливались надолго кочующія орды, какъ бы опасаясь пуститься въ невѣдомую даль, черезъ безплодное песчаное море, раздѣляющее Европу отъ Азіи, до тѣхъ поръ, пока приливъ новой народной волны не вынуждалъ ихъ, наконецъ, разстаться съ горной окраиной своей колыбели и искать счастія на отдаленномъ Западѣ. Здѣсь же въ долинахъ Джунгаріи нѣсколько оставленныхъ ими грубыхъ памятниковъ, географическихъ именъ, сказаній и даже народныхъ отдѣловъ или ордъ, нерѣдко утратившихъ свой родной языкъ и потерявшихся въ смѣшанныхъ разноплеменныхъ народныхъ сеймахъ (изъ которыхъ новѣйшій извѣстенъ подъ именемъ Кассакъ или Киргизъ-Кайсакъ), служатъ изслѣдователю единственными мѣстными признаками для пріуроченія отрывочныхъ историческихъ о нихъ сказаній, сохранившихся въ китайскихъ и европейскихъ лѣтописяхъ.

Хотя физическія и этнографическія особенности внутренней Азіи, обращали на нее постоянное вниманіе самыхъ великихъ ученыхъ, какъ напр. Гумбольдта, Риттера, Аб. Ре-

мюза и Клапрота, но всѣ изслѣдованія ихъ могли быть основаны только на самыхъ скудныхъ данныхъ, а именно сухихъ и одностороннихъ китайскихъ описаніяхъ, появившихся въ китайской литературѣ со времени разрушенія Джунгарскаго царства, т. е. съ половины прошлаго вѣка, а также неточныхъ, краткихъ и сбивчивыхъ показаніяхъ и маршрутахъ немногихъ Азіатцевъ, проходившихъ съ караванами въ Джунгарію и Малую Бухарію. Все это было собрано и тщательно сравнено Риттеромъ и Гумбольдтомъ; но тѣмъ не менѣе страна эта, подобно внутренней Африкѣ оставалась, до самыхъ новѣйшихъ временъ, совершенно недоступною для европейской науки.

Даже Марко-Поло, самый предпріимчивый и основательный изъ путешественниковъ среднихъ вѣковъ, не коснулся этой страны, проѣхавъ къ В. въ Китай южнѣе Небеснаго хребта. Правда, что нѣкоторые другіе Европейцы—Плано-Карпини (1246), Андре Лонжюмель (1249) и Вильгельмъ Рубруквисъ (1252), слѣдовали вдоль разсматриваемой нами Джунгаріи, вѣроятно мимо озера Зайссана, въ Каракорумъ—столицу монгольскихъ хановъ. Этимъ же путемъ пріѣзжали на поклонъ Великому хану, нѣкоторые изъ покоренныхъ Монголами западныхъ князей, какъ напримѣръ русскіе: Ярославъ и Александръ Невскій и армянскій Гетумъ (также въ срединѣ XIII вѣка), но они или не оставили никакихъ описаній своего пути, или описанія эти такъ бѣглы, скудны и неясны, что ихъ едва можно пріурочить къ немногимъ мѣстностямъ, какъ напр. описаніе пути ар-

мянскаго царя Гетума. Гораздо позже русскій посолъ царя Алексѣя Михайловича, Θедоръ Исаковичъ Байковъ проѣхалъ въ 1654 году мимо озера Зайссана и верховьевъ Чернаго Иртыша, также вдоль всей Джунгаріи къ Китайской стѣнѣ въ Хуху-Хотонь и далѣе въ Пекинъ. Хотя маршрутъ Байкова (конечно не въ томъ искаженномъ видѣ, въ какомъ онъ былъ сообщенъ въ сочиненіи Витсена и оттуда заимствованъ Риттеромъ, а въ томъ, въ которомъ мы нашли его въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" Спасскаго), при нынѣшнемъ знаніи географіи Средней Азіи, довольно приблизительно пріурочивается къ извѣстнымъ мѣстностямъ, но свѣдѣнія, заключающіяся въ немъ, слишкомъ скудны и далеко уступаютъ даже туземнымъ китайскимъ описаніямъ. Южная же окраина разсматриваемой нами страны, т. е. исполинскій Небесный хребетъ, осталась неизслѣдованною ни однимъ европейцемъ до самыхъ новѣйшихъ временъ. Правда, что разрушеніе Китайцами Джунгарскаго царства проложило путь въ эту страну китайскимъ съемкамъ, состоявшимъ подъ начальствомъ европейскихъ миссіонеровъ Феликса д'Арока и Галлерштейна, и опредѣлившимъ астрономическіе пункты не только въ городахъ Джунгаріи и Малой Бухаріи, но и у самой подошвы Небеснаго хребта, какъ напр. урочище Хонгоръ-Олонъ, нынѣ Конуръ-Уленъ, на южномъ берегу Иссыкъ-Куля. Однакоже іезуиты не оставили ни малѣйшей реляціи о посѣщеніи ими какой бы то ни было части Небеснаго хребта, такъ что естественно полагать что сами они не удалялись въ стороны отъ обык-

новенныхъ большихъ путей Средней Азіи, а высылали только къ подошвѣ Небеснаго хребта партіи обученныхъ ими китайскихъ топографовъ.

Первый русскій ученый путешественникъ, проникшій въ разсматриваемую нами часть внутренней Азіи былъ ботаникъ Сиверсъ, достигшій въ смѣломъ своемъ путешествіи 1793 года до Тарбагатая, т. е. приблизительно только до 47° с. ш. Въ теченіи 40 лѣтъ послѣ того ни одному изъ ученыхъ путешественниковъ, посѣтившихъ Западную Сибирь, не удалось проникнуть далѣе Сиверса. К. А. Мейеръ въ 1826 году доходилъ только до Аркатскихъ горъ, Чингисъ-Тау и Каркаралинскаго округа Киргизской степи; путешествіе Гумбольдта и его спутниковъ въ 1828 году не достигло даже разсматриваемой нами страны. Крайнимъ предѣломъ его былъ китайскій пикетъ Баты на Иртышѣ, подъ 49° с. ш., но главная заслуга Гумбольдта, относительно землевѣдѣнія внутренней Азіи, состоитъ въ ученой критической разработкѣ матеріаловъ этого землевѣдѣнія, въ классическомъ сочиненіи „Asie Centrale". Нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ, а именно маршруты азіатскихъ торговцевъ, ходившихъ съ караванами въ разныя части Азіи, собраны самимъ Гумбольдтомъ въ Семипалатинскѣ, другіе заимствованы изъ китайскихъ источниковъ, разработанныхъ европейскими синологами, преимущественно Аб.-Ремюза, Клапротомъ, Шоттомъ, Нейманомъ, Ст. Жюльеномъ, О. Іакинѳомъ, и т. д.

Между необразованными же очевидцами, проникавшими для

торговыхъ цѣлей во внутреннюю Азію, были, хотя весьма рѣдко, и Русскіе, и первое мѣсто между ними занимаетъ, безспорно, по отчетливости сообщенныхъ имъ свѣдѣній, переводчикъ Путинцевъ, въ 1811 году посѣтившій самые цвѣтущіе города Джунгаріи: Кульджу и Чугучакъ. Реляція его путешествія была напечатана въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, переведена Клапротомъ и послужила для Риттера однимъ изъ важныхъ источниковъ при ученой разработкѣ географіи этой страны. Кромѣ Путинцева, мы можемъ назвать еще въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка: рудокопа Снѣгирева, проѣхавшаго изъ Алтая въ Тарбагатай до окрестностей Чугучака для отысканія золотыхъ розсыпей, и дворянина Мадатова, которому удалось даже проѣхать изъ Семипалатинска въ Индію мимо озера Иссыкъ-Куля черезъ Небесный хребетъ и Малую Бухарію. Краткій отчетъ Снѣгирева напечатанъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ Спасскаго, но поѣздка Мадатова извѣстна мнѣ только изъ оффиціальныхъ бумагъ омскаго архива, а подлиннаго отчета нигдѣ нельзя было найти; быть можетъ даже онъ и совсѣмъ не существовалъ. Кромѣ того нашелъ я въ Семипалатинскѣ краткій маршрутъ купца Бубеннова, въ 1821 году ѣздившаго изъ Семипалатинска въ Кашгаръ. Маршрутъ этотъ будетъ обнародованъ въ своемъ мѣстѣ, но, по краткости и скудности своихъ показаній, онъ ничѣмъ не лучше тѣхъ маршрутовъ, которые были уже обнародованы и разработаны Гумбольдтомъ и Риттеромъ.

Въ такомъ неудовлетворительномъ положеніи находилось

землевѣдѣніе внутренности Азіи при изданіи относящейся до нея части сочиненія К. Риттера въ 1831 году. Только въ четвертомъ десятилѣтіи нашего вѣка внутренняя Азія со стороны джунгарскихъ и киргизскихъ степей сдѣлалась нѣсколько доступнѣе, именно по основаніи русскаго городка Аягуза въ верховьяхъ одного изъ притоковъ рѣчной области Балхаша и послѣ подчиненія Россіи части Большой Орды, подъ предводительствомъ султана Сюка, сына Аблай-Хана. Это обстоятельство постепенно облегчило путешественникамъ доступъ не только къ Балхашу, но и къ гористымъ областямъ Джунгаріи, такъ что въ 1834 году астрономъ Ѳедоровъ проникъ къ устью р. Лепсы и опредѣлилъ географическое его положеніе подъ 46^0 $20^1/_2{}'$ с. ш. Ему удалось также посѣтить и западное прибрежье озера Зайсана и измѣрить тригонометрически высоты Тарбагатая. Нѣсколько позже, сношенія съ киргизскими ордами Средней Азіи сдѣлались легче, и въ 1840, 1841 и 1842 годахъ ученые путешественники Карелинъ и Ал. Шренкъ проникли и въ горныя части Джунгаріи, а именно въ снѣжный джунгарскій Алатау. Карелинъ изслѣдовалъ дикія долины верховьевъ рѣкъ Лепсы, Саркана и Баскана до снѣжной линіи. Ал. Шренкъ посѣтилъ и, можно сказать, открылъ для науки озеро Ала-Куль, перешелъ черезъ джунгарскій Алатау на китайскую сторону въ верховьяхъ р. Тентека, и неоднократно достигалъ до снѣжной линіи. Крайнимъ предѣломъ его въ равнинѣ, окружающей озеро Ала-Куль, былъ китайскій городъ Чугучакъ, въ альпійской Джунгаріи—горы

на берегахъ р. Коксу, а въ голодной степи Бедъ-Пакъ-Дала, къ Ю.-З. отъ Балхаша, — рѣка Чу.

Вскорѣ послѣ того добровольное подчиненіе остальной части такъ называемой Большой Киргизской орды (въ 1844 г.) вызвало занятіе Русскими прекрасной части Джунгаріи, извѣстной подъ именемъ *Семирѣчинскаго* края, отъ семи притоковъ Балхаша, ее орошающихъ. Въ 1846 году, стараніями генералъ-губернатора кн. Горчакова, на прекрасномъ, плодородномъ плоскогоріи у подошвы увѣнчаннаго снѣгомъ отрога Джунгарскаго Алтау, былъ построенъ русскій городъ Копалъ. Основаніе Копала упрочило развитіе существовавшихъ уже сношеній Россіи съ сосѣднею китайскою Илійскою провинціею. Быстро развивающаяся торговля съ западнымъ китайскимъ краемъ, черезъ посредство городовъ Кульджи и въ особенности Чугучака, встрѣчала однакоже препятствіе въ самомъ своемъ характерѣ транзита и контрабанды, потому что Китайцы Западнаго края (Си-юй) могли вести эту торговлю съ Русскими только тайно, подъ видомъ сношеній съ Киргизами. Вотъ почему въ 1851 г. предпринята была экспедиція отчасти съ дипломатическими, отчасти съ геологическими цѣлями, подъ начальствомъ Е. П. Ковалевскаго, сопутствуемаго горнымъ инженеромъ Влангали. Экспедиція эта вышла изъ Копала и достигла на русской сторонѣ Джунгарскаго Алатау до долины Коксу и верховьевъ этой рѣки, а на китайской до р. Или въ городѣ Кульджѣ. Самымъ важнымъ не только для торговли, но и для науки результатомъ этой экспедиціи было учреж-

деніе русскихъ торговыхъ факторій въ Кульджѣ и Чугучакѣ. Кромѣ открытія части западнаго Китая для нѣкоторыхъ Русскихъ, обстоятельство это оказало огромную услугу землевѣдѣнію Азіи и тѣмъ, что забросило двухъ ученыхъ знатоковъ Китая, въ качествѣ русскихъ консуловъ, въ самые торговые центры Джунгаріи. Изслѣдованіямъ этихъ синологовъ открыто широкое поле. Одинъ изъ нихъ, И. И. Захаровъ, уже собралъ драгоцѣнные матеріялы, какъ для землевѣдѣнія, такъ и для картографіи всей внутренней Азіи, заимствованные изъ самыхъ рѣдкихъ китайскихъ географическихъ сочиненій, пріобрѣтенныхъ имъ во время его пребыванія въ Пекинѣ (а именно изъ изданія отчета съемки царствованія Цзянъ-Луня), и отчасти изъ показаній мѣстныхъ жителей Западнаго края.

Основаніе города Копала, доведеннаго до цвѣтущаго состоянія быстрымъ развитіемъ земледѣлія, при помощи ирригаціи, не могло однакоже вполнѣ обезпечить обратившуюся въ русское подданство Большую орду отъ смѣлыхъ набѣговъ Бурутовъ, или такъ называемыхъ Черныхъ или дикокаменныхъ Киргизовъ, гнѣздившихся въ долинѣ озера Иссыкъ-Куля и около истоковъ р. Или (Текеса). Иначе и быть не могло, потому что Копалъ находился на сѣверныхъ предѣлахъ орды, а южныя ея границы за рѣкою Или оставались совершенно открытыми. Необезпеченность границъ Русской Имперіи съ этой стороны побудила генералъ-губернатора Гасфорта занять такъ называемый Заилійскій край, простирающійся между рѣкою Или и снѣжнымъ

исполинскимъ Заилійскимъ Алатау, съ тѣмъ, чтобы прислонить лѣвый флангъ подчиненной Россіи, такъ называемой Киргизской степи къ безопаснымъ мирнымъ границамъ Китая и естественной стѣнѣ снѣжной горной цѣпи. Хорошо задуманный планъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Въ 1853 году, первый русскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Гутковскаго, проникъ за Или, но встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны многочисленнаго скопища враждебныхъ родовъ Большой орды, опиравшихся на укрѣпленія Тоучубека на р. Кескеленѣ. За то на слѣдующій годъ весь край былъ занятъ отрядомъ подполковника Перемышльскаго, оставленное Киргизами укрѣпленіе разрушено, нѣкоторые роды подчинились, самые враждебные бѣжали въ коканскіе предѣлы на Таласъ и Сыръ-Дарью. Русскій отрядъ перезимовалъ въ ущельѣ р. Талгара, а въ 1855 г., стараніями генерала Гасфорта, было основано укрѣпленіе Вѣрное въ живописной мѣстности у самаго подножія Заилійскаго Алатау, при выходѣ изъ него прекрасной Алматинской долины, роскошно заросшей рощами яблоней и абрикосовыхъ деревьевъ.

Занятіе плодороднаго, способнаго къ земледѣлію и садоводству, теплаго и во всѣхъ отношеніяхъ благословеннаго природою Заилійскаго края, оградило Большую орду отъ набѣговъ Бурутовъ, но поставило ближайшія племена ихъ въ то же положеніе, въ какомъ находилась за 10 лѣтъ до того Большая Киргизская орда. Могущественное и многочисленное племя Богу, гнѣздившееся въ живописныхъ долинахъ

и на плоскогоріяхъ между Небеснымъ хребтомъ и Заилійскимъ Алатау, отъ меридіана средины Иссыкъ-Куля на В. по берегамъ озера и притокамъ его до верховьевъ системы Или и китайской пикетной дороги черезъ Муссартъ (проходъ ледниковъ въ Небесномъ хребтѣ), въ разгарѣ кровопролитнаго междоусобія съ сосѣднимъ племенемъ Сара-багишъ, съ другой стороны громимое хищническими набѣгами сосѣднихъ родовъ Большой орды, не могло найти ни опоры, ни защиты въ мѣстныхъ властяхъ Китая, отъ котораго находилось въ номинальной зависимости. А потому, вскорѣ по занятіи Русскими заилійскаго края, верховный манапъ (султанъ) племени Богу, старый Бурамбай, обратился къ генералъ-губернатору Гасфорту, съ просьбою о принятіи его племени въ русское подданство и защитѣ его отъ сосѣдей. Это обстоятельство послужило поводомъ къ высылкѣ на озеро Иссыкъ-Куль изъ укрѣпленія Вѣрнаго перваго русскаго отряда, съ цѣлью примиренія двухъ враждующихъ племенъ и рекогносцировки невѣдомой доселѣ долины Иссыкъ-Куля. Начальникъ отряда полковникъ Хоментовскій и руководившій съемками въ новоучрежденной Семипалатинской области, генералъ-маіоръ бар. Сильвергельмъ, были первые образованные Русскіе, увидѣвшіе огромное озеро и снѣжныя вершины Небеснаго хребта. Къ сожалѣнію, отрядъ этотъ, по опасности своего положенія между хищническими горными племенами, изъ которыхъ враждебное расположеніе къ Русскимъ одного было несомнѣнно, и дружба другаго сомнительна, скоро былъ отозванъ, и съемочнымъ

партіямъ не удалось проникнуть во внутренность Небеснаго хребта.

Самый южный пунктъ, достигнутый топографомъ поручикомъ Яновскимъ, у подножія Тянь-Шаня, былъ выходъ р. Зауку изъ его ущелій на плоскогоріи озера Иссыкъ-Куля.

Въ томъ же (1856) году была возложена на меня Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, экспедиція съ цѣлью изслѣдованія тѣхъ доступныхъ для русскаго путешественника частей внутренней Азіи, которыя доселѣ были наименѣе тронуты какими бы то ни было научными изысканіями. Разумѣется, самою задушевною цѣлью моихъ стремленій долженъ былъ быть Небесный хребетъ (Тянь-Шань). Значеніе этой исполинской цѣпи, самой внутренней въ цѣломъ азіатскомъ материкѣ для науки землевѣдѣнія было уже выставлено въ должномъ свѣтѣ Риттеромъ и Гумбольдтомъ, но въ лабиринтъ Небесныхъ горъ не проникалъ еще *ни одинъ* образованный путешественникъ (*) и всѣ ученыя и критическія о нихъ изслѣдова-

(*) Англійскій художникъ Аткинсонъ, въ путешествіи, изданномъ въ 1858 году, повѣствуетъ о пути своемъ съ р. Курчума въ южномъ Алтаѣ, мимо Чернаго Иртыша къ озеру Убса-Норъ, оттуда на Ю. мимо Уляссутая до окрестностей китайскаго города Баркюля, лежащаго у подножія Тянь-Шаня, потомъ паралельно съ этимъ хребтомъ, въ значительномъ впрочемъ отъ него разстояніи, до меридіана горы Богда-Ола и наконецъ на С. З. мимо озера Кызылъ-Башъ къ озеру Ала-Кулю въ русскіе предѣлы. Къ сожалѣнію, столь необыкновенное путешествіе, не находящее себѣ подобныхъ въ исторіи изслѣдованія внутренности азіатскаго материка, осталось безъ малѣйшихъ результатовъ для науки. Геля-

нія Риттера и Гумбольдта, относились, по собственному сознанію сего послѣдняго, не болѣе какъ къ догадочной

ція его, занимающая до 115 страницъ текста, характеризуетъ посѣщенную страну столь мало, что могла бы быть пріурочена къ любой части Киргизской степи, такъ что самая точная научная критика на всѣхъ 115 страницахъ описанія не находитъ ни одного обстоятельства, могущаго подтвердить несомнѣнно дѣйствительность указанной части путешествія Аткинсона, на протяженіи болѣе 4,000 верстъ въ китайскихъ предѣлахъ. Это тѣмъ болѣе поразительно, что подобныя несомнѣнныя доказательства дѣйствительности путешествія легко найти даже въ самыхъ краткихъ маршрутахъ и реляціяхъ всѣхъ временъ и народовъ, какъ напр. относительно внутренней Азіи не только въ интересномъ путешествіи Гюка и Габе и собранныхъ Гумбольдтомъ маршрутахъ татарскихъ купцовъ, но и въ несравненно болѣе древнихъ реляціяхъ Байкова, Марко-Поло, армянскаго царя Гетума, маршрутѣ арміи Гулагу-Хана (составленномъ однимъ изъ ея офицеровъ въ XIII вѣкѣ) и наконецъ въ путешествіяхъ буддійскихъ миссіонеровъ Фа-Хяна и Хюанъ-Цзана въ IV и VII вѣкахъ. Какъ бы кратки ни были эти реляціи, ученый критикъ находитъ въ нихъ скоро такія мѣстныя особенности, которыя могутъ быть пріурочены только къ *опредѣленнымъ* мѣстностямъ, и чѣмъ болѣе подвигается впередъ знаніе страны, тѣмъ тѣснѣе пріурочиваются эти мѣстныя указанія къ опредѣленнымъ путямъ. Этого къ сожалѣнію не находимъ мы въ той части путешествія Аткинсона, которая относится до Китайской Джунгаріи. Съ самаго перваго слова, называя Т'янь-Шань, Саянъ-Шанемъ, онъ смѣшиваетъ, по крайней мѣрѣ по названію, двѣ главныя горныя системы внутренней Азіи, и вездѣ гдѣ не ограничивается описаніями степей, охоты за степными животными, юртъ, кочеваго быта (т. е. обстоятельствъ одинаковыхъ во всей Средней Азіи, какъ въ китайскихъ, такъ и русскихъ предѣлахъ), а напротивъ желаетъ сообщить что нибудь болѣе положительное и носящее на себѣ мѣстный характеръ, онъ впадаетъ въ многочисленныя несообразности. Такъ напримѣръ о снѣжныхъ горахъ Кара-Тынъ въ истокахъ Чернаго Иртыша, говоритъ онъ какъ о ровной степи, пересѣченной низкими кряжами; съ горъ Танну, лежащихъ верстахъ въ 180 къ С. В. отъ Убса-Нора, видитъ онъ гору Богдо-Ола въ Т'янь-Шанѣ, отстоящую отъ этого пункта въ прямомъ направленіи не менѣе какъ на 800 верстъ. Наконецъ съ равнины у подножія Небеснаго хребта видитъ онъ одновременно не только самую Богдо, но и лежащій 500 верстъ далѣе къ З. (дымящійся

географіи (géographie conjecturale), т. е. были основаны на сравненіи темныхъ и сбивчивыхъ сказаній и описаній китайскихъ и другихъ азіатскихъ путешественниковъ, начи-

---

по показанію Аткинсона) вулканъ Бай-Шань (Pe-Shan), не смотря на то, что снѣжная группа Богдо-Ола, какъ извѣстно, выдвинулась значительно впередъ главной цѣпи Небеснаго хребта, а Бай - Шань лежитъ на южномъ ея склонѣ, то есть за исполинскимъ снѣговымъ ея гребнемъ, въ окрестностяхъ мало-бухарскаго города Куча́. Столь же мало довѣрія внушаютъ и тѣ несообразности, которыя встрѣчаются въ показаніяхъ о времени, употребленномъ Аткинсономъ на различные переходы, а также о распредѣленіи по китайской Джунгаріи кочеваго народонаселенія киргизскаго племени. Для насъ лично, невольныя сомнѣнія объ упомянутой части путешествія Аткинсона еще усиливаются собранными свѣдѣніями о поѣздкахъ его отъ сопутствовавшихъ ему казаковъ и мѣстныхъ начальниковъ, снабжавшихъ его конвоями. Аткинсонъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія своего въ Сибири посѣтилъ окрестности созидавшагося Копала, многія долины Джунгарскаго Алатау, озеро Ала-Куль, Тарбагатай, былъ на Нарымѣ и Курчумѣ въ южномъ Алтаѣ, на Телецкомъ озерѣ, Тункинскихъ горахъ Саянскаго хребта, Иркутскѣ, Кяхтѣ и т. д.; но относительно дѣйствительности его путешествія на протяженіи болѣе 4000 верстъ въ китайскихъ предѣлахъ, *въ сопровожденіи трехъ нарымскихъ или курчумскихъ казаковъ*, къ сожалѣнію я не только не могъ найти никакого подтвержденія, но даже убѣдился въ его невозможности, по мѣстнымъ условіямъ, какъ съ русской, такъ и съ китайской стороны. Съ русской—многомѣсячная командировка трехъ казаковъ или даже произвольное ихъ отлучка есть фактъ, который долженъ бы былъ оставить какіе нибудь слѣды въ канцелярскихъ архивахъ, а съ китайской—болѣе чѣмъ шестимѣсячное путешествіе партіи, незнакомой съ туземнымъ языкомъ, въ обитаемыхъ областяхъ, по опредѣленнымъ путямъ, а также переходъ ея черезъ пикетныя и пограничныя линіи едва ли могли бы скрыться отъ наблюдательнаго взора Китайцевъ. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ, а равно и отсутствіе въ сочиненіи Аткинсона всякихъ новыхъ данныхъ о китайской Джунгаріи не дозволяютъ намъ считать сочиненіе это достояніемъ науки, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока авторъ не сообщитъ болѣе положительныхъ свѣдѣній и лучшихъ доказательствъ въ подтвержденіе своихъ невольно возбуждающихъ нѣкоторое недовѣріе разсказовъ.

ная отъ буддійскихъ миссіонеровъ Фа-Хяна и Хюанъ-Цзана IV и VII вѣка, до краткихъ маршрутовъ татарскихъ семипалатинскихъ купцовъ нынѣшняго столѣтія. Множество же вопросовъ, исполненныхъ первостепеннаго для науки землевѣдѣнія интереса, могли быть разрѣшены только очевидцемъ. Весь рельефъ страны, направленіе поднятія хребта, средняя высота его или высоты горныхъ его проходовъ, высота снѣжной линіи, вертикальное распредѣленіе организмовъ въ этомъ еще невѣдомомъ горномъ мірѣ, существованіе альпійскихъ ледниковъ и вулканическихъ явленій — все это требовало или изученія или подтвержденія.

Еще въ бытность мою въ Берлинѣ въ 1851 и 1852 годахъ сообщалъ я планъ своего путешествія во внутреннюю Азію до Тянь-Шаня Гумбольдту и К. Риттеру. Оба они, благословляя меня на трудный путь, не скрывали своихъ сомнѣній относительно возможности проникнуть такъ далеко въ сердце Азіатскаго материка. Въ бесѣдахъ съ этими корифеями науки почерпнулъ я однако же твердую рѣшимость во что бы то ни стало, не смотря ни на какія препятствія, сдѣлать попытку дойти до вѣчныхъ снѣговъ Тянь-Шаня. Ал. Гумбольдтъ придавалъ такъ много значенія для науки, хотя бѣглому изслѣдованію этого хребта, что я не могъ не смотрѣть на свое предпріятіе какъ на святое для меня призваніе, указанное мнѣ несторомъ европейскихъ ученыхъ.

Въ концѣ лѣта 1856 года, благодаря покровительству и содѣйствію Императорскаго Географическаго Общества,

былъ я уже въ укрѣпленіи Вѣрномъ, но къ сожалѣнію пріѣхалъ туда мѣсяца два послѣ кратковременнаго пребыванія русскаго отряда на озерѣ Иссыкъ-Кулѣ.

Мнѣ удалось однакоже съ небольшимъ конвоемъ, состоявшимъ изъ 12 казаковъ, пробраться на восточную оконечность озера Иссыкъ-Куля и 9 Сентября съ мыса Куке-Кулусуна уже могъ я обозрѣвать величественный Тянь-Шань, на необозримомъ протяженіи его отъ верховьевъ рѣки Джиргалана до противуположной оконечности озера. О посѣщеніи самаго Небеснаго хребта нельзя было и думать. Конвой мой былъ такъ малочисленъ, что я долженъ былъ пробираться съ большою осторожностью, гнѣздясь на почлегахъ въ неприступныхъ ущельяхъ и безпрестанно ожидая встрѣчи съ разбойничьими шайками враждебныхъ Кара-Киргизовъ.

Возвратясь въ Вѣрное, я съ болѣе многочисленнымъ конвоемъ (въ 40 казаковъ) прошелъ черезъ дикое ущелье Буамъ въ верховьяхъ р. Чу и вышелъ къ подножію Небеснаго хребта у западной оконечности Иссыкъ-Куля. Здѣсь встрѣтилъ я сплошныя кочевья враждебнаго Россіи племени Сара-Багишъ, только что имѣвшаго на р. Чу кровопролитную стычку съ русскимъ отрядомъ, вышедшимъ изъ Вѣрнаго для наказанія этихъ горцевъ за хищничество. Не смотря на гостепріимный пріемъ Сара-багишей, праздновавшихъ поминки по своихъ многочисленныхъ убитыхъ, я не могъ идти далѣе первыхъ обнаженій скалистыхъ отроговъ Небеснаго хребта и углубляться въ его дикія

ущелья, опасаясь коварства или мщенія враждебныхъ и раздраженныхъ своими чувствительными потерями горцевъ.

За то съ весны 1857 года, благодаря конвою, данному мнѣ Генералъ-Губернаторомъ Гасфортомъ, съ просвѣщеннымъ рвеніемъ заботящимся объ устройствѣ и изслѣдованіи пріобрѣтеннаго имъ для Россіи края, я могъ осуществить всѣ свои планы. Кровопролитная вражда двухъ Кара-Киргизскихъ племенъ была въ полномъ разгарѣ и долины Тянь-Шаня казались недоступными, но обстоятельства особенно поблагопріятствовали мнѣ. Разнесшійся съ необыкновенною быстротою слухъ, едва ли не по всему Мустагу (туркское названіе западной половины Тянь-Шаня), о прибытіи на помощь манапу Бурамбаю многочисленнаго русскаго отряда (*), вооруженнаго страшнымъ оружіемъ, побудилъ все племя Сара-Багишъ оставить не только захваченныя имъ у племени Богу, но и свои родовыя кочевья, отъ верховьевъ р. Джиргалана вдоль всего Иссыкъ-Куля, болѣе чѣмъ на 200 верстъ и укочевать за Мустагъ на верховья Сыръ-Дарьи (Нарыма). Племя Богу, стѣсненное съ своихъ кочевьевъ, разгромленное весною 1857 года, отброшенное въ китайскіе предѣлы и со стра-

---

(*) Поводъ къ разсказамъ о многочисленности моего отряда подало то, что я пришелъ въ аулы Бурамбая дѣйствительно въ сопровожденіи 800 всадниковъ, но это были присоединившіеся ко мнѣ Киргизы Большой Орды, подъ предводительствомъ Султана Тезека. Личный же мой конвой состоялъ изъ 25 казаковъ.

хомъ ожидавшее совершеннаго своего истребленія, вздохнуло свободнѣе. Оно могло возвратиться на свои любимыя кочевья, отчасти даже снять жатву, засѣянную на родныхъ его поляхъ, враждебными Сара-багишами, и приписывая моему посѣщенію такой неожиданный переворотъ въ судьбѣ своей, доставило мнѣ всѣ средства для осуществленія трудной моей цѣли. При этой существенной помощи обогнулъ я въ іюлѣ 1857 года Иссыкъ-Куль съ южной стороны, взобрался на вершину страшнаго и исполинскаго горнаго прохода Зауку-Даванъ и дошелъ до первыхъ истоковъ р. Нарына, т. е. системы Сыръ-Дарьи или Яксарта. Вскорѣ послѣ того, въ несравненно болѣе восточномъ меридіанѣ, углубился я еще болѣе въ сердце Небеснаго хребта и взобрался на одну изъ самыхъ исполинскихъ горныхъ группъ внутренней Азіи, а именно Тенгри-Тагъ, увѣнчанный вѣнцомъ альпійскихъ ледниковъ и одѣтый блистательнымъ бѣлымъ покровомъ вѣчныхъ снѣговъ. Въ ледникахъ Тенгри-Тага открылъ я истоки Сары-Джаза, системы р. Таримъ-гола или Эргеу, самой внутренней изъ значительныхъ рѣкъ азіатскаго материка.

По возвращеніи моемъ въ 1858 году въ Петербургъ, Императорское Русское Общество, имѣя въ виду недостатокъ астрономическихъ опредѣленій въ посѣщенной мною странѣ, снарядило, по предложенію моему, при содѣйствіи Военно-Топографическаго Депо, новую экспедицію, возложенную на штабсъ-капитана Голубева, для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ въ Русской Джунгаріи и на озерѣ

Иссыкъ-Кулѣ. По новѣйшимъ извѣстіямъ Голубевъ благополучно совершилъ опредѣленіе трехъ пунктовъ въ долинѣ Иссыкъ-Куля (на рѣкѣ Текесѣ, на восточной и западной оконечностяхъ озера), но не успѣлъ проникнуть во внутренность Тянь-Шаня, потому что обстоятельства ему не благопріятствовали и враждебные Сара-Багиши не покидали южнаго прибрежья озера, причемъ было бы совершенно безразсудно углубляться въ горы, оставляя въ тылу за собою враждебныя племена.

Всѣ исчисленныя путешествія и изслѣдованія съ 1834 года, подвинули далеко впередъ землевѣдѣніе разсматриваемой нами въ этомъ томѣ части Азіи и изъ области догадокъ перенесли его въ область фактическихъ и научныхъ изысканій. А потому II-й томъ русскаго изданія Риттеровой Азіи долженъ быть сопровождаемъ самыми обширными и самостоятельными дополненіями. Къ сожалѣнію почти всѣ матеріалы, могущіе служить къ такому дополненію, весьма мало разработаны. Путешествія Ѳедорова, Карелина, Шренка, мое собственное, наблюденія Голубева, свѣдѣнія собранныя и разработанныя Захаровымъ еще не напечатаны, и о всемъ этомъ обнародованы только одни краткіе отчеты. А потому я нахожусь въ необходимости отложить составленіе дополненій ко II тому, по крайней мѣрѣ, до проектированнаго изданія моего путешествія, замедленнаго нынѣ возложенными на меня срочными занятіями по одному изъ важнѣйшихъ для нашего отечества современныхъ вопросовъ.

Что же касается до III тома русскаго изданія Азіи, заключающаго въ себѣ описаніе Русскаго Алтая, то собранные мною немаловажные матеріалы уже отчасти разработаны, что̀ и позволило мнѣ приступить къ изданію этого тома съ всѣми его дополненіями.

Здѣсь же, въ заключеніе сего предисловія, я полагаю полезнымъ сказать еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ самыхъ общихъ результатовъ моего путешествія по Небесному хребту. Результаты эти относятся до трехъ весьма важныхъ для землевѣдѣнія Азіи вопросовъ, а именно: a) высоты снѣжной линіи въ Небесномъ хребтѣ, b) существованія въ немъ альпійскихъ ледниковъ, c) существованіе въ немъ вулканическихъ явленій.

О первомъ изъ этихъ вопросовъ я считаю необходимымъ распространиться здѣсь въ отвѣтъ на выраженное Гумбольдтомъ сомнѣніе въ цифрѣ опредѣленной мною высоты снѣжной линіи въ Небесномъ хребтѣ. Цифру эту (отъ 11 до 11,500 пар. ф.) узналъ Гумбольдтъ изъ письма моего къ К. Риттеру, которое онъ удостоилъ своимъ особымъ вниманіемъ. Оно было напечатано въ „Zeitschrift für Erdkunde вмѣстѣ съ нѣкоторыми объясненіями самого Гумбольдта. Способъ опредѣленія мною высоты снѣжной линіи былъ неизвѣстенъ Гумбольдту; цифра показалась ему на основаніи нѣкоторыхъ теоретическихъ или сравнительныхъ соображеній нѣсколько высокою.

Погрѣшности при опредѣленіи высоты снѣжной линіи могутъ вообще имѣть исходными пунктами: 1) то что̀ было при-

нято за снѣжную линію; 2) несовершенство самаго способа измѣренія высоты.

Въ первомъ отношеніи наблюдатель можетъ ошибиться, или принимая снѣга́, иногда растаивающіе, за вѣчные, или опредѣляя высоту снѣжной линіи въ какихъ-нибудь оврагахъ и ущельяхъ, куда мало проникаютъ солнечные лучи. Еслибы такого рода ошибки могли встрѣтиться въ моихъ опредѣленіяхъ, то онѣ понизили бы, а не повысили результаты наблюденій противъ дѣйствительности. Но это обстоятельство было вполнѣ предвидѣно и устранено мною, потому-что наблюденія мои дѣлались только въ такихъ пунктахъ, въ которыхъ я встрѣчалъ правильные многолѣтніе пласты вѣчнаго снѣга, и притомъ на горныхъ гребняхъ, а не въ углубленіяхъ, въ которыхъ дѣйствительно я встрѣчалъ вѣчные снѣга нисходящими иногда на нѣсколько сотъ футовъ ниже 11,000.

Во второмъ отношеніи я долженъ замѣтить, что употребленный мною способъ опредѣленія высотъ посредствомъ *температуры кипѣнія воды* есть конечно способъ далеко не совершенный и можетъ вести только къ приблизительнымъ результатамъ, въ которыхъ впрочемъ ошибки тѣмъ менѣе чувствительны чѣмъ значительнѣе опредѣляемыя высоты; для небольшихъ же высотъ этотъ способъ совсѣмъ непримѣнимъ. При этомъ я могу однакоже замѣтить, что и другой способъ, т. е. барометрическое опредѣленіе, въ невыгодныхъ условіяхъ путешествія по чрезвычайно опасной и дикой странѣ, въ которой путешественнику прихо-

дится самому прокладывать тропинки и безпрестанно ожидать нападеній хищническихъ шаекъ, едва ли можетъ повести къ болѣе точнымъ результатамъ, потому-что въ такой странѣ ни объ одновременномъ наблюденіи двухъ барометровъ у подошвы и на вершинѣ горъ, ни о наблюденіи станціями, ни о продолжительныхъ наблюденіяхъ на одномъ пунктѣ не можетъ быть и рѣчи. Наконецъ опытъ показалъ мнѣ невозможность сохранить въ цѣлости барометры (которыхъ у меня было два) въ такой гористой странѣ, гдѣ при каждой экспедиціи вьючныя лошади и верблюды падали въ пропасть и нерѣдко разбивались до смерти. А потому путешественники (да въ томъ числѣ и самъ Гумбольдтъ во время своего знаменитаго путешествія въ Андо-Кордильерахъ Америки), прибѣгали постоянно къ способу опредѣленій высотъ посредствомъ температуры кипѣнія воды, какъ единственному возможному. Результаты такихъ измѣреній вносятся въ науку какъ *приблизительные*, до тѣхъ поръ пока съ увеличеніемъ доступности и успѣхомъ страны не откроется возможность замѣнить ихъ болѣе точными. Но и при неполной своей точности результаты эти приносятъ наукѣ тѣмъ болѣе несомнѣнную пользу, что размѣръ возможныхъ ошибокъ и при такомъ способѣ опредѣленія имѣетъ свои предѣлы.

Впрочемъ Гумбольдтъ не могъ имѣть въ виду неточности способа опредѣленія высоты снѣжной линіи въ Т'янь-Шанѣ, во первыхъ потому, что онъ не зналъ его, во вторыхъ потому, что способъ этотъ, какъ мы уже ска-

зали, былъ тотъ самый, который служилъ и ему во время самаго богатаго результатами для науки путешествія его въ Новомъ Свѣтѣ. Причины сомнѣній Гумбольдта въ возможности столь значительной высоты снѣжной линіи въ Тянь-Шанѣ относятся къ области сравнительной географіи и могутъ быть легко провѣрены всѣми, будучи основаны на сравненіи высоты снѣжной линіи въ 11—11,500 ф. съ положительно извѣстными ея высотами приблизительно въ тѣхъ же меридіанахъ (а именно въ Алтаѣ 6,600 п. ф.), или въ той же паралели (а именно въ Пиринеяхъ 8,400 п. ф. и Кавказѣ 10,170 п. ф.).

При разсмотрѣніи сдѣланныхъ какимъ бы то ни было путешественникомъ наблюденій, относительно высоты снѣжной линіи, самая отчетливая научная критика должна удовлетвориться слѣдующею теоретическою повѣркою. Высоты снѣжной линіи въ данномъ хребтѣ должно исчислить теоретически, на основаніи сравненія съ другими хребтами и въ томъ же меридіанѣ, и въ той же паралели; полученный результатъ должно сличить съ цифрою наблюденія и разсмотрѣть критически: можетъ ли оказавшееся между ними различіе быть объяснено съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, климатическими обстоятельствами и особенностями страны, или нѣтъ.

Прибѣгая къ такому способу повѣрки, мы находимъ необходимыя для нея цифры въ сочиненіи самого Гумбольдта, а именно въ его классической „Asie Centrale“.

Въ одномъ и томъ же меридіанѣ съ Небеснымъ хребтомъ снѣжныя линіи находятся:

Въ Алтаѣ (Тигерецкіе Бѣлки)
подъ 51° с. ш. . . . . 6600 п. ф.
На сѣверномъ склонѣ Гималайск. хребта
подъ 32° с. ш. . . . . 15600 п. ф.

Небесный хребетъ простирается въ посѣщенной мною части его между 41 и 42° с. ш., слѣдовательно какъ разъ на полупути между Алтайскимъ и Гималайскимъ. Принимая среднюю между упомянутыми цифрами получаемъ высоту снѣжной линіи для Небеснаго хребта въ 11,100 п. ф.

Въ одной и той же паралельной зонѣ съ Небеснымъ хребтомъ снѣжныя линіи находятся на слѣдующихъ высотахъ:

Въ Пиренеяхъ (между 42½—43 с. ш.). 8,400 п. ф.
На Эльбрусѣ и Казбекѣ въ Кавказскомъ
хребтѣ (43° с. ш.) . . . . 10,170 п. ф.
На Араратѣ (подъ 39° с. ш.) . . . 13,300 п. ф.
Въ Скалистыхъ горахъ (Rocky mountains)
Сѣвер. Америки (подъ 43° с. ш.) . . . 11,700 ф.

Гумбольдтъ, въ изъясненіяхъ своихъ на письмо мое къ Риттеру, указываетъ исключительно на Пиренеи и Эльбрусъ. Что касается до первыхъ, то они совершенно не могутъ быть приняты въ разсчетъ при опредѣленіи высоты снѣжной линіи въ Небесномъ хребтѣ, находясь во влажномъ приморскомъ климатѣ, гдѣ снѣжная линія должна быть несравненно ниже, чѣмъ въ континентальномъ климатѣ внутренней Азіи. Затѣмъ Кавказъ представляетъ лучшій

предметъ для сравненія, если имъ пользоваться съ должною осторожностью. Высота снѣжной линіи на Эльбрусѣ и Казбекѣ лежитъ на 10170 п. ф. при широтѣ на $1\frac{1}{2}^{\circ}$ болѣе сѣверной чѣмъ въ Тянь-Шанѣ и въ климатѣ несравненно болѣе влажномъ. На Араратѣ, гдѣ климатъ гораздо суше и широта на $2\frac{1}{2}$ градуса болѣе южная, находимъ мы высоту снѣжной линіи въ 13,300 ф. Если бы между Эльбрусомъ и Араратомъ находились горы, относительно сухости окружающей атмосферы промежуточныя между Эльбрусомъ и Араратомъ, а по астрономическому своему положенію лежащія въ одной паралели съ Небеснымъ хребтомъ, то высота снѣжной линіи въ этихъ горахъ опредѣлилась бы въ 11,300 п. ф.

Всѣ эти цифры, выведенныя теоретически, по сравненію различныхъ высотъ снѣжной линіи въ одномъ меридіанѣ съ Небеснымъ хребтомъ, на различныхъ параллеляхъ, или въ одной параллельной зонѣ, на различныхъ меридіанахъ, весьма близки съ нашими опредѣленіями. Что же касается до особенностей географическаго положенія и климата Небеснаго хребта, то въ нихъ-то и можно найти объясненіе значительной въ немъ высоты снѣжной линіи. А именно, всѣмъ извѣстно, что *сухость климата* необыкновенно повышаетъ предѣлъ вѣчнаго снѣга. Такъ снѣжная линія на южномъ склонѣ Гималайскаго хребта находится на 12,180 пар. ф., а на сѣверномъ на 15,600 п. ф. Эта аномалія объясняется только тѣмъ, что на южную сторону хребта попадаютъ

вѣтры, насыщенные влажностью Индѣйскаго океана, осаждающеюся на холодные горные скаты въ видѣ снѣга, а что до сѣвернаго, тибетскаго склона, тотъ же воздухъ доходитъ уже совершенно лишенный всякой влажности. Необыкновенная сухость атмосферы Небеснаго хребта, въ сравненіи съ атмосферою Алтая и Кавказа, подтверждается разительными примѣрами. Въ Алтайскихъ горахъ, въ окрестности Риддерска, росы бываютъ такъ сильны, что всадникъ не можетъ проѣхать черезъ высокія травы не промокнувъ до костей; въ дремучихъ же лѣсахъ сѣверо-восточнаго Алтая, извѣстныхъ подъ именемъ *тайги*, климатъ еще сырѣе и въ иное лѣто дожди падаютъ почти непрерывно. Напротивъ того, въ оба лѣта, употребленныя мною на посѣщеніе Небеснаго хребта и Заилійскаго Алатау, я совершенно не видалъ росы, а дожди, не смотря на то что лѣто 1857 г. было исключительно дождливое, и въ Алтаѣ, по этому случаю, не было проѣзда, были очень умѣренны. Наконецъ самая растительность Тянь-Шаня носитъ на себѣ отпечатокъ сухости окружающей атмосферы. Между тѣмъ какъ склоны Кавказа заросли густыми, непроходимыми, дремучими лѣсами, столь затруднявшими военныя дѣйствія Русскихъ, лѣсныя площади Тянь-Шаня довольно ограничены, а рододендроны, столь распространенные во влажныхъ климатахъ южнаго склона Гималайскаго хребта и Кавказа, совсѣмъ не растутъ въ Тянь-Шанѣ. Если къ этой необыкновенной сухости атмосферы Небеснаго хребта присовокупить еще страшные лѣтніе жары и сильное на-

грѣваніе широкихъ плоскогорій, его окружающихъ, палящими лучами солнца, при безоблачной, прозрачной и сухой атмосферѣ, то мы найдемъ самое естественное объясненіе высоты снѣжной линіи въ 11,000 до 11,500 п. ф. Немногія измѣренія высотъ, сдѣланныя другими наблюдателями въ Джунгаріи, и притомъ другими способами, еще болѣе подтверждаютъ наши цифры. Ѳедоровъ опредѣлилъ *тригонометрически*, т. е. способомъ самымъ точнымъ, высоту высшей точки въ Тарбагатаѣ около 9,900 ф. Тарбагатай простирается подъ 47° с. ш., слѣдовательно лежитъ болѣе чѣмъ на 1° шир. ближе къ Тигерецкимъ бѣлкамъ, чѣмъ къ Небесному хребту. Вычисляя теоретически высоту снѣжной линіи въ Тарбагатаѣ, изъ сравненія опредѣленныхъ высотъ въ Алтаѣ и Тянь-Шанѣ, мы получили бы около 8,600 п. ф., между тѣмъ какъ въ дѣйствительности высота эта оказывается еще значительнѣе, потому что во всемъ Тарбагатаѣ, за исключеніемъ двухъ пятенъ вѣчнаго снѣга, существуютъ только снѣга спорадическіе и здѣсь снѣжная линія не ниже 9500 п. ф. Это обстоятельство доказываетъ, что отъ Алтая до Тарбагатая, вслѣдствіе сильнаго возрастанія сухости континентальнаго климата, снѣжная линія повышается несоразмѣрно быстро. Наконецъ барометрическія наблюденія Ал. Шренка въ Джунгарскомъ Алатау приблизительно подъ 45° с. ш. даютъ для предѣла вѣчнаго снѣга 10,700 п. ф. Расчитывая высоту снѣжной линіи въ Тянь-Шанѣ изъ сравненія высотъ снѣжной линіи сѣвернаго склона Гималайскаго хребта съ Тар-

багатаемъ мы получаемъ 11700 п. ф., а съ джунгарскимъ Алатау 11950 п. ф.

Такимъ образомъ не только всѣ факты, доставленные намъ сравнительною географіею и климатологіею, но и положительныя наблюденія другихъ путешественниковъ, при болѣе точныхъ методахъ, подтверждаютъ, а не опровергаютъ полученныя мною цифры и скорѣе показываютъ ихъ слишкомъ низкими, чѣмъ слишкомъ высокими, такъ что сомнѣніе Гумбольдта въ томъ, что высота снѣжной линіи въ Т'янь-Шанѣ могла бы превосходить 11,000 п. ф. устраняется, не только теоретическими соображеніями, но и положительными наблюденіями.

Находящійся въ тѣсной связи съ высотою снѣжной линіи интересный вопросъ о существованіи настоящихъ альпійскихъ ледниковъ въ Т'янь-Шанѣ былъ разрѣшенъ мною совершенно согласно съ мнѣніями Риттера и Гумбольдта. Я началъ путешествіе свое безъ всякихъ предубѣжденій, но испытавъ необыкновенную сухость атмосферы, окружающей Небесный хребетъ, и найдя при восхожденіи на Зауку-Даванъ снѣжную линію выше 11,000 ф., невольно усумнился въ возможности существованія въ Т'янь-Шанѣ настоящихъ глетчеровъ. Но сомнѣнія эти скоро разсѣялись. Въ истокахъ вѣтвистой рѣчной системы Сары-Джаза открылъ я пять прекрасныхъ альпійскихъ глетчеровъ и такъ называемое ледяное море, размѣрами своими превосходящее знаменитое „mer de glace“ долины Шамуни. Не смотря на нѣкоторыя особенности Т'янь-Шаньскихъ

ледниковъ, происходящія преимущественно отъ того, что они спускаются не болѣе какъ на 2500 н. ф. ниже уровня снѣжной линіи, а не на 5,000 какъ въ Швейцаріи, существованіе этихъ глетчеровъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они были предполагаемы Риттеромъ и Гумбольдтомъ, на основаніи китайскихъ описаній, вполнѣ подтвердилось.

Оставалось мнѣ еще только доказать наблюденіемъ существованіе тѣхъ вулканическихъ явленій въ Джунгаріи и Небесномъ хребтѣ, на которыя такъ много разъ указывалъ Гумбольдтъ въ своихъ сочиненіяхъ. Я началъ свое путешествіе съ полною надеждою найти эти предполагаемые вулканы или покрайней мѣрѣ вулканическія породы и конечно употребилъ (подобно Ал. Шренку, на озерѣ Ала-кулѣ) всѣ усилія для того, чтобы подтвердить мнѣнія Гумбольдта о вулканическихъ явленіяхъ средней Азіи, что конечно принесло бы всякому путешественнику болѣе славы чѣмъ неполное отрицаніе этихъ мнѣній. Мнѣ было даже извѣстно, что Гумбольдтъ принялъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ изысканія Шренка, столь несомнѣнно доказавшаго, что островъ Аралъ-Тюбе на озерѣ Ала-кулѣ не имѣетъ ничего вулканическаго. Идея о существованіи вулкановъ въ Джунгаріи была всегда одною изъ самыхъ любимыхъ идей Гумбольдта, но какъ ни желательнымъ казалось мнѣ внести въ науку несомнѣнныя ея подтвержденія. я долженъ сознаться, что желаніе мое нисколько не осуществилось. Еще одинъ изъ предполагае-

кыхъ Гумбольдтомъ вулкановъ, а именно гора Куллокъ оказалась не вулканическою. Горячіе ключи и незамерзаніе озера Иссыкъ-Куля не сопровождались распространеніемъ какихъ бы то ни было вулканическихъ горныхъ породъ въ Тянь-Шанѣ; наконецъ всѣ указанія туземцевъ на явленія, которыя и я самъ изъ ихъ расказовъ могъ принять за вулканическія, оказались неосновательными и разсѣялись какъ призракъ при личномъ обозрѣніи мною указанныхъ мѣстностей. Результатомъ всѣхъ усильныхъ моихъ розысковъ было то, что я рѣшительно не нашелъ ни вулкановъ, ни истинныхъ вулканическихъ явленій, ни даже вулканическихъ породъ въ Небесномъ хребтѣ. Правда, что въ Джунгаріи существовало несомнѣнно нѣсколько *сольфатаръ*, т. е. дымящихся углубленій и трещинъ, въ которыхъ происходила возгонка и осажденіе сѣры и что нѣкоторыя изъ этихъ сольфатаръ дымятся и нынѣ, а китайцы добываютъ въ нихъ сѣру. Но тщательное обозрѣніе одной изъ такихъ, впрочемъ потухшихъ сольфатаръ, убѣдило меня, что явленіе это, покрайней мѣрѣ въ видѣнномъ мною случаѣ, не представляетъ ничего вулканическаго. Кругомъ найденной мною сольфатары въ горахъ Кату, въ Илійской долинѣ, никакихъ вулканическихъ породъ не оказалось, но встрѣтились бурые желѣзняки, образовавшіеся, сколько я могъ замѣтить, изъ распространенныхъ кругомъ колчедановъ, при чемъ произошла возгонка сѣры, выходившей въ видѣ паровъ изъ многочисленныхъ трещинъ и осаждавшейся на ихъ стѣнахъ. Если принять въ соображеніе, что я нашелъ каменноугольную формацію чрезвычайно развитою во всемъ Илійскомъ

бассейнѣ и что каменный уголь добывается китайцами въ окрестностяхъ Кульджи въ большомъ количествѣ, изъ весьма толстыхъ пластовъ, то, по моему мнѣнію, весь процессъ образованія самородной сѣры можетъ быть объясненъ подземнымъ горѣніемъ нѣкоторыхъ пластовъ каменнаго угля въ этомъ бассейнѣ и въ такомъ случаѣ выходитъ совершенно изъ разряда вулканическхихъ явленій.

Примѣнимо ли такое объясненіе къ другимъ нынѣ дымящимся въ Джунгаріи сольфатарамъ и въ особенности къ прославленной Гумбольдтомъ сольфатарѣ Урумчи я не знаю, но аналогію между всѣми джунгарскими сольфатарами, кромѣ показаній туземцевъ, подтверждаетъ еще и то, что китайцы, привыкшіе распознавать такія мѣсторожденія сѣры, добывали ее и въ видѣнной мною сольфатарѣ Кату. Еще менѣе могу я ручаться за то, чтобы далѣе къ В. въ Небесномъ хребтѣ не было вулканическихъ породъ и явленій. Гумбольдтъ въ объясненіяхъ на письмо мое къ К. Риттеру, напечатанное въ Zeitschrift für Erdkunde, замѣчаетъ, что Сангай, самый дѣятельный изо всѣхъ большихъ дѣйствующихъ вулкановъ земнаго шара, образуетъ посреди хребта Андо-Кордильеровъ трахитовый островъ не болѣе какъ въ 2 г. м. въ діаметрѣ. Изъ этого я конечно долженъ заключить, что посѣщеніе одной части Тянь-Шаня не можетъ служить положительнымъ доказательствомъ отсутствія вулкановъ и вулканическихъ породъ въ остальныхъ частяхъ этой горной системы. Такое убѣжденіе было уже впрочемъ и высказано мною въ приведенномъ письмѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу

не замѣтить, что намёки азіатцевъ на явленія, могущія казаться вулканическими, должны быть принимаемы ученою критикою съ большою осторожностью, потому что многіе изъ нихъ уже оказались неосновательными. Еще замѣчу, что впечатлѣніе, произведенное на меня лично Джунгаріею и Тянь-Шанемъ возбуждаетъ во мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія въ существованіи вулкановъ въ этой части Азіи и во всякомъ случаѣ я, какъ единственный очевидецъ Небеснаго хребта, не могу признать дѣйствительность этихъ вулкановъ аксіомою, не требующею никакихъ подтвержденій и доказательствъ. Это убѣжденіе есть одинъ изъ важныхъ, хотя конечно отрицательныхъ результатовъ моего путешествія.

Если стремленіе къ истинѣ заставляетъ меня высказать здѣсь, по двумъ столь важнымъ для землевѣдѣнія Азіи вопросамъ, мнѣнія совершенно противорѣчащія убѣжденіямъ Гумбольдта, который вѣрилъ въ существованіе вулкановъ Небеснаго хребта почти столько же сколько Колумбъ въ существованіе Новаго Свѣта, то я не могу оскорбить этимъ тѣни величайшаго изъ геніевъ науки нашего вѣка. Наука есть вѣчное стремленіе человѣчества къ истинѣ, а истина достигается только долгимъ путемъ, посреди неизбѣжныхъ ошибокъ и заблужденій. И никто не имѣетъ болѣе случая впасть въ эти ошибки и заблужденія какъ передовые мыслители и тѣ геніи, которые пролагаютъ новые пути человѣчеству къ истинѣ, открываютъ цѣлые міры новыхъ понятій и воззрѣній. За ними идетъ толпа другихъ мыслителей и изслѣдователей, для ко-

торыхъ путь уже проложенъ и задача облегчена. Такимъ образомъ въ наукѣ есть зодчіе, задумывающіе геніальные планы и работники, приводящіе въ исполненіе то изъ нихъ, что оказывается исполнимымъ. Каждому свое дѣло, но и на самомъ скромномъ дѣятелѣ лежитъ святая обязанность указать и исправить ошибку геніальнаго зодчаго. И въ этомъ случаѣ указывающій на истину не долженъ быть задавленъ авторитетомъ генія, потому что наука есть такая общечеловѣческая задача, въ которой не только личности, но и національности должны изчезнуть и начала олигархическаго существовать не можетъ.

Въ теченіи нынѣшняго года наука землевѣдѣнія лишилась двухъ блистательнѣйшихъ своихъ корифеевъ—Гумбольдта и Риттера. Идти впередъ по пути ими проложенному, расширяя кругъ совершенныхъ ими изслѣдованій и стремясь къ той вѣчной истинѣ, къ которой они стремились въ продолженіи земной своей жизни, исправлять нѣкоторыя частныя ошибки ихъ всеобъемлящихъ изслѣдованій, есть дѣло каждаго рядоваго дѣятеля науки и лучшее выраженіе глубокаго благоговѣнія къ передовымъ ея мыслителямъ. Да послужитъ и это изданіе такимъ выраженіемъ, а также однимъ изъ безчисленныхъ доказательствъ того, что Риттеръ и Гумбольдтъ, умирая остались безсмертными для человѣчества, которому завѣщали въ твореніяхъ своихъ весь свой геній.

П. Семеновъ.

С.-Петербургъ.
1-го Октября 1859 г.

ОТДѢЛЪ II.

СѢВЕРНАЯ ОКРАИНА НАГОРНОЙ АЗІИ.

ОБЗОРЪ.

§ 26.

Двѣ большія горныя системы обращаютъ на себя особенное вниманіе наблюдателя на сѣверной окраинѣ нагорной Азіи. Колоссальными своими протяженіями онѣ не только чрезвычайно измѣняютъ пластическое устройство восточной нагорной Азіи, но и придаютъ ей на С. и С.-З. террасовидное сложеніе, совершенно различное отъ примѣчаемаго на Ю. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ обозначаютъ границу между нагорьемъ и сѣверною и сѣверо-западною низменностью Стараго Свѣта. Эти большія системы извѣстны подъ именами: *Т'янь-Шаня* (Thian-Shan) или Небесныхъ горъ и *Алтая* или Золотыхъ горъ, и съ древнѣйшихъ временъ были различаемы не только въ исторіи, но и въ понятіяхъ многочисленныхъ туземныхъ или сюда пришлыхъ племенъ. По недостатку повсемѣстныхъ наблюденій, невозможно рѣшить: связаны ли эти двѣ горныя системы какимъ нибудь развѣтвленіемъ своихъ отраслей. Достовѣрно однако же, что ошибочна прежняя ипотеза, по которой высокіе ихъ гребни почитались непосредственно соединенными поперечнымъ Ю.-С. хребтомъ въ одну систему. Вслѣдствіе этой ипотезы, Арроусмитъ (1)

(1) A. Arrowsmith Map of Asia 1818. 4 Sect.; addit. 1822 etc.; первая уклонившаяся отъ нея карта Азіи есть L. H. Berthe Nouv. Carte de l'Asie dressée par A. R. Tremin, revue par. J. Klaproth; см. его Observat. sur la Carte de l'Asie въ Journ. Asiat. 1826. T. VIII. p. 2—73.

нанесъ совершенно ошибочно свои несуществующія Great Altai mountains на прекрасную, хотя и въ другихъ отношеніяхъ составленную безъ достаточной критики, карту Азіи. Ему послѣдовала вся толпа европейскихъ картографовъ и даже изданная въ Петербургѣ въ 1825 г. военно-топографическимъ депо генеральная карта Сибири, которую впрочемъ можно почитать самою лучшею для этихъ странъ (*). Но подобное начертаніе совершенно ошибочно и противорѣчитъ всѣмъ точнѣйшимъ изысканіямъ, что мы уже и прежде старались доказать (Erdkunde 1-te Aufl. Th. I. S. 450), хотя не столь убѣдительными доводами. Точнѣйшія изысканія, обнародованіе туземныхъ китайскихъ, русскихъ и монгольскихъ источниковъ, свѣтлыя воззрѣнія немногихъ очевидцевъ, приблизившихся съ тѣхъ поръ къ этимъ отдаленнымъ странамъ съ зоркимъ взглядомъ опытныхъ наблюдателей, наконецъ споры при опредѣленіи границъ двухъ соперничествующихъ государствъ, даютъ намъ нынѣ возможность имѣть болѣе вѣрный взглядъ на эту обширную область номадовъ, отъ предковъ которыхъ произошла большая часть европейскаго и азіятскаго народонаселенія, между тѣмъ-какъ быстро смѣняющіяся ихъ династіи, государства и завоеванія имѣли, подобно грозамъ, очищающимъ атмосферу, немаловажное вліяніе на всѣ перемѣны въ судьбѣ образованныхъ народовъ и въ государственныхъ отношеніяхъ европейскаго запада.

Обѣ упомянутыя горныя системы (Т'янь-Шань и Алтай) суть самыя сѣверныя изъ тѣхъ четырехъ системъ, которыя, какъ доказалъ А. Гумбольдтъ (2), раздѣляютъ центральную Азію на

(*) Это было въ 1832 г.; нынѣ же лучшими картами этихъ странъ могутъ почитаться: 1) генеральная карта Западной Сибири, изданная военно-топографическимъ депо въ 1848 г. и исправленная въ 1854, 2) Klaproth carte de l'Asie Centrale dressée par l'ordre de l'Emper. Khian Loung etc. Par. 1836 и 3) Zimmermann Carte v. Central Asien etc. Berl. Кромѣ того выйдетъ скоро карта, составленная на основаніи китайскихъ съемокъ Царс. К'янъ-Луна Н. И. Захаровымъ, имѣвшимъ случай пользоваться несравненно лучшими источниками, чѣмъ Клапротъ, и найти подлинный отчетъ китайской съемочной коммисіи. — *Пр. Пер.*

(2) A. v. Humboldt über die Bergketten Inner Asien's Poggend. Annal. 1830. Bd. 34. p. 6.

три высокія внутреннія равнины или углубленія. Всѣ онѣ простираются отъ З. къ В.; но, какъ было уже замѣчено въ нашемъ введеніи, не совершенно параллельно, а нѣсколько расходясь на В. въ своихъ нормальныхъ направленіяхъ, хотя въ направленіяхъ отдѣльныхъ ихъ расчлененій, часто разъединенныхъ и расположенныхъ ешелонами (en échelon), примѣтенъ бо́льшій или меньшій параллелизмъ.

Южная изъ двухъ упомянутыхъ горныхъ системъ, т. е. Т'янь-Шань, въ среднемъ своемъ направленіи, совпадаетъ съ 42° с. ш., а болѣе сѣверная, т. е. Алтай, простирается между 50° и $51^{1}/_{2}$° с. ш. Но такъ какъ направленія обѣихъ не совершенно соотвѣтствуютъ градусамъ широты, и даже, послѣ нѣкоторыхъ изгибовъ, нѣсколько расходятся къ В., то разстоянія между ними очень различны въ различныхъ меридіанахъ. Среднимъ числомъ они составляютъ отъ 6 до 8° широты (90 до 120 г. м.); въ западной болѣе сближающейся половинѣ 6,5 и даже 4° (90 до 60 г. м.), а въ восточной половинѣ, гдѣ между обѣими системами лежитъ вся ширина нагорной степи Гоби, 10—12° шир. (150—180 г. м.). Такое разстояніе существуетъ напр. между Чанъ-бо-шанемъ (Tchang-pe-shan) на корейской границѣ и Хинганъ-Алиnемъ (Хинганъ-Тугурикъ) или Яблоновымъ и Становымъ хребтомъ, сопровождающимъ съ сѣверной стороны теченіе Амура.

Если принимать протяженія обѣихъ системъ такъ, какъ было сказано выше, то упомянутый Т'янь-Шань, простираясь отъ западной оконечности Мустага до восточной Чанъ-бо-шаня при Корейскомъ морѣ, т. е. отъ 90° до 147° в. д. отъ Ф., растянутъ на 57° долготы (каждый градусъ заключаетъ въ себѣ здѣсь 11 г. м.) и имѣетъ необыкновенную длину 630 г. м. (4,410 вер.). Система же Алтая начинается на западномъ склонѣ своемъ къ За-Зайсанскимъ равнинамъ, отъ горныхъ высотъ Калмыкъ-Тологой и крайнихъ предгорій около Семипалатинска, и оканчивается береговымъ обрывомъ на Восточномъ океанѣ близъ Охотска; простираясь слѣдовательно отъ 98° до 160°

в. д. отъ Ф. (здѣсь каждый градусъ — 9 г. м.), т. е. на 550 г. м. длины (3.850 вер.). При такомъ протяженіи обѣ системы кажутся одна относительно другой продвинутыми въ противуположныя стороны, потому что западная оконечность одной — Мустагъ лежитъ на 8 или 10° западнѣе, нежели западныя предгорія другой около Семипалатинска; и на оборотъ горы около Охотска простираются къ В. на 13° далѣе восточной оконечности Чанъ-бо-Шаня. Восточное продолженіе Алтая простиралось бы и еще далѣе, еслибъ причислять къ нему всю, впрочемъ неоднократно прерванную горную систему, распространяющуюся на В. до Камчатки и Чукотскаго мыса.

Полагая вообще, что такая непрерывность горныхъ системъ возможна, мы избѣгаемъ съ намѣреніемъ въ своихъ спеціальныхъ изысканіяхъ соединенія подъ общими именами отдѣльныхъ ихъ частей, только отчасти намъ извѣстныхъ или совершенно неизвѣстныхъ, потому что наука выигрываетъ черезъ такое соединеніе только кажущееся единство, ведущее чаще къ заблужденіямъ, чѣмъ къ вѣрнымъ общимъ взглядамъ. Въ нашемъ географическомъ изложеніи мы принимаемъ Алтайскую систему въ протяженіи, уже указанномъ А. Гумбольдтомъ, т. е. отъ Иртыша до Охотскаго моря, потому что въ такомъ случаѣ мы дѣйствительно обозначаемъ этимъ именемъ весь сѣверный склонъ и окраину азіятскаго нагорья. Чтоже касается до системы Т'янь-Шаня, мы распространяемъ это понятіе на гораздо кратчайшее протяженіе, отрѣзывая отъ нея совершенно всю восточную ея часть, простирающуюся отъ Инь-Шаня или Гаджара, при сѣверномъ изгибѣ р. Хуанъ-хэ, (Hoang-ho) до Чанъ-бо-шаня и Корейскаго полуострова, какъ потому что она имѣетъ совершенно другой естественный типъ, изученный нами въ первомъ отдѣлѣ, какъ хребетъ южной окраины нагорной степи Гоби, такъ и потому что часть эта уже нигдѣ болѣе не носитъ туземнаго названія Т'янь-Шаня и только кое-гдѣ еще удерживаетъ болѣе общее имя Сюэ-Шань (Siue-Shan т. е. снѣжныхъ горъ). Есть еще и другая причина, заставляющая насъ отдѣлить эту часть, именно та,

что во всей обширной нагорной плоской степи Гоби, на З. отъ изгиба Хуанъ-хэ и меридіана Нинь-хя (Ning-hia) до меридіана Хами (124—112° в. д. отъ Ф.), т. е. на протяженіи 10 до 12° или 100 г. м., высокая горная цѣпь постоянно то прерывается, то совершенно измѣняется. Ось ея хотя и несовершенно сглаживается, но состоитъ изъ абсолютно высокихъ безплодныхъ плоскостей, которыя образуютъ вмѣстѣ съ относительно низкими, часто утесистыми, часто песчаными рядами холмовъ въ самой суровой части Гоби широкій и плоскій хребетъ, продолжающійся вдоль главной оси поднятія Т'янь-Шаня и почти совпадающій съ этою осью.

Существованіе этого перерыва или измѣненія не ускользнуло отъ великаго наблюдателя (3), которому мы обязаны самымъ поучительнымъ обзоромъ внутренней Азіи. Это обстоятельство, также какъ и нѣкоторое измѣненіе въ направленіи всего хребта, далѣе отодвинутаго нѣсколько на Ю., даетъ намъ право ограничить въ нашемъ топографическомъ изложеніи горную систему Т'янь-Шаня болѣе короткимъ протяженіемъ 22° д. (90°—112° в. д. отъ Ф. или 70—92° в. д. отъ П.), т. е. отъ Мустага или меридіана Кашгара до восточной оконечности Т'янь-Шаня при меридіанѣ Хами (Камуля). Даже и въ этомъ тѣсномъ смыслѣ Т'янь-Шаньскій хребетъ имѣетъ до 250 г. м. (1750 вер.) протяженія отъ З. къ В., до того мѣста, гдѣ онъ сглаживается въ нагорной степи Гоби или сливается съ нею, образуя въ своей восточной половинѣ нагроможденный на плоскогоріи хребетъ (Plateau-Gebirge). Совершенно въ другомъ отношеніи къ нагорью находится, какъ намъ кажется, Алтайская система. Она, какъ уже замѣтилъ А. Гумбольдтъ, не можетъ носить во всей длинѣ своей названіе горной окраины, подобно Гималайскому хребту и другимъ, столь же рѣзко выражающимъ этотъ типъ, и только подходитъ подъ это названіе въ своей длинной средней части, лежащей между верхнимъ Иртышемъ, истоками Енисея и вер-

(3) A. v. Humboldt Bergketten Inner Asien's. p. 15.

ховьями Кэрулэна, Онона и Ингоды или верхняго Амура. Дѣйствительно на Ю.-В. и Ю. отъ этихъ верховьевъ возвышаются вездѣ континентальныя массы лежащей за ними центральной Азіи, представляя въ главной оси ея поднятія возвышенія очень значительныя на Ю.-В. къ степи Гоби и менѣе высокія на Ю.-З. къ Хами, Турфану и Кашгару, но все еще не незначительныя абсолютно и въ сравненіи съ низменностями. За то простирающіяся по обѣимъ сторонамъ упомянутой горной окраины крылья Алтайской системы: западное, направленное къ Ю.-З. группамъ озеръ, и восточное—къ рѣчной области нижняго Амура, могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльныя горныя вѣтви цѣлой системы или какъ валъ, окружающій центральное плоскогоріе, отъ котораго онъ отдѣленъ глубокими долинами и широкими плоскостями. Такъ эти крылья отдѣляются на З. отъ плоскогорья углубленною долиною Иртыша, озера Зайсанъ и широкою при-иртышскою степью до углубленной долины Или и озера Балхашъ въ нынѣшней Джунгаріи, а на В. долиною средняго и нижняго Амура, котораго сѣверные сопутствующіе горные хребты нигдѣ не составляютъ горныхъ окраинъ, а представляютъ напротивъ совершенно свободныя съ обѣихъ сторонъ горныя цѣпи.

Послѣ этого общаго обзора переходимъ мы къ точнѣйшему разсмотрѣнію существенныхъ частей обѣихъ системъ и начинаемъ съ болѣе южной, потому что она лежитъ ближе къ центральной Азіи. Система эта впрочемъ мало извѣстна (*) и можетъ порадовать точнаго изслѣдователя менѣе, нежели болѣе сѣверная, которая, будучи изучена въ обширномъ и многостороннемъ объемѣ, требуетъ подробнаго разбора и многочисленныхъ ссылокъ. Обѣ системы играли однакоже одинаково важную роль въ исторіи народовъ и участи Азіи.

(*) Т'янь-Шань былъ въ первый разъ посѣщенъ въ 1857 г. мною. — *Пр. Пер.*

ГЛАВА I.

ГОРНАЯ СИСТЕМА ТЯНЬ-ШАНЯ ИЛИ НЕБЕСНЫХЪ ГОРЪ.

§ 27.

Между истокомъ Сыръ-Дарьи (*), текущей на З. къ Аральскому морю, или меридіаномъ Кашгара на З. и меридіаномъ Хами и Баркюля на В., т. е. на протяженіи 250 г. м., простирается горная система, которую мы узнаемъ отчасти изъ русскихъ, но преимущественно изъ китайскихъ источниковъ и которую обозначаемъ китайскимъ именемъ Т'янь-Шаня (т. е. Небесныхъ горъ) (4), хотя и всѣ другіе древніе народы давали ей на своихъ языкахъ однозначущія имена. Такъ на древне-туркскомъ языкѣ называлась она Тенгри-Тагъ. а на хунискомъ Килянь (Цилянь) или Киломанъ, имена тождественныя по значенію съ китайскимъ (5). Отъ снѣжныхъ вершинъ своихъ горы эти получили еще у китайскихъ авторовъ названіе Сюэ-Шань (т. е. снѣжныхъ) (6). Хребетъ Сюэ-Шань, какъ сказано въ китайскомъ описаніи Джунгаріи, тянется съ В. на З. отъ западныхъ воротъ Великой стѣны Кя-юй-гуань (Kia-yu-kouan) до Яркана и Кашгара на 9,000 ли (675 г. м., что впрочемъ вдвое преувеличено). Онъ составляетъ границу между южными и сѣверными странами. Земли на Ю. отъ него называются Нань-Лу (Nan-lu) т. е. южная дорога; это пространство мы назвали выше

(*) Истоки верхняго Нарына, главной составной вѣтви Сыръ-Дарьи, лежатъ въ меридіанѣ средины озера Иссыкъ-Куля, т. е. гораздо восточнѣе чѣмъ предполагали прежде, уже во внутренности Т'янь-Шаньской системы. — *Пр. Пер.*

(4) A. v. Humboldt. Berg. Inn. As. p. 14.

(5) Deguignes Gesch. d. Hunnen. Th. I. p. 4, 60.

(6) Si-yu-wen-kian-lou въ Timkowsky. Voy. T. I. p. 440 и Klaproth not. 2. ib.

западною дорогою мимо Лобъ-нора въ Кашгаръ или Западный Туркестанъ. Земли же на С. отъ Т'янь-Шаня называются Бэй-лу (Pe-lu) или сѣверная дорога; она ведетъ черезъ Урумчи (Бишбалигъ) въ Тарбагатай и Кульджу на Или, т. е. вдоль страны, лежащей между Т'янь-Шанемъ и Алтаемъ. Здѣсь мы будемъ разсматривать преимущественно послѣднюю изъ двухъ дорогъ т. е. Бэй-лу, между тѣмъ какъ южная—Нань-лу будетъ разсмотрѣна въ подробности далѣе, при описаніи центральнаго нагорья и западной части Гоби.

Самый высшій пунктъ Т'янь-Шаньскихъ или Небесныхъ горъ есть, по всей вѣроятности, треглавая, покрытая вѣчными снѣгами и знаменитая своими чудными растеніями горная группа Богдо-Ола (по монголо-калмыцки Святая гора) (*), отъ которой у Палласа и весь хребетъ получилъ названіе Богдо. Палласъ полагалъ, что эта группа составляетъ центральный узелъ всѣхъ горныхъ системъ внутренней Азіи, отъ котораго во всѣ четыре стороны направляются состоящія въ связи между собою различныя вѣтви (7). Руководствуясь этимъ ложнымъ предположеніемъ (d'un grand assemblage de montagnes ou d'un plateau commun qui maitrise toutes les chaines en hauteur effective etc), великій сѣверный естествоиспытатель, при вновь возникшихъ методахъ изслѣдованія, ошибочно направленный неопредѣленными показаніями туземныхъ номадовъ, полагалъ, что Богдо (Montagne souveraine) связываетъ четыре главныхъ радіуса. Онъ даже перечислялъ двѣ большія и двѣ средней величины цѣпи, представляющія эти радіусы. Послѣднія, по его мнѣнію, были: южный, идущій къ Тибету *Муссартъ* (искаженный Мустагъ) и западный — *Алатау*, простирающійся черезъ низменную степь до Урала. Далѣе окажется въ какой степени должно быть измѣ-

(*) Второе почетное мѣсто, между высшими точками Т'янь-Шаня, безспорно занимаетъ не менѣе величественная группа — Тенгри-Ханъ или Ханъ-Тенгри въ меридіанѣ истоковъ Текеса, посѣщенная мною въ 1857 г. — *Пр. Пер.*

(7) Pallas Observ. s. la format. des montagnes. etc. Act. Acad. Petrop. P. I. 1771 и Erzählung. Soongarischer Kalmucken üb. d. Altai въ Pallas. neue nörd. Beitr. Th. I. 1781. p. 228.

нено это воззрѣніе. Изъ двухъ же большихъ радіусовъ Богдо восточнымъ считаетъ онъ *Хангай* (montagne par excellence), далѣе въ своемъ восточномъ продолженіи между Амуромъ и Хуанъ-хэ принимающій названіе Хингана. Это послѣднее названіе совершенно вѣрно, но употребительно только на В. отъ Гоби, т. е. въ той части, которую уже мы не причисляемъ къ Т'янь-Шаню: названіе же Хангай совсѣмъ не принадлежитъ восточной части Т'янь-Шаньской системы, въ его протяженіи черезъ Баркюль и Хами, но исключительно сѣверо-восточному продолженію Алтайской системы, около истоковъ Селенги, Кэрулэна и Онона. Наконецъ четвертый сѣверный радіусъ Богдо, по мнѣнію Палласа, есть Алтай, простирающійся отъ Богдо рядомъ снѣжныхъ горъ, мимо истоковъ Иртыша, Оби до Амура и слѣдовательно образующій большую дугу на границѣ Сибири. Но новѣйшія караванныя поѣздки (8) (между 48° и 40° с. ш.) доказываютъ что на Ю. отъ Зайсана существуетъ широкая углубленная полоса, загороженная только прерывающимся низкимъ кряжемъ Джунгарскихъ горъ, между озерами Ала-Кулемъ и Кара-талемъ и Кульджею на р. Или (*); даже и гораздо далѣе къ В. нѣтъ никакого слѣда связи между Богдо-Ола и Алтаемъ, и только при истокахъ восточныхъ вѣтвей р. Или, на В. С. В. отъ города Кульджи, начинается первое сѣверное высокое предгоріе Богдо — Эринъ-Хабирганъ. Весь же главный гребень Т'янь-Шаня, котораго восточную высшую группу составляетъ Богдо-Ола, простирается на югѣ отъ долины Или.

Мы привели здѣсь это ошибочное мнѣніе достойнаго естествоиспытателя, потому что оно, въ теченіи цѣлаго пятидесяти-

---

(8) Poutimtsev Voyage (1811) de Boukhtarminsk á Gouldja ou Ili, capit. de la Dzoung. chin. въ Klaproth Magas. Asiat. T. I. p. 175.

(*) Въ сказанной полосѣ пересѣкаются двѣ оси: одна — Эринъ-Хабирганъ простирается отъ В. къ З. съ среднею высотою, я полагаю, не болѣе 4,500 ф.; другая — Джунгарскій Алатау отъ С. В. къ Ю. З. между Алакулемъ и р. Или съ среднею высотою 6,000 ф. Этотъ послѣдній переходитъ линію вѣчнаго снѣга, и главныя его вершины въ истокахъ Лепсы, Саркана, Баскана и Аксу превосходятъ, по измѣреніямъ Шренка, предѣльную высоту 12,000 ф.— *Пр. Пер.*

лѣтія, было источникомъ неисчислимыхъ новыхъ ошибокъ, вкравшихся въ сочиненія почти всѣхъ географовъ и историковъ, писавшихъ объ этихъ странахъ. Еще болѣе способствовало къ тому ложное географическое начертаніе знаменитаго англійскаго картографа Арроусмита, на вышеупомянутой map of Asia, повторившееся въ безчисленныхъ ея снимкахъ, въ которыхъ названіе Богдо по незнанію перенесено на часть большаго Алтая, или лучше сказать оба хребта смѣшаны одинъ съ другимъ и, сообразно съ мнѣніемъ Палласа, приведены въ связь съ Хангаемъ, составляющимъ водораздѣлы верховьевъ Енисея и Селенги. Та же самая ошибка встрѣчается и на всемірной картѣ Арроусмита, всемірной картѣ Рейхарда (Нюрнбергъ 1825), картѣ Азіи Брюэ (1830), Вейландовыхъ листахъ (Веймаръ) и на всѣхъ почти лучшихъ картахъ безъ исключенія, что, во всѣхъ основанныхъ на нихъ выводахъ, чрезвычайно спутало историческія воззрѣнія на естественныя и народныя отношенія государствъ внутренней Азіи. Еслибъ Алтай гдѣ нибудь и находился въ связи съ Т'янь-Шанемъ, то это могло бы быть только на В. отъ истоковъ верхняго Иртыша, и подобный ипотетическій поперечный хребетъ долженъ былъ бы простираться на юго-востокъ (9) черезъ Найманъ-Ола до меридіана Баркюля и Хами, и соединяться тамъ съ сѣверными предгоріями Т'янь-Шаня, но подобное предположеніе можетъ быть только основано на совершенной неизвѣстности этой страны. Поперечный же хребетъ Арроусмита къ юго-западу есть одинъ изъ чисто вымышленныхъ и противорѣчащихъ дѣйствительности призраковъ, созданныхъ картографами. Мы сожалѣемъ, что отрицательная, т. е. критическая сторона нашего обозрѣнія занимаетъ здѣсь почти столько же мѣста, сколько и положительная, потому что наше знаніе Т'янь-Шаньской системы очень незначительно и ограничивается только слѣдующими данными.

9, Al. v. Humboldt Bergk. Inner Asien's l. c. p. 9; Klaproth въ Nouv. Ann. IV. not. p. 297.

Вдоль южнаго склона Т'янь-Шаньской системы, близь южной подошвы его, лежитъ замѣчательный рядъ городовъ центральной Азіи и большая дорога вдоль Си-Юй, надъ которою на сѣверѣ вездѣ возвышается Т'янь-Шань. Положеніе этой дороги опредѣляетъ направленіе Т'янь-Шаня, потому что онъ сдѣлался намъ извѣстнымъ только изъ этихъ пунктовъ его южнаго склона, къ которымъ, какъ къ важнымъ торговымъ мѣстамъ, проложены кое гдѣ пути съ сѣвера, черезъ небольшое число горныхъ проходовъ.

Положеніе этихъ главныхъ пунктовъ позволяетъ намъ оріентироваться на всемъ протяженіи отъ востока къ западу, что было бы совершенно невозможно, еслибъ мы захотѣли руководствоваться въ географическихъ опредѣленіяхъ мѣстъ на западѣ отъ Хами въ Туркестанѣ, совершенно ошибочною картографіею іезуитовъ царствованія Канъ-хи 1772 года, основанною только на маршрутахъ ([10]), и послѣдовавшими ей Данвилевыми картами. Приводимыя же нами опредѣленія астрономическихъ пунктовъ представляютъ только исправленія опредѣленій іезуитовъ Феликса Д'Арока, Эспина и Галлерштейна ([11]), сдѣланныхъ со времени покоренія Джунгаріи въ царствованіе К'янъ-Луня (Цзянъ-Лунь) и нанесенныхъ, по его повелѣнію, на большую 104 листовую карту Китайской Имперіи. Они были уже и прежде сообщены въ таблицѣ, составленной П. Малья ([12]), но очень мало обратили на себя вниманіе публики.

Пункты эти лежатъ отъ З. къ В. въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Кашгаръ* . . .	39°25 с. ш.	71°35′ 30″	в. д.	отъ П.	(71°37′)
2) *Иджанъ* . .	40°30′ —	74°	—	—	
3) *Ушъ-Турпанъ*	41° 3′ —	75°40′	—	—	
4) *Аксу*	41° 9′ —	76°47′	—	—	(80°27′)
5) *Куча*	41°37′ —	80°30′	—	—	(80°35′)

10) P. Gaubil Hist. des Tang въ Mem. conc. l'hist. de Chine T. XVI p. 381 P. 1714. 4.

11) Klaproth Mem. rel. à l'Asie. T. II p. 281 etc.

12) Mailla Hist. gen. de la Chine T. XI p. 575. Posit. des princip. lieux etc.

6) *Харашаръ* . . 42°10′ — 84°50′ } По Гобилю ([13]) съ
7) *Турфанъ* . . 43°30′ — 87°22′ } поправкою по Галлер-
8) *Хами* . . . . 42°53′20″ 93°19′30″ } штейну.

Средняя треть этого пространства между 5. и 7. на С. отъ озера Улугъ-чульдусъ (Ulug-Dschuldus) и Болту-норъ, при Харашарѣ занята главною группою Богда-Ола. Западная треть преимущественно называется Мустагомъ. восточная занята горами Турфана и Хами, а весь хребетъ носитъ названіе Т'янь-Шаня или Небесныхъ горъ. Сѣверная его подошва склоняется совершенно равномѣрно къ значительно углубленной древней Джунгаріи, которая въ настоящее время, послѣ покоренія ея Императоромъ Кянъ-Лунемъ въ 1760, составляетъ сѣверо-западную провинцію Китайской Имперіи. пограничную со стороны русской Сибири и при-иртышскихъ степей, и называется *страною новой границы* ([14]). Здѣсь, въ направленіи отъ З. къ В, приблизительно подъ однимъ и тѣмъ же градусомъ широты, на В. отъ большаго озера Иссыкъ Куля или Темурту-Нора, омывающаго западную оконечность Т'янь-Шаня, расположены, вдоль сѣверной подошвы хребта, города: 1) *Кульджа* на р. Или подъ 42° 48' с. ш. и 80° 28' В. д. отъ П., 2) *Урумчи* или *Бишбалигъ* 43°60' с. ш. 87°1' В. д. отъ П. и 3) *Баркюль* подъ тѣмъ же градусомъ широты но почти въ меридіанѣ Хами при небольшомъ степномъ озерѣ того же имени. Всѣ эти пункты суть вмѣстѣ съ тѣмъ главные города обѣихъ, лежащихъ на С. и Ю. отъ системы Т'янь-Шаня и вновь учрежденныхъ съ половины прошедшаго вѣка при Имп. К'янъ-Лунѣ, пограничныхъ провинцій Китайской Имперіи, получившихъ отъ положенія своего названія Т'янь-Шань-Бэй-лу и Т'янь-Шань-Нань-лу (т. е. провинцій на С. и Ю. отъ Небесныхъ горъ). Одновременно съ учрежденіемъ ихъ, граница собственно Китая (Срединнаго царства) со стороны Шень-си была необыкновенно выдвинута уве-

---

13) P. Gaubil Table des long. et lat. p. 267, 290 въ Souciet observat. mathem. et astr. P. 1729. 4.

14) Timkovsky Voy I p. 314. Descr. du Turkest. oriental.

личеніемъ провинціи Гань-су (Kansu) ([15]) отъ линіи великой стѣны черезъ пограничныя ворота Кя-юй-Гуань (Kia-yu-Kuan) и Шачжеу (Cha-Tcheu), черезъ степь Гоби и Хами до Баркюля и Урумчи, для упроченія точнаго надзора надъ пограничною страною, получившею названіе провинціи Или, и содержанія ея въ повиновеніи, при помощи постоянныхъ почтовыхъ сообщеній и гарнизоновъ. Вотъ все, что мы имѣемъ сказать общаго для руководства читателя; за тѣмъ переходимъ къ изученію частностей.

---

§ 28.

Изложеніе I. *Южный склонъ Т'янь-Шаня съ его отдѣльными частями: Мустагомъ, Бай-шанемъ (Pe-shan) и горами Турфана и Хами.*

1. *Мустагъ* ([16]) *съ его ледянымъ проходомъ.*

Хребетъ этотъ называется также *Муссуръ* т. е. снѣжною или собственно ледяною горою, глетчеромъ; *Муссартъ* есть искаженная форма этого имени, употребляемая новѣйшими писателями очень произвольно для означенія даже другихъ хребтовъ, какъ напримѣръ болѣе южнаго Кунь-Луня; вслѣдствіе совершенно неосновательной германской страсти къ переводамъ географическихъ именъ, названіе Муссартъ было принимаемо за тождественное съ встрѣчаемымъ часто въ Китаѣ Сюэ-Шань (т. е. снѣжныя горы) и вслѣдствіе того перенесено на цѣлый Т'янь-Шань. Мы не преслѣдуемъ въ настоящее время самаго дальняго продолженія Мустага отъ Кашгара къ Самарканду, или, какъ говоритъ Дегинь ([17]),

---

(15) Ab. Remusat въ jour. des Savans 1820. Sept. p. 558 Jd. Coup d'oeil s. la Chine въ nouv. mel. as. T. I p. 48; Klaproth stat. Überbl. d. chin. R. aus orig. Doc. Herthe T. X. p. 284; Timkovsky voy. II. p. 445 etc.

(16) Al. v. Humboldt Bergk. Jnn. Asien's p. 15 и nota 9. Klapr. въ nouv. Ann. IV p. 302.

(17) Deguignes Gesch. der Hunnen Th. I. p. 5.

вдоль Яксарта до Тараза и южнаго соединенія Т'янь-Шаня съ поперечнымъ хребтомъ Болоромъ или Белуръ-Тагомъ, къ области верховьевъ Сыръ-Дарьи, потому что разсмотрѣніе это требуетъ особыхъ точныхъ изысканій, состоящихъ въ связи съ знаніемъ цѣлой западной окраины азіятскаго нагорья, къ которой мы перейдемъ только ниже. Здѣсь достаточно замѣтить вообще, что западная оконечность Мустага непосредственно примыкаетъ къ упомянутому Белуръ-Тагу (т. е. облачныя горы на уйгуро-туркскомъ діалектѣ), и что вслѣдствіе того часть внутренней Азіи, лежащая на Ю. отъ Т'янь-Шаня, дѣйствительно замкнута за Кашгаромъ и Ярканомъ, съ западной стороны, поперечнымъ хребтомъ Болоромъ или Белуръ-Тагомъ, простирающимся съ Ю. на С. отъ Гималаи до Т'янь-Шаня. Часть же внутренней Азіи, лежащая на С. отъ Т'янь-Шаня, не замкнута ничѣмъ, и напротивъ представляетъ открытую террасовидную страну, очень замѣтно понижающуся, довольно хорошо орошенную и переходящую въ обширныя степи, пересѣченныя многими низкими кряжами горъ; страна эта была нѣкогда обитаема многочисленными блуждающими ордами Джунгаровъ.

Мустагъ поднимается на З. отъ Кашгара къ пересѣченію своему съ поперечнымъ Болоромъ до значительной высоты, и вершины его остаются покрытыми снѣгомъ въ продолженіи цѣлаго лѣта. Далѣе же къ В., между Кашгаромъ и западною оконечностью озера Темурту (Иссыкъ-Куля), непосредственно омывающаго сѣверную подошву Мустага, высота эта значительно уменьшается, потому что маршруты, (18) пересѣкающіе Т'янь-Шань въ этомъ мѣстѣ, не упоминаютъ здѣсь о снѣгахъ, столько затрудняющихъ переходы далѣе на В. (*). Русскіе купцы изъ Семи-

(18) A. v. Humboldt въ пр. с. p. 17.

(*) Средняя высота Т'янь-Шаня хотя и колоссальна, но дѣйствительно не превосходитъ здѣсь еще снѣжной линіи, и оба прохода Роватъ или Кошкарь-Даванъ и Зауку не носятъ на себѣ вѣчнаго снѣга, хотя и окружены снѣжными вершинами; снѣжная линія, по моимъ измѣреніямъ, держится здѣсь на сѣверномъ склонѣ Т'янь-Шаня на высотѣ болѣе 11000 ф. Чѣмъ далѣе къ В. тѣмъ болѣе повышается гребень Т'янь-Шаня и въ группѣ Ханъ-Тенгри достигаетъ колоссальной предѣльной высоты.—*Пр. Пер.*

палатинска на Иртышѣ пробирались этимъ путемъ черезъ степи, отдѣляющія Балхашъ отъ Иссыкъ-Куля, и черезъ горы къ Кашгару въ 40 дн. пути. Отъ Нарына, одного изъ верхнихъ истоковъ Сыръ-Дарьи, текущаго на З., по свидѣтельству дневника I, остается 15. г. м. (105 вер.) къ Ю. до довольно высокой горы Роватъ, лежащей между рѣчкою Атъ-башъ и маленькимъ озеромъ Чатыръ-Куль. На дорогѣ есть обширная каменная пещера; гора имѣетъ здѣсь не болѣе 4 часовъ (15 вер.) ширины. Это и есть самый высшій пунктъ Т'янь-Шаня на этомъ пути. Къ С. отъ Нарына, между нимъ и большимъ озеромъ Иссыкъ-Кулемъ, также проходятъ черезъ очень высокую гору Улакъ-Коль, на которую впрочемъ должно смотрѣть какъ на отдѣльное предгоріе Т'янь-Шаньской системы, потому что между нею и горою Роватъ приходится снова спускаться на степную поверхность. На Ю. же отъ горнаго прохода Роватъ на разстояніи 5 дней пути ($23\frac{1}{2}$ г. м. или 165 вер.) до Кашгара встрѣчается только одна гора, на первый день; она впрочемъ не очень высока и можетъ считаться южнымъ предгоріемъ, такъ что вмѣстѣ съ этими двумя рядами предгорій и раздѣляющими ихъ продольными долинами, полная ширина всей горной системы составляетъ здѣсь только $31\frac{1}{2}$ г. м. (220 вер.), а высота не очень значительна. Южная подошва горнаго склона поросла довольно высокими березами; до маленькой рѣчки Аксу, отъ которой еще остается $4\frac{1}{2}$ г. м. (30 вер.) до перваго китайскаго караула пограничной провинціи, да еще $3\frac{1}{2}$ г. м. (25 вер.) до первой китайской деревни Артышъ, а тамъ еще $4\frac{1}{2}$ г. м. до Кашгара, знаменитой столицы этой страны, имѣющей 15,000 домовъ и 80,000 жит. ([19]). Изъ маршрута N⁰ VI, идущаго отъ р. Или, мимо и лѣвѣе озера Иссыкъ-Куль и пересѣкающаго въ 20 г. м. на В. отъ Кашгара туже самую горную цѣпь Мустагъ въ направленіи къ Уши или Ушъ-Турпану, ясно слѣдуетъ, что здѣсь вся мѣстность уже становится гористѣе. На разстояніе 67 г.

(19) По рукописямъ разныхъ татарскихъ купцовъ (N I до X) изъ Семипалатинска см. A. v. Humboldt üb. die Bergk. Inn. As. p. 1—3 и въ пр. с.

м. (470 вер.) отъ Или употребляютъ 15 дней пути, изъ которыхъ первые 6-ть до Иссыкъ-Куля составляютъ половину дороги. Отъ берега озера четыре раза пересѣкаютъ высокія горныя цѣпи. *Первый* день отъ озера $6^1/_2$ г. м. (45 вер) до горы Дунгорома (*), еще омываемой водами озера. Переходъ этой горы продолжается два часа: *второй* день 3 г. м. (20 вер.) на высокую гору Зауку, на переходъ черезъ которую уходитъ вдвое болѣе времени; *третій* 7 г. м. (50 вер.) къ каменной пещерѣ Унгуръ-Ташъ; *четвертый* $3^1/_2$ г. м. (25 вер.) черезъ высокую гору Киликъ-Тайгекъ; *пятый* $4^1/_2$ г. м. (30 вер.) черезъ довольно высокую гору Бедель-даванъ (**); *шестой* 3 г. м. (20 вер.) до р. Талды и еще $3^1/_2$ г. м. (25 вер.) до китайскаго пикета: *седьмой* столько же до Ушъ-Турпана, который не должно смѣшивать съ большимъ китайскимъ торговымъ городомъ Турфаномъ, лежащимъ въ 40 дн. пути далѣе къ В. Этотъ Ушъ ([20]), процвѣтавшій еще во времена Джунгаровъ, послѣ покоренія ихъ въ 1775 году, получилъ названіе Юнъ-Минъ (Yong-ming) и сдѣлался резиденціею китайскаго пограничнаго гарнизоннаго начальника, котораго округъ простирается за Аксу и далѣе къ С. В. до ледяныхъ горъ. Городъ непосредственно прислоненъ къ горамъ и имѣетъ только 600 жит.

Однимъ градусомъ долготы далѣе къ В. лежитъ гораздо болѣе извѣстный городъ Аксу, съ 6,000 домовъ, очень важный рынокъ; въ немъ бываетъ съѣздъ торговыхъ каравановъ изъ от-

---

(*) Эта Дунгорома есть какое нибудь недоразумѣніе. Ни горы этого имени, ни вообще горы, непосредственно омываемой водами озера, я не нашелъ на южномъ берегу Иссыкъ-Куля. Только вправо отъ дороги, діагонально поднимающейся къ Ю. З. на Т'янь-Шань и къ долинѣ р. Зауку, остается плоскій и низкій холмъ Оргочоръ, за которымъ плоская коса Кара-Булунъ, служащая его продолженіемъ, дѣйствительно вдается въ озеро, но пологій подъемъ между подножіемъ Т'янь-Шаня и Оргочоромъ никакъ не можетъ считаться горнымъ проходомъ.—*Пр. Пер.*

(**) Горный проходъ Зауку есть высшій пунктъ всей дороги; оттуда спускъ въ продольную Нарынскую долину. Проходъ Бедель представляетъ южную параллельную цѣпь Т'янь-Шаня, и какъ кажется ниже Заукинскаго прохода.—*Пр. Пер.*

(20) Descr. de la Dzoung. и Si-yu-wen-kian-lu въ Timkovsky Voy. T. I. ch. XI. p. 399.

даленнѣйшихъ мѣстъ и происходитъ значительный таможенный сборъ. Китайскій Анбань, въ полковничьемъ чинѣ, пребываетъ въ Аксу для повѣрки паспортовъ; также квартируетъ здѣсь 3000-ный гарнизонъ, потому что къ С. отсюда лежитъ главный проходъ черезъ Мустагъ и его ледяныя вершины. Въ меридіанѣ Аксу (21) главный снѣжный хребетъ уже повышается снова.

Маршрутъ X, подтверждающій прежнія распросочныя свѣдѣнія Фалька (22), приводитъ насъ изъ Кульджи (или Курэ) на Или, въ упомянутый Аксу въ 15 дн. пути (57 г. м. или 400 вер.); онъ представляетъ слѣдовательно путь болѣе восточный, чѣмъ оба предъидущіе (Маршр. I и VI) (*), и упоминаетъ о покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ ледяныхъ горахъ на полупути отъ лежащаго къ С. отъ китайскаго пикета Хань-чжеу-ло (Khandscheilo) теплаго ключа Арассанъ (**), къ китайскому форпосту Тамга-Ташъ. Отъ Кульджи 8 дней пути ($20\frac{3}{4}$ г. м. или 145 вер.) до переправы черезъ р. Текесъ, которая, по свидѣтельству Фалька, направляется длинною дугою отъ З. къ С. В. и есть коренная вѣтвь р. Или; послѣднее названіе принимаетъ она уже послѣ совершеннаго своего поворота на З. Отъ переправы черезъ Текесъ къ Ю. до Джепарле 4 дня пути (10 г. м.=70 вер.). *Первый* $1\frac{1}{3}$ г. м. (10 вер.) къ пикету Шату; *второй* $2\frac{1}{4}$ г. м. (15 вер.) къ теплому ключу Арассанъ; *третій* $3\frac{1}{2}$ г. м. (25 вер.) къ пикету Хань-чжеу-ло; *четвертый* 3 г. м. (20 вер.) къ такъ называемымъ ледянымъ горамъ, простирающимся далеко вправо и влѣво отъ дороги и представляющимъ также и не малую ширину, потому что переходъ черезъ ихъ гребень составляетъ 2 г. м. (15 вер.). Въ маршрутѣ замѣчено, что подлѣ самой дороги, на этихъ горахъ расположены развалины старыхъ гробницъ, о ко-

(21) Al. v. Humboldt Bergk. Inn. As. p. 18.

(22) Falk Beitr. z. topog. Kent. d. Russ. Reich. 1785 4. T. I p. 396.

(*) Между Заукинскимъ и этимъ Муссартскимъ горными проходами есть еще два чрезвычайно затруднительные и мало посѣщаемые: Кайчи и Гоэлю. Между Гоэлю и Муссартомъ возвышается исполинская группа Тенгри-Ханъ или Ханъ-Тенгри, питающая ледники Муссарта.—*Пр. Пер.*

(**) Всѣ теплые ключи Джунгаріи называются Арассанами.—*Пр. Пер.*

торыхъ впрочемъ не сообщено никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній (*). Отъ упомянутыхъ снѣжныхъ горъ до Аксу еще 3 дня пути ($26^1/_2$ г. м. = 185 вер.): *два первые* 4 г. м. (30 вер.) черезъ ключъ Бота-Мусъ до китайскаго форпоста Тамга-Ташъ; *третій* 2 г. м. (15 вер.) до горы Теректы, впрочемъ невысокой и остающейся на В. отъ дороги; *четвертый* 3 г. м. (20 вер.) до пикета Каинды; *пятый* 2 г. м. (15 вер.) до пикета Турпа-гадъ; *шестой* $5^3/_4$ г. м. (40 вер.) до горъ Арбадъ съ ломками каменной соли; горы эти простираются по обѣимъ сторонамъ дороги и имѣютъ $1^1/_2$ г. м. (10 вер.) ширины. Здѣсь преодолѣны всѣ трудности; на *седьмой* день въ $3^1/_2$ г. м. (25 вер.) караваны приходятъ къ деревнѣ Кызылъ-Су; на *восьмой* къ деревнѣ Шеланчи и наконецъ на *девятый* въ г. Аксу.

Этотъ маршрутъ даетъ намъ опредѣленнѣе предъидущихъ положеніе знаменитаго *ледянаго гребня*, которому, сообразно съ точнѣйшими описаніями китайцевъ, мы можемъ дать названіе *прохода ледниковъ* близъ Аксу черезъ Т'янь-Шань. Отъ слова *муссъ*, *муссаръ*, что на турко-татарскомъ языкѣ значитъ ледъ (слово это съ предшествующею буквою *и* послужило, по мнѣнію Штраленберга ([23]) и Дегиня, для составленія древняго названія Имаусъ) произошло названіе Мусъ-Тагъ, соотвѣтствующее китайскому Сюэ-Шань и сдѣлавшееся на всѣхъ турко-татарскихъ языкахъ общимъ именемъ описываемаго хребта, какъ напр. въ запискахъ султана Бабера и у Абульгази ([24]). Такъ какъ впрочемъ именемъ Сюэ-Шань означались и

(*) Судя по названію станціи Тамга-Ташъ, что значитъ печатные камни или камни съ надписями, можно заключить съ опредѣленностью, что эти памятники находятся при станціи Тамга-Ташъ и что надписи ихъ тибетскія, потому что этимъ только надписямъ киргизы и мало-бухарцы даютъ названіе печатныхъ камней. Слѣдовательно памятники эти не очень древни; они принадлежатъ цвѣтущимъ временамъ Джунгаріи. — *Пр. Пер.*

(23) Strahlenberg N. und O. Europa u. Asia. Stokh. 1530. 4. p. 327; Deguignes Gesch. d. Hunnen Th. I. p. 4.

(24) Mem. of. Baber Emp. of. Hindost. tr. by Erskine. Lond. 4. 1825. Introd. P. I. p. XVIII; Abulgasi Hist. gén. des Tatares Leyde. 1726. 8. p. 388. Not.

другія снѣжныя горы, напр. Белуръ-Тагъ, Кунь-Лунь и Гималая, то мы выбрасываемъ его изъ географической номенклатуры. Муссуръ-Тагъ, по Клапроту, есть самое вѣрное означеніе той части хребта, которой, по выраженію китайскаго географа ([25]), ледники придаютъ видъ серебряной массы. На С. отъ этой части хребта лежитъ почтовая станція Гахча-Кархай, на Ю. Тамга-Ташъ или Терме-Хада; обѣ расположены въ 9 г. м. (120 ли) другъ отъ друга. Къ Ю. отъ первой станціи, передъ взоромъ путника разстилаются обширныя снѣжныя поляны, очень глубокія зимою. Лѣтомъ на вершинахъ встрѣчаются снѣгъ, ледъ и болотистыя мѣста. Люди и животныя движутся по тропинкѣ, надъ обрывомъ; всякій же, кто по неосторожности углубляется въ снѣжныя поляны, погибаетъ безвозвратно. Послѣ 3 часовъ пути (20 ли) путешественники доходятъ до глетчера, гдѣ уже нѣтъ ни деревьевъ, ни травы, ни песку. Исполинскіе пики и зубцы наваленныхъ одна на другую ледяныхъ массъ, съ пустыми непроницаемыми для свѣта трещинами, поражаютъ взоръ путника. Шумъ воды, текущей подо льдомъ, уподобляется раскатамъ грома. Скелеты вьючныхъ животныхъ—верблюдовъ и лошадей—разбросаны повсюду на поверхности. Для облегченія пути пробиты во льду ступени; но онѣ очень скользки и каждый шагъ по нимъ опасенъ. Нерѣдко путники находятъ свою смерть на этихъ обрывахъ. Люди и животныя пробираются здѣсь въ страхѣ, рядомъ другъ за другомъ, и, будучи застигнуты ночью, могутъ искать убѣжища только подъ огромными скалами. Въ тихія ночи слышатся здѣсь чудные, но наводящіе ужасъ, мелодическіе звуки; это эхо растрескивающихся ледяныхъ массъ. Лучшая дорога дѣлается неудобною на другой день. Это и есть горный проходъ Муссуръ-Даванъ т. е. проходъ ледниковъ (отъ слова *дабанъ* на монгольскомъ, *даванъ* на восточно-туркскомъ и *дабаханъ* на маньчжурскомъ, что значитъ не гора, а проходъ).

(25) Si-yu-wen-kian-lou въ Timkov. Voy. T. I. p 441, i. Klaproth. Not. 9. въ Nouv. Ann. IV. p 302.

*

Животное, по природѣ своей стоящее между волкомъ и лисицею (*). обитаетъ на этихъ высотахъ; по раннему утреннему его слѣду можно всегда найти потерянную дорогу. Сѣрые орлы своимъ крикомъ также наводятъ на настоящій путь заблудившагося странника; такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ китайцы, присовокупляя впрочемъ, что эти животныя только по тому служатъ путеводителями, что питаются трупами и костями, разбросанными по дорогѣ. Еще китайцы упоминаютъ о небольшой птицѣ *чакэу* (26); это родъ скворца, величиною не болѣе перепелки, съ краснымъ клювомъ и красными лапками (подобно альпійской воронѣ). Птицы эти летаютъ большими стаями въ глетчерахъ и, какъ утверждаютъ китайцы, кладутъ въ ледъ свои яйцы, которыя растрескиваются отъ холода, а дѣтеныши ихъ вылупляются безъ всякой помощи.

Другихъ обитателей на этихъ высотахъ не существуетъ (**). На З. въ нѣкоторомъ отдаленіи видна гора съ крутыми обрывами, покрытыми ледниками, черезъ которую до сихъ поръ перейти не было возможно (***). Въ 6 г. м. (80 ли) отсюда лежитъ почтовая станція Тамга-Ташъ (отъ *Ташъ* по Киргиз. камень и *Тамга*—печать, клеймо) или Терме-хада (отъ *хада* по Калмыцки скала и *терме* — юрта), окруженная скалами. Муссуръ-Голъ, т. е. ледяной потокъ, съ страшною силою пробивается изъ подъ льда и течетъ на ю.-в. въ Эргэу, впадающій въ озеро Лобъ. Въ 4-хъ дняхъ пути къ ю. отъ почтовой станціи простирается уже сухая равнина, на которой не произрастаетъ ни одно растеніе. На первыхъ 6 или 7 миляхъ этого пути попадаются безпрестанно огромныя скалы, между которыми однако же могутъ пастись стада. Комендантъ Уша посылаетъ сюда

(*) Это не шакаль, какъ то предполагалъ Риттеръ, а вѣроятно альпійскій волкъ (Canis alpinus).—*Пр. Пер.*

(26) Timkowsky Voy. T. I. p. 413.

(**) Я встрѣчалъ еще на ледникахъ Тянь-Шаня архаровъ (Ovis argali) и дикихъ козъ (Antilope) въ такомъ множествѣ, что пометъ ихъ служилъ намъ топливомъ на безлѣсныхъ вершинахъ.—*Пр. Пер.*

(***) Это и есть вѣроятно вершина Тенгри-Хана или Ханъ-Тенгри, которую я назвалъ Гумбольдтовымъ пикомъ.—*Пр. Пер.*

ежегодно одного изъ своихъ офицеровъ для принесенія жертвъ генію ледника: нужная для этого форма молитвы присылается изъ пекинскаго духовнаго трибунала.

Каждое утро десять человѣкъ высѣкаютъ ледяныя ступени на проходѣ ледниковъ для удобнаго подъема и спуска. Иногда путникъ находитъ ледъ столь размягченнымъ подъ своею ногою, что проваливается и погибаетъ безвозвратно. Магометане малой Бухаріи имѣютъ обыкновеніе приносить передъ переходомъ ледника въ жертву одного барана. Снѣгъ падаетъ здѣсь круглый годъ, а дождя никогда не бываетъ. Гора эта совсѣмъ не единственная въ своемъ родѣ: по всему гребню Т'янь-Шаня слѣдуя вдоль него, можно встрѣтить ледъ, но если пересѣкать этотъ гребень поперегъ отъ Ю. къ С. то ширина ледянаго пространства не превзойдетъ нѣсколькихъ ли.

Свѣдѣнія, собранныя русскимъ академикомъ Фалькомъ (27) въ Джунгаріи объ этомъ горномъ проходѣ, изданныя только по смерти его І. Я. Георги, впрочемъ довольно неясныя, согласны въ существѣ своемъ съ изложеннымъ и только поясняются симъ послѣднимъ. Фалькъ слышалъ отъ Калмыковъ, называвшихъ гребень этотъ постоянно Муссартомъ, что на немъ находятся горы покрытыя снѣгомъ по причинѣ ихъ значительной высоты, но что тамъ есть также множество разрушенныхъ и развалившихся горъ и слѣды вулкановъ. Дорога отъ Или, по ихъ разсказамъ, ведетъ вдоль рѣки Муссартъ, т. е. ледянаго ручья, черезъ водораздѣлъ, называемый Бухарцами Аиръ-галь т. е. лошадиная грива. Горныя рѣки уносятъ съ собою золотой песокъ, который служитъ Бухарцамъ для платежа дани; первую снѣжную гору отъ Хоргоса на Или Фалькъ называетъ Китененъ: высокую же гору, которую переходятъ на 4-й день пути, называетъ онъ Шату, бухарскій городъ на 7-мъ днѣ пути передъ спускомъ въ долину Аксу—Харьасволь. Высокія горы покрыты преимущественно: красными и черными елями,

(27) Falk Topogr. Beitr. T. I. p. 380, 392.

березами, осинами, ивами, розами, рябинами, вишнями и фисташковыми деревьями, но пихтъ и ольхи никто изъ путешественниковъ не видалъ (*). Каждая изъ значительныхъ горъ имѣетъ свое названіе; нѣкоторые изъ снѣжныхъ бѣлковъ (альповъ) носятъ слѣдующія названія: Ханасъ, Собокъ-Тау въ верховьяхъ Или, Бара-Обкотъ, Яманъ-Обкотъ, Эра-Хабирга-Тау и. т. д. Общее же названіе ихъ у Калмыковъ и Киргизовъ Алакъ-Ауль, потому что вслѣдствіе отчасти растаявшихъ и отчасти уцѣлѣвшихъ снѣговъ они кажутся пестрыми (Алакъ-Ауль значитъ пестрая грива). Фалькъ слышалъ даже объ узкихъ разрушающихся трещинахъ ледниковъ, а такъ какъ при этомъ ему о льдѣ не упоминали, то онъ попалъ на ошибочную мысль, что причиною этого растрескиванія горъ были вулканы и землетрясеніе, въ слѣдахъ которыхъ здѣсь впрочемъ нѣтъ недостатка.

II. *Вулканъ Бай-Шань (Pe-Shan) на С. отъ Ку-ча.*

На В. отъ упомянутаго Муссуръ-Давана или прохода ледниковъ Аксу въ горной системѣ Т'янь Шаня, которая уже съ VI вѣка была здѣсь извѣстна подъ частнымъ именемъ Бай (28) или бѣлыхъ горъ, подъ 42° 25′ с. ш., вѣроятно на сѣверномъ ихъ склонѣ, на 3° къ В. отъ озера Иссыкъ-Куль (Темурту) уже съ древнѣйшихъ временъ поднялся вулканъ, извѣстный у Китайцевъ подъ названіемъ Бай-шань (бѣлая гора) и именуемый также Аги (по мнѣнію Висделу огненная гора).

Висделу, Фалькъ и Сиверсъ (29) первые обратили вниманіе на этотъ предметъ; въ нашемъ землевѣдѣніи (Erdkunde 1-е Aufl. 1817 Th. I p. 461, Th. II p. 560—562) уже дав-

---

(*) Напротивъ въ Т'янь-Шанѣ я не встрѣчалъ никакого другаго хвойнаго лѣса кромѣ пихты (Picea Schrenkiana); березъ, осинъ, рябинъ, ивъ очень много; вишневое же и фисташковое дерево разводятся въ Илійской долинѣ и въ малой Бухаріи только въ садахъ, вѣроятно не выше 3000 ф. абс. выс.—*Пр. Пер.*

(28) Gaubil His. Thang въ Mem. T. XIV. p. 390.

(29) Visdelou Suppl. bibl. orient. fol. 1780. p. 137, 138, 140 etc.; Falk Topogr. Beitr. Th. p. 381, Sievers in Pallas. N.N. Beitr. VII p. 327. etc.

но были изложены показанія ихъ объ этомъ далеко распространенномъ по средней Азіи замѣчательномъ явленіи природы, до тѣхъ поръ еще не обратившемъ на себя вниманіе ученаго міра. Съ тѣхъ поръ землевѣдѣніе обязано ученымъ знатокамъ китайской и восточно-азіятской литтературы точными изысканіями ([30]), заимствованными изъ оригинальныхъ источниковъ, и все что было прежде компиляціею и гипотезою, возвысилось нынѣ до истины, благодаря великому естествоиспытателю Кордильеровъ и сдѣлалось предметомъ важныхъ соображеній ([31]) и новыхъ будущихъ изслѣдованій.

Упомянутый вулканъ у древнихъ Китайцевъ извѣстенъ подъ названіемъ Бай-Шань, бѣлой горы (Montblanc), не извѣстно отъ вѣчнаго ли снѣга, покрывающаго его вершины, что могло бы опредѣлить наименьшую изъ возможныхъ его высотъ, или отъ вывѣтрившихся солей, пемзы и вулканическаго пепла, отъ которыхъ онъ заимствовалъ свѣтлый свѣтъ свой. Названіе Аги, по замѣчанію Боппа, не есть настоящее санскритское слово, означающее огненную гору (огненная гора—Агни-Гири): но корень *аг*, въ словѣ Аги, на другихъ индѣйскихъ нарѣчіяхъ означаетъ огонь (на индустанскомъ *аг*, на маратскомъ *аг* на пенджабскомъ *аги*: это есть также корень санскритскаго *агни*, бенгальскаго—*агунь*, русскаго—*огонь*, латинскаго ignis, по Клапроту) и вмѣстѣ съ другими обстоятельствами наводитъ на мысль, что индѣйскія колоніи, которыя еще задолго до Р. Х. были поселены въ Хотанѣ ([32]) и другихъ земляхъ у подошвы Т'янь-Шаня, ввели вмѣстѣ со многими другими именами въ употребленіе и это названіе огненной горы. На туркскихъ нарѣчіяхъ Бай-шань

(30) Ab. Remusat Mel. asiat. T. I. 1825. p. 209. и journ. Asiat. T. V. 1814. p. 44; Klaproth. Tabl. hist. de l'Asie 1826. 4. p. 110 Not.; id. Mem. rel. à l'Asie T. II. p. 357.

(31) Al. v. Humboldt Bergk. u Vulcan. Inn. Asien's p. 332; Klaproth. Nouv. Ann. IV Not. 13 p. 306-310.

(32) Hist. d. l. ville de Khotan. Pref. XV. p. 33, 36, 38; id. Remarq. s. l'extens. de l'emp. chin. du coté de l'occid. 1825. 4. p. 11. изъ Pian-i-Tian l. XLIII. p. 2.

называется и донынѣ Эшикъ-башъ (Эшикъ—сайга, Башъ—голова). Онъ лежитъ на С. отъ города Куча въ 15 г. м. (200 ли.) къ З. отъ Ханъ-Тенгри, составляющаго часть Т'янь-Шаня (отъ него вѣроятно вся цѣпь получила названіе Тенгри-тага). Гора Бай-Шань очень велика и на ней до сихъ поръ собирается много сѣры и нашатыря. Изъ нея беретъ начало р. Эшикъбашъ-голъ, протекающая къ Ю. отъ Куча и впадающая, послѣ 15 г. м. (200 ли) теченія, въ большую рѣку Эргеу (Эргюль), текущую на В. Гора эта принадлежитъ къ той высокой группѣ, которая во времена династіи Вэй (въ III в.) составляла сѣверо-западную границу царства Куча (тогда Гуй-Цзы), и въ которой нашли первое убѣжище блуждающіе сѣверные Хунну, оттѣсненные Китайцами силою съ Хуанъ-хэ, Инь-Шаня, въ I в. послѣ Р. Х; здѣсь по усталости стадъ своихъ кочевали они нѣкоторое время подъ именемъ Юэ-бо (Уне-рао, Уне-рап) ([33]) пока не удалились еще далѣе на З. къ Улутау.

При этомъ случаѣ уже въ 92 году по Р. Х. Китайскія лѣтописи упоминаютъ о Бай-шанѣ, какъ о Хо-шанѣ т. е. огненной горѣ или вулканѣ, лежащемъ на С. отъ города И-ло-ло (Иро-ло, Илоръ или Ироль т. е. Куча) ([34]), тогдашней резиденціи Государя земли Гуй-Цзы; гора эта постоянно выбрасывала огонь. Бай-шань былъ слѣдовательно и тогда пылающимъ дѣйствующимъ вулканомъ, какъ современникъ его Везувій сдѣлался таковымъ незадолго передъ тѣмъ въ царствованіе Имп. Тита (79 г. по Р. Х.). Въ началѣ VII в. исторія династіи Суй повѣствуетъ также, что на этой горѣ, называемой Аги-Шань, собираютъ нашатырь. Въ исторіи дин. Т'анъ при описаніи западныхъ странъ она названа Аги-Т'янь-Шань т. е. горою огненныхъ полей (campi phlegraei). Что Бай-Шань былъ тогда дѣятельнымъ вулканомъ подтверждаетъ намъ интересное сказаніе VII в., въ которомъ мы находимъ самыя точныя о немъ данныя. Бай-Шань,

(33) Klaproth Tabl. hist. de l'Asie p. 111.
(34) Gaubil Hist. des Tang въ Mem. T. XVI p. 388.

говоритъ лѣтопись, возвышается въ 15 г. м. (200 ли) на С. отъ Куча́ (Гуй-цзы) и выбрасываетъ непрерывно огонь и дымъ, отчего и образуется нашатырь. Съ одной стороны огненной горы (Хо-шань) всѣ камни горятъ, плавятся и текутъ на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути; расплавленная масса, которая, по выраженію лѣтописи, течетъ подобно жидкому салу, твердѣетъ при охлажденіи. Жители употребляютъ ее (т. е. соли, вывѣтривающіяся на поверхности лавы) какъ врачебное средство въ болѣзняхъ; здѣсь есть также и сѣра.

Въ 1025 и нѣкоторыхъ другихъ годахъ, исторія династіи Сунъ между предметами, платимыми властителями Хотана въ дань Китаю, упоминаетъ о нао-ша (по персидски нушадѐръ) ([35]), т. е. нашатырѣ, добываемомъ изъ вулканическихъ трещинъ и пещеръ, между прочимъ и того вулкана, который Аб. Ремюза называетъ Акъ-тагомъ или огненною горою Бишбалига, потому что во времена Хунну обширная страна Урумчи до р. Или и Тарбагатайскаго хребта, къ С. отъ Небесныхъ горъ, носила это названіе Бишбалигъ.

Даже и теперь одна гора къ Ю. отъ р. Или, по свидѣтельству Бухарцевъ, добывающихъ въ ней нашатырь, такъ богата этою солью, что жители окрестной стороны платятъ еще дань Китайскому Императору нашатыремъ, какъ 800 л. тому назадъ. О способѣ добыванія этого естественнаго произведенія находимъ мы въ вышедшемъ въ 1777 году въ Пекинѣ описаніи внутренней Азіи слѣдующее: провинція Ку-ча́ богата мѣдью, селитрою, сѣрою и нашатыремъ. Сей послѣдній добывается въ нашатырной горѣ ([36]), лежащей къ С. отъ Ку-ча̀ и наполненной пещерами и трещинами. Весною, лѣтомъ и осенью изъ этихъ отверстій выходитъ огонь, такъ что ночью вся гора кажется освѣщенною тысячью свѣтильниковъ. Никто не можетъ тогда къ ней приблизиться. Только зимою, когда снѣгъ утушаетъ огонь, ту-

(35) Hist. d. l. ville de Khotan. p. 91.
(36) Timkovsky Voy. T. I. p. 399.

земцы отправляются на собиранiе нашатыря. Соль эта находится въ пещерахъ въ видѣ сталактитовъ и потому собирать ее довольно трудно. Городъ Ку-чà, въ которомъ живетъ до 1000 семействъ, есть главный рынокъ для продажи этой соли.

Древнее названiе идущаго на разныя употребленiя, и между прочимъ у туземцевъ при приготовленiи кожи, —нашатыря, который былъ извѣстенъ въ торговлѣ подъ именемъ татарской соли (sel de Tartarie, также sel armeniac, откуда и sel ammoniac), должно было уже гораздо ранѣе обратить всеобщее вниманiе на его мѣсторожденiе (*).

III. *Богдо-Ола и искуственная дорога черезъ продолженiе Эринъ-хабиргана.*

Кромѣ выше-приведенныхъ примѣчанiй, имя это остается для насъ малоизвѣстнымъ. Богдо на В. отъ Бай-шаня поднимается до значительной высоты, отъ которой она и получила свое названiе владычествующей ([37]) или возвышенной горы, потому что ола, ула по монгольски и калмыцки значитъ гора, а Богдо—владычествующiй, отсюда Богдо-Ханъ, т. е. высшiй, верховный Ханъ, титулъ Китайскаго Императора, а три Богдо-лама—tres Augusti. Богдо-Ола имѣетъ также значенiе святой, всемогущей горы. Всякiй Хунну, говоритъ китайскiй историкъ ([38]), при переходѣ этихъ горъ, сходилъ съ коня на ихъ вершинѣ и приносилъ молитву. Отсюда также туркское имя Тенгри-Тагъ—божьи горы, или Хатунь-Богдо, т. е. величественная гора царицы и. т. д. Какъ высокiй снѣжный хребетъ, называется она также Эринъ-Хабирганъ, Эленъ-Хабирга; у Фалька—Эра-Хабирга-Тау. Никѣмъ не посѣщенная цѣпь эта простирается къ С. отъ озеръ Улугъ-Чульдусъ и Харашаръ и направляется мимо ихъ на В. до Турфана. На этомъ протяженiи мы не знаемъ ни одного гор-

(*) Я самъ имѣлъ случай видѣть на Кульджинскомъ рынкѣ нашатырь и сѣру, добываемые изъ Тянь-Шанскихъ предгорiй.—*Пр. Пер.*

(37) Pallas. R. Reis. Th. III. p. 667; Id. N. N. Beitr. I p. 223.

(38) См. Msc. изъ Kuang-yu-ki. ст. изд. въ Берл. Корол. библ. перев. Д-мъ Шоттомъ.

наго прохода, который бы велъ съ Ю. къ С., и вѣроятно хребетъ здѣсь никогда не былъ проходимъ, а можетъ быть и совсѣмъ неприступенъ. Только сѣверное его предгоріе, простирающееся на В. отъ р. Или къ С. между Кульджею и озеромъ Кара-Таль (или Боро-Тала) подъ 44° с. ш, пересѣкается большою дорогою (39) изъ Чугучака въ Кульджу. Но здѣсь Эринъ-Хабирганъ—такъ называетъ его дневникъ русскаго каравана,—потерялъ свою снѣжную природу. Онъ утрачиваетъ свою высоту и переходитъ понизившимися, хотя еще значительными развѣтвленіями въ горы Канжига и Тохто на С. къ Ала-Кулю, и въ Алатау. на С. З. къ промежутку между Ала-Кулемъ и Балхашемъ. Поперечный же горный проходъ черезъ хребетъ важенъ тѣмъ, что здѣсь сталкиваются: большая Пекинская дорога, идущая съ В. по сѣверной сторонѣ Т'янь-Шаня въ военную пограничную привинцію Или, и сѣверная русская караванная дорога, идущая изъ Семипалатинска мимо озера Зайсанъ черезъ Чугучакъ также въ Или. и именно на Кульджинскій рынокъ. Первая ихъ этихъ дорогъ обходитъ Богдо-Ола потому что перейти черезъ нее не возможно.

Упомянутый проходъ черезъ Эринъ-Хабирганъ (*) пробитъ однакоже исскуственно съ помощью пороховыхъ взрывовъ. Онъ лежитъ въ 4 или 5 дняхъ пути къ С. отъ Кульджи (по маршруту V отъ р. Боротала до Кульджи считается 18 г. м., т. е. 130 вер.) (40). Сѣверныя предгорія хребта склоняются къ богатой пастбищами киргизской степи. черезъ которую, къ С. З. отъ озеръ Боротала и Ала-Куль и къ З. отъ Чугучака простирается невысокій горный хребетъ Тарбагатай (**). Онъ служитъ границею между Россіею и Кита-

(39) Poutimstev Voy. de Boukhtarminsk à Gouldja ou Ili capit. de la Dzoungarie chinoise 1811 въ Mag. Asiat. 1826 T. I. p. 104.

(40) Рукопис. маршр. См. выше.

(*) Все продолженіе Эринъ-Хабиргана на З. отъ Кульджинскаго меридіана не носитъ на себѣ вѣчнаго снѣга, а упомянутый горный проходъ Талки, который мнѣ удалось только видѣть издали, не превышаетъ я полагаю 5000 ф. абс. выс.—*Пр. Пер.*

(**) Тарбагатай принадлежитъ напротивъ къ числу высокихъ хребтовъ, потому что предѣльная высота его въ горѣ Тастау достигаетъ, по тригонометрическому измѣренію Ѳедорова, 8868 П. ф. См. Humboldt Central Asien üb. v. Mahlmann. Berl. 1844. T. I. p. 344.—*Пр. Пер.*

емъ, и есть послѣдній изъ сколько нибудь значительныхъ хребтовъ съ этой стороны. Если слѣдовать къ Ю. отъ упомянутаго Чугучака съ караваномъ мимо восточнаго берега Ала-Куля, черезъ китайскій пограничный округъ и его караулы, то первая изъ встрѣчаемыхъ значительныхъ горныхъ цѣпей, простирающаяся по равнинѣ отъ В. къ З. есть Канжига: на сѣверо-восточномъ склонѣ ея беретъ начало р. Боротала, текущая къ В. Гора, изъ которой вытекаетъ эта рѣка, называется Кукэ-Тау: рѣка на мѣстѣ переправы не глубока, но имѣетъ уже 300 ф. ширины, точно также какъ Или, собирающая свои притоки съ Ю. З. склона этого водораздѣла. У переправы черезъ Боротала и подошвы горнаго прохода расположенъ караулъ. Кругомъ растутъ тополи, березы, липы и черемуха, доставляющіе прекрасный строевой лѣсъ: слѣдовательно положеніе этой мѣстности не можетъ быть слишкомъ возвышено. Здѣсь обитаютъ Калмыки. Отсюда простирается на 1 1/3 мили (9 вер.) небольшая равнина; далѣе дорога идетъ черезъ ущелье горъ Канжига до текущей съ нихъ къ Ю. рѣки того же имени, которая въ своемъ извилистомъ теченіи направляется на В. къ р. Боротала (Караталь). На высотахъ почва довольно камениста, въ ложбинахъ растутъ березы, тополи, ивы, боярокъ, сагай, желтое дерево (Сара-агачь) (*). Гора Канжига, по свидѣтельству маршрута, довольно высока, простирается далеко отъ В. къ З., и при переходѣ имѣетъ 1 1/2 мили (10 вер.) ширины. Дорога поднимается къ Ю. по р. Канжига до ея истока на вершину круто падающаго къ С. горнаго прохода. Гораздо положе южный его склонъ ([41]), потому что онъ обращенъ къ плоскогорію: это есть постоянный типъ всѣхъ принадлежащихъ къ этой системѣ горныхъ окраинъ. У подошвы горы лежитъ соленое озеро Сайрамъ-Куль въ 3 г. м. (20 в.) длины и 2 (15 в.) ширины: на берегу его расположенъ Китайскій караулъ, въ которомъ есть таможенные чиновники. На озерѣ построена также деревня Чаганъ-Сумэ (бѣлый храмъ), состоящая изъ 20 домовъ, которыхъ жи-

---

(*) Я полагаю Berberis heteropoda Schr.—*Пр. Пер.*
(41) Poutimtsev. Voy. l. c. p. 105.

тели содержатъ постоянные дворы для проѣзжихъ торговцевъ и дровосѣковъ, находящихъ богатую добычу въ ближайшихъ нагорныхъ лѣсахъ. На одномъ изъ этихъ дворовъ угощали проѣзжавшаго здѣсь Путимцева чаемъ. Кочующіе около озера Монголы (изъ племени Чахаръ) вырыли здѣсь колодцы, доставляющіе прекрасную воду. Горы Эринъ-Хабирганъ доходятъ до этого озера, образуя здѣсь высокое предгоріе, черезъ которое, нѣсколько южнѣе упомянутой деревни, проходитъ большая Пекинская дорога. Она просѣчена искусственно въ скалахъ: два чиновника, осматривающіе паспорты, имѣютъ здѣсь свои пикеты между озеромъ, деревнею и ущельемъ т. е. на пересѣченіи дорогъ, идущихъ къ С. и В. Предгоріе покрыто богатыми пихтовыми лѣсами, доставляющими строевой матеріялъ, сбываемый въ Кульджу на Или. Горная рѣка Талки течетъ съ этого сѣвернаго предгорія Эринъ-Хабиргана на Ю. З. въ Или; на слѣдующій день пути караваны поднимаются вверхъ ея теченія черезъ вторую отрасль горнаго хребта, называемаго здѣсь Талки. И здѣсь караваны должны переходить довольно высокій горный проходъ, черезъ который Китайцы также проложили искусственную дорогу. Два часа спускаются съ этой горы, а отъ подошвы ея до станціи Талки остается еще 5 г. м. (30 вер). За тѣмъ переходъ черезъ всю сѣверо-западную высокую вѣтвь Богдо, извѣстнаго подъ именемъ Эринъ-Хабирганъ, оконченъ, и путешественникъ находится уже въ Илійской равнинѣ. У подошвы Талки Путимцевъ находилъ пихты, ивы, тополи, боярокъ, рябину и урюкъ (*). Отъ Канжига до Талки равнины имѣютъ твердую, хрящеватую почву; поля орошены проведенными изъ рѣкъ каналами. По этой равнинѣ при южной подошвѣ горы Талки, гдѣ уже воздѣлываются огороды и табачныя плантаціи и разводятся въ большомъ количествѣ дыни и арбузы, путешественникъ слѣдуетъ по теченію Сара-Булака, мимо таможеннаго караула того же имени и черезъ городокъ Кашміръ-Курэ; по переходѣ 5 г. м. (35 вер.) онъ достигаетъ наконецъ Кульджи, главнаго города и

(*) Абрикосовое дерево (Prunus armeniaca).—*Пр. Пер.*

рынка на Или, содержащаго въ себѣ 5000 домовъ и 30,000 жителей (*).

Этимъ ограничиваются всѣ наши свѣдѣнія о Богдо-Ола, и только далѣе къ В. описанія Турфана и Урумчи бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на характеръ скатовъ его съ этой стороны. До этихъ мѣстностей вдоль южной подошвы Богдо-Ола, по дорогѣ изъ Куча̀ черезъ Харашаръ въ Турфанъ, простирается на 75 г. м. (1000 ли) хребетъ Юлдусъ (Чульдусъ) ([42]) на С. отъ озера того же имени, богатый пастбищами и дичью и очень удобный для кочевокъ. Народонаселеніе значительнаго города Харашара состоитъ на половину изъ Туркестанцевъ и Калмыковъ-Торгутовъ. Тихое теченіе р. Хайду способствуетъ ирригаціи прилежащихъ равнинъ. Страну эту назвали *богатою*, по изобилію въ ней хлѣба и овощей. Со времени изгнанія отсюда Джунгаровъ она опустѣла. Отъ Харашара до Турфана на В. считается еще почти 63 г. м. (870 ли) вдоль ровной, еще болѣе теплой и можетъ быть довольно низкой равнины, по которой проходитъ большая Пекинская дорога черезъ Наньлу или вдоль южной подошвы Т'янь-Шаня. О долинахъ и высотахъ ея мы ничего не знаемъ, но за то имѣемъ понятіе о скитающихся тамъ животныхъ ([43]): дикихъ лошадяхъ (**), верблюдахъ, ослахъ баранахъ (***) (по туркски и монгольски архаръ, по китайски Линь-Янъ) съ длинными головами, большими завитыми рогами и густою шерстью. Шакалы водятся здѣсь большими стадами, а также большая порода орловъ-*бюргутъ* (по русски беркутъ, по китайски Куча-Т'яо), уступающая впрочемъ *Сырыму*, еще болѣе сильной породѣ черныхъ орловъ, представляющей далѣе къ З. въ Бадакшанѣ такіе исполинскіе размѣры, что ее сравниваютъ съ верблюдомъ (?). Когда эти орлы летаютъ стаями, то они уподобляются чернымъ облакамъ; даже люди при видѣ ихъ скрываются

(*) 80,000 жителей по удостовѣренію Кульджинскихъ чиновниковъ—*Пр. Пер.*
(42) Descr. de la Dzoungarie въ Timkovsk T. I. p. 397.
(43) Id. y Timkovsky I. p. 414.
(**) Equus hemionus—*Пр. Пр.*
(***) Ovis argali—*Пр. Пер.*

въ своихъ домахъ. Они нападаютъ на ословъ и лошадей, и маховыя перья ихъ крыльевъ, по удостовѣренію этой басни, имѣютъ отъ 8 до 10 ф. длины.

IV. Вулканъ Хочеу или Турфанъ; второе отечество Уйгуровъ; горный проходъ черезъ Т'янь-Шань въ Бей-т'инь.

На В. Ю. В. отъ Бай-шаня, на южной сторонѣ Т'янь-Шаня, упоминается часто другой вулканъ Хо-чеу (44), т. е. вулканъ огненнаго города, потому что онъ лежитъ близъ разрушеннаго города, котораго развалина находится въ 2 г. м. отъ нынѣшняго Турфана. Въ описаніи Хо-чеу говорится не о расплавленномъ потокѣ лавы, какъ въ Бай-шанѣ, но о безпрерывномъ дымѣ, свѣтящемся ночью какъ факелъ. На этой горѣ достаютъ нашатырь, но только съ помощью башмаковъ на толстыхъ деревянныхъ подошвахъ, потому что кожаныя истлѣли бы очень скоро. Нашатырь этого вулкана добывается не только изъ налета или коры, образуемой возгонкою паровъ, но также изъ зеленоватой жидкости, скопляющейся въ ея углубленіяхъ, изъ которой кипяченіемъ и испареніемъ отдѣляютъ соль наоча (нашатырь), въ видѣ небольшихъ головокъ, подобныхъ сахарнымъ, необыкновенной бѣлизны и чистоты.

Къ сожалѣнію не находимъ мы далѣе никакихъ положительныхъ данныхъ о характерѣ горъ на С. отъ Турфана, хотя этотъ городъ, какъ главный изъ 6 другихъ и какъ значительный рынокъ, игралъ, вмѣстѣ съ округомъ своимъ, немаловажную роль съ древнѣйшихъ временъ исторіи Уйгуровъ и донынѣ. Подъ именемъ Хо-чеу — огненнаго города, по свидѣтельству Китайцевъ, извѣстна цѣлая провинція, потому что въ ней никогда не бываетъ дождя, что климатъ ея сухъ и зноенъ, а большая часть камней, составляющихъ ея горы, отличаются краснымъ огненнымъ цвѣтомъ. Мы опускаемъ здѣсь все, что относится соб-

(44) Ab. Remusat journ. as. V. p. 45, Al. v. Humboldt Inn. As. p. 337.
(45) Timkovsky Voy. T. I. p. 394.

ственно до города Турфана и прилежащей обширной равнины (о которой будемъ говорить ниже), потому что имѣемъ цѣлью только изслѣдованіе природы Т'янь-Шаня. И здѣсь только исторія, именно исторія значительнаго племени Уйгуровъ, даетъ намъ случай бросить хотя нѣкоторые взоры на ихъ таинственную внутреннюю святыню, которая впрочемъ осталась бы для насъ совершенно неизвѣстною, еслибъ отчетъ одного посольства въ концѣ X вѣка не перенесъ бы насъ черезъ эти горы на сѣверный склонъ ихъ.

Древнее, восточно-азіятское, туркское племя, которое со временъ Чингисъ-Хана сдѣлалось извѣстнымъ преимущественно подъ именемъ Уйгуровъ, было уже издавна, со временъ Р. Х., обозначаемо самыми различными именами. Такъ напр. съ самой глубокой древности называли ихъ *Гюй-Цзы* (Kiu-szu), съ VII в. при династіи Т'анъ *Гао-чанъ* (Kao-Tchang), во времена владычества другихъ восточно-туркскихъ племенъ *Хой-хэ*, *Хой-ху* (Hoeï-he, Hoeï-hou), у Китайцевъ, которымъ чуждъ настоящій звукъ *р.*, *Уй-гу-эрлъ*, у магометанскихъ авторовъ *Уйгуръ*, *Угуръ*, *Йогуръ*. Эти Уйгуры, которыхъ участь была чрезвычайно разнообразна, нашли себѣ, какъ это доказано учеными изслѣдованіями нашего соотечественника ([47]), второе отечество въ горной странѣ Т'янь-Шаня около Турфана къ В. до Комуля (Хами), къ З. до Харашара и къ С. до Урумчи (Бишбалигъ). Изслѣдованія Аб. Ремюза навели Клапрота на предположеніе, что Уйгуры произошли отъ двухъ различныхъ племенъ. Одни изъ нихъ собственно Уйгуры (Вэй-ву-эрлъ), говоритъ онъ, обитали въ древнія времена, о которыхъ сообщаютъ кое-что Китайцы, очень далеко отъ Кара-Корума, на земляхъ между озеромъ Лобъ-Норъ и р. Или; а потому на эту мѣстность можно смотрѣть

(47) Klaproth Abh. üb. Schrift und Sprache d. Uiguren въ его Reise in d. Kaukasus Berl. 1814 Th. II. p. 483-576; его же Beleuchtung und Widerlegung 1824. 8. 115; его же observ. critiq. въ Mem. de l'Asie 1826. T. II. p. 301-410; его же Tabl. histor. de l'Asie 4. p. 121-130 cf Hamacker Recens. въ Bibl. critic. nova ed. Lugd. 1825. T. I. p. 181-224.

какъ на колыбель ихъ. Хой-ху —номады, которыхъ Китайцы съ древнѣйшихъ временъ отличали отъ Уйгуровъ, не смотря на сродство ихъ между собою и на общій туркскій языкъ, пришли изъ страны Каракорумъ, т. е. изъ сосѣдства береговъ Селенги въ страну Вэй-ву-эрлъ или Уйгуровъ, которыхъ они покорили, поставивъ надъ ними Князей своихъ: тогда только оба племени смѣшались другъ съ другомъ и начали называться у Китайцевъ безразлично Хой-ху и Вэй-ву-эрлъ т. е. Уйгурами, что и подало поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ относительно ихъ именъ и исторій. Изслѣдованіе это не измѣняетъ результата настоящаго нашего показанія. Названіе Уйгуровъ оставалось послѣ этого туземнымъ въ странѣ Турфана и Комуля, до тѣхъ поръ пока, со времени монгольскаго владычества, они не утратили своей самостоятельности, при чемъ однакожъ удержали славное свое имя. Только съ паденіемъ Монгольской имперіи въ Китаѣ, т. е. со временъ династіи Минь, исчезло совершенно имя Уйгуровъ, хотя и донынѣ удержались разсѣянныя ихъ поколѣнія, что доказываютъ по крайней мѣрѣ остатки ихъ языка. Эмиграціи нѣкоторыхъ уйгурскихъ племенъ къ З. смѣшали ихъ съ нынѣшними Узбеками и Киргизами. Первое ихъ отечество до Р. Х. находилось на С. В. Гоби, около истоковъ Орхона и Селенги ([48]), гдѣ уже послѣ нихъ появились Монголы. Но одно изъ западныхъ ихъ племенъ —*Гузъ* (Кю-Цзы) было оттѣснено очень рано, даже до историческихъ временъ сроднаго имъ племени Хунну, къ З. черезъ Комуль (Хами) до озера Лобъ, на Ю. отъ Турфана и Босту при Харашарѣ. Здѣсь утвердились они съ своими стадами на Т'янь-Шаньскомъ хребтѣ, по всей странѣ Комуль до Турфана и далѣе. Скоро покинули они свою кочевую жизнь и сдѣлались обитателями городовъ, а впослѣдствіи однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ осѣдлыхъ народовъ внутренней Азіи, являясь то подчиненными другимъ народамъ, то властвующими надъ ними. Они основали нѣсколько

---

(48) Ср. Рашидъ Эддина въ Schmidt Forschungen in älteren Gebiete der Völker Mittel-Asien's. Leipz. 1824. p. 281.

царствъ въ этомъ второмъ своемъ отечествѣ. Только восточная главная ихъ отрасль осталась въ своемъ первомъ отечествѣ на Орхонѣ и Селенгѣ. Уйгуры не остановились исключительно на южномъ склонѣ Т'янь-Шаня. Уже за 150 лѣтъ до Р. Х., Китайцы нашли здѣсь небольшую ихъ колонію, состоявшую подъ управленіемъ двухъ Князей. Одинъ изъ нихъ, съ 6050 подданными, представлялъ передовое племя и пребывалъ въ Кіо-чинѣ (Kiao-Tching) близъ нынѣшняго Турфана; другой же, съ 4774 подданными, составлялъ заднее племя и находился на С. З. склонѣ Т'янь-Шаня около Баркюля и Бишбалига (Урумчи). Небесныя горы были слѣдовательно давно знакомы Уйгурамъ; многіе изъ ихъ потомковъ постоянно переходили съ южной стороны на сѣверную и такимъ образомъ земли по обѣимъ сторонамъ Т'янь-Шаня скоро соединились въ одно царство. Это произошло именно отъ того, что оставшіеся на Орхонѣ и Селенгѣ ихъ соплеменники, послѣ паденія царства Ту-гю, сдѣлались владычествующими въ средней Азіи, подъ именемъ Вэй, въ началѣ VII в., и распространились очень далеко на З. Подъ извѣстнымъ уже въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ именемъ Гао-Чанъ, теперь обобщившимся, вошедшимъ въ употребленіе у Китайцевъ и вытѣснившимъ всѣ прежнія названія, направились они къ З., и покорили Комуль (Хами) и княжества своихъ соплеменниковъ, по сѣверной и южной сторонѣ Т'янь-Шаня, и основали царство Гао-чанъ (нынѣ Турфанъ). Отдаленнѣйшія западныя ихъ племена проникли въ тоже самое время по сѣверному склону горной системы до озера Балхашъ, которое они назвали Си-Хай, т. е. западнымъ моремъ. Тамъ поселилось ихъ племя Чилэ или Тѣй-лэ (можетъ быть Или?). Упомянутая династія новѣйшихъ Уйгуровъ, обладателей Т'янь-Шаня, осталась на престолѣ небольшаго царства Гао-Чанъ до добровольнаго подчиненія своего Чингисъ Хану. Но и до подчиненія своего Монголамъ, Уйгурскіе государи Гао-Чана, носившіе титулъ Идуку или Идукутъ, т. е. властителей государства, нѣсколько разъ подпадали подъ власть чуждыхъ завоевателей; такъ въ древнѣйшія времена до VII в. были они подчинены хану Тугю (восточныхъ Турковъ); съ 640 г.

Китайскому Императору династіи Т'анъ, который въ первый разъ торжественно превратилъ страну ихъ въ Китайскую провинцію Си-чжеу (западный городъ). Вслѣдствіе того мы и получили нѣкоторыя очень древнія точныя свѣдѣнія объ этихъ внутренне-Азіятскихъ странахъ изъ Китайскихъ лѣтописей. Во время возрастающаго могущества большаго туркскаго государства Хой-хэ (впослѣдствіи называвшагося Хой-ху) на Орхонѣ и Тулѣ, въ странѣ Холинь, (гдѣ впослѣдствіи возникла монгольская столица Каракорумъ) подчинилось ему и Уйгурское царство, при чемъ Бишбалигъ сдѣлался главною столицею его на С. Съ ослабленіемъ же Хой-Ху, оттѣсненныхъ съ сѣвернаго Енисея Киргизскимъ Ханомъ, Уйгуры снова обратились къ Китаю. Уйгурскіе Князья старались пріобрѣсти покровительство, верховное владычество и союзъ Китая данью и посольствами къ основателю династіи Сунъ, въ 962 г., и успѣли въ этомъ. За тѣмъ начался рядъ туземныхъ Уйгурскихъ государей, властителей обоихъ склоновъ высокаго Т'янь-Шаня, продолжавшійся до подчиненія странъ Чингисъ-Хану (1209 г.). Во время владычества Монголовъ, только жители городовъ носили названіе Уйгуровъ, а кочующія орды назывались Хой-хэ, впослѣдствіи Хой-ху. Сіи послѣднія въ IX в. вступили въ многократныя сношенія съ Аравитянами, вслѣдствіе чего и сдѣлались магометанами. Вотъ почему Китайцы перенесли впослѣдствіи имя этихъ западныхъ Уйгуровъ Хой-ху вообще на всѣхъ магометанъ.

Монгольская исторія сообщаетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія о покореніи Уйгуровъ. Ихъ Идуку (царь) изъ собственнаго побужденія послалъ пословъ Монгольскому императору съ предложеніемъ соединенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ преслѣдовалъ четырехъ сыновей Тото—царя Мекритовъ, которые, будучи разбиты Чингисъ-Ханомъ, съ головою отца своего обратились въ бѣгство къ Уйгурамъ. Идуку ихъ, именемъ Барху-Алты-Тяганъ, разбилъ Мекритовъ на р. Цанъ и за то получилъ въ супружество дочь Чингисъ-Хана—Ѣлу-Антунъ и былъ принятъ съ честію въ вассалы

*

Монголами, въ войскахъ которыхъ не только онъ, но и потомки его были славными вождями (49).

Единственное свѣдѣніе, которое мы имѣемъ собственно о Т'янь-Шанѣ, и именно о сѣверномъ его склонѣ, относится ко времени Китайскаго здѣсь владычества въ X в. Государи Гао-Чана владѣли странами Комуль (Хами) Турфанъ и Урумчи. Комуль былъ извѣстенъ Китайцамъ подъ древнимъ именемъ И-гу-лу (можетъ быть отъ него произошло названіе Уйгуръ, Ойгуръ) и тамъ основали они въ 1 вѣкѣ по Р. Х. военную провинцію подъ именами: *И-хо* (съ 73 г. по Р. Х.), *Иву-хянь* при династіи Чинъ, *И-чже-у* при дин. Т'анъ (50). Столица Уйгурскихъ государей была построена при воинственной династіи Хань вблизи нынѣшняго Турфана. Сначала, въ 123 г. по Р. Х., она состояла изъ китайскаго замка пограничной провинціи и только впослѣдствіи была превращена Императорами въ городъ третьяго разряда Ляу-чунъ-хянь. Городъ этотъ лежалъ на С. отъ Хо-Янь-Шань вышеупомянутаго вулкана Хо-чеу, и, какъ замѣчаетъ Дегинь (51) на основаніи И-тунъ-Чжи, между двумя городами Хо-чеу и Ляу-чунъ, слѣдовательно на С. В. отъ Турфана. Когда же нѣсколько позднѣе династія Т'анъ превратила эту страну въ китайскую провинцію, Импер. Тай-Цзунъ (650-684) далъ столицѣ покоренныхъ князей Гао-Чана названіе Си-чжеу, т. е. западнаго города; она называлась также Кя-Хэ-Чинъ (52), потому что р. Кя, вытекающая изъ Т'янь-Шаня, проходила черезъ этотъ городъ. Онъ же у Монголовъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Хочеу. Здѣсь то пребывалъ дворъ Идуку-Хана т. е. вассальнаго князя. Къ столицѣ принадлежали укрѣпленія Тинь-'ань и Кюй-Хянь, вмѣстѣ съ которыми она составляла часть Уйгурской провинціи, управляемой собственнымъ правителемъ. Разрушенный нынѣ Хо-чеу лежалъ между упомянутымъ древнимъ Ляу-Чунъ

---

(49) Su houng-Kian-lou Sect I. fol. 4 и Sect. XXIX fol. 14 въ Klaproth observ. crit. p. 331 и Рашидеддинъ въ J. J. Schmidt Forschungen. p. 284.

(50) Deguignes Gesch. d. Hunnen Th. I. Einl 19.

(51) Deguignes Gesch. d. Hunnen Th. I. p. 36.

(52) Deguignes Gesch. d. Hunnen Th. I. p. 34.

на В. и Турфаномъ на З. въ 5 г. м. (70 ли) отъ одного и 2 г. м. (30 ли) ([53]) отъ другаго, и назывался иначе Кара-Хото. Турпанъ получилъ у Китайцевъ только съ 746 г. названіе Ту-эрлъ-фанъ, т. е. города турскихъ чужеземцевъ, названіе, которое было измѣнено только съ 1647 г. маньчжурскими Императорами ([54]) въ Тулуфанъ (Турфанъ).

Въ этотъ то городъ Си-Чжеу послалъ, въ 982 г., первый Императоръ династіи Сунъ своего уполномоченнаго Ванъ-Ѣнте (Bam-Yente), со многими офицерами, для поддержанія и упроченія предложеннаго его данниками и вассалами союза.

Ванъ-Ѣнте представилъ о своей миссіи отчетъ Императору ([55]). Въ городѣ Си-Чжеу нашелъ онъ болѣе 50 буддійскихъ храмовъ, построенныхъ большею частію по повелѣнію Китайскихъ императоровъ. Въ храмахъ сохранялись книги, содержавшія въ себѣ правила этой вѣры и нѣкоторыя китайскія классическія сочиненія. Разныя предписанія императоровъ сохранились въ видѣ надписей на другихъ публичныхъ зданіяхъ. Въ Си-Чжеу существовали еще храмъ Мони (Манеса) и жрецы Фу-цзу (т. е. Персовъ)—служители Зороастровой религіи. Многіе князья Тугю были вассалами хана Уйгуровъ, принявшаго тогда титулъ Алсланъ-хана (львинаго царя). Жители города доживали до 100 лѣтъ и болѣе, ранняя смерть была между ними рѣдкостью. Китайское посольство (въ 982) не застало тамъ Уйгурскаго царя; онъ пребывалъ временно въ своей резиденціи на сѣверномъ склонѣ Небесныхъ горъ, т. е. на тѣнистой сторонѣ ихъ, въ Бэй-т'инѣ (Pe-Ting, Petim). Этотъ Бэй-т'инь (т. е. сѣверная резиденція) ([56]) былъ прежде мѣстопребываніемъ обитавшаго за Т'янь-Шанемъ отдѣльнаго племени Уйгуровъ.

(53) По истор. дин. Минъ 1783. Sec. 329. p. 6. b; Klaproth Mém. rel. à l'Asie T. II. p. 344.

(54) См. записки Канъ-Хи изд. 1696 въ Amiot Mem. conc. l'hist. d. chin. 10. 1789. T. XIV p. 15.

(55) Visdelou Suppl. Bibl. or. f. 137; Klaproth Tabl. hist. d. l'Asie 4 p. 124.

(56) Klaproth. Mém. rel. à l'Asie T. II p. 359.

Въ 640 г. Китайцы, по принятіи ими къ подданство этой страны, возвели его на степень города 2-го разряда (подъ именемъ Тинь-Чжеу). Въ 702 г. получилъ онъ только титулъ Бэй-т'инь-духо-фу, т. е. караульнаго города 1-го разряда сѣверной столицы; тотъ же городъ (лежавшій въ округѣ нынѣшняго Урумчи) служилъ лѣтнею резиденціею царю Гао-чана. Въ эту то резиденцію въ 37 $^1/_2$ г. м. (500 ли) отъ Си-чжеу при Турфанѣ, былъ приглашенъ Ванъ-Ѣнте, и для этой цѣли принужденъ былъ перейти весь профиль Небеснаго хребта отъ Ю. къ С. Путевой отчетъ китайскаго посланника заключаетъ въ себѣ слѣдующія свѣдѣнія ([57]), которыя мы сообщаемъ, руководствуясь извлеченіемъ Виделу. Послѣ 6 дней пути отъ столицы Уйгуровъ, путешественники прибыли къ золотой горѣ, изъ которой туземцы извлекали большія богатства. Два дня слѣдовали мы, говоритъ посланникъ, этими горами и наконецъ дошли до мѣста, называемаго китайскимъ лагеремъ. Оттуда, послѣ 5 дней пути, поднялись въ гору; во время перехода выпало много снѣга. На вершинѣ горы нашли мы храмъ драконовъ (т. е. китайскую кумирню), а у подошвы ея памятникъ съ надписью: „малая снѣжная гора„. Гора эта всегда покрыта снѣгомъ, и путешественники должны одѣваться въ шубы для защищенія себя отъ холода. Черезъ день пути отъ этой горы, вступило посольство въ Бэй-т'инь, т. е. по китайски, сѣверную резиденцію китайцевъ; городъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Илолу (по татарски Пролу или Ирлу). Такъ называется впрочемъ и лежащій на Ю. отсюда Ку-ча. который, вслѣдствіе своего болѣе южнаго положенія, носитъ иногда названіе совершенно противуположное ([58]) Бэй-т'иню, а именно Ань-Си, т. е. южной резиденціи. Страна очень богата лошадьми; она была покрыта ими болѣе нежели на 16 часовъ пути кругомъ. Бэй-т'инь лежитъ въ равнинѣ, разстилавшейся на нѣсколько часовъ пути въ три

([57]) Visdelou l. c. fol. 137 и 150; желательно было бы имѣть точный переводъ оригинала; въ Mailla Hist. gen. о немъ совсѣмъ и неупоминается.

([58]) Klaproth Tabl. histor. d. l'Asie p. 160, 173 etc.

стороны отъ города. Черезъ восемь дней насталъ для посольства счастливый день аудіенціи. Церемоніялъ былъ совершенъ въ китайскомъ вкусѣ: сначала были поднесены императорскіе подарки, потомъ день и ночь прошли въ пиршествѣ и танцахъ. На другой день, царь устроилъ въ честь посланника поѣздку по озеру, окруженному музыкантами; на третій день посѣтили они храмъ, основанный въ 640 г. На С. отъ Бэй-т'иня лежитъ гора, въ которой добывается нао-ша (нашатырь); она дымится днемъ и всегда покрыта снѣгомъ и туманами. При свѣтѣ огня ея, птицы и крысы (?) кажутся огненными. Люди, добывающіе здѣсь соль, привязываютъ подъ ноги деревянныя подошвы, потому что кожаныя скоро истлѣваютъ. У подошвы горы находятся отверстія, изъ которыхъ выступаетъ черный илъ, превращающійся скоро въ родъ песчаника (?). Въ городѣ Бэй-т'инь довольно многоэтажныхъ домовъ и деревьевъ въ цвѣту (?). Жители его бѣлы, рослы, серьезны, ловки отъ природы, умѣютъ добывать золото, серебро и желѣзо. Въ особенности умѣютъ они хорошо обдѣлывать драгоцѣнный камень *юй* (нефритъ, jade oriental). За хорошую лошадь платятъ здѣсь кускомъ обыкновенной тафты, а за дурную, годную только на убой 10 ф. ея.

По прошествіи нѣкотораго времени, Ванъ-Ѣнте возвратился въ 983 г. чрезъ столицу Уйгуровъ въ Китай. По какой дорогѣ онъ направился (черезъ Хами ли?) не извѣстно. О странѣ около Бэй-т'иня мы будемъ говорить ниже при описаніи Урумчи.

V. *Горы отъ Турфана до Хами, восточный ихъ склонъ и переходъ къ нагорной степи Гоби; этнографическая граница; буддійскій Линь-Шань.*

Два раза переходили мы уже на сѣверный склонъ Т'янь-Шаня; теперь же возвращаемся снова, хотя уже въ послѣдній разъ, на южную его сторону, потому что здѣсь мы должны еще изслѣдовать восточную оконечность обширной горной системы черезъ Хами до Гоби. За тѣмъ перейдемъ мы уже окон-

чательно на сѣверный ея склонъ, для изученія распространяющихся тамъ обширныхъ ея отраслей. Уже выше, повѣтствованія о древнемъ народѣ Хунну привели насъ къ Бай-шаню, гдѣ находились древнія его поселенія, на которыхъ онъ сдѣлался намъ извѣстнымъ, чѣмъ и прояснилась самая географія Байшаня. Такъ и здѣсь, близь вулкана Хо-чеу (Хо-Янь-Шань) и простирающагося къ С. отъ него хребта, обитало древнее племя Уйгуровъ, которое своею исторіею ознакомило насъ съ своимъ вторымъ отечествомъ. Съ этою же мѣстностью связана еще одна этнографическая особенность, которую мы приведемъ только мимоходомъ, прежде нежели перейдемъ далѣе на В. къ Хами, потому что она касается до замѣчательнаго наружнаго признака народовъ, какъ этой горной системы, такъ и всей Западной Азіи. Именно всѣ китайскіе путешественники, подвигавшіеся отъ В. къ З., многократно замѣчали, что, начиная отъ окрестностей Турфана къ З., всѣ туземцы имѣли впалые глаза и выдающіеся носы ([59]). Такъ напр. это замѣчаніе сдѣлано при династіи Вэй (445—513), при чемъ присовокуплено, что жители Хотана, къ Ю. З. отсюда, въ чертахъ своихъ не имѣютъ ничего различнаго отъ Китайцевъ. Тоже самое замѣчаютъ лѣтописцы династіи Чжеу въ VI в. ([60]), династій Т'анъ и Сунъ (до X в.). Позже это замѣчаніе, какъ кажется, не повторялось. Слѣдовательно въ это время въ общемъ населеніи внутренней Азіи существовала еще этнографическая граница, столь очевидная, что она поражала каждаго путешественника, принадлежавшаго къ *китайской* или такъ называемой *монгольской*, или, какъ мы могли бы столь же основательно назвать *маньчжурской* расѣ, отличающейся четырехъ угольною формою своего черепа, выдающимися скуловыми костями, приплюснутымъ носомъ и выпученными глазами. Это было для нихъ тѣмъ болѣе поразительно, что на В. они нигдѣ не встрѣчали той Западной породы людей, которую презрительно называли „длинными ло-

([59]) Ab. Remusat Hist. d. l. v. de Khotan p. 20.
([60]) Ibid. p. 29; Visdelou Suppl. Bibl. or. fol. 138.

шадиными мордами„ потому что углубленные глаза и выдающіеся носы казались имъ совершенно неприличными и свойственными только варварамъ. Между тѣмъ, народный типъ этотъ особенно нравится не смѣшаннымъ народамъ туркскаго и индо-германскаго языковъ, обитавшимъ тогда еще на своихъ коренныхъ мѣстахъ по сѣверной и западной границѣ Китая, какъ напр. Ту-гю на С., Уйгуры на З., Хакасы на С.З. или, уже оттѣсненнымъ еще далѣе къ З. какъ напр. Хунну ([61]), Усунь ([62]) и т. д. Послѣдніе изъ нихъ, по удостовѣренію Китайцевъ, отличались отъ первыхъ голубыми или зелеными глазами и рыжими или русыми волосами (см. ниже). Монголовъ тогда еще не было на З. (см. выше Мохэ Т. I ст. 668): это было до великаго смѣшенія, разсѣянія и вытѣсненія ими столькихъ народовъ, истребившаго подобно чумѣ слѣды прошедшаго во всей внутренней Азіи, при Чингисъ-Ханѣ и Тамерланѣ. Песчаная суровая степь Гоби, была до того времени (въ первыхъ вѣкахъ нашей эры) естественною границею, на Ю.В. отъ которой жили народы *монгольской* расы (Тунгузы, Та-та, Корейцы, Китайцы), а на С.З.—*туркской* отъ Байкала до Иртыша и западной оконечности Мустага. Слѣдовательно послѣдніе занимали весь С.З. склонъ плоскогорія, какъ напр. Хунну, Тугю или вост. Турки, также какъ и многочисленные западные Турки, которые тогда еще почти не покидали своей родины. Только впослѣдствіи были они взволнованы, разсѣяны, разогнаны и окончательно вытѣснены изъ западныхъ своихъ мѣстонахожденій Аравитянами (въ VIII и IX в.) а изъ восточныхъ корейскими народами (Сянь-би) ([63]) и Монголами (въ XII и XIII в.), занимающими и донынѣ, съ немногими исключеніями, прежнія мѣста ихъ. На Ю.З. отъ этой песчаной степи находились еще народы тибетскаго племени (н. п. Юэ-чжи, Мяо, Тангуты, Тибетцы), которые будучи совершенно отдѣлены отъ другихъ народовъ, обитали около Хухэнора. (Кукунора) въ мѣстахъ,

---

(61) Klaproth Mém. rel. á l'Asie. T. II p. 372.

(62) Id. Tabl. hist. de l'Asie p. 161—136.

(63) Id. Tabl. ethnog. d. l'Asie inter. et moyen. jusqu'à l'an 1000 p. X p. d'apr. les histor. chin. Atl. hist. de l'Asie. 1826.

пребываніе ихъ было обезпечено этою неприступною горною страною (см. выше Т. I ст. 516) и гдѣ они отдѣлялись отъ Турковъ только племенемъ русыхъ голубоглазыхъ Усунь, Индо-германской расы. Это племя было уже вытѣснено изъ перваго своего отечества въ I в. по Р. Х. на З. сѣверными Хунну, и нашло себѣ второе отечество на З. отъ песчаной степи Гоби на Т'янь-Шанѣ. А потому съ высокими горными долинами этого хребта, въ которыхъ также утвердилось туркское племя древнихъ Уйгуровъ (Кю-Цзы на Бай-Шанѣ), начиналась область народовъ съ такъ называемымъ кавказскимъ типомъ лица и греческимъ профилемъ, что безъ сомнѣнія не могло не возбудить любопытства столь тонкихъ наблюдателей, каковыми всегда были Китайцы.

Кромѣ упомянутой уже гористой страны на С. отъ Турфана, могли бы мы, для точнѣйшаго обозначенія Т'янь-Шаньскаго хребта, привести только одни названія безъ поясненій, заимствованныя у авторовъ, но мы опустимъ все это, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, находящихся въ связи съ нѣкоторыми историческими данными.

На С. отъ самаго восточнаго изъ упомянутыхъ городовъ, а именно древняго Ляу-Чжуна (Lieou-Tchoung), повѣтствуетъ подробная китайская государственная географія (64), лежитъ гора Т'инь-го (Timko), на которой, при династіи Т'анъ, выстроенъ храмъ Фо (Будды). На С.З. же отъ Турфана находятся еще три горы: первая — Линь (Ling, Lim Shan у Дегиня) состоитъ изъ пестрыхъ скалъ; вторая Че-ши (Tche-Sche) поднимаетъ близъ нея свою чудную вершину, увѣнчанную красноватыми камнями; третья Танъ-Хань-Шань (Tan-han-Shan), хотя только въ 5 г. м. (70 ли) къ С. отъ послѣдней, уже такъ высока, что вершина ея покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. Слѣдовательно Т'янь-Шань и близъ Турфана переходитъ снѣжную линію и справедливо заслуживаетъ китайское названіе Сюэ-Шань. О продолженіи хребта далѣе къ В. мы не имѣемъ совершенно никакихъ данныхъ.

---

(64) Y-Thoung-Tchy въ Deguignes Gesch. d. Hunnen. Th. I p. 36.

Упомянутый Линь-Шань замѣчателенъ по одному сказанію, относящемуся вѣроятно къ самой глубокой древности. При всей своей нелѣпости сказаніе это даетъ Линь-Шаню значеніе древней святыни, а потому и должно быть принято въ соображеніе для топографіи этой горы. Кянъ-фу, въ запискахъ царствованія Канъ-хи (Канъ-си), сообщаетъ намъ это сказаніе въ 1696 г. ([65]). Въ 3 часахъ (20 ли) пути на З. отъ Турфана находится городокъ, обитаемый 100 семействами и нынѣ называемый Ѣнъэрлъ-ченъ (Yen-eulh-Tcheng. какъ полагаютъ древній Кяо-хохянь); въ $7^1/_2$ г. м. къ С. З. отъ него лежитъ высокая гора Линь-Шань, на которой 100,000 лòханей (*) добродѣтелями возвысились до безсмертія. Не доходя до этой горы, на долу стоитъ храмъ, населенный множествомъ ламъ. Отъ храма до вершины горы 15 г. м. (200 ли) Черезъ горное ущелье пробита искусственная дорога; по сю сторону его въ небольшомъ строеніи можно найти проводниковъ на вершину горы. На этой вершинѣ выстроенъ каменный храмъ съ 5-ю каменными статуями Будды (Фо), на берегу озера, посреди котораго возвышается черно-фіолетовой пикъ. Смотря на воду въ тѣни, какъ бы видишь передъ собою волосы Лòханей, остриженные этими кающимися грѣшниками. Въ одномъ часу (6 или 7 ли) къ Ю. В. оттуда возвышается нѣсколькими уступами гора, вся засыпанная агатовидными кремнями, распадающимися въ порошокъ при первомъ прикосновеніи. Другіе же камни напротивъ столь же крѣпки, какъ человѣческія кости и прозрачны какъ *юй*, съ которымъ они имѣютъ сходство (вѣроятно щетковидныя ядра халцедона). Эти камни почитаются костями 100.000 лòханей. На восточномъ склонѣ горы торчатъ многія скалы той же породы, формою походящія на руки и ноги; жители говорятъ, что самъ Будда сдѣлался здѣсь безсмертнымъ. Вся гора въ 3 часа (20 ли) окружности, по замѣчанію китайскаго автора, есть рѣшительное чудо;

(65) P. Amyot. въ Mem. conc. l'hist. d. chin. 1789. T. XIV p. 20.
(*) Святыхъ людей.—*Пр. Пер.*

на ней нѣтъ ни деревьевъ, ни растеній, ни птицъ: все ограничивается самымъ красивымъ пестрымъ камнемъ. Лохань все равно что Sanctus или безсмертный, и соотвѣтствуетъ вѣроятно Хубильганамъ, святымъ, перерожденнымъ, ламамъ Буддистовъ. Легенды, столь многочисленныя въ буддизмѣ, упоминаютъ о нихъ обыкновенно въ числахъ 18, 39, 500 или нѣсколькихъ тысячъ. Преданіе это существуетъ здѣсь вѣроятно со времени появленія буддійскихъ миссій изъ Индіи, по древнему религіозному и торговому пути черезъ Хотанъ и Турфанъ въ Китай: съ ними многократно смѣшивались и легенды магометанъ, съ тѣхъ поръ какъ коранъ распространилъ здѣсь свое владычество.

Т'янь-Шаньскій хребетъ, котораго восточное продолженіе во времена Хунну извѣстно было подъ древнимъ именемъ Киломань-Шаня, продолжается на В. отъ Турфана непрерывно до Баркюля на С. и Хами на Ю. За тѣмъ онъ быстро понижается и расплывается ([66]) въ распространенную на Ю. З. и С. В. отсюда высокую степь Гоби или Шамо, т. е. песчаное море. Еслибъ Т'янь-Шаньскій хребетъ еще продолжался къ В. отсюда, то съ нимъ должна была бы столкнуться вышеупомянутая гипотетическая поперечная вѣтвь алтайской системы; впрочемъ не такъ, какъ это изображено у Арроусмита отъ Ю. З. къ С. В., но, какъ мы говорили, отъ С. З. къ Ю. В., о чемъ впрочемъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ. О меньшихъ же кряжахъ мы будемъ говорить ниже. Уже Дегинь ([67]), основываясь на китайскихъ источникахъ, утверждаетъ, что Небесный хребетъ, продолжаясь къ В. отъ Хами къ границѣ Китая, проходитъ мимо великой стѣны (онъ разумѣетъ здѣсь Инь-Шань, см. выше Т. I. ст. 616); но замѣчаніе это, въ которомъ восточная система Хингана на Хуанъ-хэ и Ляо присоединена къ западной части Т'янь-Шаня, не подтверждается никакими болѣе положительными доказательствами. Правда, Гоби носитъ здѣсь общее названіе Ола ([68]) т. е. горъ, но это ровно ничего

---

(66) A. v. Humboldt Bergk. Inn. As. p. 15.
(67) Deguignes Gesch. d. Hunnen Th. I. p. 5.
(68) Descr. d. Thibet tr. d. P. Hyacinthe p. Klaproth. N. jour. as. T. IV. p. 125.

не доказываетъ, а между Хами и Инь-Шанемъ лежитъ пространство въ 12 полныхъ градусовъ долготы, состоящее, по маршрутамъ путешественниковъ, изъ безплодной высокой степной поверхности, безъ высокихъ горъ. Горный хребетъ, который, въ случаѣ своего продолженія, необходимо долженъ бы былъ раздѣлить Гоби на сѣверную и южную естественныя области (о чемъ впрочемъ не упоминаетъ ни одинъ авторъ), названъ у Дегиня Кутъ-чугъ-тагъ: имя это впрочемъ въ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Ферганѣ, употребляется для означенія небольшихъ холмовъ (69), въ противуположность съ Улугъ-тагъ, означающимъ большія горы. Китайская государственная географія (70) упоминаетъ о лежащихъ въ этой странѣ на Ю. В. горахъ Гурбанъ-Сайханъ (Gourban Saikan-alin у Д'анвиля подъ 44° с. ш.) и Номохонъ-Ола (Nomohon-alin 43° с. ш.) въ меридіанѣ Нинь-хя или Каракорума, близъ которыхъ проходитъ китайская почтовая дорога. Но все это только незначительные, спорадически разбросанные холмы или низкія гряды скалъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть притязанія на типъ главнаго хребта, и самъ А. Гумбольдтъ замѣчаетъ, что горы Номохонъ, на С. З. отъ небольшихъ степныхъ озеръ Согокъ и Собо, только положеніемъ своимъ указываютъ на возвышеніе или слѣдъ горной цѣпи, могущей служить продолженіемъ Т'янь-Шаньской системы. Но именно здѣсь примѣчается концентрическое сліяніе степныхъ ручьевъ, какъ съ С. къ Ю., такъ и съ Ю. къ С. Самые большіе изъ текущихъ съ С. З. къ Ю. В. останавливаются въ озерахъ (Байдарикъ въ Чаганъ-Норѣ, Туй-голъ въ Орокъ-Норѣ, Онгинь-бира въ Хурханъ-уланъ-Норѣ, 60 г. м. (800 ли) (71) не доходя до Хуанъ-хэ въ Ордосѣ, такъ какъ Эцзинэ-бира, изъ текущихъ съ Ю. на С. Это очень ясно показываетъ, что въ направленіи песчаныхъ лагунъ, въ которыхъ останавливаются эти рѣки, скорѣе можно предполагать впадину Гоби,

(69) Sult. Babur memoirs ed. Erskine Introd. p. XVIII.
(70) Descr. d. la Mongol. въ Timkowsky Voy. T. II p. 232.
(71) Id. въ Timkowsky Voy. T. II p. 238.

чѣмъ возвышеніе ея. И въ самомъ дѣлѣ, еслибъ поперегъ степи проходило продолженіе Т'янь-Шаня къ Инь-Шаню, то степные ручьи должны были бы напротивъ стекать къ С. и къ Ю., что однакоже совсѣмъ не примѣчается. Въ очень подробныхъ описаніяхъ Инь-Шаня, изложенныхъ нами выше (см. Т. I. ст. 616—622), нигдѣ не говорится, чтобы хребетъ этотъ продолжался гораздо далѣе на З. черезъ степь Гоби за 104° В. д. отъ Пар., на З. отъ горы Муна, черезъ которую проходили войска Чингисъ-Хана. Приведенные нами выше маршруты сѣверныхъ дорогъ Чингисъ-Хана, М. Поло, древнихъ Т'анскихъ и новѣйшихъ маньчжурскихъ войскъ, поперегъ высокой степи Гоби отъ Каракорума и р. Орхона къ Эцзинэ-бира, изгибу Хуанъхэ при Муна и древнему Пи-лу-т'ай (см. выше Т. I. ст. 723) должны были пересѣчь упомянутый гипотетическій хребетъ, соединяющій поперегъ степи Т'янь-Шань съ Инь-Шанемъ, въ самой срединѣ его. Въ этихъ маршрутахъ говорится правда о суровомъ, холодномъ, снѣжномъ, высокомъ плоскогоріи, которое однакоже, какъ и всѣ степи, проходимо для отрядовъ; но нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на высокій горный хребетъ, который пришлось бы проходить черезъ ущелья, всегда упоминаемыя въ маршрутахъ даже самыхъ краткихъ. Отсюда съ вѣроятностью должно заключить, что такого хребта не существуетъ. Если же система Т'янь-Шаня не продолжается далѣе Хами къ В., то понятно почему о Хами говорятъ какъ о первой станціи за Гоби, или страшнымъ песчанымъ моремъ, и почему общая цѣль, какъ путешественниковъ, такъ и войскъ, слѣдовавшихъ изъ Шеньси или Ганьсу въ Си-юй или западныя земли, состояла только въ достиженіи до Хами. Вотъ почему Хами сдѣлался важнѣйшимъ узломъ, связывающимъ всѣ пути и народныя сношенія востока и запада. Къ сожалѣнію мы мало могли сообщить о природѣ Т'янь-Шаня, котораго восточныя отрасли окружаютъ Хами съ С. и С. В., потому рѣшаемся присовокупить нѣкоторыя замѣчанія о положеніи этого пункта и путяхъ къ нему ведущихъ, желая тѣмъ самымъ пріобрѣсть, такъ сказать, точку опоры при изученіи остальныхъ лежащихъ на С. и З. оттуда мѣст-

ностей. Полное же изложеніе этого предмета можетъ только найти мѣсто при описаніи Гоби и Туркестанскаго нагорья.

---

§ 29.

Изложеніе 2. Оазисъ Комуль или Хами при Ю. В. подошвѣ Тянь-Шаньской системы.

Юй (72) (въ древности, или Юй-люй, Юй-хянь), т. е. *Игуръ* или *Комуль*, съ титуломъ *И-чжеу*, нынѣ *Хами*, есть названіе города и нѣсколькихъ окружныхъ слободъ и деревень (73) въ 20 дняхъ пути (67 г. м.) на З. отъ Кя-юй-Кэу,—воротъ великой стѣны, въ 112 г. м. (1510 ли) отъ Су-чжеу, 60 г. м. (800 ли) отъ Юй-Мынь-Гуань на З. отъ Ша-чжеу (см. выше Т. I. ст. 569) Мѣстность вокругъ этого города носитъ тоже названіе, но она ограничивается небольшимъ округомъ, потому что состоитъ только изъ небольшаго оазиса, окруженнаго самыми безплодными песчаными степями Гоби, со всѣхъ сторонъ, исключая горъ на С. З. отъ города. Такое положеніе сдѣлало издавна Хами сборнымъ пунктомъ каравановъ, слѣдующихъ по большой западной дорогѣ. Даже и теперь предмѣстье (74) выстроенной здѣсь китайцами крѣпости служитъ для съѣзда купцовъ и своза товаровъ. Вотъ почему Хами въ свой цвѣтущій періодъ могъ достигнуть большаго благосостоянія и уподобиться столицѣ.

Большая дорога проходитъ по кратчайшей линіи (посѣщаемой не боящимися переѣзда черезъ безплодную Гоби) на З. въ Турфанъ и простирается на 7 дней пути, т. е. 75 г. м. (1000 ли) или по государственной географіи 90 г. м. (1200 ли) (75). До-

---

(72) Deguignes Gesch. d. Hunn. Einl. p. 340; Ab. Remusat. Rém. s. l'ext. d. la Ch. occ. p. 386; J. R. Forster Gesch. d. Entd. im N. 8. 1784. p. 189.

(73) Du Halde IV. p. 31. отсюда Camexu—г-дъ Хами у Balducci Pegoletti. A 1335.

(74) Turkestan Descr. въ Timkowsky Voy. T. I. p. 394.

(75) Mém. conc. l. Ch. T. XIV. p. 23.

рога эта очень затруднительна, покрыта скалами, скудна водою и пастбищами. Болѣе сѣверный путь, въ 10 дней пути, черезъ холмистую страну, длиннѣе, но удобнѣе для путешественниковъ.

Даже и ближайшія окрестности Хами, кажется, мало одарены отъ природы плодородіемъ и орошаются немногими рѣками, но тѣмъ удивительнѣе, что онѣ, какъ съ похвалою замѣчаетъ Канъ-хи (76), превращены трудами человѣка въ райскую страну; по крайней мѣрѣ такою кажется Хами послѣ пустыни. Дождей здѣсь, какъ замѣчаетъ Канъ-хи въ своихъ физическихъ наблюденіяхъ, почти нѣтъ, или они такъ скудны что едва увлажаютъ почву. Даже росъ и тумановъ не бываетъ; поля хорошо орошены и плодородны, хотя страна бѣдна рѣками. Ручьи и источники очень рѣдки, но искуство жителей здѣсь все замѣняетъ. Зимою, преимущественно на горахъ, падаетъ много снѣга: снѣжная вода проводится въ резервуары, посредствомъ которыхъ туземцы въ жаркое время года орошаютъ поля свои такъ экономно и тщательно, что это орошеніе вполнѣ достаточно для ихъ оплодотворенія. Жары очень сильны въ Хами; однакоже магометанскіе посланники, посланные сюда императоромъ, отвѣчали на распросы своего Государя, что жары въ Хами снoснѣе чѣмъ въ Хань-чжеу, на Ю. отъ Нанкина. Въ Хами, говорили они, поверхность конечно высока и накалена солнечными лучами, но вездѣ можно достать холодной воды, между тѣмъ какъ въ раскаленной низменности около Нанкина, въ самые жаркіе дни, колодезная вода тепла и не можетъ ни прохладить, ни утолить жажды.

Эти замѣчанія любознательнаго Императора очень поучительны, и доказываютъ, что плоскость вокругъ Хами, не смотря на лѣтніе жары, очень возвышена, хотя и составляетъ углубленіе сравнительно съ высокимъ сосѣднимъ Т'янь-Шанемъ. Остальныя замѣтки свидѣтельствуютъ намъ, что не однѣ непосредственныя окрестности Хами, но и вся окружающая, впрочемъ необширная, область превосходно обработана. Въ сосѣднихъ степяхъ есть

(76) Kanghi obs. въ Grosier. Desc. d. la Ch. 1818 T. II. p. 119.

хорошее коневодство и овцеводство (бараны съ курдюками въ 3 фунт.) По удостовѣренію китайцевъ, здѣсь есть и всякаго рода драгоцѣнности: золото и алмазы. Въ настоящее время добываются только превосходные агаты, которыми богата и вся степь Гоби. Но самыя большія выгоды извлекаетъ Хами изъ рисовыхъ полей и фруктовыхъ садовъ. Комульскій рисъ цѣнится и въ Китаѣ, хлѣбовъ и зелени также довольно въ оазисѣ. Изъ плодовъ особенно цѣнятся гранаты, апельсины, персики, сливы, июбы и т. д. Но лучшіе плоды этой жаркой страны — виноградъ и дыни, откуда можно заключить, что абсолютная высота Хами не можетъ быть очень значительна. Не должно забывать однакоже, что именно здѣсь разстилаются неизмѣримыя песчаныя высокія равнины, которыя, при довольно значительной абсолютной высотѣ, подъ одною широтою съ Римомъ (43^0 с. ш.), освѣщаются вертикально солнечными лучами. А потому здѣсь могутъ превосходно вызрѣвать тѣ породы плодовъ, которыя требуютъ только жаркаго лѣта, но выносятъ значительные зимніе холода и не нуждаются въ тучной почвѣ. Императоръ Канъ-хи въ своихъ запискахъ ([77]) говоритъ, что, замѣтивъ отсутствіе хорошихъ виноградныхъ лозъ въ Китаѣ, онъ развелъ тамъ три новыя породы винограда, превосходящія всѣ китайскія и вывезенныя имъ изъ Хами. Онъ замѣчаетъ, что удача такого предпріятія гораздо для него пріятнѣе, чѣмъ постройка ста фарфоровыхъ башенъ. Превосходство комульскихъ дынь ([78]) вошло въ пословицу; онѣ не только сладки и ароматны, но имѣютъ и то преимущество, что сохраняютъ свои качества очень долго послѣ вызрѣванія. Потому, за императорскимъ столомъ въ Пекинѣ, плоды эти подаются въ теченіи цѣлой зимы, а, при принятіи посольствъ, угощеніе дынями есть особенный знакъ императорской благосклонности ([79]). Канъ-хи замѣчаетъ ([80]), что Хами, со времени под-

(77) Mém. conc. l'hist. d. Chin. T. IV. p. 471.
(78) Timkowsky Voy. I p. 412.
(79) Mailla Hist. gen. de la Chine. T. XI. p. 432.
(80) Kanghi obs. въ Grosier Descr. T. III. p. 232.

чиненія своего Китаю, около каждаго новаго года, платитъ дань двору дынями. и что его царствованіе доставило китайскому правительству эту небольшую выгоду. Въ Хами насчитываютъ 10 различныхъ сортовъ дынь, имѣющихъ до 1 ф. дл.; вообще должно замѣтить. что всѣ татарскія степи, простирающіяся черезъ всю внутреннюю Азію до Волги. особенно удобны для разведенія дынь. по причинѣ сильнаго нагрѣванія солнечными лучами. при безоблачномъ небѣ. не смотря на довольно сильные зимніе холода. Въ 1778 г. дынныя сѣмена были привезены изъ Хами въ парижскіе сады. гдѣ отъ нихъ въ послѣдующіе годы произрастали дыни съ большимъ успѣхомъ.

Хотя Хами упоминается съ древнѣйшихъ временъ подъ различными названіями. — положеніе его стало извѣстно только въ началѣ XVIII в.. изъ съемокъ миссіонеровъ іезуитовъ. — и опредѣлено астрономически. хотя и не съ совершенною точностію. Это опредѣленіе дало возможность привести въ согласіе карты западной и восточной Азіи.

М. Поло первый изъ европейцевъ упоминаетъ объ этой мѣстности въ XIII в.. но изъ его повѣствованія не видно: посѣтилъ ли онъ самъ эту страну. Комуль. говоритъ онъ (81), есть провинція царства Тангутъ. подчиненная Монгольскому Императору и наполненная замками и городами. изъ которыхъ главный носитъ названіе самой провинціи. простирающейся между великою степью на В. и малою на З.. на протяженіи 3 дней пути. Туземцы — идолопоклонники говорятъ особымъ языкомъ, живутъ доходомъ съ своихъ земель. которыхъ произведенія продаютъ путешественникамъ. Мужчины ведутъ роскошную жизнь: любимыя занятія ихъ: пѣніе. танцы. музыка. чтеніе и писаніе. Они предаются всѣмъ удовольствіямъ и пріятностямъ жизни. принимаютъ охотно въ свои дома путешественниковъ. заставляя своихъ женъ. дочерей и сестеръ удовлетворять всѣмъ ихъ желані-

(81) M. Polo ed. Ramusio Venet. 1853. T. II. c. 37 fol. 12. cf. Marsden. ch. 37 p. 171—175.

ямъ, а сами удаляются на это время изъ домовъ своихъ на дачи. Оттуда доставляютъ они путешественнику все необходимое за хорошую плату, но не возвращаются къ себѣ ранѣе его отъѣзда. Если гость распоряжается въ домѣ, какъ хозяинъ, даже относительно жены и дѣтей, то они считаютъ это за должное и вообще полагаютъ, что. для своей пользы и чести своихъ идоловъ, они должны имѣть попеченіе о путешественникахъ, послѣ труднаго пути ихъ. Такимъ гостепріимствомъ надѣются они снискать благословеніе своихъ идоловъ, выражающееся размноженіемъ семейства, изобиліемъ въ хозяйствѣ и счастіемъ въ исполненіи предпріятій. Женщины ихъ въ самомъ дѣлѣ прекрасны и очень склонны къ такому роду жизни. Мангу-Ханъ, во время пребыванія своего въ этой провинціи, желая вывести этотъ предосудительный обычай, строго запретилъ принимать путешественниковъ въ семейства и приказалъ устроить для нихъ караванъ-сараи; но возникшія, по истеченіи трехъ лѣтъ, нужды и несчастія въ странѣ были приписаны уничтоженію древняго обычая, и депутаціи отъ Комуля удалось испросить у Императора уничтоженія его едикта и возстановленія обычая предковъ. Великій Ханъ снова разрѣшилъ жителямъ Комуля ихъ обычай: „къ собственному ихъ стыду и въ наказаніе." Изъ этого разсказа венеціанскаго путешественника усматриваемъ мы, что караванная жизнь въ городахъ оазисовъ, служащихъ посредствующими пунктами между противуположными торговыми областями, государствами и народами, какъ напр. Фецщанъ между С. В. и З. Африкою (Erdkunde Afrika. Th. I. 2-te Aufl. S. 1013), и Комуль между Китаемъ и Туркистаномъ производитъ одинаковое зло и одинаковые обычаи между народами.

Посольство Шаха Рока, сына Тамерланова, слѣдовавшее 100 л. спустя послѣ того (1420) (82) изъ Турфана черезъ Хами, упоминаетъ о немъ, называя его впрочемъ, вѣроятно по ошибкѣ переписчика, Кобуль вмѣсто Комуль. Черезъ три дня пути

(82) Ambass. du schah Rok à l'emp. d. Khataï 1410 — 1442 въ Thevenot Rec. l. c.

отъ Турфана, путешественники встрѣтили неизвѣстное намъ мѣсто Кара-Кагіа: черезъ восемь — существовавшую со времени династіи Минъ границу, на которой китайцы въ первый разъ прописали членовъ посольства: черезъ 17 — прибыли они въ мѣстечко Ата-Суфи, гдѣ въ то время пребывалъ Эмиръ изъ рода пророка Магомета. Черезъ 19 дней достигли они Комуля. Тамъ нашли они двѣ великолѣпныя мечети, выстроенныя тѣмъ же Эмиромъ Факръ-Еддиномъ, и подлѣ нихъ языческій храмъ, окруженный идолами различныхъ величинъ и странныхъ формъ; у воротъ стояли статуи двухъ гигантовъ, какъ бы боровшихся между собою. Очевидно это былъ храмъ Будды со статуями Рекши, охранявшими его ворота. Въ древности, при династіи Т'анъ, здѣсь было еще распространено поклоненіе огню Гвебровъ, но М. Поло уже не нашелъ никакого слѣда этого поклоненія. Слѣдовательно тогда (1420) господствовала здѣсь, зашедшая сюда изъ Индіи, буддійская религія, о которой М. Поло упоминаетъ какъ объ исключительно здѣсь господствующей. Съ нею, какъ кажется, было соединено и многомужство, распространенное въ то время въ большей части восточной нагорной Азіи. Все это отчасти было вытѣснено распространеніемъ Ислама, потому что гораздо позже, по показаніямъ миссіонеровъ іезуитовъ ([83]), эта послѣдняя религія сдѣлалась въ такой степени преобладающею, что Буддизмъ, удержавшійся на остальномъ плоскогоріи, совершенно долженъ былъ оставить Хами.

Изъ Комуля посольство направилось черезъ степь, на двухъ дняхъ пути безводную. Путешественники встрѣчали львовъ (?), буйволовъ и другихъ звѣрей до Ша-чжеу: оттуда черезъ 10 дней прибыли они въ Су-чжеу, о которомъ было говорено выше (см. Т. I. ст. 573).

Черезъ двѣсти лѣтъ (1605) ([84]) П. Бенед. Гоэсъ, какъ мы

(83) Du Halde IV. p. 31; Gaubil not. въ Hist. d. Tang. въ Mém. conc. l'chin. T. XVI p. 390.

(84) Bened. Goesius въ N. Trigantius de christ. expedit. apud Sinas etc. Aug. Vind. 4. 1615. p. 559.

видѣли выше (см. Т. I. ст. 588), снова нашелъ сухопутную дорогу изъ Индіи черезъ внутреннюю Азію на Турфанъ и Комуль въ Китай; но объ обоихъ мѣстахъ упоминаетъ онъ кратко въ своемъ дневникѣ. Онъ говоритъ о Турфанѣ, какъ объ укрѣпленномъ городѣ, въ которомъ онъ пробылъ цѣлый мѣсяцъ: оттуда черезъ Арамутъ (?) прибылъ онъ въ Комуль, также укрѣпленное мѣсто. Здѣсь достигъ онъ границы магометанскаго Кашгарскаго княжества, которое хвалитъ за гостепріимство. Въ Комулѣ караванъ отдыхалъ цѣлый мѣсяцъ; оттуда въ 9 дней достигъ воротъ Кя-Юй-Гуань, (Цзя-Юй-Гуань) гдѣ, говоритъ Гоэсъ, Сарацины граничили съ Китайцами (тогда Минъ). Замѣчаніе это очень ясно указываетъ на успѣхъ распростаненія Ислама на В. черезъ нагорную Азію, въ то время, когда династія Минъ ограничивала свое владычество страною, непосредственно окружающею древній Китай на З. отъ Шеньси. Новый періодъ для познанія Хами начался съ покореніемъ Китая Маньчжурами: въ самомъ дѣлѣ, съ того времени, будущность Хами связалась съ участью Китая тѣснѣе, чѣмъ прежде, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ Хами, находясь на границѣ Китая и Си-Юй или западныхъ странъ, подчинялся первому только періодически и, какъ небольшое владѣніе, служилъ всегда яблокомъ раздора для болѣе могущественныхъ сосѣдей. Въ началѣ нашей эры, когда Гоби и его окрестности, на западной Китайской границѣ и со стороны внутренней Азіи къ Лобъ-Нору и восточнымъ вѣтвямъ Тянь-Шаня, еще служили театромъ войнъ Юэ-чжи и Усунямъ, (см. Т. I. ст. 558), которые должны были уклониться къ З. отъ могущественныхъ Хунну, — Китайцы заняли въ первый разъ укрѣпленными линіями, заставами и военными поселеніями часть степи между городами Великой стѣны Ши-Хуанъ-Ди (см. Т. I. ст. 559) черезъ Ша-чжеу до Лобъ-Нора, желая истребить южныхъ Хунну и оттѣснить сѣверныхъ. Потому, уже въ 94 г. до Р. Х., Китайцы снабдили князей Шань-Шань (Chen-Chen на Лобъ-Норѣ) гарнизонами, для защиты ихъ отъ нападенія сосѣдей. Этимъ самымъ они распространили свое вліяніе на З. до Яркана и Хотана, въ то время, когда еще древніе Уйгуры (Гю-Цзы, Гао-чанъ-ми, позже Гао-чанъ

и Си-чжеу), составлявшіе отъ Турфана и Хами [85] до южной подошвы Т'янь-Шаня шесть небольшихъ Государствъ и обладавшіе многими другими землями, какъ напр. впослѣдствіи Бэй-лу или сѣверною дорогою, были еще совершенно независимы отъ Китая и состояли, вѣроятно, подъ игомъ Хунну. Къ этому то времени относится первое свѣдѣніе о существованіи Хами, извѣстнаго тогда подъ совершенно другими именами. 35 лѣтъ спустя, въ 59 г. до Р. Х., власть Хунну, кочевавшихъ въ этой странѣ, до того ослабѣла, что Китайскій генералъ-губернаторъ былъ поставленъ главнокомандующимъ надъ сѣверной и южной дорогами — Бэйлу и Наньлу, слѣдовательно по обѣимъ сторонамъ Т'янь-Шаня. Первый изъ такихъ главнокомандующихъ назывался Чинъ-цзи; резиденція его Ву-люй (?) находилась въ 200 г. м. (2740 ли) отъ прохода Янъ-Гуань при Ша-чжеу, въ сосѣдствѣ повелителя Гюй-ли (?), въ плодородной странѣ, положеніе которой намъ впрочемъ не извѣстно. Скоро послѣ того (въ 48 г. до Р. Х.) такихъ главнокомандующихъ было поставлено два, изъ которыхъ одинъ избралъ резиденціею Турфанъ (Гао-Чанъ). Очевидно Хами былъ занятъ тогга Китайскимъ гарнизономъ. Затѣмъ побѣдоносно распространилось владычество могущественной династіи Хань (до 200 г. по Р. Х.) на З. до Белуръ-Тага и Бадакшана къ Бактріи, а на Ю. до Кунь-Луня и Гималаи къ Индіи. До 50 царствъ попали тогда въ данничество Китая, и черезъ всю нагорную Азію, до самыхъ отдаленныхъ вассальныхъ земель, была проложена система трехъ военныхъ дорогъ, а именно *южной* изъ Китая черезъ земли тибетскихъ народовъ къ южнымъ синимъ горнымъ цѣпямъ Хинду (Кунь-Лунь и Гималая), *средней* и *сѣверной* вдоль Т'янь-Шаня. Но какъ первая, Тибетская, дорога не могла существовать долго, то *средняя* впослѣдствіи получила названіе Наньлу т. е. южной. Въ избѣжаніе недоразумѣній, мы назовемъ сію послѣднюю однозначущимъ именемъ *Турфанской*, а сѣверную *Бишбалыкской*, по

(85) Ab. Remusat Remarq. s. l'extens occ. p. 118; Klaproth Tabl. histor. d. l'Asie p. 123.

именамъ главныхъ на нихъ станцій. Хами въ разныя времена принадлежалъ къ обѣимъ, потому что здѣсь раздвоялась соединенная сначала дорога, посѣщаемая всѣми приходившими съ В. черезъ узкій рукавъ Гоби и избѣгавшими обыкновеннаго нынѣ сѣвернаго пути, черезъ всю ширину степи Гоби, вдоль стѣны на Ша-чжеу.

Вскорѣ послѣ того Хами является въ I в. по Р. Х., подъ древнимъ именемъ И-ху (Юй), (86) укрѣпленнымъ мѣстомъ, занятымъ Китайскимъ гарнизономъ (74 г. по Р. Х.), но не разъ покоряемымъ, подобно сосѣднему на З. Турфану, сѣверными Хунну; но уже и тогда онъ былъ обязанъ китайской цивилизаціи сѣменами своей развившейся до высокой степени промышленности. Такое положеніе продолжалось до конца династіи Хань, въ концѣ II в. При послѣдующихъ династіяхъ, Хами находился подъ властью туземныхъ князей, подчиненныхъ сѣвернымъ туркскимъ племенамъ Ту-гю. Какъ перемѣнялось здѣсь владычество, намъ не извѣстно; Китайцы называютъ эти перемѣны возмущеніями. Когда же начала процвѣтать могущественная династія Танъ (618-907) въ своемъ спокойномъ обладаніи Китаемъ, исторія Хами становится гораздо непрерывнѣе извѣстною, хотя все еще въ ней остаются многіе пробѣлы. Въ 630 году (87) Хами (тогда Юй) подчинился Китаю и былъ присоединенъ, подъ именемъ И-чжеу (въ 632 году), къ большой западной провинціи Лунъ-ю, занимавшей бо̀льшую часть Шэнь-си, Сы-чуана и страну Хэ-си (т. е. на западъ Хуанъ-Хэ). 8 лѣтъ спустя, та же участь постигла и уйгурское княжество Турфанъ, получившее названіе Си-чжеу т. е. западнаго города: такимъ образомъ, оба княжества спаслись отъ тягостнаго ига восточныхъ Турковъ. Тогда то, подъ мирнымъ владычествомъ Китая, начали процвѣтать торговыя сношенія Хами, и вино его, навьюченное на верблюдахъ, караванами пошло въ Китай. Императоръ Тай-Цзунъ, какъ говорятъ Китайскія лѣтописи, овладѣвъ этою страною, приказалъ перенести изъ Хами

(86) Ab. Remusat Remarq. l. c. p. 121; Deguignes Gesch. d. Hunnen Th. I. p. 230.

(87) Ab. Remusat Remarq. p. 80. Grosier Descript. II. p. 121.

въ Китай виноградныя лозы, называемыя Ма-ю, и научилъ Китайцевъ приготовленію вина, впрочемъ, къ собственному несчастію, потому что самъ предался пьянству. И въ это время Китайцы, по древнему обычаю, опредѣляли въ западныя провинціи своихъ генералъ-губернаторовъ, избравшихъ впрочемъ своею резиденціею Турфанъ (Гао-Чанъ). Отсюда отражали они (до 787 г.) съ С. и З. нападеніе Туркскихъ племенъ, которыя, въ послѣдующія столѣтія, были взволнованы вторженіями Аравитянъ съ З. и часто нападали на западныя области Китая, иногда прерывая тѣмъ самымъ мирную торговлю по Турфанской дорогѣ. Въ то же время были начертаны ландкарты ([88]) Си-Юй и западныхъ дорогъ: сѣверной черезъ Хами, средней черезъ Турфанъ и южной черезъ Хотанъ.

Китайская государственная граница ([89]), со второй половины VII вѣка до первой половины VIII, на западѣ достигала до Каспійскаго моря, и слѣдовательно въ этомъ періодѣ процвѣла китайская сухопутная торговля, оживилось обращеніе каравановъ по поперечнымъ путямъ и возвысились караванныя станціи, сосѣднія съ собственно Китаемъ. Турфанъ и Хами, во все это время, были самыми неизбѣжными изъ проходимыхъ пунктовъ. Исключенія изъ этого представляютъ первыя времена династіи Хань (163 — 196 до Р. Х.) ([90]), потому что при ней средній путь изъ Китая прямо проходилъ черезъ степь въ страну Лэу-лань, къ Лобъ-Нору и оттуда далѣе на З., не касаясь Хами. Слѣдовательно средняя дорога шла на Ю. отъ этого оазиса, а сѣверная проходила въ то время на С. З., не касаясь Хами, въ Гао-чанъ и соединялась только впослѣдствіи, въ странѣ Бишбалигъ, съ среднею дорогою. Такое уклоненіе отъ самаго удобнаго пути должно приписать особымъ обстоятельствамъ и почитать исключеніемъ изъ общаго правила. Со временъ Императора Янъ-ди (604), изъ династіи Суй

---

(88) Deguignes Gesch. der Hunnen Th. I p. 537.
(89) Abel Remusat Remarq. l c. p. 81.
(90) Ab. Remusat Remarq. s. l'extens. etc. p. 120.

(581-619), дорога, проходящая черезъ страну Юй ([91]), т. е. Хами или Уйгуръ, на В., сдѣлалась навсегда главнымъ путемъ тогда процвѣтавшихъ народныхъ сношеній. Китайская администрація имѣла, съ рѣдкими исключеніями, свое центральное пребываніе въ Турфанѣ: она вездѣ оставляла властвовать туземныхъ князей, но раздѣляла свои гарнизоны и караулы по провинціямъ перваго, втораго и третьяго классовъ (Фу, Чжеу, Хянь), собирала дань, пошлины, вела обо всемъ записи и отчеты, писала лѣтописи, покровительствовала посольствамъ, собирала свѣдѣнія о странахъ и народахъ и споспѣшествовала торговымъ сношеніямъ. Такимъ образомъ, въ это время, географія средней Азіи возникла въ китайской литературѣ изъ торговыхъ оазисовъ при Т'янь-Шанѣ, а возрожденному ея изученію землевѣдѣніе наше обязано нынѣ своими важнѣйшими обогащеніями.

Но и это счастливое время не прошло безъ переворотовъ; династія Т'анъ утратила мало по малу свою силу и пришла въ ослабленіе. До 787 года, могла она удержать еще въ порядкѣ свою систему генералъ-губернаторства отъ напора сильныхъ сосѣдей и всеобщихъ возстаній, но и до того времени отдѣлились нѣкоторыя княжества, и начались отчасти страшныя вторженія, многократно нарушавшія связь сихъ учрежденій. Всего важнѣе, за исключеніемъ вторженія аравійскихъ войскъ и обращенныхъ къ Исламу племенъ западныхъ Турковъ, присоединившихся къ возникшему въ Согдіанѣ и Персіи калифату, былъ ближайшій и не менѣе опасный врагъ. Это было возникшее тогда воинственное и сильное государство Тибетскаго племени — *Туфань*, которое распространило свои завоеванія съ VIII вѣка, отъ Ю. къ С. до Лобъ-Нора и Хуанъ-хэ. Скоро, въ связи съ калифатомъ, начало оно сильно безпокоить китайцевъ въ ихъ провинціи Хэ-си (позднѣе Тангутъ). Въ 727 году ([92]) Туфа-

(91) Klaproth Tabl. hist de l'Asie p. 204.

(92) P. Gaubil Hist. des Tang въ Mém. conc. T. XVI p. 20, 43, 137.

ни напали въ первый разъ на страну Ша-чжеу, на Ю. отъ Хами, и принудили Китайцевъ къ усиленію гарнизоновъ по Турфанской дорогѣ до Хами, для удержанія въ повиновеніи угрожающихъ съ С. Турковъ. Могущество Туфаней столь возрасло черезъ полвѣка, что вторженіе ихъ въ Шеньси съ 790 г. повторялись ежегодно, и что они, побѣдивъ войска Уйгуровъ, пришедшія на помощь къ Китайцамъ, заняли всю страну отъ Хуанъ-хэ и Ша-чжеу, через Хами и Турфанъ до Бей-т'иня (Урумчи): только городъ и крѣпость Си-Чжеу (Турфанъ) остались въ повиновеніи Китайцевъ. Въ это то время возвысилась въ Хами фамилія Чинъ ([93]) въ княжеское достоинство, и 10 князей этой фамиліи, которыхъ имена впрочемъ отчасти остались неизвѣстными, владѣли, одинъ за другимъ, городомъ и окрестною страною. Между тѣмъ царство Ту-фань ослабѣло и наконецъ совершенно уничтожилось въ 866 году ([94]): въ замѣнъ его усилились царства Куку-норскихъ Тангутовъ и Хя, возникшія на Ю. съ X вѣка ([95]), между тѣмъ какъ на С. возрасло могущество Хой-ху при Алтаѣ въ Холинѣ. Хой-ху изъ провинціи Гань-чжеу, гдѣ китайцы терпѣли ихъ въ видѣ пограничной колоніи, сдѣлались вмѣсто Туфаней обладателями Хами, Турфана, Бэй-т'иня (въ 866 г.) и другихъ городовъ до Кашгара; а на В. Китайская династія Сунъ (960-1280) назначала въ западныхъ странахъ (Си-Юй) только номинальныхъ генералъ-губернаторовъ, не имѣвшихъ впрочемъ никакой силы. Такъ прошелъ и періодъ владычества Чингисъ-хана, который принялъ въ подданство царство Хя въ Тангутѣ или Хэ-си, со всѣми подвластными ему землями: еще въ 1206 году, при дворѣ Сунъ, въ южномъ Китаѣ, ([96]) получилъ призванный Киданями съ С., князь Джангу, титулъ коменданта округовъ Синина и Хо-чжеу (Турфана): а въ 1209 Монголы уже владѣли всею западною

(93) Deguignes Gesch. der Hunnen Einleitung p. 340.
(94) P. Gaubil Hist. d. Tang. l. c. p. 237. 257.
(95) Klaproth Mém. relat. à l'Asie. T. II p. 366. Tabl. histor. de l'Asie.
(96) Descript. du Tubet Nouv. Journ. Asiat IV p. 116.

страною, съ Хами и Турфаномъ включительно: въ 1227 былъ покоренъ и Нинъ-хя. При династіи Юань (Монгольской) (1280—1341) (97) Хами былъ соединенъ съ западною провинціею Шэньси до временъ династіи Минъ (1341-1628), которая возстановила туземнаго князя Хами, получившаго въ 1404 году отъ Китая новый титулъ и золотую печать, и за то обязался платить дань, впрочемъ, только съ 1431 года. Вслѣдъ за тѣмъ возникъ споръ о престолонаслѣдіи, и Хами сдѣлался добычею Царя Турфанскаго (по китайски Ту-эрлъ-фанъ). Это продолжалось не долго. Хами снова освободился и возстановилъ собственныхъ князей: но вслѣдствіе этого переворота остался въ совершенной внутренней анархіи. Китайцы довольствовались обороною отъ грабежей своихъ враждебныхъ сосѣдей, и предоставили ихъ собственной участи, не вмѣшиваясь въ ихъ управленіе. Оттого государства упомянутыхъ Туркскихъ народовъ распадались на болѣе и болѣе мелкія части, такъ что въ 1533 году, по замѣчанію Императора Канъ-хи, можно было насчитать не менѣе 75 независимыхъ княжествъ, которыя всѣ имѣли собственныхъ Государей, часто воевавшихъ между собою. Напрасно Китайцы старались въ то время прекращать ихъ споры миролюбиво. Во времена династіи Минъ, Дегинь (98) упоминаетъ о нѣсколькихъ Государяхъ, какъ кажется, изъ Чингисъ-ханова рода, царствовавшихъ въ Хами: 1) *Хона-шели-че*, которому наслѣдовалъ 2) братъ его *Ганке-Тимуръ*, принявшій въ 1397 году Китайскій титулъ Чюнъ-шунь-вань: 3) сынъ его *То-то-фу*, умершій въ 1404 г. Этому послѣднему наслѣдовалъ 4) его двоюродный братъ *Кели-Тимуръ*, котораго дальнѣйшіе преемники совершенно неизвѣстны, потому что въ это время начались войны съ Элютами, поработившія Хами на нѣкоторое время тягостному игу. Такъ наступило время, когда, вслѣдствіе блистательныхъ побѣдъ Маньчжуровъ, (основатель нынѣшней ди-

(97) Grosier Descr. T. II p. 122 и Kanghi Mém. въ Mém. conc. la Chine T. XIV p. 19.

(98) Deguignes Gesch. der Hunnen Einl. p. 341.

настіи—Чунъ-чи вступилъ на китайскій престолъ въ 1644 году) начался новый періодъ существованія Хами. Сначала новые обладатели Китая не владѣли еще ничѣмъ ([99]) въ западной Татаріи: на С. отъ Бэй-Чжили (Pe-tcheli). Шаньси и Шэньси обитали тогда. до самаго Алтая, Халхасъ-Монголы, со времени изгнанія ихъ изъ Китая; а на С. З. Элюты. которые властвовали надъ различными племенами нагорной Азіи отъ Алтая къ Ю. и Ю. З. до самаго Тибета. Халхасы сдѣлались скоро данниками Маньчжуровъ. но отдаленные Элюты оставались долго независимыми. Соединеніе многихъ ихъ племенъ подъ властью одного властителя — Галдана. казалось. даже начало снова угрожать Китаю, какъ во времена Чингисъ-хана. своимъ варварскимъ могуществомъ. Маньчжурскіе Императоры однакоже отвратили эту опасность. Сначала успѣли они отдѣлить совершенно интересы Монгольскихъ племенъ отъ интересовъ Элютовъ. разсорить ихъ между собою и подчинить первыхъ: и тогда получили возможность сдѣлаться повелителями и самыхъ Элютовъ. Сначала Императоръ Канъ-хи. въ войнахъ своихъ съ Галданомъ (см. Т. I. ст. 610. 662, 720). совершенно отразилъ Элютовъ отъ сѣверныхъ границъ Монголіи на р. Тулѣ (1696). Скоро послѣ того главный ихъ предводитель ([100]). бывшій тогда однимъ изъ могущественнѣйшихъ кочевыхъ князей центральной Азіи. нашелъ свою смерть въ каменистой степи. на З. отъ Ху-ху-хотоня. Племянникъ этого Галдана. державшій въ страхѣ (съ 1682) ([101]) всѣ племена, на С. отъ Тянь-Шаня, отъ Тулы вдоль Алтая до Или, и даже къ Ю. отъ Небеснаго хребта до Тибета. Яркана и Самарканда, отдѣлился отъ своего воинственнаго. вѣроломнаго и жестокаго дяди и утвердился также и въ Турфанѣ и Хами. притѣсняя туземныхъ князей и народъ, подобно разсорившемуся съ нимъ Галдану. Онъ называл-

(99) Abel Remusat Remarq. sur l'extens. etc. p. 65.

(100) Klaproth Troubles de la Dzoungarie trad. du chinois въ Magas. Asiat. Paris. 1826. T. II p. 187.

(101) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI p. 91,284.

ся *Цзе-ванъ-рабданъ*, и своимъ видимымъ подчиненіемъ Китаю долгое время игралъ, слѣдуя примѣру дяди, очень двусмысленную роль, до самой смерти Императора Канъ-хи. Только преемниковъ его, а именно возмутителя Амурсану, постигло наконецъ, въ царствованіе Императора Кянъ-луня, мщеніе Китайцевъ (1756), совершенно разрушившихъ царство Элютовъ и утвердившихъ въ центральной Азіи новый порядокъ вещей. Однакоже слѣдствіемъ перваго ослабленія могущества Элютовъ (1696) было то, что княжества Турфанъ и Хами сдѣлались свободнѣе отъ тягостнаго ига этихъ варваровъ: такъ что городъ Хами рѣшился совершено освободиться отъ нихъ власти и отдаться подъ покровительство Императора Маньчжурской династіи—Канъ-хи. Это удалось Хами по сосѣдству съ Китайскою границею, на которой стояли страшныя войска Китая, состоявшія еще на военномъ положеніи (напр. цѣлый корпусъ стоялъ на рѣкѣ Булонгиръ при Ша-чжеу). Но когда Турфанъ и Ярканъ рѣшились на тоже самое, ([102]) Цзе-ванъ-рабданъ поспѣшилъ туда съ войсками и удержалъ нихъ въ повиновеніи. При такомъ невѣрномъ положеніи дѣлъ, торговыя сношенія этихъ мѣстъ съ Китаемъ должны были быть очень незначительны: посольство Императора Канъ-хи, отправленное въ 1692 году къ упомянутому князю ([103]), съ цѣлію отвратить переговорами открытую войну, не смотря на сильный конвой въ 60 человѣкъ, полученный имъ отъ пограничнаго начальника, не могло безопасно достигнуть даже до города Хами, и было разграблено и большею частію истреблено войсками Галдана. А потому недовѣрчивость китайцевъ къ являвшимся на нихъ границы западнымъ караванамъ, была не безъ основанія, и вмѣсто прежнихъ тысячь купцевъ, ежегодно сюда стремившихся, позволено было переходить Китайскіе пограничные посты только нѣсколькимъ сотнямъ человѣкъ изъ Турфана и Хами. Въ 1696 году, когда

(102) Gerbillon observat. hist. y Duhalde IV. p. 64.
(103) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 165.

Цзе-ванъ-рабданъ черезъ пословъ, отправленныхъ имъ съ подарками къ Императору, отдался въ его подданство, для пріобрѣтенія тѣмъ самымъ его покровительства противъ своего дяди Галдана, онъ представилъ ([104]), что торговля не можетъ быть для него выгодна, если только 200 человѣкъ будутъ допускаемы на Китайскіе рынки. Императоръ обратилъ на это обстоятельство вниманіе своего министерства иностранныхъ дѣлъ, и дано было разрѣшеніе для 300 человѣкъ. Но, разумѣется, это очень мало помогло цѣлому купеческому сословію или, лучше сказать, цѣлой странѣ, почти исключительно жившей транзитнымъ торгомъ; тогда Хами сбросилъ съ себя тягостное иго Элютовъ; туземный князь Эбейдуле (Абдалла; Эбтула-Тарайбекъ, въ китайской исторіи, или Торгама-Бекъ) захватилъ въ плѣнъ четырнадцати-лѣтняго сына Галдана Себтенпарцура, разъѣзжавшаго на охотѣ, и отправилъ его плѣнникомъ въ Пекинъ (1697). Сынъ Эбейдуле, князя Хами, именемъ Конабекъ ([105]), лично сопровождавшій юнаго плѣнника къ Императору Канъ-хи, на аудіенціи въ Пекинѣ, призналъ подданство Хами Китаю и просилъ помощи и покровительства противъ грознаго сосѣда Цзеванъ-рабдана въ Турфанѣ. Такое покровительство и защита обезпечила Хами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ нападеній, во время которыхъ, какъ напр. въ 1703 году, городъ былъ совершенно разрушенъ: Китайскій военный корпусъ имѣлъ свое пребываніе на пути туда при Ша-чжеу, на рѣкѣ Булонгирѣ, и могъ всегда доставить Хами защиту гарнизона въ 3000 человѣкъ. Тогда Цзе-ванъ-рабданъ принялъ снова роль повидимому добровольнаго вассала Китайской Имперіи. Войска князя Хами, въ награжденіе за его вѣрность, были организованы и составили полкъ (знамя) императорскаго войска, а самъ онъ получилъ титулъ Джасакъ-Дарганъ (Часакъ-Тарханъ; Часакъ есть полковой командиръ, Тарханъ почетный титулъ, который дается за какія ни-

(104) Mailla Ibid. p. 181 cf. p. 107.

(105) Mailla Hist. gen. XI. p. 257, 261, 268; Gerbillon Voy. VII. y Duhalde p. 456, 476; Abel Remusat Remarq. sur l'extension etc. p. 66.

будь услуги Императору) ([106]). Третій его преемникъ, за новыя значительныя свои заслуги, былъ признанъ Царемъ (Regulo) и получилъ преимущество передъ всѣми другими князьями страны. Его примѣру послѣдовалъ туземный князь Турфана, Аминъ-ходжа, получившій въ 1725 императорскій патентъ и печать, а также начальство надъ своимъ войскомъ, въ качествѣ полковника Императорской арміи; сынъ его получилъ также отъ китайскаго Императора достоинство Царя (Regulo), а резиденціею ему назначенъ былъ Гуа-чжеу при Турфанѣ. За этими событіями послѣдовали подобныя же подчиненія всѣхъ мѣстъ, лежащихъ у подошвы и вдоль всего Тянь-Шаньскаго хребта, далеко на З., о чемъ будетъ упомянуто ниже. Здѣсь, на восточной оконечности Тянь-Шаня, довели мы свое указаніе на исторію Хами до того времени, когда этотъ оазисъ въ первый разъ получилъ опредѣленное мѣсто въ географіи страны и съ тѣхъ поръ могъ служить исходнымъ пунктомъ для оріентированія въ его окрестностяхъ. Пользуясь изустными показаніями князя Хами и своихъ спутниковъ, Патеръ Жербильонъ ([107]) сообщилъ первыя точныя свѣдѣнія объ этой странѣ, и вскорѣ послѣ того, въ 1712 году, было опредѣлено астрономическое положеніе города и сдѣлана картографическая съемка. Императоромъ Канъхи, при помощи ученой ревности іезуитовъ. До 1714 года Патеры Жарту и Фределли, занимавшіеся уже и прежде подобными работами, вмѣстѣ съ присланнымъ къ нимъ Папою Августинскимъ монахомъ Патеромъ Фабри Бонжуръ, получили порученіе окончить съемку западной Татаріи, въ 1711 году, отъ странъ Халхасовъ до Хами ([108]), откуда они въ Январѣ 1712 года возвратились по большой дорогѣ черезъ Шэньси и Шаньси и измѣрили разстояніе отъ Хами до западной заставы Кя-юй Гуань. 16 сентября 1711 наблюденіе полуденной высоты солнца,

(106) См. Note у Petit de la Croix. Hist. de Genghizcan p. 62.
(107) Gerbillon observat. historiq. у Duhalde IV p. 69. cf. p. 32.
(108) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI p. 314. Duhalde T. I. pref. p. XLII

въ Хами ([109]) дало для этого города, по вычисленію Патера Жарту и поправкѣ Патера Гобиля. 42° 53′ 20″ с. ш.; а тріангуляція Хами. по вычисленію Жарту, 5° долготы на З. отъ Кіяюй-Гуаня. а. по исправленію Патера Гобиля, 20° 32′ на З. отъ Пекина (22° 32′ по стр. 142?). Хами лежитъ слѣдовательно по послѣднему, всѣми принятому опредѣленію, подъ 93° 19′ 30″ в. д. отъ Парижа. Отчетливо измѣренное разстояніе Хами отъ заставы великой стѣны Кя-юй-Гуань дало 72 г. м. (970 ли), что соотвѣтствуетъ пяти градусамъ долготы, какъ то и принималъ Жарту.

Къ несчастію, измѣренія не были продолжены далѣе на З., о чемъ справедливо сожалѣетъ и Патеръ Гобиль, и оттого, начиная отъ Хами къ З., господствуетъ неопредѣленность въ долготахъ для Турфана и западныхъ странъ, которая не была даже устранена позднѣйшими наблюденіями при Императорѣ К'янъ-Лунѣ въ Джунгаріи; потому что, для соединенія этихъ западныхъ наблюденій съ предъидущими, недостаетъ опредѣленія Турфана относительно Хами. Однако уже Пат. Гобиль старался пополнить пробѣлъ, произведенный въ ландкартахъ Азіи недостаткомъ западнаго продолженія съемокъ, пользуясь для своихъ географическихъ цѣлей точнѣйшими маршрутами, составленными въ его время императорскими посольствами, отправляемыми въ главный лагерь Цзе-Ванъ-Рабдана изъ Хами черезъ Турфанъ къ рѣкѣ Или. Собравшій эти маршруты Патеръ Жербильонъ, поручилъ перевести ихъ Пат. Переннену, а Пат. Гобиль сравнилъ ихъ съ совершенными уже астрономическими наблюденіями. Подобную работу, съ помощью многихъ маршрутовъ, предпринялъ Пат. Режисъ для начертанія своихъ картъ. Эти два очень близкіе между собою труда ([110]), сообщенные въ видѣ картъ и таблицъ симъ послѣднимъ миссіонерамъ употреблены, были Д'ан-

(109) P. E. Souciet observat. mathemat, astr., géogr. etc. Paris 1729. 4. p. 12, 142, 176, 276.

(110) P. Gaubil Lettre 6 oct. въ P. Souciet observat. astronom. p. 176 и его же Liste des latit. et longit. des Routiers p. 178, 146.

віемъ при составленіи его картъ, и сдѣлались главными основаніями картографіи Центральной Азіи до новѣйшихъ временъ. Но такъ какъ они были основаны на приблизительныхъ показаніяхъ дорогъ и достигали до такой страны, въ которой не было произведено никакого точнаго географическаго опредѣленія мѣстъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что карта Азіи въ этихъ мѣстахъ очень не вѣрна и что вслѣдствіе того пластическое изображеніе представляетъ рельефъ ея только въ каррикатурѣ. Объ исправленіи прежнихъ данныхъ о странахъ, лежащихъ на З. отъ Хами, упомянутою съемкою, въ царствов. Имп. Кянъ-Луня въ 1759, будемъ мы говорить только ниже, потому что съемка эта была слѣдствіемъ покоренія западной Джунгаріи на Или побѣдоноснымъ Императоромъ въ половинѣ XVIII вѣка.

Важность этихъ позднѣйшихъ событій обратила въ новѣйшее время вниманіе наблюдаталей преимущественно на отдаленнѣйшій западъ; и знаніе Хами, вслѣдствіе того, сдѣлало очень мало успѣховъ со временъ Имп. Канъ-Хи. Мы присовокупляемъ сюда однакоже для большей полноты немногія данныя, которыя мы имѣемъ о жителяхъ страны и прежнихъ маршрутахъ.

Изъ карты, сообщенной миссіонерами-Іезутами (111), уже видно, что города, лежащіе на З. отъ Хами, не связаны между собою, какъ въ другихъ извѣстныхъ странахъ, рядами мѣстечекъ и деревень; потому путешественники отъ города до другаго не находятъ ни ночлеговъ, ни пристанищъ. Туземцы по дорогѣ продолжаютъ вести кочевую жизнь въ юртахъ, и совершенно отличны отъ жителей малочисленныхъ городовъ. Также и земли, способныя къ земледѣлію, пересѣчены рукавами степи Гоби и полосами песчаныхъ и каменистыхъ пустынь, и разбросаны островами по обширной степи. Однакоже, по замѣчанію Жербильона, западная Татарія имѣетъ большое преимущество передъ восточной въ томъ, что путешественникъ находитъ здѣсь отъ времени до времени города, въ которыхъ онъ можетъ отдохнуть; между тѣмъ

(111) Duhalde IV, p. 51.

какъ на В. во всей Монголіи, сколь далеко простирается Китайская имперія, нѣтъ ни одного города. По крайней мѣрѣ такъ было сто лѣтъ тому назадъ, во времена Жербильона, потому что и въ этомъ отношеніи нагорье сдѣлало значительные успѣхи; стоитъ только вспомнить объ Ургѣ на Кяхтинской дорогѣ (см. ниже). Первый изъ такихъ пунктовъ, служащихъ для роздыха путешественникамъ, отъ провинціи Шэнси за степью Гоби, лежитъ въ оазисѣ Хами. Единственный здѣсь городъ окруженъ многими деревнями. Онъ ([112]) имѣетъ три четверти часа въ окружности, обнесенъ высокими стѣнами и бросается въ глаза уже издали своими красивыми воротами, изъ которыхъ одни лежатъ на восточной, а другія на сѣверной сторонѣ города. Онъ былъ возобновленъ въ нынѣшнемъ Китайскомъ стилѣ, послѣ совершеннаго его разрушенія въ 1713 г. Джунгарами, подъ покровительствомъ Имп. Канъ-Хи въ 1715 году. Улицы очень прямы и хорошо распредѣлены, дома — одно-этажныя, большею частію некрасивыя землянки. Тѣмъ прекраснѣе кажется небо и роскошно орошенныя окрестности, наполненныя садами и окруженныя со всѣхъ сторонъ самыми привлекательными и пріятными ландшафтами.

Жители Хами ([113]) велики ростомъ, сильны, хорошо сложены и содержатъ въ чистотѣ свои жилища. Эти жители, вмѣстѣ съ своими соплеменниками, магометанами Янъ-си-т'ння (обитающими на рѣкѣ Булонгиръ въ Тангутѣ), по свидѣтельству Маньчжурской исторіи, суть потомки Хой-хэ, то есть Уйгуровъ временъ династіи Танъ. Они почитаются хорошими воинами, храбры, мужественны, очень ловки во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ страстны, раздражительны, гнѣвны до безумія, недовѣрчивы, дики и даже кровожадны. Иго Элютовъ стало для нихъ подъ конецъ невыносимымъ; въ настоящее время князь Хами остается вассаломъ Пекина, платитъ дань лошадьми, верблюдами и са-

(112) Grosier Descr. T. II. p. 124; J. Unkovski въ Müller Samml. Russ. Gesch. Th. I. p. 134.

(113) Du Halde IV p. 32.

(114) Houang-thsing-tchy-koung-thou ed. Khian—loung въ Klaproth Observ. crit. p. 342, 347.

бельными клинками, и посылаетъ опредѣленный контингентъ войскамъ китайской арміи; престолонаслѣдіе опредѣляется также Китайскимъ дворомъ. Господствующая здѣсь религія есть Коранъ. А потому въ настоящее время жители Хами, подобно всѣмъ другимъ магометанскимъ племенамъ, извѣстны у Китайцевъ подъ названіемъ Хой-хой, что однакоже нисколько не означаетъ, какъ то было во времена владычества Монголовъ, древнюю націю Уйгуровъ Хой-хэ. Оба названія не должны быть смѣшиваемы между собою, потому что первое въ настоящее время означаетъ только религіозныхъ сродниковъ Ислама, подобно тому какъ русскіе могли бы назваться Греками, потому только что они принадлежатъ къ Греческому христіанскому (115) вѣроисповѣданію.

Объ остальныхъ мѣстечкахъ страны (116) мы не знаемъ ничего кромѣ ихъ названій; точно тоже можно сказать и о немногихъ извѣстныхъ рѣкахъ и горахъ, которыхъ настоящаго положенія мы не можемъ опредѣлить.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного точнаго дневника сколько нибудь дѣльнаго путешественника, отъ линіи великой стѣны черезъ степь до Хами, изъ котораго можно было бы пріобрѣсти наглядный очеркъ пластическихъ отношеній упомянутаго пространства. Кромѣ вышеприведенныхъ путешествій: Марко Поло, посольства Шаха-Рока, Б. Гоэса и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ данныхъ о переходѣ черезъ Гоби отъ стѣны до Хами, при восточной подошвѣ Т'янь-Шаня, извѣстны намъ слѣдующія данныя изъ древнѣйшихъ временъ.

Дневникъ путешествія Чанъ-Куанъ-ѣ, 940 года, (см. Т. I. ст. 568) изображаетъ съ достаточной точностью природу степнаго пути отъ воротъ стѣны на З. до Ша-чжеу; но такъ какъ онъ направляется не на С. З. къ Хами, но прямо на З. къ Лобъ Нору и оттуда на Ю. къ Хотану, то мы сообщимъ заключающіяся въ немъ данныя не здѣсь, а гораздо далѣе.

---

(115) Timkovsky Voy. I. p. 387. Not 1.

(116) Deguignes Gesch. der Hunnen. Einleitung p. 9.

*

Изъ временъ династіи Сунъ (960-1280), передъ нашествіемъ Чингисъ-Хана, сообщаетъ намъ Дегинь слѣдующіе маршруты, заимствованные изъ Венъ-Хянъ-тунъ-Као (117):

I *Путь отъ Нинъ-хя (Хя-чжеу) въ Турфанъ (Си-чжеу).* Изъ *Нинъ-хя* путешественники слѣдуютъ черезъ крѣпость *Ѣ-т'инь* (Io-Tim) и оттуда черезъ степь *Ханъ-янь-ду-ша*, (Ham-jam-tu-sche), при проѣздѣ черезъ которую предварительно запасаются водою. Черезъ два дня переправляются, съ помощью наполненныхъ воздухомъ пузырей черезъ Хуанъ-хэ и вступаютъ на другомъ берегу его, за татарскимъ лагеремъ, въ песчаную степь. Песокъ здѣсь такъ глубокъ, что лошади не могутъ быть употреблены для перехода, и для этой цѣли служатъ только верблюды. Однакоже здѣсь есть нѣкоторыя кормовыя травы. Отсюда переходятъ пустынный хребетъ горъ Лэу-цзы-Шань (Leou-tse-Schan). Далѣе на горѣ Ду-ду (Tutu) расположенъ татарскій лагерь, въ которомъ имѣли свое мѣстопребываніе Хой-ху. Отсюда дорога проходитъ черезъ разныя татарскія орды въ Хо-ло-чуань (Ho-lo-tchuen) близь озера Т'анъ-Цуань (Tang-tsuen), гдѣ находилось мѣстопребываніе княгини Хой-ху. За тѣмъ путь идетъ черезъ Сяо-ше-чжеу (Siao-sche-tcheu) и нѣсколько далѣе черезъ Хами (И-чжеу); оттуда черезъ Ѣ-ду (Ye-Tu), и На-че-чинъ, гдѣ опять разстилаются обширныя степи. Наконецъ показывается проходъ Юй-мынь-Гуань, и путешественники, оставивъ за собою еще нѣсколько мѣстечекъ, достигаютъ до Гао-чана или Си-чжеу (т. е. Турфана).

Висделу сообщаетъ еще заимствованные имъ изъ исторической библіотеки Ма-ду-ань-линя слѣдующіе два маршрута (118), которые ведутъ туда-же, но только нѣсколько различными путями.

II *Изъ Китая въ страну Уйгуровъ.* Слѣдуя по кратчайшему пути, путешественникъ проходитъ, на протяженіи 75 геог. миль (1000 ли), черезъ песчаныя степи, въ которыхъ со всѣхъ сто-

---

(117) Deguignes Gesch. der Hunnen Th. I. p. 37.
(118) Visdelou Supplem. biblioth. orient. fol. 139.

ронъ видно только небо и песокъ, и нельзя замѣтить никакого слѣда дороги. Только кости людей и животныхъ, погибшихъ или убитыхъ на пути, и разсѣянный пометъ ихъ служатъ слѣдами прежнихъ путешествій и указателями пути. Во время перехода, слышатся часто различные звуки пѣсенъ и завываній, которые вводятъ въ заблужденіе того, кто руководится ими, потому что это голоса злыхъ духовъ, вовлекающихъ путниковъ въ несчастіе. А потому караваны предпочитаютъ этому прямѣйшему и кратчайшему пути нѣсколько болѣе извилистую и длинную дорогу черезъ Хами. Песокъ снова начинается при городѣ На-че-Чинѣ (Na-tsche-sching на З. отъ Хами), отсюда уже видѣнъ проходъ Юй-мынь-Гуань. Черезъ три дня пути по песчаной степи, путешественникъ достигаетъ долины злыхъ духовъ, гдѣ, по туземному обычаю, должно принести жертву для обезпеченія себя отъ бурь. За тѣмъ остается еще 5 дней пути до храма, отъ котораго должно пройти 6 различныхъ народовъ (не мѣстечекъ ли?), для достиженія до столицы Уйгуровъ (Си-чжеу) или Турфана.

III *Отъ пограничнаго прохода при Ша-чжеу къ Уйгурамъ.* Слѣдуя отъ пограничныхъ проходовъ Юй-мыня или Янь-Гуаня (см. выше Т. I. ст. 568), лежащихъ вблизи одинъ отъ другаго, при Ша-чжеу, должно пройти степи злыхъ духовъ или царство Шань-Шань (Chen-Chen около нынѣшняго Лобъ-Нора), для достиженія, по переходѣ 75 г. м. пути (1000 ли), къ С. З. до Хами (И-гу). Оттуда до Гао-чана (Турфана) къ З. считается 90 г. м. (1200 ли).

IV. *Дорога отъ Хами въ Ляо-Чунъ-хянь при Турфанѣ*, 75 г. м. (1000 ли) по дневнику путешествія, извлеченному изъ энциклопедіи императора Канъ-хи 1711 года ([119]). На этомъ пути страна пересѣкается значительною рѣкою, но не смотря на то, почва суха и песчана; въ травѣ и водѣ ощущается большой недостатокъ, такъ что лошади и волы погибаютъ съ голода. Поднимающіяся здѣсь бури погребаютъ внезапно людей и животныхъ подъ сыпучимъ пескомъ. Злые духи цѣлый день издѣваются надъ

(119) Klaproth Observat. crit. p. 352.

путниками. Страну эту называютъ Ханъ-хай или сухое море. Упомянутая рѣка течетъ къ З. и теряется въ сыпучемъ пескѣ. Цѣпь небольшихъ холмовъ, какъ кажется, нанесенныхъ вихремъ, тянется вдоль ея теченія. На С. отъ этого пути лежитъ Хо-янъ-Шань или горящая гора, огненнаго цвѣта.

Далѣе не простираются, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, наши свѣдѣнія объ южной сторонѣ системы Т'янь-Шаня, и мы теперь рѣшаемся перейти къ его почти неизвѣстнымъ сѣвернымъ скатамъ, хотя не знаемъ ни одного подобнаго перехода отъ Хами къ Баркюлю.

---

§ 30.

Изложеніе 3. *Сѣверный склонъ Тянь-Шаня; Бей-лу, сѣверная провинція, съ Баркюлемъ, Урумчи, Или.*

При сѣверной подошвѣ Тянь-Шаня существуютъ только три пункта, на которые исторія и путешествія новѣйшихъ временъ бросили нѣкоторый свѣтъ: Баркюль на В., Урумчи или Бишбалигъ въ срединѣ и теченіе рѣки Или на З. Мы начинаемъ съ ближайшаго разсмотрѣнія двухъ первыхъ пунктовъ, слѣдуя отъ В. къ З.

1. *Баркюль, Чинъ-Си-фу* (Tchin-Si-Fu) *Китайцевъ, въ древности П'у-люй* (Phu-lui).

Баркюль (Barkol), Parcul-Omo у д'Анвиля, отъ Омо — озеро, въ древности *П'у-люй*, лежитъ, по китайской государственной географіи ([120]), только въ $22^1/_2$ г. м. (300 ли) къ С. З. отъ Хами, между этою областью на Ю. и страною Халхасовъ на С. На З. онъ примыкаетъ къ области Урумчи, а на В. вѣроятно прямо къ каменистой Гоби. Страна эта хорошо заселена, климатъ ея очень суровъ, снѣгъ падаетъ иногда въ

---

(120) Descr. de Dzoungarie въ Timkowsky T. I, p. 445.

іюлѣ, такъ что и въ это время здѣсь иногда носятъ шубы. Однакоже съ нѣкотораго времени, въ окрестностяхъ Баркюля начали сѣять ячмень и даже пшеницу съ успѣхомъ. Въ городѣ есть гарнизонъ изъ 1000 маньчжуровъ, живущихъ здѣсь съ своими семействами и состоящихъ подъ начальствомъ генерала. Страна эта, со времени покоренія Джунгаріи императоромъ Кянълунемъ (1756), присоединена къ китайской провинціи Ганьсу. Она принадлежала прежде къ владѣніямъ Галдана Элютовъ и досталась Китаю только въ царствованіе Канъхи; въ войнѣ противъ Амурсана и Джунгаровъ, главная китайская армія направилась ([121]) къ Или черезъ Баркюль и Урумчи. Когда въ 1756 году китайскія войска были постыдно отражены хитростью Амурсаны, похитителя джунгарскаго престола, и сообщниковъ его, Баркюль ([122]) и Тинь-Гуй (Ting-Kui) служили сборнымъ мѣстомъ новыхъ силъ; окрестный гарнизонъ состоялъ въ это время изъ 1200 человѣкъ, что не помѣшало ему успѣшно отразить Элютовъ.

Нынѣ Баркюль служитъ, кажется, главною станціею на сѣверной большой дорогѣ отъ Китая до Или, въ Бей-лу, и, подъ новѣйшимъ именемъ Чинъ-си-фу ([123]), составляетъ четырнадцатую губернію провинціи Ганьсу, простирающейся отъ Лань-чжеу, Нинъхя и Сининъ къ Ю. В. до Урумчи, и достигающей на С. З. до пограничной Илійской провинціи. Со времени завоеванія Кянъ-Луня, Баркюль, также какъ и вся сѣверная дорога черезъ страну Элютовъ и Джунгаровъ до Или, была превращена въ военныя поселенія. Здѣсь поставлены маньчжурскіе генералы съ китайскими войсками для удержанія всей страны въ повиновеніи и поддержанія сообщеній съ западомъ; потому управленіе страною находится въ рукахъ генераловъ, комендантовъ, инспекторовъ, состоящихъ подъ общимъ начальствомъ Цзянъ-Цзюня или генералъ-аншефа. Въ послѣднія десятилѣтія, по этому вѣрному пути

---

(121) Troubles de Dgoungarie въ Klaproth Magas. Asiat. T. II, p. 191.
(122) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI, p. 554.
(123) Statistisch. Überblick v. China v. J. Klaproth Hertha Th. X. p. 284.

черезъ Баркюль, между Китаемъ и Сибирью на Или и Иртышѣ, заводятся, какъ кажется, новыя, важныя, непосредственныя торговыя сношенія, которыя, по причинѣ выгодной краткости этого сообщенія съ западной Сибирью, могутъ принести ущербъ кяхтинской дорогѣ. Впрочемъ это сообщеніе не дозволено оффиціально китайскимъ правительствомъ и всѣ торговыя дѣла, совершаемыя по этому пути, могутъ почитаться еще контрабандою (*). При началѣ династіи Т'анъ, Баркюль, подъ именемъ П'у-люй, состоялъ, какъ третій городъ, въ вѣдомствѣ Бей-т'иня или Бишбалига. Объ астрономическомъ положеніи и о природѣ горнаго хребта, отдѣляющаго этотъ новѣйшій городъ отъ древнѣйшаго Хами, а также и о пути, ихъ соединяющемъ, не имѣемъ мы никакихъ свѣдѣній.

II. Бишбалигъ, Пентаполисъ; Урумчи нынѣ Ди-хуа-чжеу; Бей-т'инь, сѣверная резиденція Уйгуровъ. Вулканическая область Бишбалигъ; область землетрясеній внутренней Азіи.

Урумчи лежитъ далѣе на З., но подъ однимъ градусомъ широты съ Баркюлемъ, у подошвы предгорія, извѣстнаго подъ названіемъ красныхъ горъ. Почва вокругъ нихъ, по свидѣтельству Китайской государственной географіи ([124]), плодородна, воды очень обильны, пастбища богаты. Съ 1765 года, утверждена здѣсь резиденція главнокомандующаго и двухъ другихъ генераловъ военнаго поселенія. Близь стараго города, въ разстояніи одного часа (8 ли) отъ него, на восьми холмахъ, выстроенъ новый городъ, называемый Кунъ-гу (Kung-ku) въ 1½ часа (10 ли) окружности. Въ немъ расположенъ гарнизонъ изъ 3000 Маньчжурскихъ солдатъ, съ 78 офицерами, и 2000 китайскихъ, съ 100 офицерами; всѣ они поселены здѣсь съ своими семействами. Старый городъ имѣетъ гарнизонъ въ 3000 солдатъ и 100 офицеровъ, состоящій подъ начальствомъ особаго инспектора. Впо-

---

(*) Съ 1851 года торговля эта вошла въ законную силу, вслѣдствіе трактата между Россійскимъ и Китайскимъ правительствомъ, и въ городахъ Чугучакѣ и Кульджѣ открыты русскія консульства и торговыя факторіи.—*Пр. Пер.*

(124) Description de Dzoungarie y Timkowsky. T. I. p. 446.

слѣдствіи было переселено сюда изъ Ганьсу много другихъ семействъ, а изъ внутренности Имперіи нѣсколько тысячъ преступниковъ, присужденныхъ трибуналами къ ссылкѣ. Сіи послѣдніе поселены въ округахъ Чанъ-ги (Tchang-ki) и Манасъ (Manas) (далѣе къ З., Манасъ лежитъ подъ 45° с. ш., 29° 10′ З. д. отъ Пекина, (т. е. 84° 52′ В. д. отъ Парижа) (125), для земледѣльческихъ занятій. Хребетъ Богдо при Урумчи, по свидѣтельству Китайской государственной географіи (126), покрытъ льдомъ и снѣгомъ, отражающимъ блескъ солнечныхъ лучей; вершина его поднимается до облаковъ и часто заслоняетъ луну и солнце. Въ городѣ Урумчи, улицы широки, торговы и многолюдны; много чайныхъ харчевенъ и гостиницъ, по которымъ бродитъ большое количество комедіантовъ, уличныхъ пѣвцовъ и т. д., здѣсь также много ремесленниковъ и артистовъ. Въ 1765 году Императоръ Кянъ-Лунь возвелъ Урумчи на степень города втораго разряда (Чжеу) и далъ ему Китайское почетное названіе Дихуа-чжеу (Ti-hua-Tcheu). Съ тѣхъ поръ построены здѣсь два храма, гимназія, одно городское уѣздное училище. Въ настоящее время, Урумчи есть главный городъ западнаго округа провинціи Ганьсу, простирающейся на С. за Хами и Турфанъ. Въ 1811 году (127), Урумчи считался однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Джунгаріи, по своимъ фабрикамъ и трудолюбію жителей; въ это время торговыя его сношенія на З. съ Чугучакомъ, лежащимъ на Китайско-Сибирской границѣ, были уже довольно значительны; нагруженныя товарами подводы, запряженныя волами, совершаютъ туда путь свой изъ Урумчи въ 12 дней.

Вотъ въ какомъ положеніи находится въ настоящее время эта первоклассная крѣпость, которая начала процвѣтать со времени паденія владычества Элютовъ, благодаря Китаю, подобно тому, какъ на сѣверной дорогѣ, со времени подчиненія Халхасъ-

(125) P. Gaubil въ Souciet observat. math. astron. etc. p. 178.
(126) Timkowsky id. p. 441.
(127) Putimstev Voy. p. 93, 95.

Монголовъ, возвысились до процвѣтанія, благосостоянія и богатства, торговые рынки Урга и Маймачинъ.

И въ древнія времена, эта страна играла не маловажную роль въ исторіи, подъ именемъ Бишбалига, т. е. пятиградія; но тождество этого Пентаполиса и Бей-т'иня (Pe-Thing) (сѣверной резиденціи) съ вышеупомянутымъ Урумчи доказано только недавно изысканіями Клапрота ([128]), изъ китайскихъ источниковъ. Этимъ сдѣланъ въ знаніи центральной Азіи важный шагъ, подтвержденный вполнѣ изслѣдованіями Абеля Ремюза ([129]) о положеніи Каракорума и походѣ войскъ хана Гулагу (1253).

Уйгуры, оставивъ свои древнія жилища на Орхонѣ, Тулѣ и Селенгѣ, утвердились на сѣверной сторонѣ Т'янь-Шаня, въ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ выстроенъ городъ Бишбалигъ (по китайски П'и-хи-па-ли), что на восточно-Туркскомъ діалектѣ значитъ пять городовъ. Положеніе его означали арабскіе авторы и всѣ ими руководствовавшіяся ландкарты совершенно ошибочно; оно опредѣлилось только гораздо точнѣе изъ китайскихъ источниковъ, а именно, изъ данныхъ о Турфанѣ, о которыхъ мы упоминали выше и изъ счастливо дошедшаго до насъ замѣчательнаго маршрута XIII вѣка.

Монгольскій Императоръ Мангу-ханъ поручилъ въ 1253, своему младшему брату, хану Гулагу, предпринять походъ на З. для покоренія царства Кашмирскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣмъ извѣстно, что Гулагу разрушилъ Калифатъ взятіемъ Багдада. Но путь его отъ Императорской резиденціи Каракорума, по нагорной Гоби, на З. черезъ Бэй-лу, мимо озера Кызылъ-башъ къ рѣкѣ Или, и оттуда на Ю. къ Индо-персидскому нагорью, былъ извѣстенъ довольно неточно изъ показаній Патера Гоби-

(128) Klaproth observations critiq. въ Memoires relat. à l'Asie Paris 1826. T. II. съ картою. Determination de l'emplacement de Bischbalig p. 355-363; его же Beleuchtung und Widerlegung etc. p. 75.

(129) Ab. Remusat Rech. sur la ville de Karakorum p. 37 etc; Relation de l'expedition de Houlagou въ journal asiat. 1823. T. II. p. 283-297 и nouv. Mel. asiat. 1829 T. I. p. 171 etc.

ля ([130]), до тѣхъ поръ, пока Аб. Ремюза не издалъ своего извлеченія изъ Монгольской исторіи Су-хунъ-кянъ-лу ([131]). Маршрутъ, заимствованный изъ дневника одного офицера войскъ Гулагу, содержитъ описаніе пути на З. отъ Каракорума черезъ суровыя возвышенности Хангая; къ этому описанію присовокупляемъ мы свои замѣчанія. Отъ Хангая войско прибыло къ рѣкѣ Люнъ-гу (Lung-ku), текущей въ озеро Ки-цзы-ли-ба-ши (Kï-tse-li-ba-chi). На Ю. отъ этого Люнъ-гу (Рунъ-гу), нынѣ Урунъ-гу, впадающаго въ озеро Кызылъ-башъ (по китайски Ки-цзы-ли-ба-ши), находится, по свидѣтельству дневника, въ $37\frac{1}{2}$ г. м. (500 ли) городъ Бишбалигъ (Би-ши-ба-ли). Р. Урунъ-гу впадаетъ въ озеро подъ 46^{0} $35'$ с. ш. Предполагая, что Монгольское войско перешло эту рѣку подъ 45^{0} $30'$, можно опредѣлить положеніе Бишбалига, лежащаго 2-мя градусами южнѣе, принимая градусъ въ 250 ли. (Вообще, по примѣру Аб. Ремюза ([132]), при сравненіи разстояній, мы принимаемъ, что одинъ градусъ соотвѣтствуетъ 200 древнимъ ли, со временъ династіи Т'анъ, но при этомъ приводимъ и самое число ли. Уклоненіе отъ этого правила допускается только въ особыхъ случаяхъ). Положеніе это вполнѣ совпадаетъ съ положеніемъ Урумчи или нынѣшняго Ди-хуа-чжеу, лежащаго подъ 43^{0} $60'$ с. ш. и 87^{0} $1'$В. д. отъ Парижа.

При династіи Т'анъ, послѣ перваго подчиненія этой страны владычеству Китая, помѣщенъ былъ здѣсь, на западной дорогѣ, уже въ 646 году, первый военный гарнизонъ ([133]) въ Гуйчжеу или Бишбалигъ и принадлежащихъ къ нему 9 второклассныхъ округахъ, имена которыхъ впрочемъ не сохранились. Мѣсто это сдѣлалось караульнымъ городомъ перваго разряда и называлось сѣверною резиденціею и столицею сѣверныхъ Уйгур-

---

(130) P. Gaubil Hist. de Gentchiscan Paris 1739. 4. p. 126.

(131) Sou-houng-kian-lou т. е. извлеченіе изъ Монгольской исторіи Chao-youan-ping. sect. XLII.

(132) Ab. Remusat Rech. sur la ville de Karakorum p. 12.

(133) Ab. Remusat Remarq. sur l'extens. de la Chine occid. p. 84.

скихъ князей (Бей-т'инь-ту-хань-фу см. выше); впослѣдствіи же при династіи Сунъ, оно осталось только прохладною лѣтнею резиденціею Уйгурскихъ князей Турфана. При династіи Т'анъ, былъ выстроенъ, вѣроятно по близости отсюда, городъ Т'инь-чжеу и вся провинція получила названіе Ду-цзы (Tu-szu). Къ администраціи Бей-т'иня присоединены были три города третьяго разряда, а именно: вышеупомянутый Баркюль, Хэу-т'инь, котораго положеніе намъ неизвѣстно и Лунъ-тай или Лукъ-шакъ. Отъ Бей-т'иня до разныхъ другихъ мѣстностей считалось: къ Ю.-В. до Хами (И-чжеу) 70 г. м. (970 ли), къ В. до Турфана (Си-чжеу) 37½ г. м. (500 ли); къ Ю.-З. до Харашара (Янъ-ги-чжеу) 81 г. м. (1110 ли); къ С. до главнаго стойбища Кянъ-Гуаня, на верхнемъ Енисеѣ 300 г. м. (4000 ли); къ З. до города Сюй-ѣ 166 г. м. (2200 ли); къ С.-В. до главнаго стойбища Хой-ху на верхнемъ Орхонѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ выстроенъ Каракорумъ, 226 г. м. (3000 ли).

У-чинъ (134) (т. е. пять городовъ), есть китайское названіе того же мѣста при династіи Юань. У Туркскихъ авторовъ оно называется Бишбалигъ и однозначуще съ пятиградіемъ (Пентаполисомъ) Уйгуровъ, о которомъ мы упоминали, но котораго составныя части нигдѣ не поименованы. Тождество это слѣдуетъ изъ Си-юй-т'унъ-юань-чжи или исторіи и географіи западныхъ странъ, напечатанной въ Пекинѣ, въ царствованіе императора Кянъ-луна въ 1772 году. Поучительное сочиненіе это сообщено было Клапроту изъ богатой азіятскими источниками библіотеки Барона Шилинга ф. Канштета; въ немъ всѣ названія приведены на разныхъ языкахъ, какъ напрп. Китайскомъ, Маньчжурскомъ, Монгольскомъ, Элютскомъ, Тибетскомъ и Туркскомъ, что даетъ средство къ сравненіямъ, столь необходимымъ для изученія внутренней Азіи. Замѣтимъ однако же что, во времена Монгольскихъ императоровъ, и знаменитаго похода Гулагу на З., всѣ страны, прилегавшія къ Т'янь-Шаню на Ю. и Тар-

---

(134) Klaproth. Observat. crit. p. 361.

багатаю на З., носили названіе Бишбалига. Такъ назывался, слѣдовательно, по свидѣтельству Государственной географіи и исторіи ([135]) династіи Минъ, весь обширный западный край (Си-Юй). Онъ граничилъ къ Ю. съ Хотаномъ (Юй-т'яномъ); къ С. съ землями Элютовъ (называемыхъ Вала), къ З. съ Самаркандомъ, къ В. съ Турфаномъ (Хо-чжеу). Отъ Бишбалига до западныхъ воротъ китайской стѣны Кя-юй-Гуань считалось 250 г. м. (3700 ли). Къ Бишбалигу причислялись и страны, лежащія на Ю. отъ Т'янь-Шаня, а именно: Янъ-ги (Харашаръ) и Гуй-цзы (Ку-ча́). Страна, занимаемая Бишбалигомъ, простиралась слѣдов. съ В. на З. на 225 г. м. (3000 ли), а съ Ю. къ С. на 150 г. м. (2000 ли). Жители ея были номады, и обитали въ войлочныхъ юртахъ. Императоръ Мангу-Ханъ ([136]) поставилъ въ Бишбалигѣ Ходана или Вице-Короля; Хублай-Ханъ учредилъ здѣсь провинцію Юань-си-фу и завелъ военно-земледѣльческія поселенія. По изгнаніи Монголовъ изъ Китая, обитатели этой страны, хотя довольно независимые, были подчинены, какъ кажется, династіи Минъ. Они посылали въ 1319 году посольство въ Пекинъ съ данью, состоявшею изъ лошадей; сто лѣтъ спустя, (1403—1424) обитавшія тамъ орды двинулись далѣе къ З. и остались вблизи Или-балига т. е. города на Или, откуда онѣ, въ половинѣ XV вѣка, еще посылали множество подарковъ Пекинскому двору (желая получить позволеніе на торговлю съ Китаемъ). Географія династіи Минъ подтверждаетъ эти данныя и доказываетъ несомнѣнно, что нынѣшній Урумчи тождественъ съ У-чиномъ Китайцевъ, Бишбалигомъ Монголовъ и Турковъ, Бей-т'инемъ династій Танъ и Сунъ и Пентаполисомъ, сѣверною резиденціею древнихъ Уйгуровъ, и что туземнымъ нарѣчіемъ былъ тамъ, до вторженія Маньчжурскихъ завоевателей, языкъ Хой-хой діалектъ Туркскаго, а не Тибетскій, какъ то полагалъ Шмидтъ. Таже географія присовокупляетъ ко всему вышесказанному, что

---

(135) Ming-szu, т. е. лѣтописи династіи Минъ Sect. 332 Klaproth Observat. crit. p. 356.

(136) Klaproth Observat. crit. p. 358.

жители страны—номады, не имѣютъ домовъ и живутъ въ войлочныхъ юртахъ, питаются отъ своихъ стадъ: рогатаго скота, верблюдовъ, лошадей и овецъ, доставляющихъ имъ мясо и молоко, а что земледѣліе очень мало распространено между ними. Одежду доставляютъ имъ также стада.

Точнѣйшее опредѣленіе положенія Бишбалига указываетъ намъ и положеніе замѣчательной сольфатары Урумчи ([137]), на З. отсюда, слѣдоват. въ области песчаныхъ горъ, содержащихъ пласты каменнаго угля, извѣстной подъ названіемъ огненной равнины (la plaine enflammée), подобно флегрейскимъ полямъ близъ Неаполя. Близъ Урумчи, какъ говорятъ, болѣе нежели въ четырехъ часахъ (30 ли) пути къ З. отъ пикета Бирке-Булакъ (Бурга-Булактай), есть пространство въ 15 часовъ (100 ли) окружности, покрытое сыпучимъ пепломъ. Если бросить туда какой нибудь предметъ, то пламя, мгновенно пробиваясь изъ пепла, сожигаетъ его. Если же этотъ предметъ есть камень, то изъ пепла показывается черный дымъ. Мѣсто это называется огненною равниною; птицы не могутъ перелетѣть черезъ нее, а зимою она никогда не покрывается снѣгомъ.

Далѣе на З, на границѣ Илійкой провинціи и округа Урумчи (слѣдовательно на границѣ Или и Ганьсу) находится пропасть въ 13 1/2 часовъ (30 ли) окружности. Котловина эта издали кажется покрытою снѣгомъ, но, приблизившись къ ней, легко убѣдиться, что она, подобно сольфатарѣ Пуццоли, близъ Неаполя, побѣлѣвшей отъ сублимацій сѣры и солей, покрыта соляною корою, твердѣющею послѣ дождей. Если бросить въ нее камень, то слышится звукъ, подобный удару палки по желѣзу. Люди и животныя, попадающіе въ эту пропасть, безвозвратно погибаютъ; она называется пепельною ямою (fosse des cendres).

Сольфатары эти расположены между находящимися на В. и З. оттуда вулканами Турфана и Ку-чá, противъ средины и при

---

(137) Al. v. Humboldt Ueber Bergketten Jnner Asiens p. 337; Klaproth Observat. crit. p. 357; Jbid. въ Nouv. Annal. XV p. 307 not. 13; Description de la Dzoungarie въ Timkousky Voy. I p. 447.

сѣверной подошвѣ системы Т'янь-Шаня, и служатъ несомнѣнными признаками обширной плутонической области внутренней Азіи, на которую Ал. Гумбольдтъ обратилъ въ новѣйшее время вниманіе естествоиспытателей. Оба упомянутые вулкана Бай-шань и огнедышущая гора Хо-чеу или Турфанъ, лежатъ по направленію отъ В. къ З., въ разстояніи 105 г. м. одинъ отъ другаго, а между ними въ 30 миляхъ на З. отъ меридіана Турфана, при сѣверной подошвѣ колоссальнаго Богдо-Ола, лежитъ сольфатара Урумчи. Далѣе въ 45 г. м. къ С.-З., въ равнинѣ близь рѣки Кобокъ ([138]), впадающей въ небольшое озеро Дарлакъ, въ округѣ Кобокъ-Цари, снова встрѣчается холмъ, котораго трещины очень горячи, хотя изъ нихъ и не выходитъ дыма (видимыхъ паровъ). Въ трещинахъ этихъ, нашатырь осаждается въ видѣ столь твердой коры, что ее ломаютъ, какъ камень.

Въ 4 дняхъ пути на З. отъ этого Кобокъ-Цари, лежитъ городъ Чугучакъ, при подошвѣ Тарбагатая, подъ 46° 8′ с. ш. и 80° 45′ В. д. отъ П. Только эти 4 пункта внутренней Азіи представляютъ, по замѣчанію Гумбольдта, до сихъ поръ несомнѣнныя вулканическія явленія въ обширной странѣ, извѣстной во время владычества Монголовъ, подъ именемъ Бишбалига, но отнюдь не должно полагать, что въ нихъ исключительно проявляются подобныя явленія, потому что природа окружающихъ мѣстностей до сихъ поръ извѣстна только изъ самыхъ неопредѣленныхъ показаній.

Къ такимъ показаніямъ принадлежатъ еще и многократныя удостовѣренія различныхъ восточныхъ авторовъ о распространеніи на Т'янь-Шанѣ и вѣтвяхъ его ([139]) лавы, пемзы и другихъ вулканическихъ произведеній, подтверждаемыя свѣдѣніями, собранными академикомъ Фалькомъ ([140]), также какъ разсказы о частыхъ и иногда очень сильныхъ землетрясеніяхъ, на южномъ

---

(138) Al. v. Humboldt l. c. p. 337; Klaproth Tabl. hist. de l'Asie p. 110 not.

(139) Klaproth Observat. crit. p. 357.

(140) J. P. Falk Beitrage zur Topogr. des R. R. Petersburg 1785. 4 Th. I. p. 380, 381 etc.

склонѣ Т'янь-Шаня и вообще въ Джунгаріи, изъ которыхъ одно, въ 1716, было такъ сильно, что разрушило почти совершенно городъ Аксу. Фалькъ упоминаетъ еще о лежащей, въ двухъ дняхъ пути отъ Хоргоса и на югъ отъ р. Или, горѣ Колакъ, имѣющей видъ вулкана (*) и доставляющей нашатырь; гора эта, вѣроятно, подобна вышеупомянутымъ сольфатарамъ, но мы не имѣемъ объ ней никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

На З. и Ю.-З. отъ сольфатаръ Кобокъ-Цари и Колакъ находятся два озера, обратившія на себя вниманіе явленіями, принадлежащими къ вулканическимъ. Одно изъ нихъ, довольно значительной величины, лежитъ только въ 45 геогр. миляхъ къ З. отъ вулкана Бай-шань; его Китайское, Киргизское и Калмыцкое названіе одинаково означаютъ теплую, соленую, желѣзо-содержащую воду. Это озеро есть то самое, которое мы будемъ описывать, говоря о сѣверной подошвѣ Мустага, подъ общепринятымъ на берегахъ его названіемъ Иссыкъ-Куля, (что значитъ по Туркски теплое озеро) ([141]); у Китайцевъ называлось оно, за полтора вѣка до Р. Х., Же-хай, названіе однозначущее съ предъидущимъ, но также Янъ-хай, т. е. соленое озеро; Киргизское названіе Тузъ-Куль означаетъ тоже самое. Калмыки называютъ его Темурту-норъ, желѣзо-содержащее озеро, потому что на берегахъ его расположены желѣзные рудники. Хай, Куль, Норъ, означаетъ у Китайцевъ, Турковъ и Калмыковъ—озеро. Судя по картѣ внутренней Азіи, Японской энциклопедіи, оно имѣетъ 37½ г. м. (500 ли) въ окружности; по картѣ внутренней Азіи Панснера, которая впрочемъ не заслуживаетъ для этихъ мѣстъ большаго довѣрія, 17—18 г. м. длины и 6—7 г. м. ширины, и слѣдоват. болѣе Женевскаго и Боденскаго озера. По маршрутамъ каравановъ ([142])

(*) Гору Кулокъ на Ю. отъ р. Или, лежащую на В. отъ соединенія р. Чарына съ тремя Мерке, я имѣлъ случай видѣть въ 1857 г.; она совсѣмъ не имѣетъ характеристической формы вулкана; это есть просто кряжъ, однообразно простирающійся къ В. и составляющій западную оконечность Кульджинскаго Нань-шаня.—*Пр. Пер.*

(141) Klaproth Observat. crit. p. 358; Jd. Mém. rel. à l'Asie T. II p. 414 и III p. 299.

(142) Al. v. Humboldt Ueber Bergk. Jnner-Asiens p. 15 not.

Иссыкъ-Куль имѣетъ 180 верстъ (30 г. м.) длины и 50 верстъ (8 г. м.) ширины, но по точнѣйшимъ свѣдѣніямъ послѣднія числа кажутся нѣсколько преувеличенными (*).

Ал. Гумбольдтъ обратилъ въ новѣйшее время всеобщее вниманіе на другое озеро, содержащее замѣчательный вулканическій островъ (**); это есть Ала-куль, правильнѣе Алакъ-куль, что по Киргизски значитъ пестрое озеро; восточная обширнѣйшая часть его извѣстна у туземныхъ Калмыковъ подъ названіемъ Алакъ-тугуль-норъ т. е. озеро пестраго вола ([143]) (*). Оно лежитъ на С. отъ рѣки Или, на пол-пути отъ нея къ Зайсану и на В. отъ Балхашъ-Нора, т. е. великаго озера Калмыковъ, лежащаго на Ю. отъ горъ Тарбагатай. Гора, подпимающаяся со дна Алакуля, раздѣляетъ его на восточную и западную части; послѣдняя носитъ у Калмыковъ названіе Шибарту-Колая, т. е. иловатаго залива; потому на картахъ его означаютъ ошибочно въ видѣ двухъ озеръ, соединенныхъ каналами (**). Поднимающаяся изъ озера высокая горная вершина, Аралъ-Тюбе (т. е. островная гора), по сказанію путешественниковъ, прежде, уже въ историческія времена, выбрасывала огонь. Она, какъ говорятъ, и въ настоящее время возбуждаетъ сильныя бури и грозы, опасныя для мимо идущихъ каравановъ, которые обыкновенно, проходя близь этого потухшаго вулкана, приносятъ ему въ жертву нѣсколькихъ барановъ. По удостовѣренію Казембека, при озерѣ находятся горячіе ключи и

(*) Озеро Иссыкъ-Куль имѣетъ 160 вер. длины и 50 наибольшей ширины; на берегахъ его нѣтъ и слѣдовъ вулкановъ и вулканическихъ породъ.— *Пр. Пер.*

(**) Путешествіе Шренка совершенно опровергло ошибочное мнѣніе о вулканизмѣ острова Аралъ-Тюбе на Алакъ-Кулѣ; я также нигдѣ не встрѣтилъ вулканическихъ породъ, около озера Алакъ-Куля. См. Schrenk Bericht über eine im Jahre 1840 in die östliche dzungarische Kirghisen-steppe unternommene Reise in Bär und Helmersen Beitr. z. Kent. d. Rus. Reiches. Bd. VII p. 309 и Humboldt Central-Asien über. v. Mahlmann. T. I p. 642—646.—*Пр. Пер.*

(143) Al. v. Humboldt l. c. p. 3; Klaproth Not., въ Nouv. ann. IV p. 275 Not и Not. supplementaire id. p. 290.

(*) Переводъ этотъ неправиленъ, Гумбольдтъ отгадалъ лучше значеніе этого названія. Алактуголь, есть испорченное Алатау-гуль, т. е. озеро при горахъ Алатау. Когда я спрашивалъ Киргизовъ, почему они называютъ озеро Ала-кулемъ, они всегда отвѣчали: оттого что оно лежитъ близь горъ Алатау.—*Пр. Пер.*

(**) Раздѣленіе Алакуля на два озера, напротивъ, совершенно справедливо.—*Пр. Пер.*

пещера, изъ которой выходятъ вихри, страшные для каравановъ. По разсказу одного муллы—теплые вѣтры, дующіе зимою изъ находящейся на озерѣ пещеры *Джибе*, и бури столь сильны, что караваны иногда задерживаются здѣсь въ продолженіи восьми дней. Положеніе этого коническаго острова Аралъ-Тюбе тѣмъ болѣе интересно, что онъ лежитъ на З. отъ нашатырныхъ пещеръ Кобокъ, на С. отъ Бай-шаня, еще донынѣ дымящагося, а прежде изливавшаго лаву, въ 45 г. м. отъ обоихъ, и только въ 38 мил. отъ лежащаго на С. отъ него Зайссана; слѣдовательно, принимая въ соображеніе остальныя данныя, должно считать Аралъ-Тюбе вулканомъ, лежащимъ внутри обширной плутонической области; потому нельзя почитать совершенно неосновательными малоизвѣстныя до сихъ поръ показанія путешественника Сиверса ([144]) объ округленной горѣ Эртень-Тау, лежащей близь горы Калмыкъ-Тологоя или Калмыцкой вершины (подъ 49° с. ш., на С.-З. отъ Зайссана), которая, какъ говорятъ, есть потухшій вулканъ, и о вулканѣ Савра, на восточной оконечности Тарбагатая, вблизи Зайссана, иногда выбрасывающемъ изъ себя огонь (*). Если показаніе Сиверса справедливо, то эти горы суть самыя сѣверныя изъ извѣстныхъ намъ слѣдовъ большой вулканической области Бишбалига, которая въ показанныхъ очертаніяхъ занимаетъ болѣе 2500 кв. м., во внутренней Азіи, и отстоитъ отъ ближайшихъ морскихъ береговъ на 300—400 г. м. Это обстоятельство тѣмъ болѣе поучительно для исторіи образованія земной коры, что близость моря почти всегда сопровождаетъ вулканическія явленія, а здѣсь этого нѣтъ ([145]); за то основная причина ихъ — недостаточное сопротивленіе земной коры таже самая, потому что большое углубленіе стараго свѣта, теперь высохшее, отстоитъ недалеко отсюда. Оно выполняетъ, какъ то доказалъ

---

(144) Sievers Reise vom Tarbagatai zum Saisan-nor und obern Irtysch ins chinesische Reich; см. въ Pallas N. N. Beiträge Th. VII p. 327, 351.

(*) Эртень-Тау не имѣетъ и слѣда вулканической породы и вообще, въ Калбинскихъ горахъ, плутоническія породы состоятъ только изъ гранита, діорита и обыкновеннаго порфира.—*Пр. Пер.*

(145) Al. v. Humboldt Ueber Bergketten Jnner-Asiens l. c. p. 336.

Гумбольдтъ, въ своемъ поучительномъ сочиненіи ([146]), половину ширины продолговатой долины, лежащей между Т'янь-Шанемъ и Китаемъ, а главное средоточіе вулканической дѣятельности находится, какъ кажется, въ самомъ Т'янь-Шанѣ. Можетъ быть, говоритъ Гумбольдтъ, треглавый исполинъ Богдо-Ола, подобно Шимборазо, есть трахитовая гора. На С., въ направленіи къ Тарбагатаю и озеру Дарлай, при Кобокѣ, вулканическія дѣйствія слабѣютъ; однако же Ал. ф. Гумбольдтъ и спутникъ его Профессоръ Розе нашли уже бѣлые трахиты на юго-западномъ склонѣ Алтая, въ колоколовидномъ холмѣ (подобномъ трахитовымъ куполамъ Оверньи) у Риддерска и близь деревни Бутачахи, что доказываетъ продолженіе вулканическихъ дѣйствій и на сѣверной сторонѣ Иртыша.

Землетрясенія распространяются отъ Небесныхъ горъ на обѣ стороны, т. е. къ С. и Ю. Это доказывается напримѣръ разрушеніемъ Аксу въ 1736 году (60 лѣтъ до путешествія Фалька), а Казанскій професоръ Эверсманъ, путешествовавшій въ бухарской равнинѣ и знавшій очень хорошо страну между Балхашемъ и Алакъ-Кулемъ, говоритъ, что землетрясенія около этихъ озеръ очень часты (*).

Въ восточной Сибири, на С. отъ 50° широты, центромъ области землетрясеній ([147]) служитъ, какъ кажется, Иркутскъ и глубокій бассейнъ Байкала; здѣсь, на дорогѣ въ Кяхту, на Джидѣ и Чикоѣ встрѣчается базальтъ съ оливиномъ и пузыреватымъ миндальнымъ камнемъ, съ хабазитомъ и апофиллитомъ, а на юго-западной оконечности Байкала попадаются также базальтъ и лавы ([148]). Эти нахожденія вполнѣ подтверждаются наблюденіями Эрмана, какъ напр. близь Кяхты и близь Селенгинска, при станціи Монаховѣ, гдѣ ровная степь, далеко простирающаяся на З., кажется окру-

---

(146) Al. v. Humboldt Jd. p. 340.

(*) Въ ноябрѣ 1856 года, я самъ имѣлъ случай ощущать слабое землетрясеніе около города Копала. — *Пр. Пер.*

(147) Al. v. Humboldt. Id.

(148) D. Hess Geognostische Beobachtungen auf einer Reise von Irkutsk ueber Nertchinsk und Kiachta въ Leonhard Zeitschrift f. Mineralogie 1827. Bd. II p. 348.

*

женною вулканическими горами ([149]) и покрыта валунами темнобураго полево-шпатоваго порфира, образующаго цѣлыя горы около Селенгинска; куски его бывають часто ноздреваты и составляютъ переходъ къ истиннымъ лавамъ, попадающимся въ горахъ, ограничивающихъ степь съ З. Въ февралѣ 1829 г., Иркутскъ пострадалъ отъ сильныхъ подземныхъ ударовъ; вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало значительное землетрясеніе въ Риддерскѣ на Алтаѣ, которое было особенно ощутительно въ рудникахъ. Но этотъ пунктъ въ Алтаѣ, по мнѣнію Гумбольдта, есть самый внѣшній во всей области землетрясеній. Далѣе къ З. въ Сибирской равнинѣ, между Алтаемъ и Ураломъ, также какъ и во всей длинной цѣпи Урала, никогда не было ощущаемо ни малѣйшаго землетрясенія. Вулканъ Бай-шань, Аралъ-Тюбе, на З. отъ нашатырныхъ пещеръ Кобокъ, Риддерскъ и богатая металлами часть такъ называемаго малаго Алтая, лежатъ почти въ одномъ направленіи, мало уклоняющемся отъ меридіанной линіи. Съ этими фактами великій естествоиспытатель соединяетъ интересный вопросъ, которымъ мы заключаемъ обозрѣніе страны Бишбалига. Находится ли Алтай въ связи съ областью землетрясеній Т'янь-Шаня? и подземные удары, ощущаемые въ Алтаѣ, вмѣсто того чтобы приходить съ В., изъ бассейна Байкала, не приходятъ ли они съ Ю. изъ вулканическаго округа Бишбалига, лежащаго на В. отъ большой впадины Стараго свѣта? Во многихъ пунктахъ Новаго свѣта, въ Америкѣ, очень часто области землетрясеній пересѣкаются между собою; и одна и таже мѣстность получаетъ періодически подземные удары съ двухъ сторонъ (см. ниже область землетрясеній), явленіе, которое не могло остаться безъ вліянія на строеніе и нынѣшнее состояніе Алтайской системы, о которой будетъ говорено ниже.

---

(149) Dr. A. Erman Excursion nach Kiachta, Febr. 1829 in Berghaus Annalen der Erdkunde etc. Bd. I. 1829. p. 90, 96.

§ 31.

Изложение 4. *Сѣверо-западный склонъ уступовидной, нагорной Джунгаріи, между системами Т'янь-Шаня и Китая къ Джунгаро-Киргизскимъ низменнымъ степямъ.*

Мы доходимъ теперь до третьяго главнаго пункта нашихъ изысканій на С. З. подошвѣ Т'янь-Шаня, а именно до уступообразной области самой значительной изъ степныхъ рѣкъ нынѣшней Джунгаріи, *Или* и сосѣднихъ съ нею меньшихъ рѣкъ, берущихъ начало и принимающихъ свои притоки изъ снѣжныхъ горъ Богдо-Ола и Мустага и обозначающихъ своими скатами на С. З. склоненіе плоскогорія къ равнинѣ въ этомъ направленіи. Это пространство представляетъ разорванную область низкихъ Джунгарскихъ горъ (*), содержащую въ себѣ глубокія котловины большихъ степныхъ озеръ; группы ихъ бассейновъ распространяются къ С. З. по обширной широкой долинѣ, между западными оконечностями Т'янь-Шаньской и Алтайской системы, впереди нагорной центральной Азіи. Только по обозрѣніи этой страны, обитающихъ въ ней народовъ и странствовавшихъ по ней каравановъ, можемъ мы перейти къ разсмотрѣнію лежащей далѣе на С. системы Алтая. Уступообразно склоняющаяся область Или была всегда древнѣйшею станціею стремившихся при миграціяхъ своихъ на З. народовъ, а именно сѣвернаго племени Хун-ну, русыхъ голубоглазыхъ Усуней, утвердившихся здѣсь прежде совершеннаго исчезновенія своего изъ исторіи (**) и послѣдовавшаго за ними племени западныхъ Уйгуровъ или Тилэ и восточныхъ Турковъ или Ту-гю, пришедшихъ съ Алтая въ VI и VII вѣкѣ, послѣ паденія могущества которыхъ проникли сюда племена Монгольскія. Сіи послѣд-

---

(*) Горы Джунгаріи не низки; Джунгарскій Алатау поднимается за предѣлы вѣчнаго снѣга. — *Пр. Пер.*

(**) Вѣроятно они смѣшались съ туркскими племенами, утративъ между ними совершенно свою самостоятельность. Большая Киргизская орда и донынѣ носитъ общее племенное имя *Узунъ.* — *Пр. Пер.*

ніе назывались Элютами или Калмыками, и вся страна получила название свое отъ долго здѣсь властвовавшаго отдѣленія ихъ —Джунгаровъ (т. е. отдѣлъ лѣвой руки см. Т. I. ст. 555) (150). Послѣ разрушенія царства Элютовъ, въ половинѣ прошлаго вѣка, вся страна, въ которой въ это время находилась столица Амурсаны, на рѣкѣ Или, была превращена въ Китайскую провинцію новой границы Бэй-лу или сѣверной дороги, а нынѣ извѣстна подъ именемъ провинціи Или или Кульджи. Въ настоящее время военныя поселенія Маньчжуровъ, поселенія Китайскихъ преступниковъ и новѣйшая революція —обратили на эту страну всеобщее вниманіе. Можно считать, что страна, лежащая между Т'янь-Шанемъ и Алтаемъ, совершенно замкнута съ В. массою нагорной Гоби, высокоподнятою въ главной оси поднятія плоскогорія. Въ меридіанѣ Каракорума или Нинъ-хя (100—104^{0} в. д. отъ Парижа), и даже еще далѣе на В. за меридіаномъ Пекина, восточный хребетъ окраины Хинганъ-Ола пересѣкаетъ это пространство отъ С-С. В. къ Ю-Ю З., впрочемъ на него должно смотрѣть только какъ на уступъ окраины плоскогорія. Совершенно другое (151) примѣчается здѣсь на З. въ глубокихъ котловинахъ, въ которыхъ лежатъ большія озера Иссыкъ-Куль, Балхашъ и Ала-Куль, до Зайссана, слѣдовательно въ обширной странѣ между рѣчными областями нижняго Сигуна (Сыра) къ Ю. З. и Иртыша къ С. В. ниже Зайссана. Здѣсь быстро понижающаяся, между обѣими большими горными системами, долина совершенно открыта и не замкнута никакимъ поперечнымъ хребтомъ. Только отъ С. къ Ю. простирается цѣпь холмовъ на З. отъ озера Зайссанъ черезъ Тарбагатай къ сѣверо-восточной оконечности Алатау между озерами Балхашъ и Ала-Куль (*) и далѣе черезъ Или на В. отъ Иссыкъ-Куля (между 44^{0} и 49^{0} с. ш.); на цѣпь эту можно смотрѣть, какъ на нѣсколько разъ прерванную передовую стѣну Киргизской степи, которая простирается на З. оттуда на необозримыя

(150) Klaproth Asia polyglotta p. 272 cf. d'Ohsson Hist. des Mongols Liv. II. p. 322. Not. 1.

(151) Al. v. Humboldt über Bergk. Jnner—Asiens p. 16.

(*) Напротивъ того отъ Балхаша къ Ала-кулю простирается совершенная низменность, не пересѣченная никакимъ поперечнымъ хребтомъ. — *Пр. Пер.*

пространства. Уже при этомъ, совершенно сообразномъ съ природою, воззрѣніи выказывается различіе страны, лежащей на С. отъ Т'янь-Шаня отъ прилежащей къ нему на Ю. части внутренней Азіи —Туркестанской или нагорной Бухаріи къ Кашгару, совершенно замкнутой высокимъ поперечнымъ хребтомъ Болоръ, иначе Белуръ-Тагъ или Облачныхъ горъ.

Или, впадающая въ Балхашъ, есть значительнѣйшая и извѣстнѣйшая изъ здѣшнихъ рѣкъ, которой долину можемъ мы преслѣдовать хотя на нѣкоторомъ протяженіи, для изученія окружающей природы; но эта рѣка не единственная въ своемъ родѣ. Цѣлый рядъ подобныхъ Балхашу степныхъ озеръ лежащихъ на границѣ нагорья и степи, и различающихся только своими притоками, раздѣляетъ всю страну отъ Ю. къ С. на разныя группы котловинъ и возвышенностей, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь переходимъ. Эти озера отъ Ю. къ С. суть слѣдующія: I *Иссыкъ-Куль* съ рѣкою Чу; II *Балхашъ* съ р. Или; III упомянутый уже *Ала-куль* съ р. Имиль; IV *Боро или Караталь*; V *Ажаръ-Норъ*; VI *Дарлай* съ р. *Кобокъ*; VII *Кызылъбашъ* съ р. Урунгу; VIII *Зайсанъ* съ Иртышемъ; сіе послѣднее озеро заключаетъ собою пересѣченную страну углубленій къ Киргизской степи, какъ со стороны Алтая, такъ и со стороны большой впадины Стараго свѣта.

I. Иссыкъ-Куль съ р. Чу.

Съ названіемъ и положеніемъ этого озера мы уже ознакомились выше. Иссыкъ-Куль (152) по туркски значитъ теплое озеро; Же-хай по китайски тоже самое; Янъ-хай по китайски, Тузъ-Куль по киргизски—соленое озеро; Темурту-Норъ по калмыцки желѣзосодержащее озеро. О различныхъ показаніяхъ о его величинѣ было уже говорено выше. О положеніи его непосредственно у сѣверной подошвы хребта подъ 43° с. ш. (*) и 75°

(152) Cherefeddin Hist. de Timur-Bec had. p. Petis de la Croix T. II. p. 66; тѣже самыя имена см. и на carte chinoise et japonaise въ Mem. rel. à l'Asie T. II. p. 415.

(*) Хонгоръ-Олонъ (Конур-уленъ)—китайскій астрономическій пунктъ съемки Императора К'янъ-Луня, на Ю. З. оконечности озера, лежитъ подъ 45° 17′ с. ш.— *Пр. Пер.*

77° В. д. отъ Пар. можно заключить изъ приведенныхъ выше на стр. 15 и далѣе маршрутовъ I и VI, проходившихъ мимо его восточной и западной оконечности къ ледяному Мустагу. По маршруту VI, въ Ушъ-Турпанъ, отъ Или при Кульджѣ до восточной оконечности озера, считается 6 умѣренныхъ дней пути, или нѣсколько болѣе 33 г. м. (230 вер.) къ Ю. З. Первые четыре дня ведутъ черезъ незначительныя горы, но къ концу послѣдняго, послѣ $23^{1}/_{2}$ г. м. (165 в.) пути, отъ источника Санташа, начинается хребетъ, Алатау, имѣющій здѣсь 3 г. м. (20 вер.) ширины и огибающій сѣверо-восточный (*) берегъ Иссыкъ-Куля, подобно тому какъ Мустагъ огибаетъ его южный берегъ. 5-й день пути ведетъ черезъ этотъ Алатау (**) и черезъ 6 г. м. (40 вер.) приводитъ къ рѣкѣ Тюбъ, отъ переправы черезъ которую самое озеро находится еще въ $3^{1}/_{2}$ г. м. (25 вер.) пути къ З. Весь слѣдующій день дорога идетъ еще по прибрежью озера, до тѣхъ поръ пока наконецъ не поворачиваетъ еще на Ю. къ горнымъ проходамъ Дунгорома и Зауку, о которыхъ мы говорили выше (ст. 16).

О природѣ озера, кромѣ богатства его береговъ желѣзнякомъ, намъ ничего не извѣстно, и мы даже не знаемъ заселены ли въ настоящее время эти берега, и какова собственно температура его водъ, отъ которой получило оно свое названіе. Оно такъ малоизвѣстно, что, почти на всѣхъ картахъ, западный истокъ его — *Чу* даже и не означенъ. Панснерова карта, которая къ С. отъ Или до Иртыша дала самыя превосходныя дополненія къ землезнанію этихъ странъ, не заслуживаетъ, по недостатку данныхъ, довѣрія къ Ю. отъ р. Или, также какъ и карта Сибири, изданная на 3-хъ листахъ русскимъ топографическимъ депо въ 1825 году, обозначаютъ истокъ этой рѣки внѣ Иссыкъ-Куля на С. отъ него, и заставляютъ ее течь къ С. З. и теряться въ пескахъ. Арроусмитъ, въ своей большой картѣ Азіи, послѣдовалъ этой ошибкѣ, и еще прибавилъ новыя, какъ уже

(*) Не только сѣверо-восточный, но и весь сѣверный и сѣверо-западный. *Пр. Пер.*

(**) Совсѣмъ не черезъ Алатау, а мимо, и вдоль подошвы его.— *Пр. Пер.*

было замѣчено въ другомъ мѣстѣ ([153]). Рѣка же Чу выходитъ изъ западной оконечности обширнаго Иссыкъ-Куля (*), какъ то уже совершенно справедливо изображено на древнѣйшей специальной картѣ верхняго Иртыша Иеленьева ([154]), течетъ къ С. З. и принимаетъ въ себя значительное число небольшихъ притоковъ, между которыми Хорхоту самый значительный. Она течетъ къ С. З. до 46° с. ш., потомъ поворачиваетъ прямо къ З., образуя рядъ мелкихъ озеръ, и наконецъ впадаетъ не слишкомъ далеко къ С. З. отъ Туркестана, въ Кабанъ-Кулакъ, называемое также Коши-Куль, или Бэйле-Куль.

Замѣчательная карта внутренней Азіи, Японской энциклопедіи XV вѣка, составленная по матеріаламъ, сообщеннымъ буддійскими миссіонерами съ VII вѣка, обозначаетъ уже Иссыкъ-Куль подъ китайскимъ именемъ Же-хая, и также западный стокъ большой рѣки; но она ошибочно, говоритъ Клапротъ ([155]), заставляетъ течь ее подъ именемъ Сыръ-Дарьи въ Аральское море, между тѣмъ какъ Чу, представляющая этотъ стокъ, не доходитъ до Сыръ-Дарьи, а теряется въ небольшомъ степномъ озерѣ. Но при внимательномъ разсмотрѣніи этого теченія на картѣ внутренней Азіи, приходимъ къ заключенію о справедливости этого древняго изображенія, въ тѣ времена когда и Гихонъ (Аму) не былъ еще совершенно отрѣзанъ отъ восточнаго берега Каспійскаго моря. Степное озеро, въ которомъ нынѣ останавливается Чу, лежитъ недалеко къ С. В. отъ города Туркестана, едва не $1/2°$ сѣвернѣе нижней Сыръ-Дарьи, гдѣ степная рѣка Сары-Су, текущая съ С. З., подвергается подобной же участи. Оба рѣчныя ложа очень ясно направляются къ нижнему теченію Сыръ-Дарьи,

---

(153) Klaproth observations sur la carte de l'Asie publiée en 1822 p. Arrowsmith въ Mem. rel á l'Asie 1828 T. III. p. 297.

(*) Р. Чу не вытекаетъ изъ Иссыкъ-Куля; одна ея значительная вѣтвь беретъ начало въ Т'янь-Шанѣ, подъ именемъ Кошкаръ, другая въ Заилійскомъ Алатау на С. отъ Иссыкъ-Куля, подъ именемъ Кебина.—*Пр. Пер.*

(154) Mappa fluvii Irtisz partem meridionalem gubernii Sibiriensis perfluentis cum pristino territorio stirpis Kalmukorum Songariæ Petropoli 1777.

(155) Eclaircissement sur une carte chinoise et japonaise de l'Asie etc. въ Mem. relat. à l'Asie 1826. T. II p. 416.

которая здѣсь разбивается на нѣсколько рукавовъ, подверженныхъ частымъ измѣненіямъ. Въ тѣ времена, когда постоянно уменьшающаяся поверхность Аральскаго моря распространялась еще значительно далѣе къ В. по степной поверхности, какъ это было въ VII вѣкѣ, р. Чу должна была доходить до сѣвернаго устья Сыръ-Дарьи, отъ вершины дельты которой упомянутое степное озеро Кабанъ-Кулакъ отстоитъ только на 7 или 8 г. м.; а замкнутіе этого послѣдняго, какъ и множества другихъ подобныхъ озеръ, зависитъ вѣроятно только отъ наступательнаго движенія песчаныхъ и галечныхъ дюнъ степи и постепеннаго отступленія водъ Аральскаго моря. Очень опредѣленное показаніе рукописнаго маршрута III. по пути изъ Семипалатинска въ Ташкентъ, пересѣкающаго р. Чу, при Кызылъ-Яйма, на 35-мъ днѣ пути на С. З. отъ Ташкента, и называющаго здѣсь Чу еще довольно значительною рѣкою, подтверждаетъ начертаніе Японской карты. Въ маршрутѣ объяснено, что: Чу, текущая изъ горъ Алатау съ В., впадаетъ ниже переправы Кызылъ-Яйма въ Аральское море, принимая въ себя небольшой южный притокъ—малую Чу, впадающій въ большую Чу, и образуетъ здѣсь границу Коканіи. Между маршрутами, которые въ небольшомъ количествѣ ведутъ черезъ эти мало посѣщенныя степи, только одинъ N. 1 подтверждаетъ намъ упомянутую западную часть теченія р. Чу близь истока изъ Иссыкъ-Куля. Маршрутъ I, изъ Семипалатинска на Иртышѣ, ведетъ въ Кашгаръ и проходитъ отъ упомянутой западной оконечности Иссыкъ-Куля черезъ р. Нарынъ и горный проходъ Роваттъ, поперегъ поднимающейся здѣсь цѣпи Мустага. Но прежде достиженія Иссыкъ-Куля, по этой дорогѣ, проходящей съ С. черезъ перешеекъ между Иссыкъ-Кулемъ и Балхашемъ, приходится переправляться черезъ рѣки Или и Чу; это пространство (отъ Или до Иссыкъ-Куля) пройдено маршрутомъ отъ 28 до 32 дня пути, и слѣдовательно въ 5 дней, и о немъ мы находимъ въ немъ слѣдующія топографическія подробности. Переправляются черезъ большую р. Или по этой дорогѣ на З. отъ Кульджи; Или течетъ далѣе на З. въ большое озеро Балхашъ (Тенгизъ); на Ю. отъ нея живутъ семирѣчинскіе Кирги-

зы. Отъ этой переправы идетъ влѣво (къ Ю. В.) прямая дорога въ Ушъ-Турпанъ; а вправо (т. е. къ Ю. З.) день пути $4^1/_3$ г. м. (30 вер.) приводитъ къ небольшой р. Кескелену; 2-й день пути въ $4^1/_3$ г. м. (30 вер.) къ р. Алматы; 3-й день 3 г. м. (20 вер.) до высокой горы Кестекъ, простирающейся на В. къ Алатау, имѣющей здѣсь $1^1/_4$ г. м. (10 вер.) ширины и оканчивающейся около $3^1/_2$ г. м. (25 вер.) далѣе къ З, образуя границу, до которой кочуютъ семирѣчинскіе Киргизы, принадлежащіе къ большой ордѣ. Отсюда 4-й день пути въ 3 г. м. (20 вер.) приводитъ къ переправѣ черезъ Чу, которая здѣсь довольно широка и течетъ съ В. изъ горъ Алатау на З. въ Туркестанъ. Здѣсь начинаются кочевья Черныхъ или дикокаменныхъ Киргизовъ. 5-й день, послѣ 2 г. м. (15 вер.) приводитъ къ небольшой рѣчкѣ Кутемалды, которая на востокъ отъ дороги выходитъ изъ озера Иссыкъ-Куля и уходитъ далеко въ степь. Слѣдующій день пути по прибрежью озера ведетъ къ ближнимъ горамъ (Улакъ-Коль см. выше ст. 15). Полное разстояніе отъ Или до Чу составляетъ слѣдовательно 14 г. м. (100 вер.), а до Кутемалды $16^1/_3$ г. м. (115 вер.). Но здѣсь неясно, какая изъ двухъ сосѣднихъ рѣкъ есть именно стокъ Иссыкъ-Куля; сильнѣйшая вѣтвь есть во всякомъ случаѣ Чу, а на изготовленной въ Семипалатинскѣ къ маршруту рукописной картѣ, также какъ и на Китайскихъ спеціальныхъ картахъ Или, р. Чу означена стокомъ Иссыкъ-Куля. Вотъ и все, что мы можемъ здѣсь сказать объ этомъ озерѣ.

II *Озеро Балхашъ или Тенгизъ, съ притокомъ своимъ Или. Илійское намѣстничество. Кульджа — его резиденція и главный рынокъ.*

Р. Или вытекаетъ многочисленными источниками изъ снѣжныхъ горъ на сѣверо-западномъ скатѣ Т'янь-Шаня и Богдо-Ола, который здѣсь въ своихъ С.-З. предгоріяхъ носитъ названіе Эринъ-Хабирганъ или высокаго ледянаго хребта. Верхнее теченіе Или, по свидѣтельству Фалька ([156]), и источники ея, на сѣверномъ

(156) Falk Beiträge zur Topogr. Th. I p. 379.

склонѣ Мустага, въ горахъ Текесъ и Талки, называются Текесъ; сначала рѣка эта течетъ отъ З. къ В., до тѣхъ поръ пока не отклоняется высокимъ Т'янь-Шанемъ, на С.-В. отъ вулкана Бай-шаня. сначала къ С., а потомъ къ С.-З., потому что высокая группа Богдо-ола полагаетъ здѣсь непреодолимую преграду дальнѣйшему теченію ея на В. Текесъ называется въ Государственной Географіи Барцынь; главные же притоки сей рѣки, вытекающіе изъ снѣжныхъ вершинъ Препъхабиргана, и впадающіе въ нее при сѣверномъ ея поворотѣ съ восточной стороны, между 42° и 43° с. ш., носятъ названіе Кунгеса (Shunggis) и Хаша (Chasch); только ниже впаденія ихъ, рѣка получаетъ названіе Или, и подъ 43° с. ш. вливается въ большое озеро Балхашъ съ восточной стороны. На правомъ, очень высокомъ берегу Или, построенъ торговый городъ (157) Кульджа или Или (Кульджа-курэ), а въ 28½ г. м. (200 верстъ) (*) ниже его на З., рѣка Или, впадаетъ въ Балхашъ, который, по причинѣ своей необыкновенной величины, получилъ всеобщее названіе Тенгиза (по Туркски Денгизъ) т. е. моря (158), имя которымъ обозначаются также Каспійское озеро и нѣкоторыя другія. Ал. Гумбольдтъ самъ слышалъ, что такъ называютъ Балхашъ на Иртышѣ. Балхашъ называется также Акъ-Тенгизъ, т. е. бѣлое море, Ала-Денгизъ или пестрое море, Балхашъ или Балхацы-норъ у Калмыковъ, т. е. великое озеро; отчего на картѣ Д'Анвиля оно названо Palkati-nor; на Панснеровой картѣ, Балхашъ имѣетъ 1¾ градуса длины, слѣдовательно около 30 г. м. (**).

Изъ Маршрута III узнаемъ мы, что на С. отъ этого озера, которое какъ съ этой стороны, такъ и съ западной, окружено

---

(157) Poutimtsev Voyage (1811) de Boukhtarminsk à Gouldja ou Ili capitale de la Dzoungarie chinoise въ Magasin Asiatiq. Paris. 1826. T. I. p. 173—229.

(*) Показаніе это совершенно ошибочно: отъ Кульджи до Балхаша Или имѣетъ болѣе 600 верстъ теченія. — *Пр. Пер.*

(158) Klaproth Mem. rel. à l'Asie T. I p. 108; Nouv. Annales T. IV p. 295 not. 3.

(*) Показаніе это совершенно ошибочно: настоящая длина Балхаша отъ Ю.-З. къ С.-З. составляетъ около 70 г. м. (500 верстъ). — *Пр. Пер.*

степью, лежитъ высокій кряжъ, въ 30 г. м. (210 верстъ) отъ Семипалатинска, называемый Чингисъ и простирающійся отъ В. на З. на 8 1/2 г. м. (60 верстъ), при ширинѣ почти въ 3 г. м. (20 верстъ). Этотъ Чингисъ-тау образуетъ водораздѣлъ (подъ 49^0 с. ш.) между Иртышемъ и Балхашемъ: къ С. скатывается съ него рѣка Чаганъ (Чаганка), впадающая въ Иртышъ, на З. отъ Семипалатинска; къ Ю. же текутъ съ него двѣ незначительныя рѣки, направляющіяся къ Балхашу. Озеро это полагаетъ преграду западной изъ этихъ рѣкъ, берущей начало изъ окрестностей колоніи Кар-Каралы, имѣющей 21 1/3 мили (150 верстъ), теченія къ С.-З. и называемой Ѣокрау; черезъ эту рѣку переправляются караваны, идущіе изъ Семепалатинска въ Ташкентъ на 15 днѣ пути, и на этой переправѣ сходятся дороги изъ Чугучака и Семипалатинска въ Ташкентъ. Другая рѣка, далѣе на В., подобно первой, текущая далеко по степи на Ю. въ Тенгизъ, называется Аягузъ; она довольно значительна, берегъ ея поросъ тополями и березами, и на немъ находится киргизская могила, называемая Кузу-Курпечь. Къ Ю. отъ этого Аягуза до Или, на протяженіи трехъ градусовъ широты, маршрутъ I, на 14 дняхъ пути по восточной сторонѣ большаго озера, т. е. на 44 1/3 г. м. (310 верстъ), перечисляетъ шесть рѣкъ, стремящихся къ Балхашу съ В. на З., а именно: *Ленсу* (по Китайски Лэбши), которая течетъ, подобно 4-мъ послѣдующимъ, изъ горъ Алатау къ З. между Ала-кулемъ и Тенгизомъ, и довольно значительна; гораздо меньшая *Аксу*; значительная *Кульденынъ-Біенъ;* значительная рѣка *Караталъ* (т. е. черная ива), которая довольно широка; рѣка *Коксу*, также довольно широкая, и маленькая рѣка *Бижа*. На Ю. отъ истока сей послѣдней возвышается высокая гора *Алтынъ-Имель-Даванъ*, (*) т. е. ущелье золо-

---

(*) Алтынъ-Имель не есть гора, а сѣдло или горный проходъ въ понизившемся продолженіи Ала-тау. Относительно этотъ проходъ кажется очень низкимъ, абсолютная его высота, по моему геометрическому опредѣленію, составляетъ около 4000 п. ф.— *Пр. Пер.*

таго сѣдла ([159]), примыкающая на В. къ упомянутому Ала-тау. Цѣпь горъ подъ этимъ названіемъ (употребительномъ слѣдовательно какъ на С. отъ р. Или, такъ и на Ю. отъ нея, при озерѣ Иссыкъ-куль) своими высотами выполняетъ перешеекъ между Тенгизомъ и Алакъ-Кулемъ, за тѣмъ направляется на Ю. В. и даетъ начало многимъ сѣвернымъ притокамъ рѣки Или. Этотъ Ала-тау (*) поворачиваетъ къ Ю. отъ Алакъ-куля, (подъ 44° с. ш.) прямо на В. и примыкаетъ здѣсь, подъ именемъ горъ Тохты, ([160]), въ меридіанѣ Кульджи, въ 4 или 5 дняхъ пути отъ этого города, къ лѣсистому сѣверо-западному предгорію Эринъ-Хабиргана, черезъ который просѣчена ведущая изъ Бишбалига въ Или Пекинская дорога, о которой мы уже упоминали выше (ст. 29). Такимъ образомъ очертили мы весь, эллиптически растянутый, отъ В. къ З. бассейнъ рѣки Или, составляющій хорошо орошенную, богатую пастбищами страну скотоводства, которая, не смотря на свое сѣверное, впрочемъ углубленное и защищенное положеніе, наслаждается умѣреннымъ, благословеннымъ климатомъ. Отдѣленный на Ю. отъ сходныхъ съ степью Гоби песчаныхъ полосъ Бухарскаго плоскогорія, за Т'янь-Шанемъ, и отъ сухой почвы прилежащихъ къ нему на З. Киргизскихъ степей, бассейнъ этотъ долженъ былъ необходимо служить убѣжищемъ племенамъ номадовъ, которые, будучи гонимы судьбою отъ В. къ З., находили здѣсь вѣрное прибѣжище и могли распространяться отсюда еще далѣе по песчаному океану степей къ Сыру, Аральскому морю, Иртышу, Тоболу и даже Волгѣ и сѣвернымъ Каспійскимъ берегамъ.

Маньчжурская государственная географія ([161]) даетъ объ этой странѣ, обращенной императоромъ К'янъ-Лунемъ въ 1775

---

(159) Эти вышеприведенные на стр. 15 маршруты, согласно съ выраженнымъ нами желаніемъ, только что напечатаны въ: A de Humboldt Fragments de Geologie et de climatologie asiatiques. Paris 1831 vol. I. p. 236—306, въ отдѣлѣ: Routiers dans l'Asie centrale.

(**) О направленіи и физическомъ характерѣ обоихъ Ала-тау: Джунгарскаго и Заилійскаго см. ниже дополненія — *Пр. Пер.*

(160) Poutimtsev Voy. (1811) à Gouldja l. c. p. 103.

(161) Descript. du pays des Dzoungar въ Timkowski Voy. T. I. p. 440—453.

году въ Илійскую провинцію и намѣстничество первыя поучительныя свѣдѣнія, увеличенныя впослѣдствіи маршрутами русскихъ торговцевъ. Намѣстничество это граничитъ на В. съ вытянувшеюся сюда провинціею Ганьсу, къ которой принадлежатъ вышеупомянутые округи Баркюль и Урумчи. Самый восточный пунктъ Илійскаго намѣстничества есть округъ Боро-Бургассу, при озерѣ Боротала, на границѣ округа Кур-кара-уссу (162). Къ З. оно распространяется за бассейнъ Или, до степной рѣки Таласъ, текущей между рѣками Чу и Нарынъ на З. къ Туркестану, и отдѣляющей намѣстничество отъ такъ называемой большой Киргизской орды или Хазака правой стороны, къ Ю. З. достигаетъ оно до Ингара, лежащаго на границѣ восточныхъ Бурутовъ. На Ю. отдѣляется оно Т'янь-Шанемъ отъ областей Куча̀, Сайрамъ, Аксу, а на юго-западѣ достигаетъ до границы Пичжана. Къ С. Илійское намѣстничество распространяется до озера Балхашъ,отдѣляющаго его отъ средней Киргизской орды или Хазака лѣвой стороны, къ С. З. отдѣляется оно рѣкою Чу отъ большой Киргизской орды (Хазака правой стороны). На С. В. же оно достигаетъ, какъ мы уже сказали, до Бороту-така (при Боротала), на границѣ Куръ-кара-уссу, лежащаго еще далѣе на В.

Столица новой Китайской пограничной провинціи называется Или, отъ рѣки *Или*, что значитъ сіяющій, блестящій. Она лежитъ подъ 42° 46′ с. ш. и 80° 28′ в. д. отъ Парижа, въ 145 г. м. (1930 ли) на З. отъ Урумчи и въ 810 г. м. (10 820 ли) отъ Пекина. Городъ этотъ также называется *Кульджа* (Guldsha) или Гульджа, по Монгольской и Маньчжурской орѳографіи, что значитъ горная коза; названіе это произошло отъ козъ Capra ammon, которыя, какъ говорятъ, водились здѣсь прежде въ большомъ изобиліи. Или называется также *Илаинъ-хото* или *Илаинъ-Балгассунъ* или *Или-балигъ* (163) т. е. городъ *Или*, также *Алмалигъ*. Императоръ Кянь-лунь далъ этому городу, при его перестройкѣ въ 1754 году, почетный титулъ *Хой-Юань-чинъ*. Въ

---

(162) Poutimstev Voy. l. c. p. 86. Not.
(163) Klaproth Mem. rel. à l'Asie T. II. p. 362. etc.

средніе вѣка онъ назывался у Католическихъ миссіонеровъ и путешественниковъ, пріѣзжавшихъ изъ западныхъ магометанскихъ странъ, *Армаликко* (у Балдуччи Пелометти 1335) или *Армалигъ*; также *Али-мали* во время походовъ Гулагу, въ Китайскомъ описаніи войны 1253 *года*, (*) и *Или-Балигъ* т. е. *Или-Балкъ*—резиденція Или, у многихъ авторовъ. Уже въ двухъ часахъ пути на В. отъ этого города возвышаются горы *Хонгоръ* (164), обильныя желѣзомъ и каменнымъ углемъ; въ четверти часа пути отъ города, протекаетъ стремительная Или, черезъ которую можно переправляться только въ лодкахъ (**). Рѣка эта богата рыбою и рѣчными выдрами; далѣе она теряется почти совершенно, передъ впаденіемъ своимъ въ озеро Балхашъ, извиваясь въ пескахъ, послѣ 50 г. м. (700 ли) теченія. На З. отъ города, текутъ въ главную рѣку съ С., т. е. съ правой стороны, притоки: Хоргосъ и Цщиканъ, въ окрестностяхъ которыхъ обитаютъ 600 Солоновъ и 400 Дауровъ (Дахаръ), составляющихъ здѣсь Маньчжурскія поселенія. Далѣе на З. простираются болота, поросшія лѣсами тростниковъ и камышей, въ которыхъ скрываются кабаны и другая дичь. На С. З. окрестности Или поросли густыми лѣсами, въ которыхъ обитаетъ множество волковъ и архаровъ (argali). Къ югу, Или ограниченъ широкою, обширною долиною, въ которой расположено 8 военныхъ карауловъ; они содержатся тысячью солдатъ Сибе, живущихъ здѣсь съ своими семействами, раздѣленныхъ на 8 полковъ и состоящихъ подъ начальствомъ однаго главнаго командира и нѣсколькихъ оберъ-офицеровъ. Между этими постами есть и земледѣльческія поселенія Туркестанцевъ. По дорогѣ отъ города Или въ Аксу, къ Ю. черезъ Т'янь-

---

(*) Городъ *Алмалы* дѣйствительно лежалъ въ Илійской долинѣ, но верстахъ въ 40 къ З. С. З. отъ Куль-джи, въ долинѣ, изобилующей яблоками, потому и донынѣ называемой яблочной—Алмалы.—*Пр. Пер.*

(164) Timkowsky Voy. T. I. p. 449.

(**) Нынѣ Или, перемѣнивъ свое русло, протекаетъ подъ самымъ городомъ и грозитъ размыть высокій, но состоящій изъ песчаныхъ наносовъ, берегъ и разрушить городскую цитадель.—*Пр. Пер.*

Шань должно проходить, въ теченіи первыхъ 7 дней, эту страну, на Ю. по хордѣ дуги, образуемой теченіемъ рѣки, на Ю. называемой Текесъ, а на С. Или. Маршрутъ X полагаетъ это разстояніе въ $29^3/_4$ г. м. (145 верстъ). *Первый день пути* отъ переправы черезъ Или приводитъ, по переходѣ болѣе двухъ г. м. (15 верстъ), къ деревнѣ Каулукъ; *второй* въ $1^1/_2$ г. м. (10 верстъ) къ довольно высокой горѣ Соръ-Даванъ; проходъ черезъ нее имѣетъ не болѣе мили длины (5 верстъ), но она распространяется довольно далеко по степи отъ В. къ З.; *3-й день пути* въ 3 г. м. (20 верстъ) къ деревнѣ Джанъ-шунъ-Тюшкенъ; *4-й* въ $3^1/_2$ г. м. (25 верстъ) къ крѣпости Чайпанъ; *5-й* такой же длины къ Китайскому караулу Досларъ-Башъ; *6-й* такой же длины къ деревнѣ Ухарлэ; наконецъ *7-й* къ переправѣ черезъ верхнее теченіе Или, т. е. р. Текесъ. Отсюда уже начинается восхожденіе на Т'янь-Шань и ледяныя горы Джепарле (т. е. Муссуръ—Даванъ по Китайскимъ картамъ), о которыхъ было упомянуто выше. Здѣсь граница малой Бухаріи съ провинціею Или совпадаетъ съ естественной границей, но къ В. и С. политическая граница Илійской провинціи распространяется за предѣлы естественной границы бассейна рѣки Или. Въ самомъ дѣлѣ къ В. она еще обнимаетъ округъ Тарбагатай и граничитъ съ русскими владѣніями. Къ З. провинція ограничивается степью. Она имѣетъ такое положеніе, что безчисленные пути, пересѣкающіеся во всѣхъ направленіяхъ, приводятъ торговцевъ черезъ долины и горы въ эту страну. Сѣверная сторона намѣстничества, къ Сибирской границѣ, защищена 12 военными постами и 30 редутами.

Изъ естественныхъ богатствъ страны Китайская Государственная Географія упоминаетъ о множествѣ птицъ, рыбъ и дичи разнаго рода, какъ напр. о птицѣ, имѣющей величину курицы, садящейся на деревья и потому называемой древесною курицею; (*) о породѣ вороны, имѣющей зеленыя перья, по-

---

(*) Подъ именемъ степной курицы въ семирѣчинскомъ и заилійскомъ краѣ разумѣютъ драхву (Otis tetrax), водящуюся въ несмѣтномъ количествѣ въ Илійской долинѣ.

добно попугаю (*), о сайгѣ (Antilope), черныхъ и даже бурыхъ медвѣдяхъ, кабанахъ, водящихся здѣсь въ большомъ количествѣ, маралахъ и. т. д.

Или былъ введенъ въ славу не одними Китайцами: до подчиненія имъ, онъ былъ уже резиденціею Джунгарскихъ Элютскихъ Хановъ, подъ покровительствомъ которыхъ издавна поселились здѣсь осѣдлые Бухарцы и Китайцы. Монгольскій князь Гулагу-ханъ, во время своего похода, 1253 года, упоминаетъ о находившемся здѣсь городѣ *А-ли-ма-ли* (Алмалигъ) ([165]), обитаемомъ Уйгурами и Китайцами, а католическіе миссіонеры о довольно значительномъ городѣ Кайлакѣ, въ странѣ Органумъ, обитаемой Уйгурами, Несторіанцами и Сарацинами, и состоящимъ подъ владычествомъ Монгольскаго Императора Мангу-хана. Флорентинецъ Балдуччи Пеголетти ([166]) отправился для торговыхъ цѣлей въ 1335 году изъ Танаиса (La-Tana) на Азовскомъ морѣ, черезъ Туркестанъ на Отраръ, въ *Армелекко*, гдѣ онъ имѣлъ одну изъ своихъ главныхъ станцій, изъ которой достигъ до Хами (*Сатехи* т. е. городъ Хами-чжеу), въ 70 дней, путешествуя на ослахъ. Въ это уже время тамъ, подъ владычествомъ Татарскихъ Хановъ, властвовали Магометане, между тѣмъ какъ прежде они были только терпимы Несторіанскими христіанами и католическими миссіонерами. Венгерецъ Илья, отправленный посломъ въ эту страну къ Узбекъ-хану, принесъ въ 1343 году въ Европу печальное извѣстіе о томъ, что въ предъидущемъ, 1342 г., въ Армалигѣ, христіане ([167]) потерпѣли сильнѣйшее гоненіе отъ узурпатора Али-солдана, стоявшаго въ главѣ возмущенія противъ монгольскаго владычества. Шесть францисканскихъ монаховъ получили тамъ прежде такое влія-

---

Здѣсь можетъ еще идти рѣчь о фазанѣ, также очень распространенномъ на р. Или. — *Пр. Пер.*

(*) Это есть обыкновенная сивоворонка — Corvus garrula. — *Пр. Пер.*

(165) Ab. Remusat Nouv. mel. as. T. I. p. 173; Rubruquis Voy. en Tartarie y Bergeron ch. 25 p. 52, ch. 29 p. 61.

(166) M. Sprengel Gesch. geogr. Entd. p. 257. J. R. Forster Gesch. der Entd. im Norden 8. 1784 p. 189.

(167) J. L. Mosheim Historia Tartarorum ecclesiastica 4. 1741. p. 117. § 42.

ніе на Татарскаго Хана, котораго спасли отъ тяжкой болѣзни, что даже окрестили сына его въ христіанскую вѣру. Но Ханъ былъ сверженъ и христіане преслѣдуемы; многіе потерпѣли мученическую смерть и ихъ вѣроисповѣданіе было запрещено. Непосредственно за этимъ событіемъ появился міровой завоеватель Тимуръ, который въ 1400 г. (168) совершилъ побѣдоносный походъ изъ Ташкента, мимо озера Иссыкъ-Куль (Иссыкъ-Голь), къ Или (Аб-эйле), въ Алмалекъ, противъ Ѣта (Гетовъ) или Да-хань т. е. Китайцевъ, и покорилъ и разрушилъ все, что встрѣтилъ на пути своемъ до озера Боротала (Караталь); вслѣдствіе этого событія сравненіе сихъ мѣстностей въ нынѣшнее время съ древнѣйшими сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ. Древняя Кульджа, обитаемая Бухарцами, имѣетъ въ настоящее время только 1000 жителей и состоитъ изъ 150 домовъ. Китайскій городъ Кульджа, иначе называемый Кульджа-курѐ, лежитъ почти въ 6 г. м. (35 верстъ) далѣе къ З. на Или, а Хоргосъ при ручьѣ того же имени, нѣсколько верстъ до его впаденія съ правой стороны въ Или, еще далѣе къ С. З. отъ главнаго города Кульджа-курѐ или Или. Кура, или Курѐ по Монгольски, значитъ Ханское стойбище (169). Здѣсь въ Хоргосѣ (170), по разсказамъ русскихъ, Калмыцкій Ханъ основалъ, въ началѣ прошлаго вѣка, превосходный садъ съ фруктовыми деревьями, а поселенные тамъ Китайцы занимались земледѣліемъ; кругомъ были разбросаны Калмыцкіе монастыри съ мѣдными идолами, разрушенные во время покоренія страны Китайцами. Вѣроятно этотъ Хоргосъ есть упоминаемая Пат. Гобилемъ резиденція джунгарскаго Хана Цзеванъ-Рабдана, въ половинѣ XVIII вѣка, которую онъ называетъ Хоргосъ на восточномъ берегу Или и которой положеніе, онъ назначаетъ подъ $46^{0}6'$ с. ш. и 37^{0} з. д. отъ Пекина, т. е. 77^{0} в. д. отъ Парижа (171), по опредѣленіямъ посланныхъ туда Китайскихъ посольствъ, что̀ впрочемъ не со-

(168) Cherefeddin Ali Histoire de Timur-Bec y De-la-croix 1723. T. II p. 66.
(169) Routiers въ A. de Humboldt Fragm. I. p. 282.
(170) Falk Topogr. Beitr. Th. I. p. 396.
(171) Pat. Gaubil въ Souciet observat. astron. etc. Paris 1729. 4. p. 141 и 176.

*

впадаетъ съ русскими опредѣленіями, по которымъ городъ Или лежитъ значительно далѣе на Ю. и на В. Рѣку Или патеръ Гобиль называетъ также Хонгкисъ. (*). Главный городъ, говоритъ Китайс. Госуд. Географія, имѣетъ одинъ часъ (8 ли) окружности; по свидѣтельству дневника V, онъ имѣетъ 5000 домовъ и 20.000 жителей (**). Русскій толмачъ Путимцевъ, посѣтившій этотъ городъ въ 1811 году (172), предполагаетъ здѣсь вдвое болѣе домовъ, а именно 10,000. Онъ говоритъ также, что городъ окруженъ стѣною въ 18 ф. вышины, выстроенною изъ каменныхъ плитъ, безъ рвовъ и внѣшнихъ пристроекъ, исключая еще одной кирпичной стѣны въ аршинъ или 2 ф. толщиною, простирающейся на 600 ф. вдоль Или, но приходящей въ разрушеніе. Путимцевъ нашелъ солдатъ на постахъ и караулахъ не вооруженными.

Или служитъ резиденціею Генералу-Намѣстнику или Цзянъ Цзюну (173); здѣсь жили также генералы различныхъ войскъ: какъ напр. Солоновъ, Сибэ, Чжахаровъ и Элютовъ, также какъ и коменданты городовъ Туркестана. Сюда посылается ежегодно, изъ провинціи Шенси и Си'анъ-фу, отрядъ изъ 3,800 Маньчжурскихъ войскъ съ семействами и 128 офицерами, а изъ всего Китая 2000 преступниковъ, которые обращаются на государственную службу. Городъ весь наполнился бы солдатами, еслибъ большая часть ихъ не была отправляема въ загородные постои. Намѣстникъ, какъ главнокомандующій, имѣетъ надзоръ за ордами Элютовъ и Тургутовъ.

Когда Или былъ джунгарскою столицею, здѣсь не было земледѣлія, потому что Джунгары жили исключительно скотоводствомъ. Со времени утвержденія Китайцевъ, поселены здѣсь 600 Туркестанскихъ семействъ, которыя уже отчасти превратили

(*) Вѣроятно испорченное Кунгесъ. Кунгесъ, хотя и притокъ Или, но продолжаетъ ея направленіе къ В.—*Пр. Пер.*

(**) По удостовѣренію Китайскихъ чиновниковъ, Кульджа имѣетъ нынѣ 80,000 жителей.— *Пр. Пер.*

(172) Poutimstev. l. c. p. 108.

(173) Китайская Государственная Географія въ Timkowsky Voy. I. p. 448.

степи въ поля. Однакоже жатва едва доставляетъ столько хлѣба, сколько нужно Китайскому правительству для продовольствія гарнизоновъ. Ежегодно присылается сюда изъ Китая 500,000 лановъ серебра (около милліона талеровъ) и нѣсколько милліоновъ кусковъ выдѣланныхъ матерій, какъ напр. канфы, фанзы и т. д., для раздачи содержанія и жалованья войскамъ. Эти товары вымѣниваются также у Киргизовъ (или Хосаковъ) на скотъ, который продается съ аукціона. Вырученныя такимъ способомъ деньги раздаются въ видѣ жалованья солдатамъ. Сюда присоединяются еще 40,000 лановъ серебра податей и пошлинъ, собирамыхъ въ Туркестанскихъ городахъ съ хлопчатой бумаги, матерій и т. д. Не смотря на то, въ 1774 году, монета, столь необходимая для торговли, была здѣсь такъ рѣдка, что правительство разрѣшило, вмѣсто хлѣбной подати, собрать съ городовъ Аксу, Яркяна (Яркенда) и Кашгара 8000 гиновъ мѣди, для того чтобы перечеканить ихъ въ монету, въ Или. Каждый годъ отправляется отсюда генералъ съ 500 человѣкъ, для объѣзда западныхъ границъ Киргизовъ (Хасаковъ) и Бурутовъ, и собранія съ нихъ подати, взимаемой со стадъ ихъ: по одному быку со 100 головъ, и одному барану съ 1000. Князья (Тайши) тамошнихъ Элютовъ и Беки, или магометанскіе князья тѣхъ странъ, являются къ концу каждаго года съ своею данью или подарками къ Пекинскому двору. Начальники Киргизовъ (Хасаковъ) совершаютъ это только разъ въ три года: Буруты не имѣютъ на то никакого опредѣленнаго времени: они до сихъ поръ остались впрочемъ самыми независимыми отъ этого военнаго управленія.

Вотъ свѣдѣнія, большею частію почерпнутыя изъ Китайскихъ источниковъ: послѣдующія же сообщены Путимцевымъ, сопровождавшимъ, въ 1811 году, русскій торговый караванъ изъ Бухтарминска на этотъ рынокъ, въ качествѣ русскаго толмача, и имѣвшимъ случай, во время своего 45 дневнаго пребыванія въ Или, сдѣлать удовлетворительныя наблюденія и собрать лучшія свѣдѣнія; впрочемъ это было еще до времени возмущенія, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Съ этого же времени, т. е.

съ 1825 г., мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ краѣ. Путимцевъ прибылъ съ С., по дорогѣ отъ Тарбагатая черезъ горный проходъ Эрипъ-Хабиргана, съ положеніемъ котораго мы познакомились выше; тамъ мы, вмѣстѣ съ этимъ путешественникомъ, проникли въ долину рѣки Или и внизъ по рѣкѣ черезъ Кашмиръ до Кульджи (см. выше ст. 30). Разстоянія его показаны въ верстахъ, которыхъ $104^{3}/_{4}$ составляютъ одинъ градусъ или 15 г. м., а потому мы круглымъ счетомъ полагаемъ около 7 верстъ на геогр. милю при маршрутахъ.

Кашмиръ (174), довольно значительное мѣстечко, есть вѣроятно вновь образовавшійся городъ (можетъ быть названный такъ переселенцами изъ Индійскаго Кашмира?: здѣсь есть также второй Хами, другой Аксу и т. д.). Онъ названъ въ маршрутѣ (175) Кашмиръ-курэ, а на Панснерѣвой картѣ Кашмиръ. Этотъ городъ имѣетъ сходство съ Кульджою и состоитъ, какъ кажется, изъ 3000 домовъ, которыхъ жители большею частію Китайцы (называемые Монголами и Рускими Каракитай) и притомъ Тунганы, т. е. содержатели постоялыхъ дворовъ, мелочные торговцы и лавочники. Одинъ изъ нихъ находился въ пріязни съ русскими, а потомъ пригласилъ ихъ дружески пить чай и хотѣлъ продать имъ 500 барановъ. Отсюда до Кульджи считается 2 г. м. (14 верстъ); вблизи Кашмира соединяются два горныхъ ручья: Сары-Булакъ, т. е. желтый источникъ, и Баянда, текущіе, по соединеніи, подъ симъ послѣднимъ именемъ въ Или. Здѣсь уже начинаются и продолжаются до Кульджи такъ называемыя Чанъ-панъ, т. е. колоніи преступниковъ и ссыльныхъ изъ Китая, которыхъ главное занятіе есть земледѣліе; между ними приговоренные къ смертной казни должны исполнять каторжныя работы. Почва около города тверда и состоитъ изъ смѣси песку съ глиною; ивы и ильмы здѣсь преобладающія деревья. Русскіе купцы рѣшились приблизиться къ главному городу съ конвоемъ, состоящимъ изъ отряда Китайскихъ солдатъ и двухъ чиновни-

(174) Poutimstev Voy. p. 105.
(175) A. de Humboldt Fragmens de geol. asiat. I. p. 281.

ковъ. Въ одномъ часѣ пути отъ него, уже находилась застава съ двумя караульнями и большими кучами горючихъ матеріаловъ для сигнальныхъ огней. Двѣ версты далѣе, находится мостъ черезъ р. Баянду, текущую отъ города того же имени, населеннаго Маньчжурами. Мостъ съ обѣихъ сторонъ и по срединѣ украшенъ каменными статуями, довольно хорошей работы; а на лѣвомъ берегу рѣки выстроенъ великолѣпный храмъ, вокругъ котораго насажены деревья. Такой видъ имѣетъ главный городъ новой пограничной провинціи обширной Китайской Имперіи съ сѣверной стороны.

Самый городъ, хотя и служитъ резиденціею генералу-намѣстнику (Цзянъ-цзюну), но не соотвѣтствуетъ ожиданію, и по красотѣ своей стоитъ ниже обитаемыхъ Магометанами городовъ Яркана, Хотана, Куча̀ и даже обоихъ отъ него зависящихъ городковъ Кашмира и Баянда, изъ которыхъ первый населенъ Китайцами, а второй Маньчжурами. Улицы узки и нечисты; 10,000 домовъ, здѣсь насчитываемые, большею частію малы и некрасивы. Однако же между ними есть великолѣпные храмы, въ которыхъ каждый день совершаются театральныя представленія и увеселенія, и мечети Магометанъ съ жилищами ихъ муллъ.

Главные обитатели ([176]) города Китайцы, называемые обыкновенно Кара-китатъ-ногонтукъ и Тунганами. Названіе первыхъ происходитъ отъ древнихъ, прежде господствовавшихъ въ сѣверномъ Китаѣ Кара-киданей (или династіи Ляо), которые, будучи изгнаны оттуда около 1125 года, удалились къ С. З. и захватили Джунгарію и Бухарію: владычество ихъ здѣсь продолжалось впрочемъ только до 1207 года, въ которомъ Найманы и Харезмійцы положили конецъ ихъ государству. Тогдашнее названіе этихъ Киданей, властителей сѣвернаго Китая или Китайцевъ, было ошибочно перенесено Монголами на всѣхъ китайскихъ жителей этихъ странъ, которыхъ они начали называть

(176) Poutimstev Voy. p. 110.

сложнымъ именемъ Кара-кидань (Кара или Кара-Кита(тъ), *тъ* означаетъ множественное число).

Тупганами (названіе, намъ совершенно незнакомое, если оно только не однозначущее съ Таджи), говоритъ Путимцевъ, называютъ потомковъ Тамерлана (Темиръ-аксака): они ревностные магометане, говорятъ по китайски, и столь же угрюмы, грубы, надменны какъ и самые Китайцы, отъ которыхъ заимствовали свои занятія, обычаи и пороки; безспорно, они переселенцы изъ южной Бухаріи.

Когда Китайцы, въ царствованіе Импер. К'янъ-луня, 60 лѣтъ тому назадъ, сдѣлались властителями шести магометанскихъ городовъ Яркана, Кашгара, Хотана, Куча̀, Уша и Турфана, то они прислали, изъ каждаго изъ этихъ городовъ, по 1000 человѣкъ въ окрестности Кульджи, присовокупивъ сюда еще столько же, т. е. 6000 человѣкъ изъ Монгольскихъ племенъ Элютовъ, Чжахаровъ и Шибе, также какъ изъ Солонъ-Маньчжуровъ, для обработыванія полей и доставленія тѣмъ самымъ содержанія войскамъ, изъ которыхъ составленъ здѣшній гарнизонъ (*). Только малая часть этихъ переселенцевъ была принята въ городъ, большая же часть изъ нихъ построила себѣ деревни въ его окрестностяхъ (**).

Не смотря на малочисленное народонаселеніе города и провинціи Или, здѣсь, какъ въ центральномъ пунктѣ сношеній многихъ народовъ, примѣчается значительное стеченіе торговцевъ изъ внутренности Китая до западной Азіи, Кашмира, Индіи и Бухаріи. Они находятъ пристанище въ гостинницахъ Тупгановъ, которые, въ одно и тоже время, и содержатъ эти гостинницы, и занимаются мелочнымъ торгомъ. За комнату платятъ ежемѣсячно ланъ серебра (т. е. китайс. унцію — 8 $^1/_2$ русск. золотник.). На улицахъ Кульджи, вѣчно наполненыхъ купцами и ремесленниками, есть чайныя харчевни и трактиры, очень

(*) Впослѣдствіи по усмиреніи бунта въ малой Бухаріи, множество бухарцовъ были еще переселены въ Илійскую провинцію. *Пр. Пер.*

(**) Въ особенности на Ю. отъ р. Или къ Ю. З. отъ Кульджи *Пр. Пер.*

охотно посѣщаемые и туземцами. Публичные игорные дома также содержатся Тунганами; они же занимаются разведеніемъ садовъ и мелочною торговлею на рынкахъ. Магометане упомянутыхъ 6-ти покоренныхъ городовъ занимаются также торговлею, земледѣліемъ и садоводствомъ. Китайцы же по преимуществу ремесленники: между ними есть золотыхъ дѣлъ мастера, кузнецы, жестяники, слесаря, плотники, и вообще всѣ жители чрезвычайно промышленны. Только Монголы исключительно занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ.

Рогатый скотъ и лошади составляютъ главный предметъ внутренней торговли; они скупаются Киргизами по одиночкѣ, доставляются большими партіями находящимся здѣсь войскамъ и жителямъ цѣлой страны до Урумчи. Здѣсь содержатся также, на счетъ правительства, конные заводы, подъ охраненіемъ военныхъ карауловъ, для снабженія войскъ лошадьми; но за всѣмъ тѣмъ прикупается еще большое количество лошадей. Обыкновенно правительство покупаетъ у Магометанъ на золото и серебро — куски матерій, называемыхъ *бязи*, и уже потомъ вымѣниваетъ эти бязи на быковъ и лошадей, потребныхъ для продовольствія арміи.

Купцы изъ Индіи и Гималайскаго Кашмира привозятъ сюда кисеи средней доброты, полушелковыя и полубумажныя матеріи, Индійскія катуни и бязи. Русскіе товары (177), сюда привозимые, состоятъ преимущественно изъ сукна и кожъ, но такъ какъ ввозъ товаровъ изъ Россіи оффиціально дозволенъ только по Кяхтинской дорогѣ, то эти товары почитаются приходящими отъ Киргизскихъ султановъ; они отчасти потребляются для войскъ, а отчасти покупаются коммисіонерами Пекинскихъ торговыхъ домовъ. На Сибирской границѣ Кульджинскаго намѣстничества ввозъ русскихъ товаровъ запрещенъ только формально, но товары могутъ ввозиться, разумѣется съ разными задержками и приключеніями, контрабандою, разрѣшенною самимъ намѣстникомъ.

---

(177) Putimstev Voy. p. 109 cp. p. 102.

(*) Въ Кульджѣ товары эти съ выгодою продаются частнымъ лицамъ. Препятствія, встрѣчаемыя русскою торговлею на дорогѣ, лишаютъ Кульджинскій рынокъ большихъ выгодъ: свободный торгъ привлекъ бы сюда большое количество купцовъ; но уже въ настоящее время производство этого, оффиціально не дозволеннаго, торга съ Россіею очень усилилось, въ особенности съ 1811 г., и теперь значительно. Путимцевъ встрѣтилъ въ Кульджѣ Индійскаго купца, прибывшаго съ дальняго юга, подобно тому какъ русскіе прибыли съ сѣвера, привлеченные и тотъ и другіе на этотъ рынокъ торговыми оборотами, и нѣтъ сомнѣнія, что, съ помощью правительства, здѣсь могла бы образоваться важная ярмарка для внутренней Азіи. Въ этомъ году барышъ въ торговомъ оборотѣ съ мѣстнымъ правительствомъ былъ не очень значителенъ для русскихъ, потому что, вмѣсто иностранныхъ товаровъ, которыхъ ожидали, получили они отъ Китайскаго правительства только бязи средняго сорта Кашгарскихъ и Хотанскихъ фабрикъ. Бязь есть шероховатая, бѣлая, тканая бумажная матерія ([178]), которая дѣлается очень нѣжною отъ частой стирки. Путимцевъ не могъ достать лучшаго сорта этой матеріи (называемаго Шанскія или Сары-бязи). Китайское правительство отговорилось тѣмъ, что оно истощило весь запасъ его на уплату Киргизамъ, которые за годъ до того продали ему 70000 барановъ и рогатаго скота; (**) а фабрики города Аксу, доставлявшія самые высокіе сорты этой бязи, не доставили ихъ въ это время, потому что городъ пострадалъ отъ страшнаго наводненія, при которомъ погибло 3000 жителей: Путимцевъ впрочемъ не повѣрилъ этому оправданію. Онъ отдалъ окрасить бѣлыя бязи въ синюю краску и заплатилъ за то красильщикамъ по 1 куску съ 10.

Главный подвозъ этихъ матерій и другихъ товаровъ въ Кульджу совершается по большой торговой дорогѣ юго-запад-

---

(*) Нынѣ торговля эта утверждена трактатомъ и въ Кульджѣ, также какъ и Чугучакѣ, существуютъ русскія торговыя факторіи. *Пр. Пер.*

(178) Putimstev Voy. p. 106. cf. Klaproth not. p. 96.

(**) У Риттера по ошибкѣ 1000 вмѣсто 70,000. *Пр. Пер.*

ной Азіи черезъ Яркань, Хотанъ, Кашгаръ, Аксу и, слѣдовательно черезъ Т'янь-Шань изъ южной Бухаріи; таможни этихъ городовъ получаютъ съ 30 кусковъ товару — одинъ; лошади и верблюды проходятъ безъ пошлины. Въ Кульджѣ, въ то время, съ товаровъ не платили никакой опредѣленной пошлины.

Путимцевъ замѣчаетъ, что, во время своего пребыванія тамъ, онъ не былъ въ состояніи опредѣлить, платятъ ли жители Кульджи какія нибудь опредѣленныя подати; однако же они должны были доставлять въ казну извѣстное количество серебра въ слиткахъ, смотря по различнымъ ремесламъ. Жители шести упомянутыхъ магометанскихъ городовъ южной Бухаріи, также всѣ Монгольскіе жители Кульджи, обязаны, вмѣсто податей и пошлинъ, обработывать казенныя земли. Каждый изъ нихъ дотавляетъ ежегодно въ казенные магазины 8 мѣшковъ, въ 6 ½ пудовъ каждый, наполненные рисомъ, гречихою, ячменемъ, мукою и просомъ. На двадцатомъ году, сынъ вступаетъ въ обязанзанности, наложенныя на отца, который дѣлается свободнымъ отъ податей на 50-мъ году. Хлѣбъ служитъ провіантомъ провинціальнымъ войскамъ, остатокъ поступаетъ въ магазины. Въ 1809 году, трехъ-годичный запасъ хлѣба сгнилъ въ этихъ магазинахъ. Цзянъ-цзюнъ или генералъ-намѣстникъ долженъ былъ заплатить потерпѣнный убытокъ.

Цзянъ-цзюнъ есть военный начальникъ цѣлаго Кульджинскаго намѣстничества, управляетъ городомъ и расположенными въ провинціи войсками. Онъ имѣетъ пребываніе въ Кульджѣ, потому что этотъ городъ сдѣлался средоточіемъ торговли всѣхъ остальныхъ городовъ до Яркана. Другой Цзянъ-цзюнъ или намѣстникъ пребываетъ на западной границѣ Имперіи, въ Кашгарѣ. Когда Путимцевъ отдалъ свое рекомендательное письмо Кульджинскому намѣстнику и просилъ объ ускореніи дѣлъ своего каравана, то получилъ отъ переводчика очень характеристическій отвѣтъ: „здѣсь ничего не дѣлаютъ даромъ.“ Ему дали почувствовать о необходимости сдѣлать подарки пяти Галдаямъ или членамъ правленія, т. е. совѣтникамъ Цзянъ-цзюна. Путешественники были задержаны аудіенціею намѣстнику, по Китайскому церемоніалу; по-

слѣ обычныхъ поклоновъ, намѣстникъ справился о здоровьѣ не Императора, а пограничнаго Киргизскаго султана, именемъ котораго русскіе товары были провезены черезъ китайскую границу и пропущены въ Кульджу. Подарокъ намѣстнику состоялъ изъ 12 кусковъ шелковыхъ матерій посредственнаго качества, цѣною въ 600 руб. асс. и 20 аршинъ бархату въ 100 рублей асс. Каждый изъ чиновниковъ получилъ 4 куска лучшей бязи цѣною въ 140 руб. асс. При приношеніи подарковъ, русскіе должны были стать на колѣна и благодарить за милостивый пріемъ ихъ. Три амбаня и до 20 высшихъ чиновниковъ окружали намѣстника; намѣстникъ сидѣлъ на креслахъ, три абаня на диванѣ, остальные чиновники стояли. Два толмача стояли подлѣ намѣстника и каждое повелѣніе его выслушивали, преклоняя колѣна. Впрочемъ гости были угощаемы, по Китайскому обычаю, чаемъ, конфетами, сахаромъ и провожаемы очень учтиво.

Три Амбаня (по Маньчжурски, вельможи Имперіи, Да-жень по Китайски очень высокій государственный чинъ, соотвѣтствующій рангу генералъ-лейтенанта) состоятъ подъ вѣдомствомъ генерала-намѣстника, преимущественно для дѣлъ Китайцевъ, Магометанъ и Тунгановъ, но ничего не могутъ сдѣлать безъ его согласія. Цзянъ-цзюнъ имѣетъ около себя почетную стражу изъ 120 человѣкъ и многихъ высшихъ офицеровъ; по обѣимъ сторонамъ его дома стоятъ 12 человѣкъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами.

Маньчжуры, которые вообще составляютъ въ Китаѣ дворянство, и занимаютъ первыя мѣста въ войскахъ Имперіи, наполняютъ собою и здѣсь, въ Кульджинскомъ намѣстничествѣ, мѣста по военной службѣ, надзору за торговлею, податями, казною, и пользуются почетомъ, но не получаютъ жалованья отъ императора, хотя впрочемъ могутъ имѣть значительную прибыль отъ своихъ мѣстъ.

Исключая этихъ Маньчжуровъ, говоритъ Путимцевъ, войска въ Кульджѣ и Илійской провинціи состоятъ изъ номадовъ, которые впрочемъ живутъ въ домахъ и занимаются скотовод-

ствомъ, земледѣліемъ и даже торговлею. Они составляютъ ополченія, подобно русскимъ казакамъ. Въ 1811 году, каждый изъ 4 Маньчжурскихъ Хошо, или генераловъ, имѣлъ 10 ротъ въ 100 человѣкъ каждую, всего 4000; кромѣ того считалось Элютовъ 6000; Чжахаровъ (т. е. Монголовъ) изъ Или 6000; Шибе 6000; вообще же военныя силы простирались до 28,000 человѣкъ. Это войско по очереди отправляетъ пограничную службу всей Илийской провинціи, отъ горъ Текесъ и Талки на В. до Боротала (Караталь) на большой Пекинской дорогѣ, къ Урумчи и на С. до Чугучака, т. е. до руской границы. Оно раздѣлено на Цзалапы, состоящіе подъ начальствомъ офицеровъ (амбань), которыхъ производство зависитъ отъ способности и заслугъ. Солдаты вооружены саблями; большая часть сверхъ того имѣютъ луки и стрѣлы, остальные копья. Въ мирное время, каждый долженъ самъ себѣ добывать оружіе и лошадь; во время войны, это доставляется ему отъ казны. Артиллеріи Путимцевъ не видалъ; только есть небольшія желѣзныя пушки безъ лафетовъ, которыя при стрѣляніи кладутъ на землю. Пушечные выстрѣлы производятся здѣсь при шествахъ или въ видѣ сигналовъ, при восхожденіи и захожденіи солнечномъ, при закрытіи воротъ; три выстрѣла производятся также въ полночь. Жалованье, раздаваемое войскамъ, состоитъ изъ слитковъ серебра. Маньчжуры получаютъ ежемѣсячно отъ 15 до 20 золотниковъ. Монголы только 10; но къ этому присоединяется еще до 30 гинъ (45 русск. фунтовъ) провіанта. Кромѣ большаго торговаго города и столицы военной провинціи Или, о которой мы говорили до сихъ поръ, и которую Путимцевъ называетъ Кульджа-Куре, упоминаетъ онъ о лежащей оттуда въ 8 г. м. (50 верстахъ) другой Кульджѣ (179), большомъ городѣ и резиденціи другаго Цзянъ-цзюна (?). Этотъ городъ есть не что иное, какъ древняя Кульджа, о которой мы упоминали выше, и лежитъ, по Татарскому маршруту V, только въ 6 г. миляхъ (35 верстахъ) на Ю. В., также на Или. Намъ не достаетъ точнѣйшихъ данныхъ, для подтвержденія этихъ различныхъ показаній,

(179) Putimstev Voy. p. 111.

однако изъ древнѣйшихъ источниковъ слѣдуетъ, что здѣсь, во времена владычества Джунгаровъ, было зимнее стойбище ихъ Хановъ, нѣсколько далѣе того мѣста, гдѣ теперь лежитъ нынѣшняя Курга (т. е. Урга). Эта Урга напр. означена на Штраленберговой картѣ сѣверной Азіи. Такой лагерь по Монгольски, называется Куре. Путимцевъ самъ не былъ тамъ; онъ узналъ однакоже, что жители его Магометане, ихъ главный начальникъ имѣетъ титулъ Акимъ-Бека и вліяніе его распространяется также на отнятые Китайцами у Магометанъ города, которыхъ жители должны давать ему подать бязями.

III *Алакъ-куль съ притокомъ своимъ Пмиль. Округъ Тарбагатай, пограничный городъ Чугучакъ.*

Мы уже упоминали о положеніи этого озера на полу-пути между рѣками Или и Иртышемъ, на Ю. отъ горъ Тарбагатай, о его названіи, также какъ и вулканическомъ островѣ, возвышающемся на его поверхности. Мы знаемъ его до сихъ поръ только изъ разсказовъ путешественниковъ, слѣдовавшихъ по караванному пути, пролегающему мимо его восточнаго берега, и потому западный берегъ его почти совершенно намъ неизвѣстенъ, и показанія о немъ путешественниковъ, также какъ и изображенія его на картахъ, очень различны (*). Мы повторяемъ здѣсь только различные расказы, на которые обратилъ вниманіе Ал. Гумбольдтъ ([180]), не имѣя достаточныхъ основаній на разрѣшеніе возникающихъ изъ этихъ разсказовъ сомнѣній. На русской картѣ внутренней Азіи Панснера, которая заслуживаетъ полной довѣренности для странъ, лежащихъ на С. отъ Или, изображены два озера: одно большое западное, съ островомъ, названное Алакъ-Тугулемъ, другое восточное съ тремя островками, названное Алакъкулемъ: оба соединены между собою пятью каналами, идущими отъ В. къ З. Этотъ перешеекъ, по замѣчанію Гумбольдта, вѣроятно

(*) Ал. Шренку принадлежитъ честь обстоятельнаго изслѣдованія Ала-куля; мнѣ въ 1857 удалось только видѣть это озеро съ западной его стороны. *Пр. Пер.*

(180) A. v. Humboldt Ueber Bergk. Inner-Asiens p. 3.339; Nouv. Ann. IV. Not. 2. p. 295 и p. 290 Note supplem.

состоитъ изъ болотистой поверхности, откуда и произошло, по свидѣтельству Клапрота, что Китайскія ландкарты изображаютъ одно озеро, съ островомъ посрединѣ. По его же свидѣтельству, озеро это называется Ала-куль или правильнѣе Алакъ-куль, т. е. по Киргизски пестрое озеро, а восточная и притомъ бо́льшая часть его называется Киргизами Алакъ-тугуль-норъ, т. е. озеро пестраго вола (тугуль т. е. теленокъ или волъ): возвышающаяся же тамъ гора отдѣляетъ западную небольшую его часть, называемую Калмыками Шибарту-колай т. е. иловатый заливъ. Въ древнія времена, озеро это, по монгольски, называлось Гурге-норъ, т. е. озеро моста. На картѣ страны Джунгарскаго Кунъ-Тайши, составленной артиллеріи капитаномъ Унковскимъ, въ 1722—23 году, съ показаній этого калмыцкаго Князя, Клапротъ нашелъ въ первый разъ это озеро правильно нанесеннымъ на Ю. отъ Тарбагатая, съ притоками его Караколемъ, Урджаромъ и Имилемъ: на этой же картѣ означены и горячіе ключи, лежащіе близь озера.

Въ 10 дняхъ пути на Ю. отъ Семипалатинска, т. е. почти въ 43 г. м. (300 верст.), возвышается горный хребетъ Тарбагатай, которымъ начинается Джунгарія и съ котораго къ С. текутъ многіе притоки озера Зайсанъ, принадлежащаго къ системѣ Иртыша, а къ Ю. сѣверные притоки озера Ала-Куля. Самый замѣчательный изъ сихъ послѣднихъ есть Емиль (Имиль), берущій начало близь города Чугучака и приводящій путешественника, слѣдующаго по его теченію на протяженіи 9 г. м. (63 верстъ), къ озеру, замѣчательному своимъ вулканическимъ островомъ Аралъ-Тюбе. Озеро это, по разсказамъ Татаръ, лежитъ въ 63½ г. м. (445 верстахъ) отъ Семипалатинска и имѣетъ болѣе 7 г. м. (50 верстъ) ширины отъ С. къ Ю. и 14 г. м. (100 верстъ) длины отъ В. къ З.: впрочемъ показаніе это кажется преувеличеннымъ (*). Китайская граница простирается дугою около его восточнаго и южнаго

(*) Ширина озера отъ С. къ Ю. означена вѣрно; длина отъ В. къ З. также приблизительно вѣрна, если считать оба озера за одно. Большой же или восточный Ала-куль имѣетъ отъ В. къ З. 60 верстъ длины, при 50 верст. ширины отъ С. къ Ю. — *Пр. Пер.*

береговъ. Эмиръ, Емиль, Имиль, Юмиль или Имиилюй ([181]) вытекаетъ изъ Тарбагатая уже въ предѣлахъ Китайской Имперіи. При станціи Маниту, восточные истоки его соединяются съ западными, выходящими изъ болѣе низкихъ предгорій Кошъ-тюбе и извѣстными подъ названіями Кошъ-тюбе, Учкашты и Янгызъ-агачь. Въ этихъ низкихъ предгоріяхъ Тарбагатая кочуютъ Киргизы, въ мѣстностяхъ богатыхъ пастбищами и водою и поросшихъ низкими лѣсами тополей и ивъ; Китайцы обжигаютъ здѣсь уголь, который привозятъ по сосѣдству въ Чугучакъ, лежащій оттуда только въ двухъ миляхъ (15 верстахъ) къ В. На ручьѣ Учкашты, въ долинѣ, гдѣ воды его скрываются въ тростникахъ, расположенъ Вей-тан-цзы, первый Китайскій караулъ, встрѣчаемый путешественниками, спускающимися съ Тарбагатая, а въ 2-хъ верстахъ отъ него лѣтній пикетъ Бахта, на Янгызъ-агачѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ обѣ рѣки выходятъ изъ горъ Кошъ-тюбе и соединяютъ свои русла. Хребетъ горъ, лежащій на Ю. отсюда и отклоняющій первоначальное направленіе обѣихъ рѣкъ къ В., называется Аркарлы. Мимо пикета Бахты идетъ караванная дорога изъ Семипалатинска, спустившись съ горнаго прохода черезъ Тарбагатай. Здѣсь поворачиваетъ она на З., проходитъ неподалеку отъ Чугучака, направляясь далѣе черезъ станціи Маниту и проникая къ югу въ Илійскую долину. Императоръ К'янъ-лунъ (Цзянъ-Лунъ) съ 1786 года приказалъ приносить ежегодныя жертвы рѣкѣ Имилю и вписать его имя въ церемоніальные листы, вѣроятно потому что эта рѣка сдѣлалась въ то время границею государства. Начальники Киргизскихъ племенъ, кочующихъ въ этой пограничной странѣ, имѣютъ титулъ султановъ; проходящіе караваны должны снискивать подарками ихъ покровительство и рекомендаціи для вѣрнѣйшаго достиженія своихъ цѣлей; султаны эти снабжаютъ также проходящіе караваны избытками своихъ стадъ. Значительнѣйшій изъ такихъ султановъ кочуетъ на южномъ склонѣ Тарбагатая; Путимцевъ, подъ прикрытіемъ его, старался получить для своихъ товаровъ свободный про-

(181) Putimstev Voy. p. 93, 99 etc.

пускъ въ пограничный таможенный городъ Чугучакъ, и для того сдѣлалъ 14 дневный привалъ въ его аулѣ. Тарбагатай сдѣлался въ первый разъ извѣстенъ, во время покоренія Чингисъ-ханомъ (182) Свартоголя, т. е. малой Бухаріи, въ XIII вѣкѣ; въ новѣйшее время, хребетъ этотъ служилъ границею между Россіею и Китаемъ (*). Названіе свое онъ получилъ отъ *тарбага*, — т. е. сурковъ, водящихся на немъ въ большомъ количествѣ. И прежде сѣверный скатъ его составлялъ границу Джунгарскаго царства; у Кумурги расположены каменноугольныя ломки. Тарбагатай есть первый значительный хребетъ, возвышающійся съ С. З. на пути изъ русской степи въ Джунгарію, и составляющій водораздѣлъ между Иртышемъ и Имилемъ. Хребетъ этотъ представляетъ восточное продолженіе какихъ то намъ неизвѣстныхъ снѣжныхъ горъ, лежащихъ еще далѣе на З. отъ Алакъ-тугуль-нора (**); онъ тянется между 46 и 47° С. ш. отъ З. къ С. В. Тарбагатай начинается подъ 79° В. д. отъ Парижа, при источникѣ Бураль-Буха, направляется почти прямо на В. до Чугучака и поворачиваетъ оттуда, подъ 82°, на С. В. къ озеру Зайсану, причемъ высота его значительно убываетъ. Большая долина Имиля отдѣляетъ Тарбагатай на С. З. отъ цѣпи Тохта на Ю. В., простирающейся на югъ къ Т'янь-Шаню. Переходъ черезъ Тарбагатай къ югу очень затруднителенъ для вьючныхъ животныхъ и каравановъ; крутой подъемъ ведетъ къ его вершинѣ, и Путимцевъ, проходившій здѣсь 18 іюня 1811 года, видѣлъ въ горныхъ ущельяхъ между скалами снѣгъ, по удостовѣренію Киргизовъ никогда не растаивающій (***). Послѣ 4 г. м. (28 верстъ) пути, путешественники достигли пер-

---

(182) Ssenang Ssetsen Mongol. Gesch. p. 87.

(*) Гребень Тарбагатая есть единственная пограничная линія, на С. отъ которой простираются китайскія владѣнія, на Ю. русскія, т. е. на оборотъ съ общимъ правиломъ. — *Пр. Пер.*

(**) На З. и С. З. отъ западнаго Ала-куля нѣтъ нигдѣ никакихъ снѣжныхъ горъ, но дѣйствительно понижающаяся къ З. ось Тарбагатая находитъ свое продолженіе въ невысокомъ степномъ хребтѣ Чингизъ-тау. — *Пр. Пер.*

(183) Putimstev Voy. p. 113 и Not. p. 114.

(***) Дѣйствительно въ Тарбагатаѣ есть спорадическія пятна вѣчнаго снѣга, около вершины Тазъ-Тау и восточнѣе ея. — *Пр. Пер.*

ваго южнаго ручья на южномъ склонѣ, отъ котораго болѣе чѣмъ въ двухъ г. м. (15 верстахъ), лежалъ аулъ Киргизскаго султана Камбара. По имени вышеупомянутаго хребта, вся лежащая на С. отъ Илійской провинціи область и даже новый главный городъ ея, со времени покоренія страны Китайцами, получили названіе Тарбагатая.

У жителей округъ извѣстенъ подъ названіемъ Яръ или Яра и Чугучу: рѣки его богаты рыбою, даже севрюгою (Acipenser Stellatus); въ нихъ живутъ бобры и выдры; а въ болотахъ, лѣсахъ и горахъ, черные и бурые медвѣди и марали (по монгольски Кандахай), бѣгающіе стадами до 100 головъ. Мѣстность, на которой въ настоящее время расположенъ пограничный городъ ([184]), носила названіе Яра и служила, въ половинѣ XVIII вѣка, мѣстопребываніемъ Амурсаны, послѣдняго Хана Джунгаровъ. Когда Китайцы въ первый разъ утвердились здѣсь, то они выстроили сначала резиденцію военнаго намѣстника этой пограничной провинціи, нѣсколько далѣе къ С. З., въ очень холодной странѣ, гдѣ зимою выпадаетъ много снѣга, а лѣтомъ комары составляютъ нестерпимое безпокойство (*). Частыя глазныя болѣзни принудили перевести городъ далѣе къ югу, въ нынѣшній Чугучакъ, который у Киргизовъ этой страны извѣстенъ подъ названіемъ Тахтава. Императоръ К'янъ-лунъ (Цзянъ-Лунъ) далъ вновь отстроенному тамъ городу, въ 1755 году, имя Тарбагатай-Хото, т. е. города Тарбагатая. Въ 1767 году, онъ получилъ, какъ пограничный городъ, титулъ Суй-цзинъ-чинъ. Городъ этотъ находится подъ 46° 8′ с. ш. и 80° 18′ в. д. отъ Парижа. Онъ былъ обнесенъ земляным валомъ и сдѣланъ резиденціею двухъ пограничныхъ инспекторовъ,—амбаней, которые съ своимъ штабомъ смѣняются каждые три года изъ Пекина. Одинъ Ухерида, или генералъ Элютскихъ войскъ, имѣетъ здѣсь свое мѣстопребываніе, также какъ и Л'янъ-Шанъ, или провіантъ-инспекторъ, переведенный

---

(184) Descr. de la Dzoungarie въ Timkowsky T. I. p. 451; Putimstev Voy. p. 94. Not.

(*) Страна эта не холодна, но дѣйствительно зимою наносится здѣсь вѣтромъ большое количество снѣга. Развалины стараго Чугучака лежатъ не слишкомъ далеко отъ нынѣшняго русскаго Урджарскаго поселенія. — *Пр. Пер.*

сюда изъ провинціи Ганьсу. Кромѣ обоихъ начальствующихъ амбаней и трехъ верховныхъ чиновниковъ, пограничный городъ имѣетъ одного коменданта, 7 оберъ-офицеровъ, 1000 Китайскихъ солдатъ, съ однимъ полковникомъ, и 1500 человѣкъ Маньчжурскихъ и Монгольскихъ войскъ. Сіи послѣдніе присылаются сюда ежегодно и смѣняются новыми, первые же остаются въ гарнизонѣ съ своими семействами и должны обработывать поля, для доставленія себѣ необходимаго количества хлѣба. Нынѣ это мѣсто сдѣлалось значительнымъ Китайскимъ рынкомъ, снабжаемымъ преимущественно шелковыми и хлопчато-бумажными матеріями, для вымѣниванія на произведенія сосѣднихъ номадовъ (*).

Путимцевъ ([185]), посѣтившій сей городъ въ іюлѣ 1811 года, сообщаетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія. Онъ обнесенъ квадратною каменною стѣною; каждая сторона квадрата имѣетъ 1050 ф. длины. Въ углахъ расположены четырехъ-сторонніе (**) высокія башни въ 35 ф. вышины, у которыхъ двѣ наружныя стороны и одна внутренняя снабжены бумажными окнами и деревянными ставнями; въ другой внутренней сторонѣ продѣлана дверь. Находящіяся, посреди каждой стѣны, городскія ворота снабжены подобными же башнями. Всѣ строенія выстроены изъ необожженнаго кирпича, смазаннаго глиною и выбѣленнаго снаружи. Городская стѣна снаружи имѣетъ 15 фут. вышины и обведена рвомъ; черезъ городъ проведенъ каналъ. Домовъ во всемъ городѣ только 600, считая и казармы; жители большею частію пребываютъ здѣсь только временно, стекаясь изъ разныхъ городовъ Китайской Имперіи для торговыхъ дѣлъ; они почти исключительно купцы и ремесленники. Постоянное народонаселеніе составляютъ только ссыльные изъ Китая преступники, которые должны обработывать поля для правительства. Торговлею занимаются древніе туземцы Элюты и сродные съ ними Торгуты и Калмыки, которые прибыли сюда изъ

(*) При усиленіи торговыхъ сношеній Китая съ Россіею, путемъ западной Сибири, Чугучакъ сдѣлался главнымъ торговымъ мѣстомъ китайскаго Запада. *Пр. Пер.*

(185) Putimstev Voy. p. 94.

(**) У Риттера ошибочно круглыя. — *Пр. Пер.*

*

Волжскихъ степей и отдались подъ покровительство Китая. Всѣ они номады, состоящіе подъ военнымъ управленіемъ и не пользующіеся довѣренностью Китайскаго правительства; а потому сюда посылается ежегодно 1500 человѣкъ солдатъ пограничной стражи изъ Кульджи. Однакоже правительству не удалось предупредить возмущенія, которое недавно такъ ужасно опустошило эту пограничную провинцію. Торговые обороты Чугучака съ городами внутренней Джунгаріи, особливо съ Гобдо и Урумчи, весьма дѣятельны; до послѣдняго изъ этихъ городовъ, къ Ю. В., считается 12 дней пути на волахъ, до перваго же, лежащаго гораздо далѣе къ С. В., за озеромъ Кызылъ-башъ, —20. Но Чугучаку не достаетъ собственныхъ произведеній; онъ не имѣетъ своихъ товаровъ, составляющихъ столь важный предметъ для мѣновой торговли въ городахъ Кашгарѣ, Хотанѣ, Ярканѣ и др. Путимцевъ замѣтилъ, что ни здѣсь, ни въ Кульджѣ нельзя купить хорошаго чая; можно найти обыкновенный кирпичный чай и зеленый чай въ ящикахъ (Байхуа и Чуалапь).

Въ окрестностяхъ города, сѣется ячмень, просо и пшеница; рисъ родится дурно, и потому его привозятъ изъ Кульджи и Урумчи. Яблонь здѣсь мало; овощи и табакъ разводятся въ большомъ количествѣ. Окрестные Тургуты и Элюты занимаются скотоводствомъ и продаютъ свой скотъ за деньги. Послѣдніе, съ видимымъ успѣхомъ, откармливаютъ и разводятъ скотъ, и, кажется, живутъ въ бо̀льшемъ довольствѣ, нежели Тургуты.

Страну на Ю. отъ Чугучака и рѣки Имиля, на восточной сторонѣ Ала-куля, узнаемъ мы только изъ маршрута отъ Чугучака до Или; потому что наблюденія европейцевъ, въ настоящее время, еще не могутъ простираться за предѣлы караваннаго пути. Отъ Тарбагатая на югъ до Кульджи, по маршруту VI, считается 52 г. м. (365 верстъ), которыя могутъ быть пройдены въ 13 дней пути. Первые 7 дней, до переправы черезъ рѣку Боротала, текущую къ В. въ озеро того же имени, что составляетъ 33½ г. м. (235 верстъ); въ остальные 6 дней пути къ Или, караваны слѣдуютъ черезъ горный проходъ Эринъ-хабиргана на пекинскую дорогу, о которой мы уже упоминали выше (ст. 29).

Путимцевъ, слѣдовавшій по этой дорогѣ только отъ Чугучака, употребилъ на нее гораздо болѣе времени, именно до Боротала 12 дней, потому что онъ шелъ съ тяжело-нагруженнымъ караваномъ. Мы послѣдуемъ за нимъ по этому пути (186), который, вмѣстѣ съ главными его станціями, можно прослѣдить по Папперовой русской картѣ, и тѣмъ самымъ получить поучительный взглядъ на всю страну.

Въ продолженіи 2-хъ дней, караванъ шелъ изъ Чугучака прямо на югъ черезъ Имиль, 2 г. м. за китайскій пикетъ Маниту. На третій день пути, путешественники переходили черезъ песчаную степь; Китайскій пикетъ Сары-булакъ остался у нихъ вправѣ, т. е. на З. Въ 2 г. м. (15 верстъ) отъ Имиля, сдѣланъ былъ небольшой роздыхъ на скатѣ Арассанъ-тау или Улассуту, при источникѣ Сазыкъ-булакъ (*), который, послѣ 2 часовъ пути, теряется подъ землею; Арассанъ-тау есть южное продолженіе цѣпи Тохта, которая идетъ далѣе на Ю. оттуда, подъ именемъ горъ Тохта и Эринъ-Хабирганъ, и присоединяется къ сѣвернымъ вѣтвямъ Т'янь-Шаня. Оттуда караванная дорога направляется на Чаганъ-тогой, вблизи котораго расположенъ караулъ. На берегу этой рѣки путешественники имѣли ночлегъ; она течетъ съ Улассуту съ В. на З. въ Имиль, богата хорошею рыбою, которую Путимцевъ сравниваетъ съ сельдями; берега ея поросли стройными тополями. 4-й день пути въ 4 г. м. (26 вер.) до источника Маньчжу-булакъ, гдѣ воды очень мало, а лѣса почти совсѣмъ нѣтъ. Почва по всей дорогѣ состояла изъ очень твердаго щебня, который въ особенности преобладаетъ въ этихъ углубленныхъ низменностяхъ. На высотахъ, кромѣ низкихъ таволгъ (Spiraea), нѣтъ никакихъ кустарниковъ. Только въ двухъ миляхъ (7 верстъ) въ сторонѣ, лежатъ горячіе минеральные ключи, называемые Калмыками Арашанъ, а Киргизами Арассанъ, т. е. святыя воды. Они были посѣщены Путимцевымъ на 8-мъ днѣ пути, для чего онъ долженъ былъ сдѣлать объѣздъ. Рѣка тогоже имени ведетъ къ

---

(186) Putimstev Voy. p. 97—104 въ Hertha 1826 T. VI. p. 97 до 104; въ Magas. Asiat Paris 1825 T. I p. 194 — 206.

(*) У Риттера ошибочно Sakyl Bulak. *Пр. Пер.*

нимъ черезъ высоты. Они были открыты только за 100 лѣтъ Калмыцкимъ Ханомъ — Галданомъ, который построилъ здѣсь на холмѣ храмъ съ 17-ю вырѣзанными на каменныхъ доскахъ и раскрашенными идолами и 5 домами для духовенства. Минеральные ключи вытекаютъ изъ холма, представляющаго охряную почву, и слѣдовательно богатаго желѣзною рудою; съ обѣихъ сторонъ ихъ устроены ванны. Ключи горячи и выпускаютъ изъ себя сѣрные пары. Калмыцкія надписи доказываютъ, что Солоны (*) и Киргизы ищутъ въ этихъ ваннахъ облегченія отъ различныхъ болѣзней. Время пользованія этими водами отъ начала Сентября до Октября. Но теперь всё въ упадкѣ; строенія разрушены кочующими Киргизами; въ 120 футахъ оттуда находится подъ крутою скалою столь же цѣлебный (?), но холодный минеральный источникъ, выходящій безъ шума изъ подъ земли, съ неподвижною поверхностью, безъ запаха и вкуса. Около 5 часовъ по полудни, Путимцевъ снова вышелъ съ своимъ караваномъ на прямой путь къ рѣкѣ Долоты, ниже пикета тогоже имени. На возвратномъ пути (187) онъ проходилъ здѣсь, у Минъ-булака, мимо другаго минеральнаго ключа, лежащаго вблизи берега рѣки Чаганъ-Тогоя, гдѣ кочевала киргизская орда рода Кызай, подъ начальствомъ султана Абульфеда-Шамина, на Ю. В. отъ Арасанъ-Тау. Вблизи горы Барлыкъ сдѣланъ былъ привалъ. Изъ этой горы вытекаетъ, съ восточной стороны, р. Долоты и течетъ на З. въ озеро Ала-куль. До сихъ поръ почва отъ Маньчжу-булака, на протяженіи $3^1/_2$ г. м. (25 верстъ), то пловата, то песчана. Караванъ слѣдовалъ далѣе черезъ ложе Тамлы, которое въ это время было сухо, потому что воды его были отведены для орошенія полей при Ала-кулѣ. Прежде эти поля принадлежали Калмыкамъ, теперь же они обработываются киргизскими родами Кара-Гирей, Кызай-Байджигитъ, Найманъ и Дюртюгуль. Терпѣніемъ своимъ они сдѣлали почву плодородною, безъ помощи земледѣльческихъ орудій; однакоже какъ

(*) У Риттера ошибочно вмѣсто Солоновъ Alan-Mongolen. — *Пр. Пер.*
(187) Putimstev Voy. p. 112.

земледѣльцы они стоятъ гораздо ниже Китайцевъ, которымъ подражаютъ; сѣютъ они также просо и пшеницу. Караванъ оставилъ въ сторонѣ горы Барлыкъ и направился нѣсколько западнѣе и ближе къ Ала-кулю; послѣ того онъ долженъ былъ переходить горы Тохта; солончаки, распространяющіеся вблизи озера, не позволяли остановиться тамъ на бивакѣ, что могло быть сдѣлано только 3 версты далѣе, близь источниковъ Минъ-Булакъ (т. е. тысячи ключей). На 6-мъ днѣ пути, дорога поворотила къ Ю. до Ташкыла или Джала-нащь-куля, т. е. Змѣинаго озера, которое соединено болотами съ Ала-кулемъ. Почва на лѣво отъ озера каменista, а на берегу песчана; густой кустарникъ саксаулъ (*) растетъ здѣсь въ изобиліи; озеро Ташкылъ совершенно кругло и имѣетъ $1^1/_3$ геогр. м. (10 верстъ) въ діаметрѣ. Далѣе караванъ слѣдовалъ 10 верстъ, по узкой косѣ, вдоль праваго берега озера, при чемъ горы Тохта остались въ сторонѣ, въ двухъ часахъ (7 верстахъ) пути. Такъ караванъ приблизился къ источнику Капиды-булаку, выходящему изъ этихъ горъ и текущему съ Ю. на С., черезъ тростники, болота и солончаки, въ озеро Ташкылъ. Китайскій пикетъ Модобарлыкъ, лежащій въ одной г. м. (8 верст.) далѣе къ В., расположенъ на рѣкѣ Барлыкъ, также текущей съ В. къ З. въ озеро Ташкылъ; берега его поросли березами и тополемъ. Сосѣдняя мѣстность на З. къ озеру называется Кара-агачь, т. е. черный лѣсъ; въ ней сходятся нѣсколько караванныхъ путей ([188]) съ С. и соединяются въ одну дорогу, ведущую къ Или. На 7-мъ днѣ пути, путешественники перешли черезъ Тохта, при пикетѣ Тюбе, къ болоту Игинъ-булакъ (**), гдѣ Киргизы племени Суванъ обработываютъ полосу земли, орошаемую рѣкою Тохта, вытекающею изъ горъ того же имени и впадающею также въ озеро Ташкылъ; берега ея поросли тополями. Восьмой день пути привелъ путешествениковъ, мимо китайскаго караула

(*) Anabasis Ammodendron; у Риттера ошибочно Tamarix. *Пр. Пер.*

(188) Putimstev Voy. p. 112.

(**) У Риттера ошибочно Tin-Bulak. *Пр. Пер.*

Чиндалан, къ небольшому ущелью, черезъ которое протекаетъ ручей; почва песчана на берегу озера, а далѣе каменистая. Около Канниды-булака есть солончакъ, столь болотистый, что лѣтомъ невозможно слѣдовать по теченію Ташкыла; р. Терекъты, впадающая въ Алакъ-куль, остается въ сторонѣ. Тутъ растетъ множество тополей и березъ, а въ горныхъ ущельяхъ есть яблони, съ которыхъ Путимцевъ рвалъ плоды. Здѣсь слѣдовательно отечество этихъ плодовъ, которыхъ столь сѣверное распространеніе было до сихъ поръ еще намъ неизвѣстно. Караванъ поднялся безъ затрудненія на гору Тохта. Недалеко отъ китайскаго пикета Сундабана (Чулакъ-карагай) сдѣланъ былъ привалъ при Узунъ-булакѣ, т. е. длинномъ ручьѣ, гдѣ растутъ пихты и ели. Въ горныхъ долинахъ кочуютъ Киргизы большой орды, принадлежащіе къ племени Суванъ. Вмѣсто того чтобы направиться отъ поста Чиндалана черезъ горныя долины, караванъ избралъ здѣсь кратчайшій путь черезъ гору Тохта и караулъ Хабтогой. На другой день, было испрашиваемо здѣсь у китайскаго чиновника позволеніе продолжать съ товарами путь въ Кульджу, о чемъ долженъ былъ предварительно быть извѣщенъ самъ намѣстникъ. Поэтому, хотя путешественники и продолжали путь, но товары ихъ были удержаны до послѣдующаго предписанія. На каждомъ караулѣ находили они двухъ маньчжурскихъ чиновниковъ, изъ которыхъ старшій присылается изъ Пекина, а младшій изъ Кульджи. Они пишутъ, независимо одинъ отъ другаго, рапорты о всемъ происходящемъ; старшій посылаетъ ихъ въ Пекинъ, а младшій сопровождаетъ караваны, означаетъ число путешественниковъ, количество и родъ товаровъ, и во всемъ этомъ даетъ отчетъ Кульджинскому Цзянъ-цзюню. На каждомъ изъ пикетовъ содержится 40 человѣкъ стражи. На 10-й день пути, путешественники подвинулись впередъ, мимо лѣваго берега рѣки Борлу, которая беретъ начало на С., и противуположно со всѣми остальными, течетъ съ З. на В. и впадаетъ въ озеро Боротала. Путимцевъ имѣлъ при своемъ караванѣ 600 головъ рогатаго скота и 8000 барановъ, изъ которыхъ онъ далъ главному чиновнику въ подарокъ 2-хъ быковъ, а 10 барановъ продалъ

ему же за дешевую цѣну; почему и былъ приглашенъ со всѣми своими спутниками пить чай. На 11-й день путешественники прошли рѣчку Борлу ниже пикета Сундабанъ, потомъ узкую долину, между этими горами, а затѣмъ перевалъ къ богатымъ источниками горнымъ проходамъ; при спускѣ съ этого перевала, къ Ю. замѣчена была хрящеватая почва, перемѣшанная съ каменными осыпями. Въ одной милѣ далѣе, въ узкомъ ущельѣ, появился опять китайскій чиновникъ для того чтобы, по недовѣрчивости Китайцевъ, снова пересчитать весь караванъ; оттудаже путешественники спустились въ долину, которая тянется съ В. вдоль горъ Тохта и Канжига и орошается рѣкою Хабирга. По переходѣ болѣе нежели 3-хъ г. м. (24 верстъ), прибыли они къ каналу, проведенному отъ рѣки Кара-турукъ для орошенія сосѣднихъ полей. Китайское земледѣліе и промышленность утвердились здѣсь посреди номадовъ. Послѣдняя изъ упомянутыхъ рѣкъ беретъ начало на восточномъ склонѣ горъ Тохта, направляется къ Ю. и соединяется послѣ двухъ-часоваго разстоянія съ главною рѣкою Боротала, которая течетъ въ озеро того же имени во внутреннюю Джунгарію. Земледѣльцы этой страны Монголы-Чжахаръ, принадлежатъ къ тому же племени, которое на сѣверной Китайской границѣ дѣлитъ свой бытъ между пастушествомъ и земледѣліемъ. Поля ихъ простираются отъ Тохта и Хабиргана до пикета Хабтагай, вдоль рѣкъ Боротала, Кара-турукъ и береговъ озера Сайрамъ-куль (т. е. озеро единства; у Монголовъ и на Пансперовой картѣ Сайрамъ-норъ). Это Монгольское племя было переселено сюда на военное поселеніе, для обезпеченія Китайской границы въ древней Джунгаріи со стороны Сибири и западныхъ степныхъ странъ. Чжахары состоятъ здѣсь изъ двухъ отдѣленій Кучинъ и Анги, охраняющихъ границы въ округахъ Чипдаланъ, Хабтагой, Сундабанъ, Боротала (или Уранъ-баръ), Сайрамъ-куль и другихъ. Каждое изъ двухъ отдѣленій раздѣляется на 8 ротъ, въ 160 чел. (всего 1280 ч.). Начальникъ всего отдѣленія называется Ухерида, адъютантъ его — Галайда, начальники ротъ — Занги. Дѣти этой пограничной милиціи отправляютъ службу подобно Казакамъ; сверх-

комплектные служатъ волонтерами. Унтеръ-офицеры и дѣйствительно состоящіе въ милиціи получаютъ жалованье и содержаніе. Въ каждой ротѣ есть 16 человѣкъ сверхкомплектныхъ, обработывающихъ землю для доставленія провіанта дѣйствующимъ войскамъ; сіи послѣдніе получаютъ ежемѣсячно 30 гинъ, т. е. 45 фунтовъ пшеничной муки и 10 золотниковъ серебра жалованья.

Далѣе путешественники встрѣтили еще два ирригаціонные канала и рѣку, впадающую въ Боротала. Наконецъ достигли они пикета Боротала, гдѣ караванъ былъ сданъ сопровождавшимъ его чиновникомъ коменданту пикета; рапортъ же свой о состояніи каравана чиновникъ послалъ черезъ курьера непосредственно къ Илійскому намѣстнику. Дальнѣйшее путешествіе каравана отсюда до Кульджи на р. Или было уже изложено выше (стр. 27).

§ 32.

Изложеніе 5. *Продолженіе: небольшіе бассейны озеръ и древнія мѣстопребыванія народовъ на Или; Усунь, Тугю, Гао-ча Тей-ле и Хой-хэ.*

О лежащихъ далѣе, на С. и В. внутренней Джунгаріи, углубленіяхъ и степныхъ озерахъ, имѣемъ мы гораздо менѣе свѣдѣній, нежели о разсмотрѣнныхъ нами выше. Мы изложимъ здѣсь, въ порядкѣ положенія этихъ озеръ, всѣ наши отрывочныя свѣдѣнія о нихъ и надѣемся, что послѣдующіе путешественники сбросятъ со временемъ покрывало съ этого еще не посѣщеннаго округа, составляющаго далеко не незначительную Terra incognita.

VI. *Боро-тала или озеро Кара-таль.*

Рѣки Бурло, Кара-турукъ и Боротала ([189]) текутъ съ восточной стороны горъ Тохта и стекаются изъ упомянутыхъ руслъ въ

(189) Putimstev. Voy. p. 103, 104.

послѣднее, котораго воды, при переходѣ ихъ караванами, не глубоки, хотя имѣютъ 300 ф. ширины; рѣка Боротала, образуемая этимъ соединеніемъ, впадаетъ въ озеро Боротала. Еще четвертый ручей, Канжига, впадаетъ въ него съ правой стороны, только въ одномъ днѣ пути далѣе на Ю., онъ вытекаетъ изъ того же горнаго хребта и беретъ начало недалеко отъ сѣверной отрасли Эринъ-Хабиргана. Мы знаемъ эти рѣки только по тому, что караванный путь, по которому слѣдовалъ Путимцевъ, пересѣкаетъ ихъ вкось отъ С. къ Ю., тамъ гдѣ на нихъ расположены китайскіе пикеты. О ихъ дальнѣйшемъ теченіи на В., къ озеру Боротала, намъ ничего не извѣстно; мы уже говорили выше, что здѣсь распространено въ нѣкоторой степени земледѣліе, съ помощью исскуственнаго орошенія полей и поселены Чжахары. Боротала-голъ (Бура-Тара), значитъ рѣка сѣрой равнины ([190]), а озеро, въ которое оно впадаетъ къ В., называется также Холтаръ-уцзы-ке-норъ или иначе Балхацы норъ. Тоже озеро называется Караталь и есть, кажется, тоже что Гургэ. Этимъ оно пріобрѣтаетъ историческое значеніе, потому что на берегахъ его пребывалъ сначала, въ концѣ XVII вѣка, тотъ самый Кунъ-Тайши, который съ тѣхъ поръ сдѣлался основателемъ Джунгарскаго царства, снова разрушеннаго въ концѣ XVIII вѣка (см. ниже).

V *Ажаръ Норъ* лежитъ подъ однимъ градусомъ широты (46° с. ш.) съ предъидущимъ, но 20 г. м. далѣе на В. къ Урумчи; мы ничего не можемъ сказать о немъ особеннаго, кромѣ развѣ того, что оно принимаетъ рѣку, текущую изъ Урумчи къ С. З., но даже и названіе этой рѣки намъ неизвѣстно.

VI *Озеро Дарлай съ Кобокомъ* по величинѣ своей еще менѣе значительно, чѣмъ предъидущія, и могло бы совсѣмъ быть опущено, еслибъ оно не было замѣчательно своими пещерами, изъ которыхъ выходятъ нашатырные пары. По Китайской государственной географіи ([191]), цѣлый округъ называется

---

(190) Klaproth Not. въ Nouv. Annal. IV p. 296. Not. 4.
(191) Timkowsky Voy. T. I. p. 452.

Кобокъ-Цари, и когда Калмыки-Тургуты признали верховную власть Китайской Имперіи, въ 1777 году, то на 4-хъ станціяхъ этого округа было распредѣлено болѣе 3000 человѣкъ племени Цзинъ-ванъ-Цзебекъ-Дорджи, съ позволеніемъ выбрать здѣсь для себя пастбища. Этотъ округъ лежитъ въ 4-хъ дняхъ пути къ В. отъ Чугучака ([192]).

VII *Кызылъ-башъ съ притокомъ Урунгу.* Лежитъ еще далѣе къ С. В., подъ 47^0 с. ш.; и есть самый сѣверо-восточный изъ степныхъ бассейновъ, причисляемыхъ нами къ большой группѣ джунгарскихъ озеръ между Т'янь-Шанемъ и Алтаемъ, потому что за нимъ на С. уже возвышается Алтайскій хребетъ, за которымъ къ С. В. также лежатъ степныя озера; но эти послѣднія составляютъ *вторую* группу, совершенно различную отъ первой и заключенную между хребтами Алтаемъ и Хангаемъ. До этой группы не достигаютъ Джунгары, и здѣсь уже находится отечество Халхасъ-Монголовъ, простирающееся отъ Гобдо-Арала за Киргизъ-Норъ до озера Убса на Тесѣ и далѣе до Сангинъ-Далая и Хангая; страну эту мы будемъ разсматривать ниже.

Безъ знаменитаго похода (1253) младшаго брата Монгольскаго Императора Мангу-Хана, о реляціи котораго мы говорили выше (стр. 74), мы даже не были бы въ состояніи опредѣлить положенія этого воднаго бассейна. Походъ Гулагу переноситъ насъ отъ В. къ З., въ 7 дней пути, изъ Каракарума черезъ дикія снѣжныя горы Хангай; въ 20 миляхъ (30 ли) за ними, страна начинаетъ понижаться. Здѣсь встрѣчается большая рѣка въ нѣсколько ли шириною, называемая Хоенъ-мулянъ (по монгольски Хоенъ-Мурень или рѣка Хоенъ, вѣроятно, тоже самое, что Джабганъ), черезъ которую переправляются въ весельныхъ баркахъ. Нѣсколько дней пути далѣе (къ Ю. З), войска переправились черезъ Лунъ-гу (Рунъ-гу, вѣроятно подъ 45° 30′ с. ш.) ([193]); это есть нынѣшній Урунъ-гу, текущій

---

(192) Klaproth Tabl. histor. de l'Asie p. 110 Not.

(193) Abel Remusat Relat. de l'expedit. Houlagou въ Nouv. Mel. Paris. 1829 T. I. p. 173; Klaproth Observat. crit. въ Mem. rel. à l'Asie T. II. p. 355.

къ С. З. въ озеро Кызылъ-башъ: Монгольскій полководецъ продолжалъ путь свой вдоль этой рѣки; спутникъ его говоритъ, что къ З. отъ нея лежитъ островъ, на небольшомъ морѣ, называемомъ Ки-цзы-ли-ба-цзы, въ которомъ ловится множество вкусной рыбы. Это и есть Кызылъ-башъ-норъ, т. е. озеро красноголовыхъ. Устье рѣки лежитъ подъ 46° 35′ с. ш. по Китайскимъ картамъ, по свидѣтельству Клапрота. Нѣсколько далѣе къ З. упоминается городъ Э-Манъ, а еще далѣе къ Ю.-З. большая дорога проходитъ черезъ городъ П'у-ло (можетъ быть Боро на рѣкѣ Бороталѣ). Тамъ, повѣствуетъ реляція похода, находились тогда рисовыя поля; горы же были покрыты лѣсами Бей (Larix—лиственница). Почва здѣсь такъ камениста, что нельзя разводить садовъ. Стѣны упомянутаго города высоки; въ немъ находятся лавки и базары для товаровъ, дома выстроены изъ земли (какъ въ Хами), окна и двери ихъ снабжены стеклами. На С. отъ города лежитъ гора Хой-Тей, изъ которой стремится вѣтеръ, дующій иногда съ такою силою, что онъ опрокидываетъ путешественниковъ въ озеро (cf Rubruquis Voy. c. 29 Plan Carpin Voy. c. 5); это сказаніе въ новѣйшее время приводили мы, упоминая о вулканическомъ островѣ Аралъ-Тюбе (см. выше ст. 82) и оно повторяется слѣдовательно съ самаго начала XIII вѣка. Мѣсто, на которомъ находился вышесказанный торговый городъ, не можетъ быть удалено отъ упомянутой уже нами выше торговой дороги изъ Чугучака въ Или, куда былъ направленъ и походъ Гулагу; но опредѣлить это мѣсто въ точности не возможно. Далѣе къ Ю., говоритъ реляція, водится животное страшное для людей, похожее на барса и покрытое густою шерстью золотаго цвѣта, но безъ полосъ, и насѣкомое похожее на паука и отравляющее воду, въ которую оно падаетъ (*). Отъ торговаго города П'у-ло, который мы принимаемъ за одну изъ упомянутыхъ станцій на Бо-

---

(*) Животное это безъ сомнѣнія есть тигръ, столь обыкновенный въ Заилійскомъ Алатау, а паукъ — фаланга илійской долины (Phalangium arachnoides) — *Пр. Пер.*

роталѣ (*), войско направилось далѣе къ Ю.-З. и прошло черезъ горный проходъ, называемый Тэй-му-чанъ-ча (Тимуръ-чанъ-ча у Пат. Гобиля); дорога, проходящая черезъ него, крута, утесиста и похожа на висячій мостъ; по выходѣ изъ этого прохода, путь идетъ на Али-мали, т. е. Алмалигъ, древнее магометанское имя главнаго города, нар. Или, какъ мы уже упомянули выше. Въ этомъ городѣ есть рынокъ, наполненный источниками текучей воды, и здѣсь живутъ Хой-хэ (т. е. Уйгуры), перемѣшанные съ Китайцами, имѣющими тѣже нравы и обычаи какъ и въ Китаѣ (1253 году). Этотъ Алмалигъ есть нынѣшній Хоргосъ, или по крайней мѣрѣ тогдашнее стойбище Хана недалеко оттуда, какъ мы уже упоминали выше. Отъ города П'у-ло (Боро) къ З., всѣ деньги состоятъ изъ золотой, серебряной и мѣдной монеты съ надписями (подобно арабской и европейской), но безъ четырехъугольнаго отверстія посрединѣ (китайская монета нанизывается на нитки).

Здѣсь покидаемъ мы реляцію похода Гулагу-Хана, ведущую насъ отъ Хангая на В. до Или, на З., черезъ всю разсматриваемую нами Джунгарію, по единственной съ нѣкоторою точностью означенной нами дорогѣ. Разумѣется, католическіе миссіонеры Плано Карпини, Рубруквисъ и другіе проходили страну Органумъ, отъ Или черезъ внутреннюю Джунгарію до резиденціи монгольскихъ Хановъ Каракорума, по подобнымъ же пустыннымъ дорогамъ, но описанія ихъ такъ поверхностны и запутаны, что они не могутъ называться поучительными ни для географіи, ни даже для этнографіи, которая должна была интересовать ихъ ближе. Еще должны мы замѣтить, что въ одномъ замѣчательномъ, совершенномъ въ царствованіе родителя Петра Великаго, караванномъ путешествіи русскаго посланника С. И. Бойкова (1653) ([194]), озеро Зайссанъ, черезъ которое проте-

---

(*) Вѣроятно городъ Э-Манъ, оставшійся въ сторонѣ отъ похода Гулагу, есть Куръ-Кара-усу, а П'у-ло, черезъ которое проходитъ Гулагу, Цзинь или Фынъ-Янъ-фу, на Югѣ отъ озера Боротала. — *Пр. Пер.*

(194) Relatio ablegationis quam czarea Majestas ad Catayensem chamum Bogdi destinavit. Ann. 1653 въ M. Thevenot. Recueil de Voy. Paris 1696. T. I. p. IV. fol. 13-16.

каетъ Иртышъ, тыкже названо Кызылъ-башъ. Не должно однакоже смѣшивать оба озера; можетъ быть, это названіе, въ краткомъ отчетѣ упомянутаго путешествія, перенесено только съ болѣе восточнаго на болѣе западное озеро: потому что въ то время, караванный путь отъ Аблай-кита близь Иртыша шелъ черезъ страны тамошнихъ Калмыцкихъ князей, къ истокамъ Иртыша и слѣдовательно мимо вышеупомянутаго Кызылъ-башъ и на С. отъ него, прямо на В. въ Китай. Многое объ этомъ предметѣ будетъ еще сказано ниже.

Древнѣйшія мѣстопребыванія народовъ на Или.

Не имѣя вообще болѣе спеціальныхъ описаній только что разсмотрѣнной нами Джунгаріи, мы рѣшаемся заключить обзоръ ея воспоминаніемъ о замѣчательныхъ перемѣнахъ въ ея этнографическихъ отношеніяхъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ эта обширная котловина между Алтаемъ и Т'янь-Шанемъ сдѣлалась, въ половинѣ XVIII вѣка, с. з. пограничнымъ рынкомъ Китайской Имперіи, котораго устройство въ отдѣльныхъ частяхъ мы уже изучили выше. Эти отношенія тѣмъ болѣе достойны ближайшаго изученія, что въ одно изъ послѣдующихъ столѣтій Джунгарія, вѣроятно, разовьется для торговыхъ сношеній между жителями обѣихъ обширныхъ Имперій во внутренней Азіи. Дѣйствительно здѣсь проходитъ кратчайшая линія соединенія ихъ столицъ и главныхъ рынковъ, по которой естественныя народныя сношенія Русскихъ и Китайцевъ не затрудняются никакими трудно-проходимыми пустынями и горными хребтами, встрѣчаемыми на В. и З. отсюда; здѣсь также, въ теченіи многихъ вѣковъ, вдоль караваннаго пути со стороны Китая черезъ нагорье къ С. З. до Или, на С. также, какъ и на Ю. отъ Т'янь-Шаня, развилась цѣлая линія городовъ, даже прежде нежели навстрѣчу ей выступила русская линія вдоль сибирскаго Иртыша до Семипалатинска, Бухтарминска и оз. Зайссана. Распространяющаяся въ настоящее время Россійская Имперія легко можетъ проложить себѣ, вмѣсто одной до сихъ поръ открытой кяхтинской дороги, нѣсколько путей для сбыта и обмѣна своихъ произведеній и выиграть для себя тѣмъ

самымъ прямой притокъ товаровъ не изъ непріятно инспектируемаго Пекина, но и изъ богатыхъ южныхъ и западныхъ провинцій Китая.

I *Усуни во второмъ ихъ отечествѣ на Или; посредствующій членъ индо-германскаго племени до VI в. по Р. Х.*

Возвращаясь къ древнимъ временамъ, находимъ мы здѣсь, до изгнанія Юэчжи и Усуней съ ближайшихъ границъ Китая, уже въ 177 до Р. Х. (см. выше Т. I ст. 558), многочисленныя племена Хунновъ, распространенныя отъ Гоби и Хуанъ-хэ до этого отдаленнаго Запада и области внутренне-азіатскихъ озеръ. Эти послѣднія восточно-туркскія племена, бывшія тогда могущественными властителями нагорья, вытѣснили оба упомянутые различные какъ съ ними, такъ и между собою народа (т. е. Юэ-Чжи и Усуни). Оба разошлись сначала; но вскорѣ, по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей ([195]), Усуни, стѣсненные Хуннами, сошлись снова съ Юэ-чжисцами на р. Или, впадающей въ Балхашъ. Именно на Юэчжисцевъ въ 165 до Р. Х. напалъ снова Шань-юй, или Императоръ Хунновъ, и принудилъ ихъ къ бѣгству, вслѣдствіе чего бо̀льшая часть ихъ перешла Небесный хребетъ и утвердилась на сѣверномъ его склонѣ. Но тамъ Юэчжи нашли уже утвердившихся Усуней, и потому были принуждены уклониться черезъ Сигунъ, или древній Яксартъ, къ Ю. въ древнюю Согдіану. Оттуда вытѣснили они Цзу, уклонившихся къ Оксу, и свергли греческихъ властителей македонскаго происхожденія съ бактрійскаго трона ([196]); сами же основали обширное царство, существовавшее нѣсколько вѣковъ (Indo-Scythae, Getae древнихъ). Усуни же остались на Или и достигли тамъ большой силы и могущества. Князь ихъ назывался Кюнъ-ми или Кюнъ-мо (Kün-ig), а резиденція его у Китайцевъ Чи-гу-чинъ (Tchiku-Tching), т. е. городъ красной долины. Она лежала къ В. отъ Янъ-хая или Же-хая, т. е. оз. Иссыкъ-Куля. Китайскіе лѣтописцы полагаютъ тогдашнее число Усуней въ 120,000

(195) Klaproth Tabl. histor. de l'Asie p. 105, 164.

(196) Historia regni Graecorum Bactriani auct. Th. S. Bayer Petr. 4. 1738 p. 96; St. Martin Mem. Journ. Asiat. 1822. I, p. 76.

семействъ и 630.000 чел., а войско ихъ, состоявшее подъ начальствомъ двухъ полководцевъ, называемыхъ Талу и Дару, въ 188.000. Здѣсь на Или, Балхашѣ и Иссыкъ-Кулѣ находимъ мы слѣдовательно Усуней (197) (Suiones) во второмъ ихъ отечествѣ, въ странѣ, обитаемой прежде народомъ Сай, о которомъ впрочемъ ничего неизвѣстно. Страна ихъ, еще очень далеко распространявшаяся къ З. (до Ханъ-Кэу), какъ говорятъ Китайцы, была пространная равнина, изобиловавшая отличными пастбищами и стадами, составлявшими главное богатство номадовъ. Она была однакоже холодна и дождлива, а горы ея поросли пихтовымъ и лиственничнымъ лѣсомъ. Народъ жилъ подобно Хунну (т. е. кочевою жизнью). Главное занятіе его было коневодство: богатые имѣли до 4 и 5000 лошадей. Китайцы называютъ Усуней грубыми, невѣжественными, вѣроломными и хищниками. Болѣе могущественные Хунны часто нападали на нихъ, при чемъ даже погибъ одинъ Усуньскій Король. Преданіе гласитъ, что сынъ этого короля былъ чудесно вскормленъ волчицею и что какая то птица снабжала его пищею. Шаньюй Хунновъ, свѣдавшій о чудѣ, призналъ этого ребенка божественнымъ, воспиталъ его, возвратилъ ему царство отца его, съ титуломъ Кюнъ-ми, и сдѣлалъ его правителемъ своихъ западныхъ областей. Это обстоятельство усилило могущество Усуней, хотя Хунны сохранили надъ ними верховное владычество. Китайская политика искала ихъ союза, для возбужденія пограничнымъ врагамъ своимъ войны съ тылу. Для упроченія этого союза, одна китайская принцесса была отдана въ замужество Усуньскому Кюнъ-ми, какъ Кюнъ-ди (т. е. королева, по англ. и шведски Queen), въ 107 г. до Р. Х. Тогда былъ выстроенъ первый китайскій дворецъ для несчастной принцессы, которой жалобныя пѣсни сохранилъ Китайскій лѣтописецъ Мадуаньлинь (198).

---

(197) По Мадуаньлиню въ Wen-hian-thungkas lib. III. c. § 337.

(198) Вотъ переводъ одной изъ такихъ пѣсенъ, заимствованныхъ изъ Мадуаньлиня:

Родные выдали меня за мужъ
И принудили жить въ далекой сторонѣ.

Могущество Усуней возрасло; нѣсколько разъ нападали они, вмѣстѣ съ Китайцами, на своихъ побѣдителей и не мало содѣйствовали ихъ ослабленію на западѣ. Но въ царствованіе внука упомянутой принцессы, именемъ У-цзы-ты (U-dzieu-thu), произошло раздѣленіе Усуней на большой и малый Кюнъ-ми вслѣдствіе чего и могущество ихъ ослабѣло. Малые Кюнъ-ми удалились въ горы къ С. (не въ европейскій ли Уралъ?) и такимъ образомъ покинули столицу Чи-гу-чинъ. Китайская исторія упоминаетъ объ усуньскихъ князьяхъ до 2 г. до Р. Х. Послѣ сего они были оттѣснены безпрестанными нападеніями усиливавшихся на В. Сяньби и вытѣснены изъ своихъ кочевьевъ, откуда и удалились къ З. и С. З. Это случилось въ началѣ IV в. по Р. Х. и было второй ихъ эмиграціей, имѣвшей послѣдствіемъ совершенное ихъ разсѣяніе. Часть Усуней бѣжала въ верховья Яксарта и въ Трансоксіану; другая направилась въ Киргизскую степь къ Иртышу. Въ 619 г. Усуни подчинились Тукюэсцамъ (Туркамъ), смѣшались, какъ кажется, съ ними и такимъ образомъ изчезли съ театра исторіи.

Эти Усуни (Хэу-сунь на древнемъ и Усунь на новѣйшемъ китайскомъ нарѣчіи), по свидѣт. Аб. Ремюза, (199) пріобрѣтаютъ высокій интересъ для этнографіи Азіи, тѣмъ что они принадлежатъ къ ряду народовъ центральной Азіи, очень различныхъ, судя по китайскимъ описаніямъ, отъ остальныхъ по своей расѣ. Этотъ рядъ народовъ изъ расы голубоглазыхъ и русоволосыхъ блондиновъ (200), по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, составляли:

Дворцомъ служитъ мнѣ бѣдная юрта,
Которой стѣны обиты войлокомъ;
Сырое мясо служитъ мнѣ пищею,
А кислое молоко напиткомъ.
Къ отечеству стремятся мои чувства,
И сердце мое уязвлено глубоко.
О еслибъ я могла быть птичкой,
Какъ быстро бъ понеслась я туда!

(199) Ab Remusat. Rem. s. l'extens. p. 96.

(200) Klaproth. Peuples de race blonde въ Tabl. histor. de l'Asie p. 161—186.

1) *Усунь*; 2) *Шу-лэ* или *Гинь-ша* (въ Кашгарѣ); 4) *Ку-тэ* (можетъ быть, отдѣлившаяся вѣтвь Готовъ) на З. отъ Усунь; 4) *Диньлинь* на С. отъ Усунь, при западной оконечности Байкала; 5) *Кянь-куанъ* или *Хакасъ*, впослѣдствіи Киргизы на Енисеѣ и 6) *Аланы* или *Янъ-Цай* на сѣверной сторонѣ Каспійскаго моря. Тогда, въ древнѣйшія, Геродотовскія времена, туркскіе народы обитали къ В. отъ этого ряда и еще не распространялись далѣе къ З., за верхнее теченіе Окса и Яксарта. Напротивъ же сродные между собою народы индо-германскаго происхожденія, т. е. говорящіе языками, которыхъ корни большею частью встрѣчаются въ санскритскомъ, персидскомъ, германскомъ и славянскомъ нарѣчіяхъ, занимали всѣ страны отъ индѣйскаго Паропамиза къ Оксу до Енисея и Байкала, и оттуда къ Каспійскому морю и къ С. отъ Кавказа, гдѣ они безспорно примыкали къ Готамъ, обитавшимъ съ незапамятныхъ временъ на Волгѣ и Танаисѣ. Совершенно различные отъ китайскихъ, тибетскихъ, монгольскихъ и туркскихъ племенъ, въ своемъ физіологическомъ строеніи, они, кажется, были стольже различны отъ нихъ и по индо-германскому языку своему. Но принадлежали ли они, по аналогіи физическаго своего строенія и общимъ корнямъ въ языкѣ, къ одной и той же народной группѣ и были ли они родственными племенами,—это вопросъ, при рѣшеніи котораго мы находимъ довольно фактовъ pro и contra. Клапротъ, на основаніи своихъ филологическихъ изслѣдованій, считаетъ Парѳянъ, Бактрійцевъ, Согдіанцевъ, Хорезмійцевъ, Гетовъ, Массагетовъ, Аланъ, Аорсовъ, Роксоланъ, Язиговъ и многихъ другихъ принадлежащими къ той же самой этнографической группѣ ([201]). За западный, древній членъ этой народной цѣпи, принимали мы уже прежде многочисленное племя голубоглазыхъ и русоволосыхъ Будиновъ Геродота (IV. 108) ([202]), найденное Даріемъ въ восточной Европѣ, а изслѣдованія С. Мартена открыли еще

---

(201) Tabl. histor. l. c. p. 162.

(202) Vorhalle europ. Völkergeschichten vor Herodotus. Berl 1820. 8. p. 153 etc.

болѣе широкое поле ([203]) ихъ сродникамъ. Самая восточная изъ сихъ народныхъ вѣтвей проникла отъ западной оконечности Байкала и на З. отъ изгиба Хуанъ-хэ, подъ именемъ Усунь, до Китая. Нѣкоторыя, разумѣется, слабыя историческія данныя, на помощь которымъ приходятъ древнія преданія индѣйской миѳологіи, филологическія сравненія и физіологическія замѣчанія, заставляютъ полагать съ большимъ вѣроятіемъ, что внутренняя Азія, въ очень раннюю эпоху, была обитаема праотцами всѣхъ индо-германскихъ народовъ. Но мы не знаемъ: какая именно причина разсѣяла ихъ изъ этого центра на Ю. З. и С. Племена, говорящія санскритскимъ нарѣчіемъ, могли спуститься съ Гималаи въ Индію, откуда они вѣроятно оттѣснили темнокожія негрскія и малайскія племена до Цейлона (Ланка). Другія же направились къ Ю. З. вдоль Сыра и Гихона въ Персію, или къ С. З. черезъ Волгу и Донъ, гдѣ и вступили въ Европу (см. Vorhalle europ. Völkergeschichten Einl. p. 9 etc. и Absch. III). Миграціи ихъ повторялись нѣсколько разъ въ очень отдаленныя одна отъ другой эпохи, что объясняетъ, по крайней мѣрѣ гипотетически, различіе, примѣчаемое въ націяхъ и нарѣчіяхъ многоразвѣтвленной индо-германской группы. О далекомъ распространеніи ея на В. можно заключить изъ вышеупомянутыхъ фактовъ объ Усуняхъ, и изъ повтореннаго уже нами замѣчанія о ихъ типѣ, различномъ отъ всѣхъ остальныхъ восточныхъ народовъ, въ томъ, что они имѣли русые волосы (glauci, caesii древнихъ) и голубые глаза ([204]). Можетъ быть изъ большаго количества индо-германскихъ корней, встрѣчающихся въ Туркскихъ и Монгольскихъ, а еще болѣе въ Тунгузскихъ и Маньчжурскихъ языкахъ, можно было бы заключить, что индо-германскія племена, подобно Усунямъ, въ древнѣйшія времена, были распространены гораздо далѣе къ С. и В. между другими народами восточной Азіи. Маньчжурскій языкъ, по

(203) J. St. Martin Discours sur l'origine des Arsacides въ Journ. Asiat. 1822 8. T. I. p. 65. и Memoires de l'Acad. des inscript.

(204) Herodot IV. 21 etc.

изслѣдованіямъ Клапрота, въ самыхъ грамматическихъ формахъ сходствуетъ съ Нѣмецкимъ. Между Маньчжурскими племенами береговъ Сунгари и Усури попадаются даже и донынѣ блондины съ голубыми глазами, не встрѣчающіеся ни между какими другими народами восточной Азіи. Миграція этихъ народовъ къ С. становится вѣроятною и потому, что и тамъ попадаются племена съ тѣми же характеристическими признаками, обитавшія до новѣйшаго времени на верхнемъ Иртышѣ, Оби, Енисеѣ и близь Байкала. Впослѣдствіи они болѣе или менѣе смѣшались съ Туркскими племенами, откуда и произошло смѣшанное племя Киргизъ (Кянь-кюнъ, Хака-цзы), между которыми также нерѣдко попадаются голубые или зеленые глаза и красные волосы (см. ниже Киргизы). Далекое же распространеніе племенъ этой группы къ З. доказывается историческими сказаніями объ упомянутыхъ уже до-Геродотовскихъ Будинахъ и другихъ, особливо же объ Аланахъ (тождественныхъ съ Янъ-цзай Китайцевъ, съ Аорсами и т. д.), которые также были блондины. Во II и III в. по Р. Х. и впослѣдствіи, сіи послѣдніе, въ соединеніи съ Готами, сдѣлались извѣстны Римлянамъ. Въ X вѣкѣ, Константинъ Порфирородный считалъ ихъ тождественными съ Осетинцами на Кавказѣ, которые и до сихъ поръ говорятъ языкомъ Индо-Германскаго нарѣчія. Этимъ самымъ вполнѣ оправдывается и положеніе Усуней, составлявшихъ весьма важный для европейскаго народонаселенія внутренней Азіи центральный членъ упомянутой, тогда еще соединенной, а впослѣдствіи далеко разсѣявшейся народной группы. Именно отъ этой мѣстности на Или и озерѣ Балхашѣ проистекло ихъ значеніе въ общей этнографіи Азіи, обстоятельство, къ которому мы еще не разъ возвратимся впослѣдствіи.

Народъ этотъ однакоже не есть единственный, здѣсь обитавшій; напротивъ онъ, какъ мы уже сказали, очень рано и безславно исчезъ изъ всемірной исторіи (съ начала VII вѣка). Мѣсто его было занято народами туркскаго племени отрасли Хунновъ — Ту-кюэ, а впослѣдствіи ближайшими ихъ сродниками Уйгурами и Хой-хэ.

но за тѣмъ и сіи послѣдніе въ свою очередь были изгнаны народами Монгольскаго племени, которымъ наконецъ въ настоящее время наслѣдовали въ верховномъ владычествѣ Маньчжуры.

II. *Происхожденіе Ту-кюэ на Си-хаѣ; сказаніе объ Иргана-конѣ.*

Въ V вѣкѣ, послѣ совершеннаго паденія послѣдняго Хунскаго Царства и во время разсѣянія Хунновъ по различнымъ странамъ, нѣкоторыя изъ ихъ ордъ, изгнанныя съ С. В., бѣжали на берега Си-хая, т. е. Западнаго моря, что означаетъ вѣроятно озеро Балхашъ. Но и здѣсь были они почти совершенно истреблены преслѣдовавшими ихъ врагами. Въ китайскихъ лѣтописяхъ ([205]) сохранилась легенда, повѣствующая, что отъ всеобщаго истребленія уцѣлѣлъ только одинъ ребенокъ, котораго руки и ноги были въ такой степени изувѣчены, что ему едва удалось уползть въ болото. Тамъ имѣла о немъ попеченіе и вскормила его волчица. Оба существа были перенесены высшею силою на В. отъ озера, — на гору, лежащую къ С. З. отъ Уйгуровъ. Отсюда пройдя черезъ ущелье, вступили они въ плодородную долину въ 20 миль окружности, гдѣ беременная волчица родила 10 мальчиковъ. Мальчики эти выросли, сдѣлались воинами, похитили себѣ женъ, а въ главѣ ихъ сталъ Ассена или Цена (т. е. волкъ), подъ властію котораго число ихъ размножилось до 500 человѣкъ. Въ память своего происхожденія, носили они волчьи головы на своихъ знаменахъ. Долина сдѣлалась для нихъ слишкомъ тѣсною; они выступили изъ нея и разсѣялись по долинамъ Гинь-Шаня, т. е. золотыхъ горъ или Алтая. Тамъ Князья ихъ избрали стойбище у подошвы горы, имѣвшей видъ шлема (Ту-Кюэ); отъ нея и весь народъ получилъ названіе Ту-Кюэ, подъ которымъ онъ и сдѣлался извѣстнымъ на Востокѣ ([206]). Басня эта во всѣхъ отношеніяхъ походитъ на разсказываемую историкомъ Абульгази ([207]) о происхожденіи Монголовъ, которые

---

(205) Klaproth Tabl. histor. de l'Asie p. 114.

(206) Id. p. 119. u. S. l'origine des Huns въ Mem. relat. à l'Asie T. II. p. 380.

(207) Abulghasi Histoire généalogique des Tatares ed. Leyde 1726. p. 74. cf. Raschid-edin въ D'Ohsson Hist. des Mongols T. I p. 20.

первоначально, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, были заключены въ долинѣ Иргана-конъ (откуда произошло, можетъ быть, названіе Органумъ. употребляемое миссіонерами для означенія долины рѣки Или) между неприступными скалами, до тѣхъ поръ пока эта равнина не сдѣлалась наконецъ слишкомъ тѣсною для ихъ потомства. Они вышли оттуда, при помощи искуства кузнецовъ, которые съумѣли проплавить себѣ выходъ через гору, богатую желѣзною рудою. Этотъ выходъ изъ скалистой долины Иргана-Конъ (Иргана-долина и Конъ-скалистая стѣна, по Абульгази), праздновался и въ послѣдующіе вѣка пиршествами, на которыхъ разводился большой огонь, и каждый, отъ перваго до послѣдняго, ударялъ молотомъ по раскаленному желѣзу; обычай этотъ ввелъ въ заблужденіе Рубруквиса, назвавшаго Чингисъ-Хана кузнецомъ. Тоже самое сказаніе, только нѣсколько измѣненное, сообщено въ Монгольской исторіи Цананъ-Цецена о происхожденіи фамиліи Чингисъ-хана, котораго родъ впрочемъ примкнутъ тамъ къ роду миѳическихъ Государей Тибета. Соотвѣтственность этихъ сказаній была уже замѣчена въ другомъ мѣстѣ ([208]). Предокъ Монгольскаго Царственнаго дома приходитъ также изъ отдаленной страны через оз. Тенгизъ ([209]), т. е. море. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ Балхашъ, но переводчикъ Монгольской лѣтописи принимаетъ его за Хуху-норъ или Синее море при Хуанъ-хэ въ Тангутѣ, по сосѣдству его съ Тибетомъ. Оттуда юный герой проникъ къ народу Бэдэ или Монголамъ, гдѣ онъ тотчасъ былъ признанъ сыномъ боговъ и возведенъ въ Ханское достоинство. За тѣмъ достигъ онъ береговъ обширныхъ водъ Байгала (оз. Байкалъ); онъ назывался „синимъ волкомъ" —Бюрте-чино. Этого Бюрте-чино Чингисъ-ханиды почитаютъ своимъ предкомъ. Долину же Иргана-Конъ, встрѣчаемую въ разукрашенныхъ Магометанскими авторами сказаніяхъ о происхожденіи сихъ народовъ, Турки ли они или Татары или, какъ принимаетъ Абульгази, Турко-Татары, Шмидтъ силится найти не на Или или

---

(208) J. J. Schmidt Forschungen im Gebiete der Völker Mittel-Asiens ect. Petersb. 1824, p. 70.

(209) Ssanang Ssetsen Gesch. der Mongolen p. 57. not. l. c. p. 372. cf. p. 25.

Балхашѣ, но въ сосѣдствѣ Хуху-нора, который еще и нынѣ носить у Монголовъ названіе Гунъ-ерги, т. е. крутой берегъ или горная стѣна. Мнѣніе Шмидта основано на томъ, что Хуху-норъ лежитъ на пути между Тибетомъ и Монголіею. Но такихъ мѣстъ много: намъ же кажется вѣроятнѣе, что это сказаніе есть западное, Турское, которое легко могло быть перенесено на позднѣйшія Монгольскія племена на Востокѣ. Сіи послѣднія вступили вездѣ во владѣніе Турскими землями: князья, войска ихъ, орды и племена, даже и сказанія совершенно сроднились между собою. Это преданіе было гораздо древнѣе и болѣе обще, чѣмъ преданіе о прибытіи Монголовъ съ юга изъ Тибета, которое только впослѣдствіи было распространено духовенствомъ и литературою ([210]). Мысль о происхожденіи отъ волчицы раздѣляли съ Римлянами очень многія изъ упомянутыхъ сѣверныхъ Турскихъ племенъ нагорной средней Азіи, у которыхъ считалось за величайшую честь имѣть между своими предками волка. Еще менѣе основательнымъ кажется намъ мнѣніе Д'Оссона ([211]), переносящаго баснословную долину Ирганаконъ въ третью, еще отдаленнѣйшую мѣстность далѣе къ С. В., именно въ богатыя металлами горы Аргуни, на среднемъ теченіи Амура, вблизи озера Далая. Такое мнѣніе основано только на сходствѣ именъ и на томъ, что тамъ еще встрѣчаются остатки очень древнихъ рудниковъ, хотя мѣстность эта, во всякомъ случаѣ, близка къ древнему отечеству Монголовъ, на границѣ Маньчжуріи. Въ дѣйствительности же намъ кажется, что это преданіе вообще распространено и запутано у всѣхъ Турскихъ племенъ, и вѣроятно отъ нихъ то и перенесено на Монголовъ.

III. *Уйгуры Гао-ча, племя Ть-лэ, царство Хой-хэ.*

Турки-Уйгуры съ Орхона и Селенги съ древнѣйшими колоніями которыхъ мы ознакомились выше, говоря о Тянь-Ша-

(210) Tabl. histor. de l'Asie p. 175 not.
(211) D'Osson Hist. des Mongols 1824. T. I, p. 22. not.

нѣ, какъ о второмъ ихъ отечествѣ, по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ. также проникли своими сѣверными отраслями до Или и озера Балхаша ([212]) въ сѣверо-западную Джунгарію, гдѣ однакоже они не пріобрѣли такой славы, какъ ихъ южные соплеменники. Это была вторая главная отрасль Уйгуровъ, не перешедшая такъ скоро къ осѣдлости и строенію городовъ; она продолжала свою кочевую жизнь въ многочисленныхъ ордахъ, блуждая съ своими стадами по пастбищамъ на С. между Т'янь-шанемъ и Китаемъ и отъ Орхона до Иртыша. Уже въ III вѣкѣ были они извѣстны Китайцамъ подъ особымъ названіемъ Гао-ча (т. е. высокихъ телегъ или кибитокъ), вѣроятно потому, что колеса ихъ войлочныхъ кибитокъ были значительно выше, чѣмъ у другихъ Туркскихъ племенъ. Они были сродны съ Хуннами, хотя говорили другимъ языкомъ; нравы ихъ были столь же грубы. Они не составляли самостоятельной державы, но сначала были подвластны Жу-Жанамъ; а, по ослабленіи могущества послѣднихъ Тукюэсцами, они сдѣлались данниками сихъ послѣднихъ. Въ началѣ VII в. Гаоча-Уйгуры приняли названіе Вэй-Хэ (Goei-he), по имени одной изъ главныхъ своихъ ордъ, которыя вообще были очень многочисленны. Въ этомъ состояніи они нѣсколько разъ возставали противъ своихъ повелителей, оттѣсняли ихъ, проникали даже и за Т'янь-шань, и пріобрѣтали иногда верховную власть надъ своими соплеменниками, Уйгурами Хами, Турфана и Янки или Харашара. Послѣ паденія государства Ту-кюэ, съ начала VII в., эти Вэйхэ соединились опять съ другими Туркскими племенами, подъ властію собственныхъ Кахановъ, въ государство Хой-хэ, которое сдѣлалось преобладающимъ въ центральной Азіи и вступило въ союзъ съ Китаемъ. Хой-хэ были союзниками Китая противъ враговъ его на Ю. въ Тибетѣ, также какъ и на отдаленномъ сѣверѣ (противъ Киданей и Ляо), до тѣхъ поръ пока Монголы не поглотили всю массу народовъ и земель средней Азіи. Особая отрасль упомянутыхъ сѣверныхъ Уйгуровъ Гао-ча основала въ поло-

(212) Klaproth Tabl. histor. de l'Asie p. 125.

винѣ VI вѣка свое главное мѣстопребываніе на восточномъ берегу Си-хая или озера Балхаша, подъ именемъ Чи-лэ или Тѣй-лэ, которое однакоже впослѣдствіи было перенесено на цѣлый народъ. Китайскія лѣтописи перечисляютъ 43 названія разныхъ племенъ, распространявшихся отъ Тулы и Байкала до Хами и оттуда до Согдіаны и Киргизской степи (213). Благословеннѣйшая въ Джунгаріи Илійская долина играетъ, въ продолженіи этого періода исторіи средне-азіатскихъ народовъ, немаловажную роль, хотя резиденція Кахановъ Хой-хэ не всегда здѣсь оставалась и разцвѣла собственно далѣе къ В, въ коренномъ отечествѣ Уйгуровъ, въ Холинѣ (позднѣе Каракорумъ). Однакоже разсказы католическихъ миссіонеровъ (214), проникавшихъ до Или и страны Органумъ, также какъ и уйгурскихъ земель, и сообщившихъ много замѣчательнаго объ этомъ народѣ, достаточно показываютъ намъ, что уже не задолго до монгольскаго владычества, цивилизація, строеніе городовъ, храмовъ, христіанство, торговля и сообщенія не были чужды Илійской долинѣ. Даже подъ Монгольскимъ игомъ, мало способствовавшимъ народному развитію, отношенія народныя заслуживаютъ большаго вниманія, не смотря на пустынность окружающей страны, и должно сожалѣть, что исторія не даетъ намъ ближайшихъ свѣдѣній о тогдашнемъ положеніи сихъ странъ.

---

§ 33.

Изложеніе 6. *Перемѣны въ судьбѣ народовъ и властителей древней Джунгаріи съ XII вѣка до возмущенія 1826 г.*

Значительною частью свѣдѣній о разсматриваемой нами области, обязаны мы временамъ, послѣдовавшимъ ея подчиненію Маньчжурамъ. Въ продолженіи монгольскаго владычества, тамошнее на-

---

(213) Klaproth Tableau ethnographique de l'Asie interieure et moyenne jusqu'à l'an 1000 въ Atlas des Tabl. histor.

(214) Rubruquis Voy. y Bergeron p. 53 XXVI etc.

родонаселеніе остается намъ большею частію неизвѣстнымъ. Только по изгнаніи Монголовъ изъ Китая династіею Минь, возвращается туда снова прежнее монгольское населеніе. Многимъ перемѣнамъ подверглось оно, вмѣстѣ съ страною, до настоящаго времени; различныя причины произвели эти разнообразныя измѣненія. Къ таковымъ причинамъ относятся: непрерывное междоусобіе ордынскихъ князей въ политически пограничной области; долговременная вражда Элютовъ и Халхасъ-Монголовъ, изъ которыхъ послѣдніе сдѣлались позднѣе данниками Китая; войны императора Канъ-хи съ Галданомъ Элютовъ (1696 г.); истребленіе Джунгарскаго царства императоромъ Кянъ-Лунемъ (Цзянъ-Лунемъ въ 1757); возвращеніе Тургутовъ, также какъ и другихъ уклонившихся Элютскихъ ордъ, съ Волги на Или (1771, 1772) и наконецъ большое джунгарское возмущеніе (1826). Весь этотъ рядъ событій обусловленъ тѣмъ же положеніемъ страны въ Илійскомъ бассейнѣ, который, вмѣстѣ съ сосѣднею группою озеръ, простирается между Тянь-шанемъ и Алтаемъ по С. З. оконечности нагорной площади средней Азіи. Въ этой очень сложной исторіи, основываясь на источникахъ, постараемся мы схватить поучительную географическо-этнографическую сторону событій въ послѣдовательной ея связи, потому что именно на этомъ и основано наше знаніе настоящихъ отношеній страны и ея жителей. Дѣйствительно, даже заимствованный нами выше, изъ отчетовъ Путимцева, краткій очеркъ нынѣшняго состоянія Джунгаріи можетъ быть понятъ только изъ хода ея исторіи.

I *Элюты и Джунгары — новѣйшіе обитатели Илійской долины, какъ отрасли Монголовъ: ихъ распространеніе.*

Монгольскіе властители Китая, Персіи и Джагатая были такъ заняты управленіемъ своихъ образованныхъ провинцій, что разсматриваемыя нами бѣдныя степи суроваго ихъ отечества не могли обращать на себя ихъ особеннаго вниманія. Когда же монгольскій Каханъ былъ свергнутъ династіею Минь, и, сопровождаемый, по

свидѣтельству исторіи, воплями своихъ ордъ, бѣжалъ изъ Пекина и едва нашелъ убѣжище въ сѣверной степи, то не западная ея оконечность, а восточная, т. е. берега Онона и Кэрулена, приняла разбитый народъ въ свои песчаныя равнины ([215]). Здѣсь властвовали надъ Монголами, одинъ за другимъ, 20 Хановъ, въ царствованіе которыхъ народъ, вслѣдствіе постигнувшаго его несчастія, такъ скоро погрузился въ прежній свой бытъ, характеризуемый раздробленіемъ ордъ и кочевою жизнью, что скоро исчезли въ немъ всѣ слѣды только что пріобрѣтенной въ Китаѣ образованности. Даже Буддизмъ, придворная и Государственная его религія, былъ забытъ, и Монголы скоро погрузились снова во мракъ стараго шаманства. Непрерывные удары извнѣ, междоусобія Князей и анархія внутри самихъ ордъ, при всей ихъ численности, имѣли слѣдствіемъ совершенное ихъ обезсиленіе и одичаніе, которымъ и должно приписать недостатокъ историческихъ данныхъ о семъ періодѣ. Исторіи внутренняго состоянія Монголовъ мы не имѣемъ: и даже туземный разсказъ упомянутаго Монгольскаго Князя Цананъ-цецена обо всемъ этомъ періодѣ ([216]) совершенно безсвязенъ. Ни изъ него, ни изъ китайскихъ лѣтописей династіи Минь, мало заботившейся о своихъ сосѣдяхъ, имѣя слишкомъ много дѣла у себя дома, и довольствовавшейся только оттѣсненіемъ изгнанниковъ отъ своихъ границъ, не возможно съ точностію вывести не только генеалогіи ихъ ордъ, но даже и послѣдовательнаго ряда ихъ Хановъ и предводителей. Подъ пышнымъ титуломъ *союза сорока* или *четырехъ сотъ тысячъ (Дечинъ-Тюмень)*, принятымъ Монголами на бумагѣ, и мало соотвѣтствующимъ, по свидѣтельству ихъ исторіи, наличнымъ числамъ, заняли они опять Гоби. Въ дѣйствительности спаслось ихъ только 60,000, къ нимъ примкнули еще съ сѣвера кочующіе ихъ соплеменники Буряты съ береговъ Байкала. Такимъ образомъ до самаго паденія династіи Минь въ XVII вѣкѣ, они занимали безспорно снова все нагорье.

(215) Китайская Государственная Географія въ Timkowsky Voy. T II. ch. XV. p. 207; Ssanang Ssetsen p. 137. Not. p. 402.

(216) Ssanang Ssetsen Abschn. VI. — X p. 137 — 285 и p. 71.

отъ средняго Амура до Или и степныхъ озеръ. Весь этотъ народъ извѣстенъ у Китайскихъ писателей подъ собирательнымъ именемъ сѣверныхъ Юань, или изгнанныхъ на С. Монголовъ: но вскорѣ является онъ раздѣленнымъ географически и политически на большія массы, подъ различными названіями. Восточныя орды, между Маньчжуріею, Китаемъ, Хангаемъ и Алтаемъ удержали названіе *Монголовъ*, между тѣмъ какъ оставшееся на югѣ отъ Гоби отдѣленіе ихъ, именно 49 хоругвей тотчасъ и 8 впослѣдствіи подчинившихся династіи Минь, были возведены въ достоинство пограничной стражи Имперіи и получили названіе Чжахаровъ (Чжаха т. е. граница) ([217]) или пограничныхъ Монголовъ, которое и удержали понынѣ. Орды, оставшіяся независимыми на сѣверной сторонѣ Гоби и состоявшія подъ властію семи туземныхъ Князей и трехъ хановъ, получили названіе Халхасъ-Монголовъ отъ Халха-бира, небольшой и въ настоящее время пустынной рѣчки, и отъ ихъ восточной станціи, расположенной на этомъ притокѣ Буиръ-Нора, текущемъ черезъ Далай-Норъ и Аргунь въ верховье системы Амура. Западная граница Халхасовъ простиралась къ С. В. отъ Алтая и истока Иртыша до Киргизъ-Нора, въ который впадаетъ Джабганъ. Подъ именемъ Халхасовъ (Халха у Китайцевъ, Хо-эрлъ-хэ у Тулишена) составили они, какъ преемники древней власти Чингисъ-Ханидовъ, могущественное Государство на С. отъ Гоби, до временъ Имп. Канъ-хи (до 1796 г.). На Ю. З. же отъ нихъ, отъ истоковъ Орхона и Селенги при Хангаѣ, къ ю. з., отъ Джабгана и Алтая до Тянь шаня и на З. до Иртыша—усилилось въ это время могущество западныхъ монгольскихъ ордъ (Mongols occidentaux), о которыхъ исторія до сихъ поръ упоминала едва только одинъ разъ (около 1400). Эти западныя орды, подобно упомянутымъ Бурятамъ и Монголамъ, составляютъ одно изъ трехъ главныхъ отдѣленій ([218]) всего народа, извѣстное подъ именемъ

(217) Timkowsky Voy. II. p. 215, 224; Asia polyglotta p. 267; Ab. Remusat Rech. s. l. langues Tartares p. 235.

(218) Ssanang Ssetsen p. 58, 145 и not 6. p. 373, 380; Asia polyglotta p. 271.

Элютовъ, или Эгеледовъ у Цанана, что значитъ „отдѣленные“. Маньчжуры называли ихъ У-ратъ; Монгольская же исторія Ойратъ, обыкновенно „четыре Ойрата“, потому что они, по имени 4 братьевъ раздѣлились на 4 племени: Джунгаръ, Тургутъ, Хошотъ и Дурботъ. Они называли себя также четырьмя союзниками (Durban Oirat), или, по своимъ 4 знаменамъ „четырехцвѣтными“, въ противуположность съ своими восточными Монгольскими соплеменниками, которые называются „пятицвѣтными.“ Весь же народъ Монгольскій называется поэтому девятицвѣтнымъ. По родословной ихъ таблицѣ, оба предка Монголовъ и Элютовъ были братья и сыновья *Бюрте-чино*, или синяго волка, предка Чингисханова. Притязанія Элютовъ, въ концѣ XVII вѣка, на верховную власть или Каханство надъ всѣми Монголами, особливо же надъ Халхасами, были преимущественно основаны на этомъ тождествѣ ихъ происхожденія отъ божественнаго предка; но притязанія эти явились только въ смутныя времена изгнанія Монголовъ, когда прямое мужеское поколѣніе Чингисъ-Ханидовъ восточной главной отрасли вымерло или было совершенно истреблено, и когда возникшая въ правленіи трехъ Халхасскихъ Кахановъ продолжительная анархія имѣла слѣдствіемъ совершенное безсиліе правителей ордъ, между тѣмъ какъ значеніе Элютскихъ Хановъ усилилось, а духовные споры Кутухтъ присоединились къ спорамъ свѣтскихъ правителей.

Китайцы, не произносящіе буквы *Р*, называли это отдѣленіе Элютовъ въ древнія времена *Ва-ла*, позднѣе *Ула-ты* или *Оло-ты*, вмѣсто: *Уратъ*, *Уй-ратъ*, *Ойратъ* или *Элютъ*. Пат. Аміотъ ([219]), не соглашавшійся съ происшедшимъ отсюда правописаніемъ Іезуитскихъ миссіонеровъ, *Элютъ*, прибавилъ еще новое, именно *Елейты* (Eleuths). Ихъ западныя отрасли, говорящія однимъ языкомъ съ ними, извѣстны подъ именемъ *Калмыкъ*, *Калмакъ* ([220]), до Волги и Дона, слѣдов. до Восточ.

(219) Monument de la conquête des Eleuths въ Mém. conc. les chinois T. I. p. 331. not. 2.

(220) Wojeikow Ueber Kalmucken въ Oldekop Petersb. Zeitschrift. 1822 Th. II. p. 156; Ab. Remusat Recherches sur les langues Tartares p. 236. etc.

Европы ([221]). Этимологія этого названія недостаточно объяснена. Тоже названіе даютъ имъ Магометане, презирающіе ихъ религію, но между ними самими оно совершенно не въ употребленіи ([222]).

Изъ трехъ упомянутыхъ главныхъ отдѣловъ монгольскихъ народовъ: I. Чжахаровъ и Халхасовъ, II. Бурятовъ и III. Элютовъ, говорящихъ на трехъ различныхъ монгольскихъ языкахъ, послѣдніе, т. е. Элюты, распространены наиболѣе. Любимымъ мѣстомъ сборища ихъ стадъ, ордъ и хоругвей, около постоянныхъ ставокъ ихъ Кахановъ, служили пастбища отъ Баркюля до Или къ Урумчи, Куркара-Уссу, Манасъ и на С. даже до Баянтая ([223]), т. е. къ В. отъ истока Иртыша при Гобдо на Эхэ Араль-норѣ и С. В. отъ озера Кызылъ-башъ. Различныя же ихъ отрасли встрѣчаются почти повсемѣстно. Они принимали окрестности Хуху-нора или Синяго озера за свое прежнее отечество, однакоже предположеніе это, поддерживаемое и Палласомъ, ([224]) несправедливо, потому что до поселенія ихъ на Хуху-норѣ находились тамъ уже и другіе народы ([225]) Мяо-Юэчжи, (см. Т. I. ст. 556), по истребленіи которыхъ Чингисъ-ханомъ, утвердились тамъ Монголы. О замѣчательной же ихъ отрасли Тургутъ, въ настоящее время кочующей на Хухунорѣ близь Хуанъ-хэ, между Калмыками на Волгѣ и между обѣими дальнѣйшими ордами на Или, самъ имп. Кянъ-лунь ([226]) говоритъ, что очень трудно указать ихъ происхожденіе. Языкъ же ихъ, вмѣстѣ съ языкомъ Элютовъ, по свидѣтельству Аб. Ремюза, происходитъ отъ языка древнихъ Кэраитовъ, съ властителями которыхъ мы ознакомились въ странѣ Тендухъ, подъ именемъ Ванъ-

---

(221) J. Potocki Voy. dans les steppes d'Astrachan. Paris 1829. T. I. p. 59.

(222) Mailla Hist. gen. XI. p. 586. not.

(223) Relations des troubles de la Dzoungarie trad. du chinois. p. Klaproth въ Magas. Asiat. T. II. p. 187.

(224) Pallas Samml. histor. Nachr. üb. d. Mongol. Völker. Th. I. 1776 4 p. 9.

(225) Asia polyglotta p. 271; Mailla hist. gen. de la Chine T. XI. p. 538.

(226) Kien-long Monum. de la transmigration y Amiot въ Mem. conc. les Chinois T. I. p. 406.

хановъ (см. Т. I. ст. 645). Тургуты хвалятся тѣмъ, что были тѣлохранителями Чингисхана, и очень любятъ называться исполинами. Хошоты на Хухунорѣ и Дурботы, еще далѣе къ В. отъ Хуанъ-хэ, расположены иначе, и многія отдѣльныя ихъ орды разсѣяны еще далѣе подъ разными другими наименованіями. Четвертое же племя Элютовъ—Джунгары (227) (Зюнгоры у Палласа) о которыхъ мы упомянемъ особо, народъ лѣвой руки (см. выше ст. 191), по причинѣ ихъ положенія относительно остальныхъ ордъ, очень наклонные къ бунтамъ и миграціямъ къ югу и западу, имѣютъ точно также свои кочевья и на Или. Отъ нихъ то и вся окружающая страна на столько, на сколько простиралось кратковременное владычество ихъ Хановъ, получила у Европейцевъ названіе Джунгаріи, Зюнгоріи у Палласа.

Джунгары, послѣ царства Элютовъ, которыхъ могущественнѣйшій и послѣдній властитель, —Галданъ, въ концѣ XVII в., былъ ослабленъ, а потомъ совершенно истребленъ Императоромъ Канъ-хи, составляли значительнѣйшее сродное имъ племя. Оно возвысилось въ послѣдній разъ до самостоятельности, именно въ видѣ Джунгарскаго царства, но было разрушено, полвѣка спустя, Императоромъ Кянь-лунемъ. Эти Джунгары (Чонъ-каръ у Малья, Джунъ-гаръ у Аб. Ремюза, Чжунгары у Тимковскаго, Зюнгоры у Русскихъ), (228) распространились отъ Алтая къ истокамъ Иртыша до озера Балхашъ и Т'янь-шаня, а на В. до Баркюля, Турфана и Хами. Народъ этотъ, непосредственно передъ разрушеніемъ ихъ государства, описывается Китайцами (229) слѣдующимъ образомъ: они не обрабатываютъ полей, занимаются скотоводствомъ, питаются мясомъ, пьютъ коровье и кобылье молоко. Каждый родъ носитъ особое названіе; лица одной

(227) Ab. Remusat Rech s. les. langues Tatares p. 235; Asia polygl. p. 272; chinesische Reichsgeogr. въ Timkowsky Voy. p. 440; Pallas Mongol. Völkergesch. 4. Th. I. p. 11.

(228) Mailla Hist. gen. T. XI. p. 557.

(229) Troubles de la Dzoungarie traduit du chinois par Klaproth въ Magas. Asiat. T. II. p. 187.

и той же фамиліи не могутъ вступать между собою въ бракъ. Женщины не скрываются отъ взоровъ мужчинъ. Главный ихъ правитель называется Ханомъ, за нимъ слѣдуютъ званія Тайдши и Зайсаны (Дзайссанъ т. е. дворяне). Джунгары грубы, необузданы, безчестны, хищны; но при всемъ томъ они имѣютъ большое почтеніе къ своимъ ламамъ, принимаютъ ихъ слова за законъ, и ищутъ ихъ благословенія. Когда кто нибудь изъ нихъ умираетъ, то они покидаютъ мѣсто и уносятъ трупъ въ горы на пищу дикимъ звѣрямъ, полагая, что умершій очищается этимъ отъ грѣховъ и тѣмъ скорѣе удостоивается возрожденія. Меланхолическое ихъ пѣніе въ тихую ночь заставляетъ слушателя проливать потоки слезъ; такъ оно просто и естественно. Страна ихъ обширна, пастбища обильны, рѣки богаты рыбою; ихъ горы и долины наполнены лошадьми, быками, верблюдами; они могутъ выставить въ поле милліонъ воиновъ. Увѣренные въ своемъ могуществѣ Джунгары нападали на Русскихъ, Персовъ, Кашмирцевъ, Тибетцевъ и даже Китайцевъ, но послѣдніе смирили ихъ.

Послѣ паденія послѣдняго джунгарскаго хана Амурсана почти все ихъ народонаселеніе на китайскихъ предѣлахъ было истреблено и разсѣяно. Многія изъ ихъ ордъ нашли однако же защиту въ русскихъ предѣлахъ или поселились въ турко-бухарскихъ городахъ. Многія возвратились впослѣдствіи, съ дозволенія Китайцевъ, не соединяясь однакоже снова въ цѣлую націю, а другія ранѣе или позднѣе присоединились къ ихъ соплеменнымъ ордамъ въ Хуху-хотонѣ или странѣ Ордосовъ, или на Ху-ху-норѣ. Далѣе мы будемъ говорить о сихъ событіяхъ въ большей подробности, на столько, на сколько они могутъ служить къ познанію театра ихъ и его жителей.

II. *Элютское царство Галдана и его разрушеніе въ 1696 г.*

Владычество Элютовъ простиралось отъ западнаго берега средняго теченія Хуанъ-хэ. Здѣсь орды ихъ, обитавшія въ

Тангутѣ, по удостовѣренію китайской исторіи ([230]), принадлежали къ тѣмъ монгольскимъ отраслямъ, которыя принесли уже свою дань первому основателю маньчжурской династіи (Чунъчи 1641—1661) прежде восшествія его на пекинскій престолъ. Оттого князья ихъ приняли китайскій титулъ Тайдши (Taidzi, т. е. король). Талай-Батуръ-Кунъ-Тайдши (Контайши Русскихъ), по собственному ихъ сказанію ([231]), считается родоначальникомъ властителей на Ху-ху-норѣ. Тотъ же титулъ носилъ и отецъ знаменитаго Галдана *Хо-то-хо-чинъ* (Erdeni Baatur ([232]) у Калмыковъ). Титулъ Кунъ-тайдши былъ данъ ему Тибетомъ; это значило лебединый князь. Онъ удалился съ своими подданными къ С. въ Алтай ([233]), почему Китайцы и назвали ихъ сѣверными Элютами. У Хо-то-хо-чина осталось: два старшихъ сына—упомянутый Галданъ и Сенга (Sengue) отъ первой жены и два младшихъ отъ второй. Галданъ очень рано вступилъ ламою въ духовное сословіе и отправился ко двору Далай-ламы въ Тибетъ, передавъ наслѣдство на престолъ младшему брату. Но когда послѣдній былъ убитъ младшими братьями втораго брака, присвоившими себѣ власть, Галданъ испросилъ у Далай-ламы увольненіе изъ духовнаго званія и возвратился въ свое племя въ 1671 для отмщенія за совершенное убійство. Скоро истребилъ онъ всѣхъ своихъ соперниковъ и вообще принялся съ силою, кровожадностью и жестокостью за оружіе, не оставляя его до самой смерти. Сначала онъ былъ Тайдшіемъ, потомъ назвалъ себя Ханомъ и Бошокту (Pochketou-han у Малья) ([234]), титулъ, который до тѣхъ поръ носили только потомки Чингисъ-Хана. А потому Китайцы, не признававшіе его таковымъ, называли его только Галданъ-Ханомъ (а Русскіе Бошту и Башту-Ханомъ) ([235]). Какъ счаст-

(230) Mailla Hist. gén. de la Chine, T. XI. p. 538.

(231) J. Unkowsky im Hoflager des Kontaischa. Neueste Hist. der östl. Kalmückey 1722 въ Müller Samml. Russ. Gesch. Th. I. Hf. 1. p. 123—138.

(232) Pallas Mongol. Völkersch. Th. I. p. 39.

(233) Amiot въ Mem. conc. les Chinois T. I. p. 331. not.

(234) Timkowsky Voy. T. I. p. 151; Mailla Hist. gén. XI. p. 253.

(235) Von der letzten Unruhe etc. d. klein. Bucharei p. 239-247. въ Verändertes Russland Th. II. 4. 1739 и Pallas Samml. Mongol. Völkersch. Th. I. 4. p. 40.

ливый побѣдитель подчинилъ онъ скоро своей власти три другія отрасли Элютовъ (1679 г.). Тогда потребовалъ онъ подчиненія Халхасъ-Монголовъ (1680 г.), вслѣдствіе чего и былъ запутанъ въ войну съ Китаемъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ нѣсколько позже резидентомъ Петра Великаго Унковскимъ (236) изъ лагеря его преемника Кунъ-Тайцши на Или, Галданъ-Ханъ подчинилъ себѣ сначала на С. на озерѣ Зайсанъ орду Элютовъ, которымъ принадлежало мѣсто Суйгхолмъ (?) на Млечномъ озерѣ. Ханъ ихъ былъ побѣжденъ и преслѣдуемъ до Зайсана, на одномъ изъ острововъ котораго былъ пойманъ и казненъ; при этомъ было истреблено 15000 человѣкъ и отъ пролитой крови покраснѣло все озеро. Послѣ того Галданъ побѣдилъ Телენгутовъ и Киргизовъ и оставилъ одного изъ своихъ князей, именемъ Зайсана, съ 2000 человѣкъ войска, на р. Бороталѣ, предписавъ ему, по соединеніи съ остальными войсками, отправиться въ походъ противъ Халхасъ-Монголовъ. Въ 1682 г. (237) Галданъ нарушилъ миръ съ своими восточными сосѣдями Халхасъ-Монголами; какъ кажется, споръ за духовную супрематію (238) Монгольскаго Кутухты — достоинство, которое въ это время въ первый разъ утвердилось въ столицѣ халхасскихъ князей — былъ причиною открывшейся черезъ три года войны. Напрасно старался имп. Канъ-хи своимъ вліяніемъ прекратить ссору, происшедшую между 4 различными халхасскими ханами и Галданомъ Элютовъ; власть императора была еще столь отдалена, что супрематія его не признавалась, а Россія, о благосклонной помощи которой хлопотали тогда Элюты, отправлявшіе посольства въ Тобольскъ, Нерчинскъ и даже Москву, не довѣряла своимъ перемѣнчивымъ сосѣдямъ и была слишкомъ занята регулированіемъ границъ своихъ съ Китаемъ на Байкалѣ и Амурѣ, и не могла помышлять о распространеніи линіи

(236) Unkowsky въ Müller. Th. I. p. 125. Nic. Witsen Kalmückisch. Geschichte Ibid p. 421.

(237) Mailla Hist. gen. T. XI p. 91-113.

(238) Timkowsky Voy. I. p. 150.

возможныхъ пограничныхъ своихъ вассаловъ. Тогдашнимъ посольствамъ обязана однакоже Географія первымъ знаніемъ упомянутыхъ мѣстностей, резиденцій, полей сраженій, завоеваній и поселеній. Китайскій посланникъ 1683 г. нашелъ тогда Галданъ-Хана въ его резиденціи на С. отъ Или близь р. Чичиканъ, слѣдовательно близь Курэ къ С. З. отъ Кульджи, гдѣ праздновался день его рожденія и даны были большія придворныя пиршества. Въ 1685 г. возникла дѣйствительно война ([239]) съ Халхасами и продолжалась съ небольшими перерывами до 1696 г. Въ теченіи этого времени произошелъ совершенный переворотъ почти во всѣхъ народныхъ отношеніяхъ сѣверной нагорной Азіи. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе этой войны Халхасы были тотчасъ же стѣснены съ своихъ западныхъ кочевьевъ, простиравшихся до Киргизъ-Нора и истоковъ Иртыша на В. къ Тулѣ, гдѣ и пребывали ихъ ханы, и къ р. Кэрулену ([240]). Вскорѣ послѣ того были они выгнаны и оттуда, и принуждены бѣжать на южную сторону Гоби къ Хуанъ-хэ при Ху-ху-хотонѣ и къ Китайской пограничной стѣнѣ, откуда разумѣется впослѣдствіи отчасти возвратились. Наконецъ Халхасы были ([241]) оттѣснены до отдаленнѣйшаго Востока въ область Амура, гдѣ и собрались около Далай и Буиръ-нора на Халха-бира и какъ тамъ, такъ и на Бэ-Шанѣ (Pe-tcha) и на югъ отъ Гоби устрашенные своими грозными сосѣдями, потерявъ свою силу и уменьшившись въ числѣ своемъ, подчинились они китайскому скиптру. Многія же изъ халхасскихъ ордъ, избѣгая встрѣчи съ врагомъ, удалились къ С. и отдались подъ покровительство Русскихъ около Селенгинска и на Байкалѣ. Всѣ оставшіеся были ограблены, истреблены или обращены въ рабство и распредѣлены между элютскими племенами. Элютскія войска также совершенно разрушили и опустошили огнемъ и мечемъ древнія столицы Монгольскихъ Кахановъ на Орхонѣ и Тулѣ, гдѣ прежде находилась резиденція

(239) Mailla l. c. p 103.

(240) Gerbillon Voy. y Du Halde IV. p. 133. Mailla l. c. XI p. 114.

(241) Witsen. въ Müller. l. c. p. 421; Gerbillon y Du-Halde IV, p. 314, 502.

Чингисъ-Хана—Каракорумъ, которую изгнанные Монголы опять избрали своимъ мѣстопребываніемъ (Аюрширъ-Дала-Ханъ съ 1371 г. по Р. Х.) ([242]), и вблизи которой, во времена Галдана, три халхасскіе хана пребывали съ своими дворами, а верховный ихъ Кутухта основалъ свой курень (ургу) и выстроилъ славнѣйшій и огромнѣйшій ихъ храмъ и монастырь Эрдени-Цзао (что значитъ драгоцѣнное изображеніе Будды). Этотъ монастырь, великолѣпно выстроенный по особому дозволенію Далай-ламы, было совершенно выжженъ, къ ужасу всѣхъ вѣрныхъ служителей ламайской вѣры. Галданъ, желая привлечь къ себѣ западныя, обратившіяся къ исламу калмыцкія орды, сдѣлался самъ магометаниномъ ([243]). На всѣ племена отъ р. Кэрулэна до Си-Хая (т. е. западнаго моря, Арала или Балхаша?) наложилъ онъ дань и контрибуцію, по свидѣтельству Китайцевъ, и былъ такъ могущественъ, что могъ выставить въ поле въ самое непродолжительное время до 100000 всадниковъ. Впродолженіе этого времени выросли три сына убитаго его брата Зенги, которыхъ онъ началъ опасаться какъ соперниковъ своей власти. Вслѣдствіе того онъ приказалъ удушить втораго; старшій же, по имени Цзе-Ванъ-Арабданъ (Цаханъ-Араптанъ у Русскихъ) избѣгъ жестокаго коварства своего дяди и нашелъ защиту на озерѣ Боротала ([244]), въ резиденціи тамошняго Зайссана, котораго самъ Галданъ поставилъ тамъ правителемъ. Племянникъ отразилъ всѣ нападенія дяди, собралъ подъ свои знамена цѣлыя толпы Джунгаровъ, покровительствомъ бухарскимъ купцамъ доставилъ себѣ значеніе и благосостояніе, и съ титуломъ Джунгарскаго Кунъ-тайдши основалъ въ тылу Галдана новое государство, причинившее сему послѣднему немалый вредъ. Резиденцію свою Цзеванъ устроилъ на Бороталѣ, а впослѣдствіи въ Хоргосѣ на Или

(242) Essai sur la Mongolie по Китайск. Гос. Геог. въ Timkowsky Voy. II. p. 207; Mailla l. c. p. 118, 139.

(243) Mailla l. c. p. 165, 174.

(244) J. Unkowsky въ Müller p. 126. etc.

(Харкасъ Нат. Гобиля). Китайскій имп. Канъ-хи, который между тѣмъ, послѣ долгихъ переговоровъ, двинулъ наконецъ свои войска противъ Галдана (съ 1691—1696) (245), старался вступить въ дружескія сношенія съ Кунъ-Тайдши-Цзеванъ-арабданомъ, который вскорѣ распространилъ свою власть до Турфана и Хами. Цзе-ванъ жаловался на своего дядю, послалъ императору посольство и подарки и получилъ за то облегченіе для караванной торговли съ Китаемъ и принцессу императорскаго дома въ супружество. Въ это время европейская оспа распространилась подобно язвѣ въ войскахъ Галдана, его грабежи произвели голодъ въ странѣ, а жестокость—оттолкнула отъ него даже многихъ его сановниковъ (246). Потому множество изъ его подданныхъ явились перебѣжчиками къ Джунгарамъ и чрезвычайно увеличили число ихъ. За первоначальными побѣдами Галдана и его безпрестанными набѣгами черезъ Гоби послѣдовали, вслѣдствіе очень искусной тактики имп. Канъ-хи, направившаго противъ Элютовъ одновременно три большіе корпуса войскъ, безпрестанныя пораженія. Наконецъ походъ 1696 года къ верхнему Кэрулэну и Тулѣ и битва при Терельги на р. Тулѣ (іюня 1697) (247) истребила совершенно войска Галдана, послѣ чего на слѣдующую весну онъ и самъ умеръ, оставленный всѣми въ Киргизской степи на Тамирѣ (Т. I. ст. 662).

III. *Владычество Джунгаровъ и ихъ истребленіе въ 1757 г.*

Такимъ образомъ сокрушилось одно государство Элютовъ на Востокѣ, между тѣмъ какъ другое, враждебное первому, возвысилось на Западѣ. По западному положенію своей столицы оно было названо Джунгарскимъ царствомъ (Зюнгорія), хотя Китайцы сохранили его народу преобладавшее прежде названіе

(245) Mailla l. c. p. 140, 159.
(246) Mailla l c. p. 181; Unkowski y Müller, p. 127.
(247) Mailla l. c. 183. p. 190, Gerbillon y Du-Halde. IV. p. 412—422, 516—518.

Элютовъ ([248]), но въ то же самое время ввели въ употребленіе для цѣлаго царства частное названіе Чонъ-каръ. Цзе-ванъ-Арабданъ былъ ближайшимъ наслѣдникомъ царства Элютовъ, такъ какъ все семейство Галдана было истреблено или отведено въ плѣнъ Китайцами. Все Элютское царство вступило въ его подданство, потому что только немногіе изъ вассаловъ и партизановъ Галдана удалились на В. подъ покровительство Китая, гдѣ ихъ ордамъ даны были земли передъ воротами Великой стѣны вблизи столицы. Цзе-ванъ принялъ титулъ Ердени-цурукту-батуръ-Контайдши, утвержденный и Далай-ламой. Въ Сибири передѣлали этотъ титулъ ([249]) въ Контайши и подданныхъ его начали называть Контайшинцами. Все удалось Цзе-вану: Китай призналъ его, Россія осталась къ нему благосклонною и онъ распространилъ свою власть далѣе даже, чѣмъ его предшественникъ. Онъ подчинилъ себѣ еще множество князьковъ или тайдшей отъ Алтая до оз. Балхаша ([250]), принудилъ бухарскіе города и государства Яркендъ, Турфанъ, Хами, Кашгаръ, также какъ Балкъ, Самаркандъ, Бухару и 1200 мѣстечекъ (что впрочемъ можетъ быть и преувеличено) платить себѣ дань. Самыхъ непослушныхъ изъ ихъ жителей колонизировалъ онъ ([251]) на берега Или, Боро-тала и въ другія степи Джунгаріи, и ввелъ такимъ образомъ земледѣліе и садоводство въ эти страны. Малья ([252]) называетъ его, при сношеніяхъ съ имп. Канъ-хи, царемъ Турфана. Цзе-ванъ подчинилъ себѣ также одну орду Бурутовъ, кочевавшую на Иссыкъ-кулѣ (Тузъ-куль) и состоявшую изъ 5000 семействъ. Они должны были выставлять ему 3,000 воиновъ, которыми онъ старался удержать разбойничьи набѣги западныхъ сосѣднихъ Киргизъ-Кассаковъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ сдѣлалъ своими данниками. Онъ же-

(248) Kien long Monument de la conquête des Eleuths p. Amiot въ Mém. conc. les Chinois, 1776. T. I. p. 331 etc.

(249) Wojejkow Über Kalmücken въ Oldecop. Petersb. Zeitsch. 1822. Th. II. p. 156.

(250) Pat. Gaubil. въ Souciet observat. astron, mathem. Paris 1729. 4. 141.

(251) J. Unkowski въ Müller. p. 130; Mailla Hist. gén. XI. p. 287, 289, 294.

(252) Hist. gén. de la Chine XI. p. 180.

нился на дочери Калмыцкаго хана Аюки, властвовавшаго надъ вторымъ главнымъ элютскимъ племенемъ — Тургутами, что однакоже не помѣшало зятю его, князю Сансыпу, вступить съ нимъ вскорѣ въ войну. Сей послѣднiй двинулся съ 30,000 войска съ С. З. отъ Иртыша и Ямышевскаго соленаго моря, (соленое озеро въ Киргизской степи на С. С. З. отъ Семипалатинска на правомъ берегу Иртыша), до Имиля, протекавшаго въ немногихъ дняхъ пути къ С. отъ тогдашней резиденцiи Кунъ-Тайдши, но былъ побѣжденъ, а всѣ войска его истреблены или взяты въ плѣнъ и распредѣлены по крѣпостямъ Джунгарскаго царства. Слѣдствiемъ этого была вражда съ Аюки Ханомъ, которая принудила сего послѣдняго, какъ слабѣйшаго, удалиться отъ своего восточнаго сосѣда къ Западу ([253]), и такимъ образомъ (въ 1703 г.) Тургуты удалились къ Каспiйскому морю, Уралу и Волгѣ, въ русскiя владѣнiя. Постыднѣйшимъ вѣроломствомъ подчинилъ Кунъ-Тайдши своему владычеству южное племя Элютовъ въ Тангутѣ, котораго князь Цингисъ-Ханъ (Цинкизъ-Ханъ у Пат. Георги, Талай-Ханъ у Пат. Региса, Лазданъ-Ханъ у Клапрота), жилъ при дворѣ Далай-ламы и состоялъ подъ китайскимъ влiянiемъ. Сначала Кунъ-Тайдши старался преклонить его на свою сторону и склонить къ присягѣ джунгарскому владычеству, но тщетно. Потомъ взялъ онъ сына его Галданъ-Церена въ свои зятья, и праздновалъ свадьбу, какъ говоритъ Унковскiй, вмѣстѣ съ 300 сопровождавшими Галданъ-Церена придворными, въ своей собственной резиденцiи, но не выпустилъ своихъ гостей, и удержавъ ихъ какъ плѣнниковъ, требовалъ отъ нихъ подчиненiя обоихъ Тибетовъ. Получивъ отказъ, онъ послалъ въ Тибетъ войско, которое напало на отца его зятя, умертвило его, а послѣ того силилось свергнуть съ престола и самого Ламу. Послѣ этой адской продѣлки, Кунъ-

---

(253) Kien-long Monument dela transmigration des Tourgout въ Mém. conc. T. I. p. 406 и Toulichen Relation p. pat. Gaubil въ Souciet observat. math. astron. etc. p. 148.

Тайдши, далъ собственному сыну титулъ Галданъ-Церена и приказалъ казнить гостя, котораго обвинили въ отравѣ р. Текеса. Это событіе 1709 года (254), свидѣтельствуетъ Пат. Георги, произошло по обдуманному плану, имѣвшему цѣлію получить супрематію надъ Далай-ламою и владычество надъ Тибетомъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ разрывъ съ китайскимъ дворомъ, не высылавшимъ Кунъ-Тайдшѣ принцессы. Война открылась въ 1710 г. Многочисленное китайское войско, выступившее на встрѣчу Кунъ-Тайдшѣ въ 1712 и 1713 году, черезъ Хами до Турфана, было истреблено хитростью джунгарскихъ войскъ, спрятанныхъ въ засадѣ, въ горныхъ ущельяхъ Тянь-Шаня, черезъ которыя Китайцы силились пробраться. Только немногіе успѣли спастись бѣгствомъ въ Хами, который вскорѣ послѣ того былъ разрушенъ Джунгарами до основанія. Въ 1715 году этотъ городъ былъ выстроенъ въ нынѣшнемъ своемъ стилѣ и укрѣпленъ подобно Турфану подъ покровительствомъ новаго китайскаго войска. Войско это проникло въ 1717 году до р. Каранамъ и города Цалишь (можетъ быть Бишъ-балигъ на р. Кара-Усунъ на С. В.?) (255), но не далѣе; въ 1719 г. достигало оно даже до оз. Зайссана на Иртышѣ и истоковъ Имиля, въ горахъ Алтынъ-Имель (слѣдовательно близъ нынѣшняго Чугучака), до которыхъ распространялись сѣверные джунгарскіе подданные Кунъ-Тайдши. Отсюда Китайцы, по свидѣтельству Унковскаго, вынесли много добычи. Въ то же время джунгарскія войска (Junkhari или Junkharo-Ontaci, т. е. Кунъ-Тайдши Джунгаровъ у П. Георги (256), послѣ перваго своего хищничества въ Тибетѣ, ежегодно проникали туда черезъ Ху-ху-норъ до тѣхъ поръ, пока имъ не удалось наконецъ, послѣ троекратнаго нападенія въ декабрѣ 1772 г., взять, съ помощью измѣ-

(254) Unkowsky въ Müller p. 134; Mailla Hist. gén. XI. p. 300 etc. cf. Klaproth Troubles de Dzoungarie p. 190.

(255) J. Unkowsky въ Müller p. 234.

(256) Pat. Georgi Alphabetum Tibetanum Rom. 1762. 4. T. I. p. 334; pat. Regis Observat. geogr. et histor. sur la carte du Thibet y Du Halde IV. p. 577.

ны и приступомъ, столицу Хлассу и Буддалу и распространить ужасъ и страхъ по всему Тибету. Враждебные Джунгарамъ Ламы были посажены въ мѣшки, навьючены на верблюдовъ и привезены плѣнниками въ Джунгарію. Почти такая же участь постигла и Китайскихъ ламъ, только что окончившихъ по повелѣнію императора Канъ-Хи картографическую съемку этой страны.

Тибетцы просили императора Канъ-хи о помощи и не напрасно. Войска его въ 1720 уже снова очистили страну отъ джунгарскихъ и калмыцкихъ ордъ (извѣстныхъ тамъ подъ названіемъ Согбо), и Хласса съ тѣхъ поръ осталась подъ покровительствомъ Китая, хотя не безъ новыхъ возмущеній. Но владычество джунгарскаго Кунъ-Тайдши, вытѣсненное такимъ образомъ изъ Тибета, было еще очень твердо на Или, откуда онъ занялъ войскомъ весь Си-чанъ (257) (т. е. всѣ Татарскія земли между Китаемъ и Россіею) и гдѣ войска имп. Канъ-хи въ 1722 г. ничего не могли сдѣлать, какъ утверждалъ очевидецъ Унковскій, при Дворѣ своего Государя. Но вскорѣ послѣ того Кунъ-Тайдши былъ умерщвленъ собственнымъ сыномъ, старшимъ княземъ Галданъ-Цереномъ; вслѣдъ затѣмъ въ 1773 г. умеръ императоръ Канъ-хи, а его миролюбивый преемникъ (имп. Юнъ-Чинъ, царст. 1723—1736) ограничился охраненіемъ своихъ *непосредственныхъ границъ, не вмѣшиваясь* въ политическія отношенія окружающихъ ихъ издали кочевыхъ народовъ. Въ этотъ промежутокъ времени возрасло снова могущество разныхъ Элютскихъ князей, и въ концѣ жизни императора открылись между ними междоусобія и бунты. Императоръ Кянъ-Лунъ (Цзянъ-Лунъ) не захотѣлъ остаться равнодушнымъ зрителемъ подобныхъ смутъ, происходившихъ въ сосѣднихъ ему государствахъ. Нѣсколько разъ нападали Элюты на китайскія пограничныя кордонныя войска и укрѣпленія, вырѣзывали гарнизоны и грабили императорскіе конные заводы на пастбищахъ

(257) Mailla Hist. gén. de la Chine T. II. p. 540. Unkowsky въ Müller p. 127. 137.

Гоби и внѣ Великой стѣны ([258]). Кунъ-Тайдшѣ, продолжавшему носить титулъ Галданъ-Царена, наслѣдовалъ послѣ смерти старшій его сынъ. Онъ былъ убитъ младшимъ своимъ братомъ, котораго въ свою очередь умертвилъ старшій братъ Дорджи (Torgui у Аміота), первоначально сдѣлавшійся Ламою для избѣжанія участи старшаго брата. Дорджи захватилъ скиптръ Джунгаровъ и Элютовъ. Въ то время въ Ярѣ, т. е. окрестности нынѣшняго Чугучака ([259]) жили очень близко другъ отъ друга два родовые правителя Давацзи и Амурсана. Они состояли въ родствѣ между собою и каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ подданствѣ до тысячи юртъ. Давацзи, изъ царскаго рода Чолосъ (или Чоросъ) имѣлъ претензіи на престолъ, но не имѣлъ дарованій ни полководца ни государя; напротивъ того Амурсана, изъ менѣе значительнаго рода, обладалъ въ высшей степени этими дарованіями. Оба возмутились противъ Ламы Дорджи, но были разбиты и искали убѣжища въ степи Кассаковъ. Амурсана составилъ себѣ планъ свергнуть Ламу черезъ посредство Давацзи и овладѣть самому престоломъ. Царь-Лама собралъ 6000 человѣкъ, чтобы преслѣдовать ихъ въ земли Кассаковъ; Давацзи потерялъ храбрость, но хитрый Амурсана собралъ 1500 человѣкъ отборныхъ войскъ, снабдилъ ихъ сушенымъ мясомъ, ночью перешелъ горы и, скрываясь тщательно днемъ, достигъ наконецъ до Или. Здѣсь удалось ему умертвить Царя-Ламу посреди его лагеря. Но такъ какъ Амурсана не былъ изъ прямой линіи царскаго рода, то въ ханское достоинство былъ возведенъ союзникъ его Давацзи, который, какъ князь Чолосовъ, былъ по своему рангу старшій изъ трехъ князей, раздѣлившихъ послѣ того между собою страну Элютовъ ([260]). Не

---

(258) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 541—575. Relation des troubles de la Dzoungarie et de la pet. Boukharie tr. du Chinois p. Klaproth въ Magas. Paris 1826. T. II p. 187—208; id. Note въ Potocky Voy. dans steppes d'Astranan Paris. 1829. vol I. p. 59.

(259) Timkowsky Vol. T. I. p. 451.

(260) Kien-long Monument de la conquête des Eleuths въ Menc. com. etc. T. I. p. 340; Mailla Hist. gen. XI. p. 545.

смотря на то Амурсана приказалъ носить передъ своею ордою царское знамя, и ставить его передъ своею палаткою. Тѣмъ самымъ привлекъ онъ многія орды Элютовъ на Или, откуда хотѣлъ распространить свое владычество и далѣе. Дѣйствительно уже издавна, какъ сказано было выше, берега Или были любимымъ мѣстопребываніемъ Элютовъ и Джунгаровъ, не смотря на то что сіи послѣдніе все еще вели кочевую жизнь, и построеніе городовъ было введено здѣсь со времени подчиненія этой страны Китаю. Вскорѣ однакоже пробудилась зависть Давацзи къ сдѣлавшемуся его соперникомъ союзнику, котораго безпрестанныя жестокости и набѣги опустошили страну, вслѣдствіе чего Давацзи рѣшился совершенно изгнать его изъ Или. Приготовленія Давацзи къ страшной войнѣ такъ устрашили трехъ элютскихъ предводителей или Цереновъ а именно: 1) Тайдши Дурботовъ, 2) Церена Убаши и 3) Церена Мугдо, что они съ приверженцами оставили свои жилища, бѣжали на китайскую границу и отдались подъ покровительство императора, который охотно снабдилъ ихъ стадами и пастбищами. Самъ Амурсана былъ чрезвычайно ослабленъ этимъ обстоятельствомъ и видя невозможность сопротивляться превосходнымъ силамъ своего противника, послѣдовалъ въ 1754 году примѣру Цереновъ и самъ покинулъ Или. Въ Пекинѣ нашелъ онъ великодушный пріемъ, имѣлъ аудіенцію въ Жехэ у императора Кянъ-Луня на 19 году его правленія, былъ принятъ въ вассалы Имперіи, получилъ титулъ первокласнаго князя и земли въ странѣ Халхасовъ около Хухухотоня [261]. Однако же эти мѣры не могли отвратить, какъ то надѣялись въ Пекинѣ, убыточной войны, потому что Давацзи-Ханъ обратился къ императору съ неуважительными угрозами и требованіемъ выдачи переметчиковъ. Это возбудило гнѣвъ Кянъ-Луня, который съ другой стороны боялся безпокойствъ и со стороны имъ покровительствуемыхъ князей. А потому императоръ поспѣшилъ дать имъ вспомогательное войско, съ которымъ они

---

(261) Descr. du pays des Dzoungars у Timkowsky Voy. T. I. p. 448.

должны были возвратить себѣ свое отечество. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кянъ-Лунь призналъ покорнаго Амурсану законнымъ наслѣдникомъ джунгарскаго (Чонъ-Каръ) трона ([262]), какъ то ясно выражено въ его запискахъ, гдѣ онъ говоритъ про себя съ самонадѣянностью: „Какъ небо и земля, я долженъ въ одно и то же время служить покровомъ и опорою; вотъ почему веду войну и награждаю покорныхъ". Съ Амурсаною былъ посланъ главнокомандующій Панти, безъ совѣта котораго онъ не могъ сдѣлать ни шагу. Храбрый китайскій генералъ съ 150,000 войска выступилъ въ 1755 изъ западныхъ воротъ Имперіи Кя-Юй-Гуань, прошелъ черезъ Баркюль и Урумчи къ З., напалъ на враговъ, оттѣснилъ ихъ къ югу за цѣпь ледниковъ Т'янь-Шаня въ Ушъ, обративъ ихъ въ совершенное бѣгство, и взялъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ семействъ. Въ 5 мѣсяцевъ весь походъ былъ оконченъ тѣмъ, что Амурсана былъ возведенъ на элютскій престолъ и свергнутый Давацзи отправленъ въ Пекинъ. Императоръ обошелся съ своимъ врагомъ очень милостиво, возвелъ его въ достоинство Цзинъ-Вана, надѣясь тѣмъ самымъ издали обуздать Амурсану. Но Давацзи скоро умеръ съ тоски въ своихъ золотыхъ цѣпяхъ, а Амурсана, получившій только китайскій титулъ вмѣсто власти, жаждалъ дѣйствительнаго владычества надъ своимъ Ханствомъ и старался скорѣе высвободиться изъ тягостной зависимости и свергнуть съ себя иго Китайцевъ, потому и провозгласилъ себя джунгарскимъ Ханомъ ([263]). Искусно уклонился онъ отъ приглашенія къ Пекинскому двору, гдѣ ему обѣщали новыя почести, замѣтивъ очень хорошо подставляемую западню. Вслѣдъ за тѣмъ Амурсана возбудилъ различныя орды Элютовъ и Монголовъ противъ Китайцевъ, которые подъ начальствомъ генерала Панти старались утвердиться въ крѣпостяхъ и постахъ на Или. Курьерскіе и почтовые пути въ Китай были прерваны, провіантскіе и оружейные магазины Китайцевъ разграблены, а оставшіяся китайскія

(262) Kien long Monument de la conq. въ Mem. conc. I. p. 345. Troubles de Dzoungar. p. 192.

(263) Wojieikow über Kalmücken въ Oldekop. Petersb. Zeitschr. T. II. p. 160.

войска, вмѣстѣ съ генераломъ, внезапно окружены въ Пирцзинѣ(?) и истреблены. Возмутитель Амурсана перенесъ свою резиденцію на другую сторону Или подъ Бали-Кунъ, одинъ изъ главныхъ постовъ, оставшихся во власти Китайцевъ въ Джунгаріи и занятый еще сильнѣйшимъ ихъ гарнизономъ, который и былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ 1756 г. Монгольскіе и маньчжурскіе офицеры упомянутаго гарнизона считали уже себя принужденными сдать крѣпость и очистить всю Джунгарію, для того, чтобы избавиться отъ столь безполезной и опасной войны, но императоръ не одобрилъ ихъ трусости и удвоилъ силы, противопоставленныя мятежникамъ. Два раза были высылаемы противъ Джунгаровъ на Или большія арміи подъ начальствомъ новыхъ китайскихъ генераловъ; первая армія выгнала даже Амурсану изъ лагеря его при Турсунѣ (не Турфанѣ ли?), но ограничилась только хищническими набѣгами на пастбища сосѣднихъ Киргизъ-Кассаковъ, въ землѣ, называемой Китайцами Давань (*). Туда бѣжалъ Амурсана, а преслѣдующая его китайская армія своимъ бездѣйствіемъ дала врагамъ возможность внезапно напасть на себя и совершенно разсѣять. Генералы второй посланной туда арміи дались въ обманъ сосѣднимъ Киргизъ-Кассакомъ, которые притворились покорными, а между тѣмъ помогли тайно Амурсанѣ бѣжать въ ихъ степи и во второй разъ произвести кровавое опустошеніе въ китайской арміи на Или. Только третья армія, подъ начальствомъ храбраго китайскаго генерала Чао-Хой ([264]), возвращавшаяся въ эту критическую минуту изъ другой экспедиціи, встрѣтила отдѣльные торжествующіе и уже разсѣевающіеся корпуса Элютовъ и Киргизъ-Кассаковъ и истребила ихъ. Армія эта проникла до Или и окончила здѣсь, въ тотъ самый моментъ когда могущество Китайцевъ было въ опасности, въ 1757 г. походъ,

---

(*) Подъ именемъ Даванъ Китайцы разумѣютъ Фергану, т. е. Коканское ханство *Пр. Пер.*

(264) Mailla hist. gén. de la Chine T. XI. p. 556. Kien long Monument l. c. p. 361.

который упрочилъ границы Имперіи на Или, но истребилъ джунгарскую націю почти безъ остатка.

Предводители Элютскихъ и Джунгарскихъ ордъ были чрезвычайно склонны къ враждѣ, грабежу и измѣнѣ. Хитрость Амурсаны поставила его еще разъ во главѣ ихъ; но вновь подкрѣпленныя войска Чао-Хоя, подъ предводительствомъ генерала Фудэ, явившагося отличнымъ военачальникомъ между храбрыми Маньчжу-Солонами, изгнали его очень скоро изъ Или. Искатель приключеній Амурсана бѣжалъ за границы Давани и скитался долго, пока наконецъ не прибылъ къ Лоча (Лоха), т. е. Русскимъ, вѣроятно по приглашенію русскаго правительства. Здѣсь свелъ его въ могилу другой врагъ—оспа. Амурсана умеръ въ Тобольскѣ въ 1757 ([265]), хотя разгнѣванный императоръ Кянъ-Лунь не разъ тщетно требовалъ выдачи мятежника. Отказъ С.Петербургскаго Сената выдать даже тѣло джунгарскаго князя едва не произвелъ разрыва между Россіею съ Китаемъ, тѣмъ болѣе, что предшествовавшіе тому пограничные споры и требованія свободнаго судоходства по Амуру ожесточили недовѣрчиваго императора. Супруга Амурсаны, дочь Галданъ-Церена, скончалась въ Петербургѣ при Дворѣ Императрицы Елисаветы, а сынъ его жилъ еще во времена графа Потоцкаго въ Варшавѣ ([266]). Императорскій совѣтъ въ Пекинѣ полагалъ за лучшее предоставить не только изгнанника, но и отдаленную Джунгарію (Чонъ-Каръ) собственной участи, но императоръ требовалъ отъ Россіи упорно, хотя и тщетно, выдачи мятежника, а отъ своихъ генераловъ истребленія его сообщниковъ. Это послѣднее требованіе стоило жизни милліону Элютовъ, безъ различія пола и возраста. Никто изъ Джунгаровъ на С. до Сибирской границы, а на Ю. до Бухаріи и верховьевъ Окса не получалъ пощады. Многіе были пойманы и казнены, другіе бѣжали нищими къ своимъ сосѣдямъ и кто не палъ на поляхъ битвы, тотъ умеръ отъ голо-

(265) Klaproth въ Timkowski Voy. I. p. 137 etc.

(266) Wojeikow. l. c. p. 161. J. Comte de Potocki Voyage dans les steppes d'Astrakhan, Paris, 1829 vol. I. p. 59.

да, стужи и нападеній киргизскихъ разбойниковъ. Часть Джунгаровъ бѣжала въ средину высокаго горнаго хребта именно въ долину Маха-Цинъ (?), вѣроятно въ неприступномъ Т'янь-Шанѣ; но и тамъ была окружена со всѣхъ сторонъ и истреблена Китайцами. Двадцать пять ордъ, до сихъ поръ сохранившихъ свою независимость, были покорены и отчасти казнены; всѣ вельможи были препровождены въ Пекинъ, судимы тамъ самимъ императоромъ и также казнены. Только тѣмъ Джунгарамъ, которые не принимали участія въ возмущеніи, была дарована жизнь, и они были присоединены къ Китайской Имперіи. Такимъ образомъ не только было сокрушено все государство, но даже истреблена почти цѣлая нація. Послѣ того императоръ Кянъ-Лунь установилъ новый порядокъ въ странѣ (267). По своей обширности она была раздѣлена на нѣсколько малыхъ областей. До владычества Галданъ-Церена, сдѣлавшагося единственнымъ самодержцемъ всѣхъ Элютовъ, раздѣлялись они на четыре большіе триба, управляемые своими князьями подъ именемъ Лате. Эти три триба составляли 21 отдѣльную орду; начальники такихъ ордъ назывались 'Анъ-Ги. Императоръ постановилъ снова этихъ Лате и 'Анъ-Ги, только подъ другими именами; онъ назвалъ ихъ 4 ханами или царями (Reguli) и 21 Пуло. Первыхъ сдѣлалъ онъ наслѣдственными въ своемъ достоинствѣ, но предоставилъ себѣ ихъ утвержденіе, также какъ и назначеніе главныхъ инспекторовъ, обязанныхъ доносить Двору объ ихъ поступкахъ. Онъ далъ имъ тѣ же законы, какимъ подчинены 8 хоругвей пограничныхъ Монголовъ-Чахаровъ. Императоръ осыпалъ подчиненныхъ уже себѣ такимъ образомъ Элютовъ дарами и милостями; снабдилъ ихъ хлѣбомъ, деньгами, земледѣльческими орудіями и инструментами всякаго рода, съ цѣлію изъ кочевой жизни обратить ихъ къ земледѣлію и промышленности. Но привыкшія къ грабежу и убійству эти орды снова перешли къ сво-

(267) Mailla Hist. gén. l. c. T. XI. p. 560; Kien long Monum. y Amiot l. c. p. 369.

ей необузданной жизни. Первый изъ князей ихъ, получившій титулъ хана (т. е. Rex) Чолосовъ (или Чоросъ), т. е. разумѣется только внѣшніе аттрибуты сего достоинства, скоро взбунтовался и былъ казненъ какъ неблагодарный мятежникъ, а все его племя истреблено: страна же, въ которой онъ хотѣлъ сдѣлать себя независимымъ, опустошена совершенно. Небольшіе остатки этого, прежде очень значительнаго племени, кочуютъ еще и нынѣ, раздѣленные на три хоругви, подъ начальствомъ своихъ ордынскихъ князей въ печальной степи Гоби между Хуанъ-Хэ и р. Эцзинэ, къ З. отъ большой сѣверной извилины между Ала-Шанемъ и Инь-Шанемъ. Такая же участь постигла втораго хана Хунтэ-хэ; его подданные были разсѣяны, обращены въ рабство или казнены. Третій ханъ —Хонотэ не имѣлъ времени взбунтоваться, потому что на него напалъ предварительно китайскій генералъ въ Пали-хунѣ и казнилъ его предъ воротами этого города; вся свита его была предана въ жертву ярости солдатъ; 200,000 семействъ его племени убѣжали въ Россію, а всѣ плѣнники были распредѣлены невольниками между Маньчжурами и Монголами. Только одинъ Ханъ Дурботовъ остался вѣрнымъ; подданные его сдѣлались земледѣльцами, пастухами и торговцами, разумѣется на самой отдаленной с.-в. границѣ Китая, гдѣ они получили земли ([268]) внѣ большихъ воротъ стѣны Хи-Фынь-Кэу къ В. отъ Же-хэ; за то они были награждены и возвышены.

Такимъ образомъ Кянъ-Лунь сдѣлался побѣдителемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и истребителемъ Элютовъ: ихъ данническія земли были превращены въ государственную собственность Китая; пастбища Джунгаръ въ Бей-лу къ С. отъ Т'янь-Шаня были превращены въ пограничную Илійскую провинцію и получили названіе страны новой границы. Провинція эта была снабжена крѣпостями, гарнизонами и пограничными караулами. Вся страна была предназначена для поселенія колоніямъ ссыльныхъ изъ

(268) Mailla Hist. gén XI. p. 562; Essai sur la Mongolie въ Timkowsky T. II p. 343.

Китая преступниковъ, которые и перенесли сюда построеніе городовъ, земледѣліе и промышленность. Этимъ не кончились послѣдствія завоеванія. Преслѣдованіе Джунгаровъ въ подвластныхъ имъ странахъ на Ю. отъ системы Тянь-Шаня, черезъ Наньлу и лежащую еще далѣе къ Ю. Бухарію, до истоковъ Окса, продолжалось до Кашгара, Ярканда и Хотана, куда также проникало войско побѣдоноснаго полководца Чао-Хя (см. ниже), производя подобныя же опустошенія, между-тѣмъ какъ опустѣвшія степи Джунгаріи были заняты вскорѣ другими кочующими пришельцами.

IV. *Возвращеніе Тургутъ-Элютовъ съ Волги въ Илійскія степи 1771 г.*

Племя Тургутовъ, подъ предводительствомъ Дурбанъ-Ойрадъ или 4-хъ союзниковъ, есть именно то, которое въ своихъ перекочевкахъ проникло далѣе всѣхъ на З.; уже въ 1630 году ханъ ихъ Хорлютъ ([269]) проникъ до Волги, побѣдилъ тамъ большую и малую Ногайскія орды, взялъ въ плѣнъ множество блуждающихъ Туркменовъ, соединился съ другими ордами и отдался присягою подъ русское покровительство. Это былъ авангардъ слѣдующей за ними большой орды, предводимой ханомъ и 6-ю его сыновьями и состоявшей изъ 50,000 кибитокъ: она переправилась черезъ Эмбу въ 1686 г. и проникла до Волги. Орда эта поссорилась на Или съ своими соплеменниками Джунгарами и Хошотами, и удалилась отъ нихъ къ З. Однакоже самыя восточныя отдѣленія остались все еще на пастбищахъ Илійской долины до начала XVIII вѣка. Тогда только правнукъ Хорлюта ханъ Аюки (цар. съ 1672), угрожаемый преслѣдованіями своего могущественнаго зятя джунгарскаго Цзе-Ванъ-Арабдана, рѣшился оставить любимыя кочевья своихъ предковъ и перейти со всѣми юртами и стадами въ страну между Яикомъ (Ураломъ) и Эчилемъ (Волгою), которая была уступлена ему рус-

(269) Wojeikow über Kalmucken въ Oldecop Zeitschr. Th. II. p. 193.

скимъ царемъ, вслѣдствіе его присяги. 1703 г. считается эпохою этой миграціи ([270]), потому-что въ этомъ году, племянникъ Аюки-хана, князь Арабшуръ (у Аб. Ремюза, Карапучуръ у П. Гобиля), съ княгинею своею матерью, ѣздилъ въ Тибетъ на поклоненіе ламѣ, и во время его тамъ пребыванія возникла война между обоими ханами—джунгарскимъ и тургутскимъ. Юный князь не рѣшился вступить во владѣнія своего дяди и удалился въ Китай, гдѣ получилъ покровительство и земли на западной границѣ Шэньси. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, именно въ 1712 году, получилъ онъ отъ императора Канъ-хи позволеніе возвратиться къ своимъ соотечественникамъ. Желая дать ему вѣрныхъ проводниковъ и узнать настоящую причину миграціи Тургутовъ изъ Джунгаріи, а также пріобрѣсти вѣрныхъ союзниковъ противъ общаго врага и убѣдить ихъ возвратиться въ отечество съ дружбою къ Китаю, императоръ Канъ-хи отправилъ съ тургутскимъ княземъ китайскаго посла. Къ нимъ присоединенъ былъ секретарь Государственнаго Совѣта Тулишенъ, обладавшій разнаго рода филологическими свѣдѣніями; также было испрошено ему позволеніе русскаго императора Петра Великаго на проѣздъ через Сибирь на Селенгинскъ, Иркутскъ, Тобольскъ, Казань до Саратова, вблизи котораго было въ то время расположено кочевье стараго Аюки-хана. Это смѣло задуманное путешествіе совершилось очень счастливо, какъ туда такъ и обратно, къ удовольствію императора, въ три года (1412—1715), и дневникъ мандарина Тулишена былъ напечатанъ подъ заглавіемъ И-эу-лу. Отсюда мы узнаемъ о сдѣланныхъ Китайцами обѣщаніяхъ и приглашеніяхъ упомянутой многочисленной ордѣ возвратиться въ китайскія владѣнія. Владѣтельный князь былъ такъ тронутъ милостью и честью ([271]), оказанною ему Богдоханомъ, который своимъ посольствомъ доказалъ свою память

---

(270) P. Gaubil въ Toulichen Relat. въ Souciet Observat. math. astron. etc. p. 149; Staunton Narrative of the Chinese embassy transl. Lond. 1821. Pref. Ab. Remusat Rec., въ Journ. des Savants Mai 1821. p. 260.

(271) Staunton Narrative l. c. ch. X. p. 147.

*

объ немъ даже въ изгнаніи, что онъ принялъ отъ посланника письмо императора на колѣнахъ. Блистательный результатъ этихъ переговоровъ мудраго государя, вѣроятно симъ не ограничившихся, о чемъ мы впрочемъ не имѣли никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, оказался 58 лѣтъ спустя уже въ царствованіе Кянъ-Луня (Цзянъ-Луня).

Орда Тургутовъ быстро исчезла съ русской границы и вскорѣ послѣ того явилась на Или. Въ 1771 г., пришли они, говоритъ импер. К'янь-Лунь, нисколько не устрашенные тысячами опасностей, которымъ подвергались отъ самой Волги на продолжительномъ пути въ 700 г. м. (10,000 ли), во время 8 мѣсячнаго перехода до Илійскихъ пастбищъ. Они желали быть принятыми въ китайское подданство, и какъ данники имперіи, наслаждаться чистотою неба и благополучіемъ правленія величайшаго государя земли. Орда эта состояла изъ 50,000 семействъ, содержащихъ въ себѣ, по собственному ихъ счисленію, 300,000 человѣкъ, счастливо перенесшихъ большія нужды и многочисленныя нападенія во время продолжительнаго своего перехода. Привлеченные ихъ примѣромъ, возвратились черезъ годъ послѣ того, совершенно добровольно, другія разсѣянныя орды Элютовъ, нѣкоторыя орды Бурутовъ и остальныя Тургуты, числомъ всего 30,000 семействъ и 180,000 человѣкъ. Итакъ новопокоренная провинція имперіи обогатилась почти цѣлымъ полумилліономъ жителей и самъ императоръ обнародовалъ это замѣчательное событіе, какъ особую милость неба, приказавъ записать его въ лѣтописяхъ династіи. Онъ торжествовалъ эту миграцію изготовленіемъ сочиненія, которое, по рецензіи великаго мандарина Юй-Мынь-Чина, перваго ученаго его государства, принадлежитъ къ самымъ лучшимъ и классическимъ. К'янь-Лунь увѣковѣчилъ это переселеніе, какъ главнѣйшее событіе своего цар-

---

(272) Kien-long Monument de la transmigration des Tourgouths въ Mem. conc. les Chinois T. I. p. 401.

(273) Wojeikow ueber Kalmücken въ Oldekop. Petersb. Zeitr. T. II. p. 165; Bergmann Nomadische Streifereien unter den Kalmücken.

ствованія, описавъ его на четырехъ языкахъ: маньчжурскомъ, монгольскомъ, тангутскомъ и китайскомъ. Описаніе это было вырѣзано на каменныхъ доскахъ, поставленныхъ въ вѣчное воспоминаніе событія на р. Или у Тургутовъ (въ какомъ мѣстѣ, намъ неизвѣстно). Переводъ этой надписи былъ сдѣланъ Пат. Аміотомъ. Тамъ особенно выставлено то, что Тургуты добровольно возвратились подъ китайскій скиптръ. Императоръ говоритъ, что онъ возстановилъ миръ на Или, превратилъ страну въ поле, уменьшилъ дань, платимую Магометанами, сдѣлалъ Бурутовъ и Киргизъ-Кайсаковъ самою отдаленною пограничною провинціею имперіи, обращаясь съ ними какъ съ ордами чужеземцевъ: еще болѣе отдаленнѣйшихъ народовъ, напр. Бадакшанцевъ, Андиджанцевъ и т. п. предоставилъ собственному разсужденію относительно платежа дани, признавая нѣкоторое ограниченіе своей власти, такъ какъ и за моремъ обитаютъ подданные и невольники, не признающіе себя его вассалами. Ханъ, приведшій Тургутовъ, назывался Убаши: онъ былъ правнукъ Аюки-хана. Русскіе, говоритъ императоръ, безпрестанно требовали отъ нихъ солдатъ, держали сына ханскаго аманатомъ, презирали ламъ: оттого иго ихъ дѣлалось все болѣе и болѣе тяжкимъ для Тургутовъ, до тѣхъ поръ пока они не рѣшились возвратиться подъ покровительство Китая, исповѣдывающаго религію Фо. Русскіе писатели свидѣтельствуютъ, разумѣется, не въ пользу Тургутовъ, говоря, что они остались въ ихъ владѣніяхъ необузданными хищниками, и что уже Аюки-ханъ далеко превысилъ данныя ему льготы. Соединяя хитрость съ хищничествомъ, въ союзѣ съ Ногайцами, Кубанцами и Крымскими Татарами онъ не разъ грабилъ русскія мѣстечки въ Пензенской, Симбирской, Оренбургской и Астраханской губерніяхъ. Онъ также грабилъ и убивалъ купцовъ, слѣдовавшихъ въ Бухарію, и соединясь съ Уральскими Башкирами, даже жегъ и опустошалъ цѣлыя русскія деревни и города, отгонялъ стада, разрушалъ рыбныя ловли на рѣкахъ и отводилъ плѣнниковъ въ рабство. Астраханскіе губернаторы (сначала В. Н. Та-

тинцевъ) принуждены были протянуть противъ Калмыковъ военную пограничную линію, сперва отъ Царицына до Саратова, и потомъ отъ Царицына до Астрахани. Удаленіе этой безпокойной орды было истиннымъ счастіемъ для Русскихъ. Вся страна между Волгой и Яикомъ (Ураломъ), очистилась отъ разбойниковъ, именно около того времени, когда (два года спустя) возникъ Пугачевскій бунтъ, который отъ казаковъ легко могъ перейти къ Калмыкамъ, вслѣдствіе чего Россія, занятая въ то же время трудною турецкою войною, сильно бы пострадала. Тургутскій ханъ Убаши двинулся ([274]) въ январѣ и февралѣ 1771 г. съ Волги, прошелъ через Киргизъ-Кайсацкія степи мимо оз. Балхаша и прибылъ по прошествіи 8 мѣсяцевъ къ границамъ Шара-Ненъ (?) близь береговъ Или. Китайскій генералъ Шухеде, стоявшій въ Ушѣ на югъ отъ Т'янь-Шаня для усмиренія магометанскихъ враговъ, получилъ повелѣніе основать укрѣпленные караулы и крѣпости на важнѣйшихъ пунктахъ Или, охранять всѣ горные проходы, заботиться о провіантѣ и соблюдать тишину и порядокъ. Вступающія сюда орды Тургутовъ нашли себѣ заготовленную пищу, жилища и всѣ удобства; начальники ихъ были доставлены по императорской почтѣ ко двору, гдѣ императоръ далъ имъ аудіенцію и препроводилъ ихъ въ свою виллу Жехэ (Jehol), гдѣ угощалъ ихъ охотою, пиршествами, надѣлилъ подарками и оказалъ имъ всякія почести, также какъ и церенамъ или предводителямъ единственно оставшагося вѣрнымъ элютскаго племени Дурботовъ. Добровольное возвращеніе послѣ столь долгаго отсутствія изъ отечества, было поставлено Тургутамъ въ еще бо́льшую заслугу. „Наконецъ, восклицаетъ императоръ К'янъ-Лунь въ своемъ сочиненіи, вся монгольская нація подвластна великой династіи Да-цинъ и всѣ получаютъ отъ нея нынѣ свой законъ. Это было планомъ великаго моего дѣда Канъ-хи, который желалъ имѣть въ подданствѣ все монгольское племя и уже подчинилъ Джунгаровъ Маньчжурамъ".

(274) Kien-long Monument l. c. p. 408.

Но вскорѣ послѣ этого переселенія поднялись снова старыя жалобы ([275]) на грабежи Тургутовъ, особливо же со стороны ихъ русскихъ сосѣдей: и потому совсѣмъ не безъосновательно было опасеніе Китайцевъ, что Тургуты могли силою ворваться въ провинцію Или, на которую они смотрѣли какъ на свое отечество и собственность. Много войска нужно было бы для защиты отъ нихъ. Городъ Или только-что начиналъ основываться и не былъ укрѣпленъ на столько, чтобы доставить опору противъ такихъ нападеній. Потому-то самъ императоръ и встрѣтилъ такъ привѣтливо несчастныхъ Тургутовъ, открылъ имъ свою казну, хлѣбные магазины, конные заводы, роздалъ каждому семейству поля и скотъ, даже одежду, а многимъ и по нѣскольку унцій серебра — щедрость, далеко превышавшая обыкновенныя средства. Чтобы Тургуты не могли свергнуть съ себя будущаго ига, императоръ Кянъ-Лунь не наложилъ на нихъ никакого. Они должны были пользоваться во всемъ привилегіями родственнаго племени вѣрныхъ Дурботовъ, не платили никакой контрибуціи, съ условіемъ оставаться вѣрными, и были осыпаны благодѣяніями. Князьямъ ихъ назначено было ежегодное содержаніе и предоставлена свободная кочевая жизнь, также какъ и исполненіе всѣхъ ихъ обычаевъ. Только не давали имъ въ супружество принцессъ императорскаго дома, какъ послушнымъ Джахарамъ и Халхасамъ, хотя все было сдѣлано имп. Кянъ-Лунемъ, чтобы привязать ихъ къ себѣ. Но и это не предупредило мятежей впослѣдствіи.

V. *Мятежъ въ пограничной провинціи Или 1826 — 1827.*

Провинція, лежащая на р. Или и около Тянь-Шаня или страна Си-юй (Западная провинція), какъ ее называетъ госуд. географія, казалась въ особенности расположенною къ безпрестанно повторяющимся мятежамъ. Въ самомъ дѣлѣ, по отдаленности своей она наиболѣе подвержена военному и гражданскому деспо-

(275) Kien-long Monument l. c. p. 415.

тизму китайскихъ чиновниковъ и населена самыми необузданными племенами или граничитъ съ таковыми на З. и Ю. Эта провинція Си-юй, говоритъ знатокъ Китая I. Фр. Девисъ ([276]) въ своемъ письмѣ изъ Кантона отъ 2 ноября 1827 года, состоитъ подъ начальствомъ генералъ-губернатора, пребывающаго въ Или. Она наполнена множествомъ мандариновъ, содержитъ въ себѣ большое число князей, утвержденныхъ императоромъ и возвышенныхъ въ третій, второй и первый классъ, какъ у Джахаръ и Халхасъ-Монголовъ; она описана по всѣмъ своимъ уѣздамъ въ туземномъ сочиненіи, гдѣ говорится обо всемъ, исключая жестокостей, съ которою тамъ дѣйствовали Китайцы, особено послѣ смерти императора К'янъ-Луня, слѣдовательно съ начала XIX вѣка. Картъ этой страны Китайцы еще не снимали (*). Все это относится не только до сѣверной (Бэйлу), но и до южной провинціи (Наньлу) Си-юй; въ обѣихъ съ началомъ второй четверти нашего вѣка (въ 1826 г.) возникло новое кровавое возмущеніе, а за нимъ воспослѣдовала мстительная война, о послѣдствіяхъ которой, хотя она уже окончена, мы не имѣемъ еще достаточныхъ свѣдѣній.

Сю-юй не былъ никогда совершенно подчиненъ; князья его, какъ пограничные жители, всегда дѣйствовали двойственно, смотря по тому, какъ для нихъ было выгоднѣе.

Не совсѣмъ еще вѣрныя опредѣленія границъ со стороны Россійской Имперіи въ степяхъ на С. З. и З. давало многочисленные поводы къ спорамъ, обыкновенно оканчивавшимся къ выгодѣ Россіи. Въ одной статьѣ Пекинской Газеты 1825 г. было сказано, что эти пограничные народы часто нападали на китайскихъ земледѣльцевъ и грабили ихъ, а императоръ для возстановленія

(*) Это несправедливо; съемки китайскихъ коммиссій царствованія императора Кянъ-Луня, распространялись и на Си-Юй. Существующими китайскими картами воспользовались Клапротъ, а еще болѣе Ив. Ил. Захаровъ, для составленія своихъ прекрасныхъ картъ внутренней Азіи. *Пр. Пер.*

(276) J. Fr. Davis Notices on Western Tartary въ Transact. of the Royal Asiatic. Soc. of Great Britain etc. Lond. 1829. Vol. II. p. I p. 197—204.

спокойствія снабжалъ ограбленныхъ хлѣбомъ, просомъ и т. д. Эта слабая снисходительность увеличила дерзкое хищничество пограничныхъ народовъ, которые, увидѣвъ трусость правительства, поднялись для сверженія китайскаго ига. Все что здѣсь сказано про русскихъ пограничныхъ сосѣдей, конечно нисколько не падаетъ на русское правительство, не имѣвшее никакой причины враждовать съ Китаемъ и старавшееся, для своихъ собственныхъ выгодъ, поддерживать миръ. Оно нерѣдко захватывало даже на киргизской границѣ (277) партіи хищниковъ, переходившія часто пограничные проходы китайской территоріи (напр. Хо-путо, Даэрлъ-ба-ха-тай т. е. Гобдо и Тарбагатай), опустошавшія поля, угонявшія стада и убивавшія пастуховъ. Но эти родовые правители имѣли еще чаще свои притоны въ китайскихъ владѣніяхъ и дали первые поводъ къ возстанію, котораго главный центръ находился впрочемъ въ магометанскихъ провинціяхъ къ Ю. отъ Т'янь-Шаня. Китайское правительство было вынуждено послать войска свои въ Или для утушенія возстанія; но мятежъ распространился оттуда все далѣе и далѣе, хотя придворная газета расказывала только о безпрестанныхъ побѣдахъ. Однако же возгласы о томъ, что весь Китай былъ этимъ поставленъ въ опасность, кажутся намъ преувеличенными, потому-что городъ Или, какъ кажется, не переставалъ во все время быть во власти китайскаго гарнизона, хотя окрестная страна претерпѣла страшное опустошеніе. Особенно пострадала отъ этого торговля съ Сибирью. Д-ръ Мейеръ, который въ 1826 г. путешествовалъ въ Киргизской степи, говоритъ (278), что это обстоятельство возбудило большія безпокойства въ Кульджѣ и Чугучакѣ, что торговля совершенно остановилась, и что многіе русскіе караваны должны были возвратиться съ дороги. Всѣ были заняты приготовленіями къ войнѣ и недостатокъ въ подвозѣ товаровъ изъ внутренности Китая былъ очень ощутителенъ, потому-что

---

(277) Peking gaz. 5. aug. 1824 въ Transact. of the Royal. Asiat. soc. of. gr. Br. Vol. I. p. 458.

(278) Dr. Meyer въ v. Ledebour Reise in den Altai, Th. II. p. 508.

торговля совершенно прекратилась. Только лошадей покупали охотно, потому-что въ нихъ очень нуждались; чугучакскій губернаторъ долженъ былъ выставить 20.000 головъ, изъ которыхъ каждая стоила отъ 4 до 5 дабъ (т. е. отъ 10 до 20 р.). Въ концѣ 1827 г., по Пекинской Газетѣ, всѣ крѣпости Си-юй должны были снова быть заняты китайскими войсками, отправленными туда изъ сѣверныхъ провинцій имперіи, черезъ Ганьсу изъ пограничныхъ воротъ Кя-юй-Гуань; не смотря на то Китайцы безпрестанно посылали туда деньги и войска: начальники мятежниковъ (предводитель ихъ былъ названъ въ Пекинской Газетѣ Чанъ-ги-ви) не были еще пойманы, и опасались, что губернаторъ Или будетъ совершенно отрѣзанъ отъ Китая: прежнія подати тамошнихъ подданныхъ были снисходительно сняты правительствомъ, а купеческія гильдіи разныхъ провинцій имперіи, особенно Кантона, боясь паденія ихъ фондовъ и прекращенія торговли, послали большія суммы денегъ въ видѣ субсидій для войны въ Пекинъ; такъ напр. купцы корпораціи Хонъ и чиновники Кантона доставили 400,000 таелей.

Главныя же силы мятежниковъ ([279]) сосредоточились на Ю. отъ Т'янь-Шаня, въ Бухаріи. Тамъ возсталъ потомокъ прежнихъ властителей, ходжа Джангиръ, собравшій значительное войско изъ Ташкентцевъ, Кокапцевъ, нѣкоторыхъ Бухарцевъ и упомянутыхъ киргизскихъ разбойниковъ, съ которыми онъ началъ дѣйствовать столь рѣшительно, что сдѣлался опаснымъ для цѣлаго государства, тѣмъ болѣе, что въ этихъ странахъ было много причинъ къ всеобщему неудовольствію, а китайскія войска сначала были страшны только своею многочисленностью. Порубка обширнаго лѣса, за которую Китайцы хотѣли наказать виновныхъ, была первымъ началомъ ссоры, при чемъ нѣкоторые китайскіе офицеры были убиты, а другіе спаслись бѣгствомъ въ Хо-ши-ха (Кашгаръ). Собравшееся мятежническое войско было сначало отбито къ западу и предводители его

(279) Asiatic Journal London XXIII p. 474; XXIV p. 39—41; Journal Asiat. Paris T. X. p. 310—317; nouv. Journ. Asiat. T. I. p. 147, 321, 471.

принуждены были бѣжать черезъ горы въ Бадакшанъ, и скрыться въ его горныхъ ущельяхъ. Но вскорѣ послѣ того Ходжа Джангиръ, поддерживаемый султаномъ страны, возвратился съ 14.000 войска, взялъ Кашгаръ, Хотанъ, Ярканъ и Аксу. Но не долго остались эти города въ его власти; въ концѣ 1827 г. принуждены были они уже снова платить Китайцамъ двойныя подати за свою непокорность, потому-что Китайцы одержали три побѣды. Главный начальникъ мятежниковъ палъ въ одной изъ битвъ, другіе были казнены, а нѣкоторые искали спасенія въ бѣгствѣ. Судя по письмамъ изъ Индіи, пришедшимъ въ Кантонъ, мятежники блуждали въ степяхъ западнаго Тибета и Ладака и старались черезъ Гималаю бѣжать отъ мщенія Китайцевъ, между-тѣмъ какъ тогда же, во время посѣщенія Ал. Гумбольдтомъ сѣверной границы Китайской Джунгаріи (1828), еще не окончились тамъ преслѣдованія мятежниковъ. Мы не имѣемъ болѣе никакихъ свѣдѣній о перемѣнахъ, произведенныхъ сими обстоятельствами въ состояніи провинціи Или. Къ сожалѣнію ландкарта ([280]) этого театра войны въ западной Татаріи, посланная китайскимъ главнокомандующимъ на Или пекинскому двору, для усмотрѣнія его военныхъ операцій, и полученная въ одномъ экземплярѣ Стаунтономъ, еще не обнародована (*). Далѣе, когда мы будемъ говорить о городахъ Кашгарѣ и Ярканѣ и о Бухарскихъ ханствахъ, надѣемся мы, съ помощью привезенныхъ Пр. Нейманомъ, прямо изъ Кантона, оригинальныхъ новѣйшихъ свѣдѣній, дать еще поучительное заключеніе о ходѣ этихъ очень важныхъ для этнографіи событій.

---

(280) Asiatic Journal Lond. vol. XXIV. p. 39.

(*) Упомянутая карта издана въ 1832, но, по собственному замѣчанію Риттера, не оправдала высказанныхъ ожиданій и не заслуживаетъ большаго вниманія.

Пр. Пер.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

АЛТАЙСКАЯ ГОРНАЯ СИСТЕМА.

§ 34.

Мы упоминали уже выше о протяженіи этой горной системы отъ Верхняго Иртыша до Охотскаго моря, и объ отклоненіи простиранія ея отъ 50 до 51° с. ш., также какъ и объ гипотетическомъ соединеніи ея развѣтвленій внутри нагорной Азіи съ системою Т'янь-Шаня. Теперь остается намъ изслѣдовать всю Алтайскую систему, которая простирается вдоль сѣверной окраины нагорной Азіи и вездѣ пускаетъ отъ себя отрасли къ С., въ извѣстныя уже русскія владѣнія, между-тѣмъ какъ болѣе южныя ея массы внутри континента составляютъ для насъ область еще неизслѣдованную (terra incognita).

Замѣтимъ вообще, что при изученіи этой горной системы, мы должны до сихъ поръ руководиться преимущественно ея долинами, болѣе доступными народамъ и путешественникамъ. Путеводными нитями будутъ служить намъ гидрографическія системы, развившіяся внутри горнаго хребта, потому-что восхожденія на самыя горныя цѣпи и переходъ черезъ нихъ удались только въ немногихъ пунктахъ. Если бы Швейцарскія Альпы не были много разъ проходимы черезъ сотни горныхъ проходовъ, во всѣхъ составныхъ своихъ цѣпяхъ и во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, еслибъ путешественники не обозрѣли и не измѣрили множества горныхъ вершинъ въ разныхъ расчлененіяхъ и развѣтвленіяхъ этой системы, то о строеніи ея въ научномъ смыслѣ не было бы и рѣчи; вотъ почему нечего и думать объ описаніи

строенія Алтайской системы. Для успѣха пластическаго знанія страны ею занимаемой можемъ мы однако же составить природосообразный, подробный и близкій къ истинѣ обзоръ ея, руководствуясь ни кѣмъ еще не сравненными, не приведенными въ систему и не разобранными критически показаніями очевидцевъ и изслѣдователей. Такой обзоръ поможетъ намъ одолѣть, для пользы науки, хаосъ частныхъ описаній, устранитъ безплодныя повторенія одного и того же, укажетъ мѣсто каждому новому поучительному данному и дастъ намъ возможность точнѣе замѣтить пробѣлы, существующіе въ нашихъ свѣдѣніяхъ. Онъ научитъ насъ также сравнивать, взаимно повѣрять, изъяснять и даже находить существенныя истины въ лабиринтѣ описаній, мѣстныхъ, научныхъ и историческихъ воззрѣній, разбросанныхъ въ сказаніяхъ различныхъ временъ и народовъ. И въ этомъ предшествовалъ намъ своимъ примѣромъ А. Гумбольдтъ въ искусномъ своемъ обзорѣ Алтайской системы. Мы слѣдуемъ его указаніямъ или проводимъ ихъ съ большею подробностью, указывая на источники, или присовокупляемъ все, что̀ можемъ сказать особеннаго и новаго, стремясь къ научной полнотѣ, не находимой нами ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ сочиненій. Къ сожалѣнію самая Россія, при всемъ обиліи своихъ матеріаловъ, не представляетъ намъ въ этомъ родѣ ничего достаточно поучительнаго для нашего руководства. Даже оффиціальныя карты, изображающія Алтайскую систему, такъ неполны, что мы не находимъ на нихъ важнѣйшихъ данныхъ и принуждены прибѣгать къ значительнымъ поправкамъ. Современъ первыхъ превосходныхъ изслѣдованій прежнихъ заслуженныхъ петербургскихъ академиковъ, едва коснувшихся сѣвернаго края этой страны (какъ напр. Гмелинъ, Ренованцъ, Палласъ, Георги, Мессершмидтъ, Фалькъ и др.), сдѣланы исполинскіе успѣхи въ точнѣйшемъ изученіи Алтайской системы, вслѣдствіе трудныхъ путешествій Ледебура (281) и его спут-

(281) C. Fr. v. Ledebour Reise d. d. Altai-Gebirge und die Soongarische Kirghisenstpepe 1826. Berlin 8. II. Th. 1829.

никовъ Мейера и Бунге, также какъ и важныхъ и поучительныхъ, хотя и ограниченныхъ нѣкоторыми отдѣльными пунктами, линіями и територріями, изслѣдованій Ал. Гумбольдта, Д-ра Гесса, Д-ра Ад.Эрмана и др. То же самое должно замѣтить и объ измѣреніяхъ высотъ и опредѣленіяхъ широтъ и долготъ, совершенныхъ этими упомянутыми и другими русскими физиками и астрономами (282), которыхъ результатами обязаны мы нѣкоторымъ частнымъ сообщеніямъ. Изъ путешествій Тимковскаго получаемъ мы нѣкоторыя свѣдѣнія о части этой обширной горной системы, лежащей къ Ю. отъ Байкала и объ отношеніяхъ ея къ плоскогорію. Наконецъ обработка монгольскихъ и китайскихъ историческихъ и географическихъ источниковъ Шмидтомъ, и въ особенности Аб. Ремюза и Клапротомъ, дало намъ уже возможность познакомиться со всею обширною горною страною гораздо подробнѣе чѣмъ прежде.

Алтайская горная система, говоритъ Ал. Гумбольдтъ (283), окружаетъ истоки Иртыша и Енисея; къ В. отсюда называется она *Танъ-ну*; между озерами Хоссоголемъ и небольшимъ Средиземнымъ моремъ, Байкаломъ — *Саянскими горами*; еще далѣе *Высокимъ Кентеемъ и Даурскими горами*; наконецъ на С.-В. къ ней примыкаютъ *Яблоновой хребетъ*, *Хинганъ-Тунурикъ* и *Алданскія горы*, направляющіеся къ Охотскому морю. Средняя географическая широта этого, простирающагося отъ З. къ В. хребта 50—51 1/2°. Собственно Алтай занимаетъ только протяженіе въ 7° долготы; но мы называемъ всю окраину великаго нагорья внутренней Азіи, выполняющую пространство между 48° и 51° с. ш. *Алтайскою горною системою*, потому-что несложныя названія легче удерживаются въ памяти, а изъ составныхъ ча-

---

(282) F. v. Schubert. Anleitung zu den Berechnungen einer trigonometrischen Aufnahme und zu den Arbeiten eines topographischen Bureau's nebst Hulfstafeln. Petersb. 1826. 8, гдѣ Tab. XXXII содержитъ новѣйшія въ себѣ опредѣленія широтъ и долготъ.

(283) A. v. Humboldt üb. die Bergketten und Vulcane von Inner-Asien Pogg. Ann. B. 94. 1830 p. 6—13; Nouv. Ann. Vol. IV. p. 224—234.

стей этой системы Алтай наиболѣе извѣстенъ Европейцамъ своими металлическими богатствами.

Ограничиваясь этимъ, какъ кажется, счастливо избраннымъ и вошедшимъ въ общее употребленіе терминомъ, мы желаемъ избѣгнуть сбивчивости, происходящей въ географіи отъ произвольныхъ названій. Сбивчивость эту хотѣли мы устранить уже и прежде, хотя тщетно и ошибочно (Erdkunde Th. I. erste Aufl. S. 451 etc.), потому-что, по примѣру другихъ, какъ напримѣръ Гмелина и Палласа, старались удержать и дать опредѣленное значеніе неправильнымъ названіемъ большаго и малаго, низкаго и высокаго Алтая и т. д., что въ своемъ мѣстѣ уже замѣтилъ и Ледебуръ ([284]). Русскія карты не перестаютъ употреблять такія вводящія въ заблужденіе названія, какъ напримѣръ „Малый Алтай" и т. д., не имѣя на то достаточнаго основанія. Мы же, убѣжденные доводами Гумбольдта, избѣгаемъ ихъ по возможности совершенно, потому-что Гумбольдтъ при всѣхъ своихъ путешествіяхъ въ западной и южной части Алтайской горной системы, около горныхъ городовъ Змѣиногорска, Риддерска и Зыряновска нигдѣ не нашелъ въ употребленіи у Азіятцевъ и Русскихъ имени „Малаго Алтая", которымъ въ географіяхъ и описаніяхъ означается русская часть горнаго хребта, на С. отъ линіи, образуемой теченіемъ рѣкъ Нарыма и Бухтармы; и слѣдовательно названіе это ошибочно и даже противно природѣ этого хребта. На изданной С.-Петербургскимъ Топографическимъ Депо въ 1825 генеральной картѣ Сибири, также какъ и на Сибирскихъ губернскихъ картахъ, часть хребта между Зайсаномъ и Телецкимъ озеромъ, простирающаяся отъ Ю.-З. къ С.-В., мимо истоковъ Бухтармы и Чуи до Біи и Абакана, названа Малымъ Алтаемъ, а горы, лежащія далѣе къ Ю. между Верхнимъ Иртышемъ и Джабганомъ, Большимъ Алтаемъ.

Относительно такого названія замѣчаетъ уже Ал. Гумбольдтъ ([285]), что если называть горную массу, лежащую боль-

(284) Ledebour Altai-Reise Th. I p. 271 II 114.

(285) Ueber Jnner-Asien l. c. p. 7.

шею частію въ Томской губерніи и заключающую въ себѣ часть Русской Сибири между $79^3/_4$ и 86^0 в. д. отъ Парижа ($99^3/_4$ — 106^0 с. д. отъ Ферро) и между $49^1/_4$ и $55^1/_2{}^0$ в. ш., Малымъ Алтаемъ, то этотъ Малый Алтай, и по объему своему, и по абсолютной высотѣ, вѣроятно гораздо значительнѣе Большаго Алтая, котораго положеніе и существованіе, какъ отдѣльной снѣжной цѣпи, очень загадочно. Арроусмитъ совершенно произвольно нанесъ его на свою карту Азіи, и какъ онъ, такъ и его ослѣпленные послѣдователи, означаютъ именемъ Великаго Алтая вымышленное продолженіе Тянь-Шаньской системы, которое они проводятъ безъ всякаго основанія отъ Хомуля (Хами) и Баркюля къ С.-В. съ восточныхъ истоковъ Енисея, къ горамъ Танъ-ну. Поводомъ къ такому заблужденію послужили: направленіе водораздѣла между притоками Орхона на В. и степнаго озера Эхе-Аралъ-Норъ (т. е. Большое озеро съ островами) при Гобдо-Хото, а также несчастная привычка изображать высокія цѣпи горъ тамъ, гдѣ разграничиваются между собою водныя системы. Если бы, говоритъ Гумбольдтъ, кто и желалъ удержать на нашихъ картахъ внутренней Азіи названіе Большаго Алтая, то этимъ именемъ пришлось бы означить высокій горный хребетъ, имѣющій совершенно противоположное направленіе отъ Ю.-В. къ С.-З. и простирающійся между правымъ берегомъ Верхняго Иртыша и упомянутымъ Эхе-Аралъ-Норомъ, въ который впадаетъ р. Джабганъ; направленіе этого хребта между хребтомъ Танъ-ну на С. и Тянь-Шанемъ на Ю. было бы въ такомъ случаѣ паралельно съ направленіями обоихъ хребтовъ. На этой-то гипотетической линіи начертанъ Большой Алтай, на русской генеральной картѣ Сибири 1825 г., что не подтверждается впрочемъ никакими прямыми наблюденіями. Только Ледебуръ замѣчаетъ (286), что крестьяне, обитающіе въ Томской губерніи, на границахъ упомянутаго Малаго Алтая, называютъ Алтаемъ весь лежащій отъ нихъ къ Ю. и Ю.-В. внѣ русскихъ владѣній, округъ не занятый

(286) Ledebour Altai. Reise I p. 270.

Русскими деревнями, но предоставленный Калмыкамъ; а потому Алтайскій хребетъ дѣйствительно можетъ быть распространенъ тамъ и совпадать съ упомянутыми гипотетическимъ изображеніемъ, хотя ближайшая природа этихъ мѣстностей съ русской стороны осталась для насъ совершенно неизвѣстною.

Вообще названіе Алтая вошло довольно поздно въ употребленіе между русскими обитателями Сибири и писавшими объ этой странѣ: оно еще не встрѣчается въ Atlas Russicus, изданномъ Петербургскою Академіею Наукъ въ 1745 году въ 20 отдѣлахъ: Избрандъ Айдесъ (1704) и Штраленбергъ (1730) также не употребляли его; даже въ путешествіи I. Г. Гмелина въ Сибирь (1733 — 1747) не встрѣчаемъ мы ни слѣда этого названія, и только въ своей Flora Sibirica 1747 T. I. p. XX ограничиваетъ онъ имя Алтая горною цѣпью между Иртышемъ и Обью. Также въ исторіи Турко-Татаровъ Абульгази-Хана (1660) (287), изданной въ переводѣ въ первый разъ въ 1726 году, упоминается уже объ Алтаѣ, при раздѣлѣ Монгольскаго царства въ правленіе Хубилай-хана, гдѣ положеніе страны, доставшейся внуку хана Джагатая—Алгу, означается тѣмъ, что она лежала между Алтаемъ и рѣкою Аму (Гигономъ). Примѣчаніе переводчика дало первое опредѣленіе положенію этого Алтая на верхнемъ Иртышѣ, и послужило кажется источникомъ различія Малаго и Большаго Алтая, отъ котораго эти названія вошли во всеобщее употребленіе. Тамъ еще сказано, что часть Кавказа, простирающаяся прямо отъ Иртыша съ Японскаго моря, называемая Татарами Тугра-Тубуслукъ, даетъ отъ себя двѣ вѣтви, сопровождающія Иртышъ по обоимъ берегамъ его вверхъ до озера Зайсана; онѣ называются „Великимъ и Малымъ Алтаемъ“. Очень вѣроятно, что Рашидъ-Эддинъ, персидскій авторъ Монгольской исторіи, уже и прежде употреблялъ это названіе, заимствованное изъ бывшихъ ему до-

(287) Abulghasi Hist. généalogique des Ta[illegible]rs, trad. Leyde 1726. 8. p. 385 Not. a etc.

ступными, хорошихъ источниковъ. Абульгази, сдѣлавшій только извлеченіе изъ сочиненія своего предшественника, заимствовалъ его данныя объ Алтаѣ, потому-что уже Рашидэддинъ принималъ этотъ горный хребетъ за границу ([288]) между землями Турковъ и живущихъ на С. отъ нихъ Кемъ-Кемчутовъ (т. е. Киргизовъ на Кемѣ или Енисеѣ), гораздо прежде отдѣленія Джагатая отъ Монгольскаго царства.

Во всякомъ случаѣ названіе не ново, потому-что эта горная страна уже въ первыхъ столѣтіяхъ нашего лѣтосчисленія была обитаема народами турскаго племени и называлась Алтаемъ, въ чемъ согласуются сказанія Византійцевъ VI вѣка и современныя имъ китайскія лѣтописи. Турское племя, очень извѣстное въ исторіи внутренней Азіи (см. выше стр. 134), подъ именемъ Ту-кюэ (т. е. Турковъ по китайскому правописанію), побѣдоносно ([289]) возвысилось въ срединѣ VI вѣка надъ своими прежними притѣснителями Яу-Янь, въ подданствѣ которыхъ оно находилось и для которыхъ всегда приготовляло оружіе. Ихъ предводитель Туменъ принялъ титулъ кахана, назвалъ себя Иль-ханомъ и сдѣлался съ 852 года по Р. Х. основателемъ могущественнаго царства Ту-кюэ (552—703), котораго властители имѣли пребываніе на Алтаѣ близь верхняго Иртыша. Оттуда устрашали они Китай и Персію частыми набѣгами къ В. и З., и состояли въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Константинополемъ. Такъ третій преемникъ Тумена властвовалъ уже надъ всею страною отъ Китая до Каспійскаго моря и отъ озера Байкала до Тибета, а западные его летучіе отряды, преслѣдуя отказавшихъ въ платежѣ дани Аваровъ, проникли черезъ Волгу до Меотиса (Азовскаго моря) и оттуда отправили первое посольство (562 г.) къ византійскому двору. Вслѣдствіе того императоръ Юстинъ II, въ 569 году послалъ своего восточнаго префекта Земарха къ кахану этихъ Турковъ черезъ Согдіану, гдѣ послѣдній

---

(288) D'Ohsson Hist. d. Mongols T. I. p. 6, 71, 73 not. etc.
(289) Klaproth Tabl. histor. de l'Asie p. 99, 115.

встрѣтилъ ихъ купцовъ, продававшихъ желѣзо. Посольство Земарха познакомило насъ съ тогдашнимъ мѣстопребываніемъ тукюэсскихъ властителей на Алтаѣ. Византійцы ([290]) называютъ народъ *Турками* и утверждаютъ, что прежде они были извѣстны подъ именемъ Сакенъ. Земархъ нашелъ ихъ кахана (Chaganum) Дизабула (Ди-цзу-бу-ли у Китайцевъ) въ горахъ, называемыхъ ими Эктагъ или Эктель, что̀ значитъ золотыя горы. Въ одной долинѣ золотыхъ горъ находилась главная резиденція кахана. Онъ принялъ Византійцевъ какъ кочевникъ, на тронѣ, въ палаткѣ, поставленной на колесахъ, а потомъ уже давалъ имъ пиршества въ своей шелковой палаткѣ и въ деревянныхъ домахъ съ вызолоченными колоннами и другими украшеніями. Настоящее же названіе горнаго хребта, искаженное Греками, есть Алтай, что̀ на туркскомъ языкѣ ([291]) значитъ золото, подобно тому какъ Алтынъ на монгольскомъ. Можетъ быть такое названіе хребта произошло отъ почетнаго титула Алтынъ-хана (или Алтынъ-кахана у Шмидта) Гинеи, т. е. золотыхъ властителей ([292]).

Очевидно, что съ распространеніемъ туркскаго племени могло распространиться и названіе Алтая. Существовало ли оно какъ почетный титулъ, по причинѣ мѣстопребыванія здѣсь кахана, или произошло отъ того, что тогда, какъ и нынѣ ([293]), въ такъ называемомъ Большомъ и Маломъ Алтаѣ, т. е. на С. и Ю. отъ пограничной рѣки Нарыма, въ самомъ дѣлѣ добывался благородный металлъ, или отъ обѣихъ вышесказанныхъ причинъ? Замѣчательно, что по свидѣтельству Гумбольдта, это названіе существуетъ и въ Тянь-Шанѣ, хотя вся система никогда не означалась этимъ именемъ; онъ говоритъ, что еще въ настоящее время далѣе на Ю. подъ 46° с. ш., почти въ меридіанѣ

(290) Menander p. 151, 152; Theophanes Byzant. p. 22 въ J. G. Stritter Memoriae populor. etc. e Scriptor. Historiae Byzantinae Petropoli 1770 4. T. III. p. 49 etc. cf. Klaproth Mem. rel. à l'Asie. T. II p. 384.

(291) Klaproth Tabl. hist. de l'Asie p. 116.

(292) D'Ohsson Hist. des Mongols T. I. p. 81. not.

(293) A. v. Humboldt Ueber Jnner-Asien l. c. p. 9. not.

*

Пиджана и Турфана, одна высокая гора носитъ монгольское название Алтаинъ-пиро, т. е. вершина Алтая. Весьма вѣроятно, что это имя было распространено соплеменниками Турковъ, обитавшими на В. до Амура, и было употребляемо здѣсь для означенія горъ, служившихъ резиденціею ханамъ. А потому то же названіе встрѣчается въ Тянь-Шанѣ и даже было впослѣдствіи въ употребленіи у Монголовъ и Китайцевъ съ перемѣною и переводомъ, обусловленными различіемъ ихъ языковъ, для означенія резиденціи и отечества рода Чингисханова, отчего самыя различныя горныя цѣпи, часто очень далеко другъ отъ друга отстоящія, были принимаемы авторами за отрасли Алтая.

Къ этому-то Алтаю на Иртышѣ, который, отъ вышесказанной исторической мѣстности, можемъ мы означить специальнымъ именемъ Эктагъ-Алтая, указывающимъ на упомянутое посольство, о которомъ говоритъ и Абульгази, относится описаніе Дегиня (294). Дегинь впрочемъ не прибавляетъ никакихъ новыхъ данныхъ объ этомъ хребтѣ, а говоритъ тѣми же словами, что Большой и Малый Алтай простираются по обѣимъ сторонамъ верхняго Иртыша къ озеру Зайсану и теряются на В. въ степи Гоби, а названіе ихъ Алтынъ означаетъ золото, почему они и по-китайски называются Гинь-Шань, т. е. золотыя горы. Они лежатъ, какъ кажется, присовокупляетъ Дегинь, въ 5,000 ли (475 г. м.) на З. отъ Каракорума, но нѣкоторыя ихъ вѣтви не столь отдалены. Замѣтимъ однакоже, что такъ какъ разстояніе отъ Алтая до Каракорума едва ли превосходитъ 200 г. м., то описаніе Дегиня очевидно принадлежитъ къ очень неопредѣленнымъ.

Восточная вѣтвь Алтая, по свидѣтельству Дегиня, составляетъ гора, называемая Ту-гинь или Ту-гинь-Шань, которая, по ошибочной гипотезѣ Дегиня, лежитъ при истокѣ Иртыша и около которой нѣсколько десятилѣтій позднѣе утвердилъ свое мѣстопребываніе турецкій каханъ Хе-ду, принявшій титулъ Ха-пулой Хана: впрочемъ положеніе упомянутой горы Туги-нь намъ навѣрное

---

(294) Deguignes. Gesch. der Mongol. T. p. 1 p. 56 и Einleitung p. 214.

неизвѣстно. Пат. Гобиль упоминаетъ о горѣ Ту-гинь подъ 45° 46′ с. ш. и 12°-13° на З. отъ Пекина, т. е. близь меридіана Каракорума и слѣдовательно гораздо далѣе на В.: однако Аб. Ремюза ([295]) справедливо спрашиваетъ: на какихъ наблюденіяхъ основалъ Патеръ это опредѣленіе? По изслѣдованіямъ Аб. Ремюза упомянутая Тугинь находится близь Каракорума и есть вѣроятно то же, что тамошній Алтай Марко-Поло: это тѣ самыя горы, которыя служили резиденціею не только монгольскимъ и туркскимъ Каханамъ, но даже и Шань-юямъ племени Хунну (см. ниже Каракорумъ). Ханы, стоявшіе въ главѣ 4-хъ вѣтвей, на которыя распалось, со времень хана Ха-пу-люй. Ту-кюэское царство, пребывали въ этомъ горномъ хребтѣ отъ Иртыша до рѣки Тулы ([296]) и праваго ея притока Орхона до Селенги. На сей послѣдней рѣкѣ кочевала восточная орда, называемая Аньло, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ простираются горы, названныя въ позднѣйшихъ исторіяхъ временъ Чингисъ-хана — Алтаемъ.

Здѣсь, въ 200 г. м. далѣе на В., въ окрестностяхъ древняго Каракорума, на Тулѣ, Орхонѣ и Селенгѣ, вошло въ исторію полвѣка позднѣе то же названіе Алтая. Оно относилось впрочемъ къ гораздо менѣе опредѣлимой мѣстности и употреблялось въ самомъ общемъ смыслѣ въ отношеніи къ властвующей монгольской династіи. Династія эта побѣдоносно соединила всѣ туркскія и татарскія племена, сокрушила престолъ династіи Гинь, по-монгольски Алтынъ-хановъ ([297]), въ сѣверномъ Китаѣ (отъ монгольскаго алтынъ, т. е. золото), превратила древнюю столицу Турковъ Хой-ху, Холинъ, лежащую въ этихъ горахъ, въ свою резиденцію, подъ именемъ Каракорума, и избрала эти горы, названныя Алтаемъ или золотыми ([298]), мѣстомъ своего погребенія. Алты на туркскомъ и монгольскомъ діалектахъ означаетъ золо-

(295) Ab. Remusat Rech. sur la ville de Karakorum, p. 274.

(296) Klaproth Tabl. hist. de l'Asie, p. 119.

(297) Ssanang Ssetsen, p. 380.

(298) Schmidt Ssanang Ssetsen Mongol. Gesch. p. 285. Not. p. 421; D' Ohsson Hist. des Mongols I p. 89. not. Klaproth. Mem. relat. á l'Asie, T. II. p. 331.

то: по калмыцки и бурятски Алтанъ: по ново-турксĸи Алтынъ. Алтай-алинь, отъ алинь — по монгольски гора, означаетъ золотыя горы. Отсюда произошло у Монголовъ, по свидѣтельству Шмидта — слово Алтынъ-ханъ; а у Китайцевъ, часто избѣгающихъ буквы *л*, также какъ и буквы *р*, — Антай вмѣсто Алтай ([299]). Напротивъ того на китайской картѣ Гоби ([300]), почерпнутой Аб. Ремюза изъ Су-хунъ-канъ-лу, горы при источникахъ Селенги означены названіемъ А-лу-тай. Во всей оригинальной Монгольской исторіи Цананъ-Цецена имя Алтая встрѣчается только одинъ разъ, именно когда дѣло идетъ о гробницѣ Чингисъ-хана, о которой до сихъ поръ было много сомнѣній: для разрѣшенія ихъ, мы уже сдѣлали выше нѣсколько указаній. Вотъ что̀ говоритъ именно монгольскій авторъ ([301]): „Такимъ образомъ трупъ властителя былъ погребенъ въ мѣстности Эхе-уйтекъ, между тѣнистою стороною Алтай-хана и солнечною Кентей-хана. По вышеприведеннымъ причинамъ, вытекающимъ ясно въ топографическомъ отношеніи изъ описанія пути торжественнаго погребенія, мы не можемъ согласиться съ заключеніемъ переводчика, полагающаго что мѣсто это было Алтынъ-Шань близъ Хуанъ-Хэ. Въ выраженіи: „между тѣнистою стороною“ не находимъ мы никакого опроверженія нашему мнѣнію, потому что не считаемъ новѣйшее понятіе „Алтайской горной системы“ тождественнымъ съ мѣстнымъ почетнымъ названіемъ Алтая, въ этой мѣстности. Напротивъ всѣ остальные авторы и исторіи подтверждаютъ намъ, что этотъ Монгольскій Алтай, золотая гора, служившая гробницею міровому завоевателю, именно лежала вблизи древней столицы Турковъ Хойху, т. е. Холина (Каракорумъ), между истоками Тулы и Кэрулена, подобно тому, какъ упомянутый Эктагъ-Алтай находился недалеко отъ столицы Турковъ Ту-кюэ въ верховьяхъ Иртыша. Въ послѣднемъ мѣстѣ дѣйствительно найдено множество укра-

(299) Abel Remusat Rech. sur la ville de Karakorum, p. 51.
(300) Abel Remusat Rech. sur la ville de Karakorum, p. 28.
(301) Ssanang-Ssetsen p. 109 и not. 61 p. 389.

шенныхъ золотомъ гробницъ древнихъ княжескихъ родовъ, между-тѣмъ какъ гробницы при истокахъ Тулы и Кэрулэна до сихъ поръ остались неоткрытыми. Дегинь приводитъ одно мѣсто изъ военной исторіи Монголовъ ([302]) въ которомъ упомянуто, что при хребтѣ Алтаѣ (Китайцы говорятъ при хребтѣ Шао, вѣтви Алтая) встрѣтились войска Чангисъ-хана и Ванъ-хана, но что оба князя разошлись и съ тѣхъ поръ (1203 г.) первый изъ нихъ удалился къ Тулѣ и Онону. Показанія М. Поло несомнѣнно доказываютъ, что мѣстность эта у Монголовъ была извѣстна подъ именемъ Алтая (у Рамузіо Алтай, у Мюллера Алтай), а Китайцы ([303]) уже въ древнія времена перевели это названіе Гинь-Шанемъ, т. е. золотою горою. М. Поло говоритъ: Чингисъ-ханъ былъ погребенъ въ горѣ Алтаѣ ([304]). Въ послѣдующей главѣ онъ присовокупляетъ, что всѣ великіе ханы его рода также погребались въ горѣ Алтаѣ, въ какомъ бы разстояніи оттуда ни умирали, даже въ 100 дняхъ пути. Изъ третьяго мѣста его сочиненія слѣдуетъ, что гора эта лежитъ недалеко отъ монгольской столицы и сѣвернаго края плоскогорія; онъ говоритъ ([305]): „оставивъ Каракорумъ и гору Алтай — гробницу монгольскихъ государей, и направляясь къ С., достигнемъ до равнины Баргу (Сибири), которая находится въ 60 дняхъ пути оттуда“ и т. д. Гробницы эти у другихъ авторовъ называются различными именами, означающими впрочемъ ту же самую мѣстность, къ которой мы возвратимся при спеціальномъ топографическомъ описаніи; но мы уже достигли своей настоящей цѣли, указавъ главные источники, изъ которыхъ вошло въ употребленіе названіе Алтая. Турки и Монголы ввели его въ торжественное употребленіе, но совсѣмъ не въ географическомъ смыслѣ и не для означенія об-

---

(302) Deguignes Geschichte der Mongolen Th. III. p. 18.

(303) Въ Кит. Гос. геогр. sect. 349 fol. 14; въ Klaproth mém. rél. à l'Asie, T. II. p. 381.

(304) M. Polo ed. Ramusio lib. I. c. 43. fol, 14. и ed. Marsden. ch. 44. p. 195. not. 375 p. 199.

(305) Ibid. c. 49. fol. 15 b. и c. 50 p. 220.

ширной, непрерывной горной цѣпи: потому-что дѣйствительно безчисленныя горныя цѣпи, распространяющіяся между обѣими туркскими резиденціями извѣстны у туземцевъ подъ другими безчисленными, различными названіями. Только съ южной стороны китайскіе географы совокупляютъ систематически для удобства обзора въ своихъ лѣтописяхъ и географіяхъ, съ своей точки зрѣнія, многія отдѣльныя вѣтви, въ одну систему Гинь-Шаня или Алтая, точно также какъ съ сѣверной стороны пытались сдѣлать то же самое, хотя гораздо позднѣе, русскіе географы, по примѣру Палласа и Фалька. Въ этомъ отношеніи очень наглядно выразился (въ 1771 г.) великій естествоиспытатель-путешественникъ Палласъ, при посѣщеніи русской металлоносной части Алтая, около Колывани (306), и съ его выраженіемъ согласуется и вышеприведенное опредѣленіе Алтайской горной системы Гумбольдтомъ. Эти горы (Колыванскій Алтай), говоритъ Палласъ, составляютъ начало богатаго металлоноснаго Алтайскаго хребта, простирающагося приблизительно отъ Ю.-З. къ С.-В., къ Оби и далѣе, вдоль сѣвернаго края высокаго и широкаго главнаго хребта, составляющаго естественную границу между Русскою Имперіею и Китайскими и Джунгарскими степями. Главный хребетъ этотъ расширяется все болѣе и болѣе къ В. черезъ сѣверную Азію, и получаетъ отъ Иртыша до Оби вполнѣ заслуженное названіе Алтайскаго, а отъ Оби до Енисея Саянскаго хребта: за послѣднею изъ этихъ рѣкъ выполняетъ онъ значительную часть ширины Сибири, и продолжается непрерывно между Амуромъ и Леною до Восточнаго Океана, такъ что безспорно можетъ почитаться однимъ изъ величайшихъ хребтовъ земнаго шара. „Уже изъ этой характеристики слѣдуетъ, что главные отдѣлы Алтайской горной системы, въ ихъ внѣшнихъ пространственныхъ отношеніяхъ, обусловливаются только гидрографическими сѣтями. Причину этого должно искать въ томъ, что по долинамъ кочуютъ номады съ своими стадами и здѣсь же пер-

(306) P. S. Pallas Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches, Petersb. 1773. 4. Th. II. p. 510.

вопачально дѣлаются осѣдлыми. А потому въ этомъ горномъ лабиринтѣ можно только оріентироваться по большимъ рѣчнымъ системамъ съ ихъ главными и побочными долинами, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока еще неизвѣстно ихъ внутреннее строеніе и не изслѣдованы въ полной связи законы и явленія геогностическаго ихъ состава — цѣль, до которой далеко еще не достигли существующія наблюденія. Иртышъ съ Зайсаномъ, Енисей, Селенга съ Байкаломъ и Амуръ въ своихъ верховьяхъ суть четыре большія рѣчныя системы, раздѣляющія сѣверный склонъ Алтая на три главныя группы, разграниченныя верхними ихъ частями: раздѣленія эти означаются у нынѣшнихъ обладателей Маньчжуровъ, также какъ у Монголовъ и Китайцевъ, различными названіями, и мы удержимъ ихъ здѣсь, потому-что они уже укоренились въ ихъ литературѣ, исторіи и географіи и притомъ же кажутся намъ природосообразными.

I. Отъ Иртыша и Зайсана на С.-В. къ верхнему Енисею до его истока, оттуда южнѣе (въ меридіанѣ 116°—117° В. д. отъ Парижа), къ истокамъ Селенги и Джабгана (къ Гобдо-Хото) въ направленіи къ небольшому горному озеру Сангинъ-Далай — *Алтай* (въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ).

II. Отъ истока Енисея и сосѣдняго озера Коссогола, по полукруглой водораздѣльной области рѣкъ Эхэ, Каратала, Селенги, Тамира, Орхона, Тулы, которыя всѣ вмѣстѣ изливаются на С. въ Байкалъ черезъ посредство Селенгинской долины *Ханъ-гай или Хангай* (куда причисляется и гора при Каракорумѣ).

III. Отъ истоковъ Тулы и Кэрулэна (къ Амуру), т. е. меридіана 126° в. д. отъ Ферро и 106° в. д. отъ Парижа на В. — *Кентей-Хнаъ* или *Хин-ганъ* (см. Т. I. ст. 276), далѣе къ среднему теченію Нигоды и Шилки съ русской стороны, называемый *Даурскими горами*, а еще далѣе къ В. извѣстный подъ разными другими наименованіями.

Три эти горныя группы одной обширной горной системы, расположены въ слѣдующемъ порядкѣ отъ З. къ В., по сѣвер-

ной окраинѣ нагорной Азіи: *Алтай*, *Хангай* и *Кентей-ханъ* съ *Хинганомъ*. Онѣ описаны въ Маньчжурской Государственной Географіи очень поучительно, хотя чисто топографически. Такое описаніе имѣетъ для насъ двойную важность: какъ потому, что оно составлено очевидцами, такъ и потому, что очевидцы эти знакомились съ горною системою съ южной ея стороны. Мы изложимъ это описаніе здѣсь, тѣмъ болѣе что оно значительно пополнитъ и измѣнитъ воззрѣнія русскихъ наблюдателей съ сѣверной стороны, къ которымъ мы перейдемъ впослѣдствіи тѣмъ съ большею пользою. Тоже описаніе послужитъ къ исправленію Д'Анвилевой картографической номенклатуры (такъ напр. Д'Анвиль означаетъ въ Монголіи горные хребты маньчжурскимъ словомъ *алинь*, вмѣсто монгольскаго Ола и т. д.) и Палласовой горной теоріи (307), основанной на неполныхъ извлеченіяхъ и ошибочныхъ переводахъ изъ упомянутой Государственной Географіи (308) и на невѣрныхъ показаніяхъ Джунгаровъ.

---

§ 35.

Изложеніе I.

Три горныя группы: Алтай, Хангай и Кентей-ханъ съ Хинганомъ, по Китайской Государственной Географіи.

Да-цынь-и-тунь-чжи или великая Императорская Государственная географія Маньчжурской династіи изд. 1790 г., въ отдѣлѣ описанія Монголіи, привезенномъ изъ Пекина въ Европу, и переведенномъ отцомъ Іакинфомъ, а исправленномъ Клапротомъ, представляетъ описаніе трехъ горныхъ группъ и пересѣкающихъ ихъ водныхъ сѣтей, заключающее въ себѣ важнѣйшія данныя объ этихъ

(307) Pallas Observations sur la formation des montagnes et les changements arrivés au globe 1777, въ Acta Academica petropolitana. P. I. 1777.

(308) Altaische Gebirgsbeschreibung aus dem Chinesischen Buche Daizyntun-Dschi übers. von Rossochin in Pallas. N. nord. Beiträge. T. p. I. p. 223. etc.

странахъ. Мы приведемъ его здѣсь во всей полнотѣ, только не въ китайскомъ порядкѣ отъ В. къ З., но въ противоположномъ направленіи. сообразно съ избранною нами послѣдовательностью.

I. *Западная группа—Алтай.*

1. *Алтай-Ола* (309) (Altaiin Ooľa) или горы Алтай. по китайски назывались въ древности Гинь-Шань или Золотыя горы. Онѣ лежатъ къ С.-З. отъ рѣки Тесъ, текущей на З. въ озеро Убса (Oupsa-Omo у Д'Анвиля). Алтай простирается къ 150 г. м. (2,000 ли). Онъ такъ высокъ. что достигаетъ млечнаго пути и снѣгъ на его вершинахъ не таетъ даже лѣтомъ. Алтай есть значительнѣйшая изо всѣхъ горъ: самая высокая его вершина лежитъ къ С.-З. отъ озера. называемаго Убса-Норомъ. Отъ него отдѣляются многія вѣтви. между которыми четыре особенно значительны.

1-я Алтай или Алтаинъ-Ола. направляется къ С. отъ теченія Иртыша (Эрциса) въ Русское царство. Въ другомъ мѣстѣ о ней сказано: Алтай лежитъ къ С.-В. отъ города Чугучака (въ Тарбагатаѣ). Его восточное начало есть гора Бицзя-Даванъ (Bitsi-Daban), въ области Чинъ-Си-фу (Баркюлѣ): оттуда онъ простирается мимо Курту-Давана и извиваясь продолжается далѣе. Объ этой намъ неизвѣстной мѣстности присоединено примѣчаніе, что Курту-Даванъ (Дабанъ по монгольски. Даванъ по туркски означаетъ не гору. а горный проходъ: такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о западной дорогѣ. то симъ именемъ могутъ означаться горные проходы и даже долины) лежитъ въ $7^1/_2$ г. м. (100 ли) къ С.-З. отъ Гурби-Давана и образуетъ вмѣстѣ съ нимъ одну и ту же цѣпь: Кара-Иртышъ (Кара-Эрцисъ). т. е. верхній истокъ Иртыша. течетъ по его западной сторонѣ. Это то самое мѣсто, которое на Русской генеральной картѣ Сибири 1825 г., означено именемъ горы Богдо. Восточныя его вершины. присовокупляетъ Государственная Географія. суть самыя высокія и крутыя, и со-

(309) Essai géogr. et ethnogr. sur la Mongolie Timkowsky Voy. T. II. ch. XV. p. 207—205; cf. N. Annales de Voy. IV. Not. p. Klaproth. p. 296—300.

ставляютъ вѣнецъ всѣхъ горъ сѣверной провинціи (Бай-лу), т. е. на С. отъ Тянь-Шаня. На В. отъ этой Алтайской цѣпи, лежитъ древняя страна Халхасовъ, а на З. Джунгарія. Въ 1755 императоръ Кянь-Лунь послалъ сюда мандарина для принесенія жертвы духамъ горы и эта церемонія повторяется теперь каждый годъ. А потому эти горы описаны съ большой точностью, подобно Чанъ-ба-Шаню.

2) Вторая вѣтвь, *Танъ-ну*, или *Танну-Ола* (оставшаяся безъ названія у Д'Анвиля) лежитъ на С.-В. и на Ю. отъ Енисея (въ древности Кемъ) на сѣверномъ берегу рѣки Тесъ, въ 75 геог. м. (100 ли) отъ озера Убса и простирается на С.-В. къ сѣверному склону Хан-гая до озера Коссогола, а на Ю.-В. распространяется къ рѣкѣ Селенгѣ. До сихъ поръ вѣтвь эта была малоизвѣстна: она простирается на Ю.-В. въ прямомъ направленіи къ прежнему монгольскому городу Кара-коруму. У древнихъ Китайцевъ называлась она также Танъ-лу; высокія вершины ея покрыты снѣгомъ ([310]). Подъ именемъ Танъ-Мана была она съ древнѣйшихъ временъ этнографическою границею между обитавшими на Ю. отъ нея туркскими народами, и на С. русоволосыми и голубоглазыми Хакасами или Киргизами индо-германскаго племени, слившимися впрочемъ очень рано съ Турками Хой-ху. Халхасъ-Монголъ, распрашиваемый въ 1698 г. Патеромъ Жербильономъ на Орхонѣ, объ этой горной цѣпи ([311]), называлъ ее Танну и сказывалъ, что изъ нея беретъ начало Селенга.

3) Третья вѣтвь есть *Уланъ-гумъ* (Oulangoum) или *Уланъ-гомъ-Ола* (Oulancon Alin у Д'Анвиля), лежащая только въ 100 ли (7½ геог. м.) далѣе къ Ю., и простирающаяся отъ В. къ З. до озера Киргизъ-Нора (Kirkir Omo у Д'Анвиля), котораго сѣверную сторону она окружаетъ. Къ Ю.-В., образуетъ она горы Беркинакъ-Кукэ-Ола, а къ Ю. гору Онги-Ола (на картахъ

(310) Asia polyglotta p. 210, 232: Tableaux hist. de l'Asie p. 69.
(311) y Du Halde IV p. 522.

Онъ-гу-Ола). Упомянутая Кукэ-Ола (312) есть безспорно тотъ самый кряжъ, о которомъ говорилъ Патеру Жербильону на рѣкѣ Орхонѣ много странствовавшій Халхасъ-Монголъ въ своемъ описаніи горъ этой страны, какъ о самой значительной горной цѣпи между Китаемъ и Хангаемъ: онъ сказывалъ, что она лежитъ въ равномъ разстояніи отъ обѣихъ (1.200 ли, т. е. 90 геог. м.), уступаетъ имъ высотою и называется Кокоемъ. Съ ея южнаго склона беретъ начало рѣка Кунгей (Conguey у Д'Анвиля) или Кунгей-голъ (голъ по-монгольски значитъ рѣка), а на С.-В. Укей (Ouhai у Д'Анвиля) или Укей-голь (обѣ притоки Джабгана съ правой стороны), текущія на З. къ Эхе-аралъ-Нору. Далѣе на С. (а по нашимъ картамъ на С.-В.) лежитъ гора Малга или Малаха-Ола (Malhan Alin у Д'Анвиля), на ю.-в. склонѣ которой лежатъ истоки Бургасутая (Pourhastai у Д'Анвиля) или Бургасутай-Гола (верхній правый истокъ Джабгана, Tchabakan-pira у Д'Анвиля). Далѣе къ С.-В. лежатъ высокія горы, изъ которыхъ вытекаютъ притоки Кара-гола (текущаго въ Селенгу): еще далѣе къ С.-В. хребетъ достигаетъ до сѣвернаго склона Хангая и окружаетъ истоки рѣкъ Хатунь-голъ (Кассуй?) и Тамиръ (принадлежащій къ системѣ Селенги). Здѣсь-то именно и должно искать линію столкновенія западнаго Алтая и восточнаго Хангая на водораздѣлѣ принадлежащихъ имъ рѣчныхъ бассейновъ.

4) *Внутренній Алтай.* Четвертой главной вѣтви Государственная Географія не даетъ никакого особаго названія: но изъ описанія слѣдуетъ, что подъ нею подразумѣвается внутренній Алтай, т. е. та часть Алтайской системы, которая наиболѣе приближена къ сѣверной сторонѣ Тянь-Шаня. Мы можемъ ознакомиться съ нею только изъ китайскихъ описаній, потому-что не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о странѣ, которую прежде наполняли отъ Ю. къ С. гипотетическимъ поперечнымъ хребтомъ Богдо. Китайское описаніе заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

(312) P. Gérbillon Voy. VIII, y Du Halde IV p. 520.

Четвертая главная вѣтвь Алтая направляется къ Ю. и тянется непрерывно, дѣлая нѣсколько извилинъ. Съ западняго ея склона берутъ начало девять рѣкъ: 1) Нарынъ-Голъ (на русскихъ картахъ Нарымъ); 2) Кур-цынъ-Голъ или Куйцылъ (*), на русскихъ картахъ Курчумъ. (у Д'Анвиля Hourchin); 3) Халютай-Голъ (Haleoutou у Д'Анвиля); 4) Кеске-Голъ или Ахаръ (**); 5) Борджи-Голъ на русскихъ картахъ Корджу. (***) (у Д'Анвиля Porji); 6) Каба-Голъ (у Д'Анвиля Haba pira); 7) Киранъ-Голъ (у Д'Анвиля Kiran-pira) (****); 8) Кара-Иртышъ-Голъ или Кара-Эрцисъ (у Д'Анвиля Hara-Ertchis) и 9) Ку-Иртышъ-Голъ или Ху-Эрцисъ (у Д'Анвиля Ho-Ertchis). Все это притоки правой стороны верхняго Иртыша отъ его верховьевъ до самой пограничной русско-сибирской рѣки Нарыма, съ которой китайскій географъ и начинаетъ свое перечисленіе. По нашей оріентировкѣ принадлежатъ онѣ къ ю.-з. склону внутренней Алтайской цѣпи, совпадающей здѣсь съ простирающимся на югѣ отъ Бухтармы и Нарыма вышеупомянутымъ Эктагъ-Алтаемъ, который служилъ коренны мъ мѣстопребываніемъ туркскихъ племенъ во времена Дизабула, великаго хана Ту-гюэсцовъ. Китайцы же, какъ очевидцы, были знакомы съ этими мѣстностями гораздо ранѣе, прежде нежели поселились здѣсь Тугюэ, а именно при преслѣдованіи ими въ эту страну Хунновъ. Уже въ 90 г. по Р. Х. (313), по свидѣтельству ихъ лѣтописей, проникъ сюда съ В. съ своимъ войскомъ китайскій полководецъ Кенъ-гуй, при преслѣдованіи Хунновъ къ З. до горы, называемой Гинь-вей, въ которой находятся источники Иртыша; здѣсь Хунны были совершенно разбиты и разсѣяны, и Шаньюй ихъ убитъ въ бѣгствѣ. Слѣдовательно точное знаніе Китайцами этихъ, намъ разумѣется

(*) Курчумъ и Куйцылъ на картѣ Клапрота суть два различные притока Иртыша. *Пр. Пер.*

(**) Ахаръ-Башъ на картѣ Клапрота. *Пр. Пер.*

(***) Калджиръ на картѣ Зап. Сибири, Khadjair Bach на картѣ Клапрота. *Пр. Пер.*

(****) Крапъ на картѣ Зап. Сибири. *Пр. Пер.*

(313) Tabl. hist. de l'Asie.

очень мало извѣстныхъ пространствъ. не можетъ ни удивить насъ, ни возбудить недовѣрчивости къ ихъ показаніямъ.

Далѣе, упоминается въ Государственной Географіи, что съ восточной стороны хребта текутъ истоки Каркара-Гола (Karkira-pira у Д'Анвиля; онъ не изображенъ на русскихъ картахъ), а на Ю. отъ него Хобду-Гола (Hoptou у Д'анвиля, Гобдо на русскихъ картахъ): эта послѣдняя рѣка имѣетъ очень краткое теченіе на С.-В. къ Эхе-аралъ-Нору.

Затѣмъ хребетъ поворачиваетъ къ В.: на его сѣверномъ склонѣ беретъ начало Баянду-Голъ (Poyantou у Д'Анвиля) и течетъ на С.-З. къ Эхе-аралъ-Нору. На его южной сторонѣ вытекаютъ Буланъ-Цингиль-Голъ или Цингаръ (Poulatsinguir у Д'Анвиля) и Джактай-Голъ (Arietey у Д'Анвиля); эти степныя рѣки имѣютъ краткое теченіе къ Ю. З. и соединяясь подъ именемъ Урун-гу (Ouroungou, Ouroun-ou у Д'Анвиля) текутъ въ озеро Кызылъ-башъ (Kisilbas-omo у Д'Анвиля). Далѣе на В. лежитъ Алтай-алинъ-дюбе (Altai-alin toubé у Д'Анвиля) т. е. хвостъ или оконечность Алтая (dubé по-маньчджурски означаетъ хвостъ, кончикъ листа, оконечность всякой вещи) которому, Д'Анвиль на своей картѣ во многихъ мѣстахъ далъ разныя наименованія. Хотя здѣсь Китайская географія полагаетъ конецъ Алтая (въ меридіанѣ между Урумчи и Баркюлемъ, почти въ равныхъ разстояніяхъ отъ обоихъ, около 110^0 в. д. отъ Ферро или 90^0 в. д. отъ Парижа), однакоже она еще продолжаетъ свое описаніе. Въ переводѣ отца Іакинфа ([314]) сказано вообще: далѣе къ В. оканчивается Алтайская цѣпь, но различныя меньшія вѣтви продолжаются еще къ великой степи Гоби и образуютъ на Ю.-В. горы Гурбанъ-Сайканъ. (Courban saikan Alin у Д'Анвиля къ Ю.-З. отъ Онгинъ-бира и предполагаемаго имъ Каракорума). на Ю. горы Номохонъ-Ола, а на В. Онбургунъ-Ола. Сіи послѣднія лежатъ уже очень далеко на В. подъ 123^0 в. д. отъ Ферро или 103^0 в. д. отъ Парижа по картамъ Д'Анвиля, и нельзя не удивляться что въ описаніи сдѣланъ та-

---

(314) Timkowsky Voy. T. II p. 232.

кой быстрый скачекъ въ 13° долготы или 130 г. м. Очевидно что это произвольный пропускъ, недостатокъ критической обработки и точнаго указанія на сообщенное. Упрекъ этотъ можно часто дѣлать упомянутому сочиненію; что очень вредитъ пользованію имъ, потому-что тѣмъ самымъ порождаются нерѣдко гораздо большія ошибки и заблужденія, нежели еслибы о малоизвѣстномъ было совершенно умалчиваемо.

Къ счастію для нашего изысканія Клапротъ выполнилъ этотъ пробѣлъ пополненіемъ перевода (315). На Ю.-В. оттуда (отъ упомянутаго Алтай-Алинъ дзбе) находится гора Тайхири-Ола (Taicher-Alin у Д'Анвиля). Еще далѣе къ Ю.-В. цѣпь раздѣляется (около 112° в. д. отъ Ферро и 47° с. ш.) на двѣ вѣтви, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ образуютъ двѣ линіи черныхъ облаковъ и служатъ границею песчаной степи. Сѣверо-восточная называется Куке-Сирхе-Ола (Koukė-sirkė-Alin у Д'Анвиля) и тянется къ С.-В. до Баянъ-Ола (Payen-Alin у Д'Анвиля), горной цѣпи, лежащей на Ю.-В. отъ верховьевъ рѣки Джабгана и составляющей водораздѣлъ между этою западною и другою сосѣднею степною рѣкою Байдарикъ. Юго-восточная линія упомянутыхъ черныхъ облаковъ называется Дуте-Даванъ (Toute Tabahan у Д'Анвиля), далѣе Бутай-Ола (Putai-Alin у Д'Анвиля): у западной ея подошвы находится истокъ Тугурикъ-Гола (Tegouric у Д'Анвиля), небольшой степной рѣки, текущей въ небольшое озеро. Далѣе на Ю.-З. цѣпь эта называется Бурханъ-Ола (Pourkan-Alin у Д'Анвиля) и Хонгоръ-адзирганъ-Ола (Congore-Agirhan-Alin) у Д'Анвиля). Горы этой цѣпи продолжаются еще на 1.000 л. далѣе и проходятъ черезъ песчаную степь, гдѣ носятъ названіе Арбанъ-Хойоръ-Дача-Хада (т. е. 12 скалъ Дача) (Harbon-ho-yor-tatcha-Hata у Д'Анвиля). Это та самая мѣстность, вблизи и къ Ю.-В. отъ которой, Д'Анвиль по своей гипотезѣ, опровергнутой впрочемъ Аб. Ремюза, изобразилъ на своихъ картахъ положеніе монгольской столицы Каракорума. Къ сожалѣнію мы не знаемъ ничего опредѣленнаго о природѣ этой мѣстности.

(315) Annales des Voyages, IV not 5. p. 299.

Отсюда Государственная Географія перечисляетъ еще нѣсколько пунктовъ. Далѣе къ Ю.-В, говоритъ она, вершины этой цѣпи, на которую можно смотрѣть только какъ на рядъ холмовъ, проходящихъ черезъ плоскогоріе, а не какъ на высокія горы, называются Гурбанъ-Сайканъ-Ола (Gourban-Saikan-Alin у Д'Анвиля); на Ю. оттуда находится гора Номохонъ-Ола (Nomohon-Alin на картѣ Д'Анвиля подъ 43° с. ш.). Патеръ Гобиль, въ своихъ географическихъ опредѣленіяхъ широтъ и долготъ, даетъ, основываясь на наблюденіяхъ китайскихъ посольствъ въ Джунгаріи въ половинѣ XVIII вѣка, подъ рубрикою: „Конецъ Алтайскаго Хребта" ([316]) слѣдующее опредѣленіе: 46° 20 с. ш. 20° 20′ з. д. отъ Пекина, т. е. 93° 42′ в. д. отъ Парижа, что вполнѣ согласуется съ изображеніями нашихъ лучшихъ ландкартъ. Отсюда на З. отъ этихъ горъ, говоритъ онъ, обитаютъ Элюты, на В. же начинаютъ распространяться Халхасы. Присовокупленныя вслѣдъ за тѣмъ положенія истоковъ Иртыша 48° 4′ с. ш. 92° 32′ В. д. отъ Парижа, Оби 49° 30′ с. ш. 95° в. д. отъ Парижа и Енисея 53° с. ш. 100° 2′в. д. отъ Парижа, не совершенно точны. Въ Государственной Географіи сказано, что въ Гоби оканчивается упомянутая линія черныхъ облаковъ, которая отъ оконечности Алтая (Altai-Alin-dubé) или отъ меридіана 112° в. д. отъ Ферро можетъ быть разсматриваема уже не какъ высокая горная цѣпь, но какъ разорванный рядъ холмовъ, проходящій нѣсколько разъ, развѣтвляясь черезъ высокую Гоби. Сей послѣдній кряжъ холмовъ отстоитъ отъ высокаго горнаго хребта Инь-Шаня при сѣверной оконечности изгиба Хуанъ-Хэ къ С.-З. не болѣе какъ на 30 г. м.: пространство впрочемъ все выполненное самыми безплодными частями песчаной и каменистой степи Гоби, о которыхъ было упомянуто выше и черезъ которыя еще проходятъ ряды холмовъ, какъ увидимъ ниже.

Изображенные здѣсь на Д' Анвилевой картѣ пункты суть только станціи китайской почтовой линіи; они означены вдоль всей сѣ-

(316) P. Gaubil Mem. Géogr. въ P. Souciet Observat. astron. math. etc. Paris 1729. 4. p. 144, 179.

верной подошвы упомянутаго длиннаго ряда холмовъ, тянущагося черезъ самую непривѣтливую часть Гоби до Туй-гола, рѣки, текущей на Ю. съ Хан-гая. Этой-то дорогѣ обязаны мы вышесказанными наименованіями, и осмѣливаемся предполагать, что это былъ путь внѣшняго западнаго крыла той арміи, которую Фэй-янъ-гу-бэй, полководецъ императора Каньхи въ 1696 г. направилъ противъ Галдана Элютовъ въ тылъ непріятелю, съ цѣлію истребить его на рѣкѣ Тулѣ (см. Т. I. ст. 720). Во всякомъ случаѣ это была не въ первый разъ пробитая дорога, потому-что уже въ I вѣкѣ по Р. Х. китайскія лѣтописи свидѣтельствуютъ, что холмы упомянутаго Номохонъ-Ола посреди степи, во время владычества на ней Хунновъ, сдѣлались для нихъ классическою почвою и несли на себѣ ихъ трофеи. Въ 89 году по Р. Х. китайскій полководецъ Теу-Хянъ ([317]) одержалъ при горѣ Ки-лю, принадлежащей къ Номохону, столь блистательную побѣду надъ Хуннами, что 81 изъ ихъ ордъ признали себя данниками Китая. Полководецъ проникъ еще далѣе къ С. до горы Янъ-Янъ—древнее названіе Хан-гая и на вершинѣ ея поставилъ надпись, въ которой была описана его побѣда (Дегинь утверждаетъ, что надпись была поставлена на другой горѣ Ки-лу-шань, лежащей неподалеку оттуда). Слѣдовательно и здѣсь наблюдатели могли бы еще найти слѣды прошедшаго: а этотъ путь къ Хан-гаю былъ уже извѣстенъ Китайцамъ за 1700 лѣтъ.

На Ю. отъ обѣихъ цѣпей, столь характеристически для этихъ печальныхъ пустынь называемыхъ Черными, ограничивающими Гоби облаками, находятся многіе подобные ряды холмовъ: о томъ свидѣтельствуетъ продолженіе китайскаго текста описанія. Тамъ сказано: на Ю. отъ части цѣпи, называемой, какъ выше сказано, Хонгоръ-Адзирганъ-Ола лежатъ горы: Кечкине-Ола (Kitchikene-Alin у Д'Анвиля), Бай-Хонгоръ-Ола (Paihongour-Alin у Д'Анвиля) и Джассату-Ола (Tchalutou-Alin Д'Анвиля): онѣ соединяются въ Итату-Ола (Ytoatou-Alin у Д'Анвиля). Въ 6 же г.

(317) Klaproth Tabl. hist. de l'Asie, p. 109; Deguignes Gesch. der Hunnen Th I. p. 60.

м. (80 ли) на Ю. отъ сей послѣдней лежитъ Т'янь-Шань или Небесный Хребетъ, направляющійся съ З., поворачивающій послѣ нѣсколькихъ изгибовъ къ Ю.-В. и проходящій степь Гоби на протяженіи 75 г. м. (1,000 ли). На В. отсюда лежитъ еще гора Хорготу-Ола (Horhoton-Alin у Д'Анвиля), находящаяся въ связи съ Сегунъ-Кальджанъ-Ола (Sekoen-haltchan-Alin у Д'Анвиля: можетъ быть тоже самое что Гарджанъ). Сія послѣдняя (лежащая въ меридіанѣ Нинъ-хя) простирается на 15 г. м. (200 ли) къ С. до вышеприведенной южной оконечности цѣпи Куке-Карaронъ-Ола; къ Ю. же всѣ эти горы проходятъ черезъ песчаную степь Гоби и соединяются на С. отъ изгиба Хуанъ-хэ, огибающаго землю Ордосовъ, въ хребетъ Гарджанъ или Инь-шань, къ сѣверу высокій и снѣжный, а къ югу, къ долинѣ Хуанъ-хэ, богатый лѣсами, какъ это видно было изъ нашего описанія (см. Т. I ст. 616).

Только мимоходомъ замѣтимъ мы, что съ С.-З. склона упомянутаго Инь-шаня, къ холмистой части, лежащей сзади его и слабо понижающейся къ С.-З. плоскости высокой Гоби, течетъ въ этомъ направленіи степная рѣка Сира-муренъ, доказывающая несомнѣнно малую относительную высоту ряда упомянутыхъ холмовъ, въ сравненіи съ высотою горнаго хребта Инь-шаня.

II. *Средняя группа Ханъ-гай.*

Хан-гай-Ола(318) Hangai-Alin у Д'Анвиля, (Hang-hay-han у Тулишена) лежитъ къ С. отъ истока Орхона (Orgon-Pira у Д'Анвиля) и составляетъ границу сѣверной окраины Гоби въ 150 г. м. (2,000 ли) прямо на С. отъ города Нинъ-хя (см. Т. I. стр. 487) и въ 37 г. м. (500 м.) на С.-З. отъ рѣки Унъгинъ-Муренъ (Onguin Pira у Д'Анв). степной рѣки, текущей прямо къ Ю. отъ южнаго склона Хан-гая, и теряющейся посреди песчаной степи Гоби. Этотъ хребетъ есть вѣтвь Алтая, направляющаяся съ С.-З.: онъ распространяется на В. къ рѣкамъ Орхону

(318) Tai-Thsing-y-Thoung-chi въ Timkowsky Voy. II. p. 230; Nouv. Ann. de Voy. IV. p. 300. Not. 6; Tulischen Narrative въ Staunton p. 31.

*

и Тулѣ и ихъ притокамъ, а отсюда далѣе къ В. къ хребту Кентей или великому Хин-гану (Khingħân).

Отъ Хан-гая отдѣляется къ З. вѣтвь, простирающаяся на С. подъ именемъ Кукэ-Даванъ (Coukou-Tabahan у Д'Анв.); она окружаетъ верхнюю Селенгу съ притоками ея, принимающими въ ней свое начало: потомъ продолжается еще на 1000 ли. (75 г. м.) въ русскія владѣнія. Орхонъ и Тамиръ — южные, правые притоки Селенги, принимаютъ также свое начало въ этомъ горномъ хребтѣ который у древнихъ Китайцевъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Янъ-Янъ-Шаня.

Послѣ сего показанія Государст. Георафія перечисляетъ отдѣльныя названія горъ, которыя она не называетъ ни отраслями, ни цѣпями. Это суть очевидно имена меньшихъ или большихъ горныхъ кряжей, изъ которыхъ ни одинъ не принадлежитъ ни къ снѣжнымъ, подобно сѣверному Танъ-ну, ни даже къ относительно высокимъ. Къ счастію это перечисленіе составлено такъ, что по немъ, вмѣстѣ съ указаніемъ гидрографическихъ сѣтей сихъ странъ, показанныхъ на китайскихъ спеціальныхъ картахъ, можно оріентироваться въ сей столь малоизвѣстной странѣ, довольно удовлетворительно для этого обширнаго, до сихъ поръ запутаннаго поля, и достаточно для нашихъ географическихъ, этнографическихъ, также какъ историческихъ потребностей. Мы перечислимъ ихъ для указаній, прибавляя къ отдѣльнымъ даннымъ примѣчанія другихъ китайскихъ источниковъ, которые даютъ свѣдѣнія объ этихъ мѣстностяхъ, и изложимъ ихъ, согласно съ принятыми нами правилами, въ порядкѣ ихъ положеній отъ С.-З. къ Ю.-В.

1) Самымъ сѣвернымъ пунктомъ Хан-гая Государственная Географія почитаетъ озеро *Коссоголъ* (у Д'Анвиля Houssou-kor-nor), къ С. отъ котораго уже начинаются русскія владѣнія, а къ З. горы, называющіяся Алтаемъ или Танъ-ну. Озеро лежитъ къ З. Ю. З. отъ западной оконечности Байкала, на самой русско-сибирской границѣ, подъ 51° с. ш., въ 45 г. м. (600 ли.) отъ Селенги и имѣетъ 15 часовъ (100 ли.) окружности. Въ срединѣ его лежитъ большой островъ съ горою Кой-Болдокъ

(Hoai-paldac-Alin у Д'Анв.); изъ него течетъ къ Ю.-В. Эхэ, самый сѣверный, лѣвый притокъ Селенги, текущей на Ю. отъ него съ З. на В. и принимающей свое начало 6-ю источниками на высокомъ гребнѣ Хан-гая.

2) *Озеро Сан-гинъ-далай* (Sanguin-Talguin-Nor у Д'Анв.) лежитъ на этомъ высокомъ гребнѣ, котораго составныя горы называются Орбеги (Orbekin Alin у Д'Анв.): озеро имѣетъ отъ 7 до 8 часовъ (100 ли.) окружности, хотя оно и называется Далаемъ, т. е. моремъ; изъ него не вытекаетъ ни одной рѣки: на В. отъ него, въ горахъ Орбеги, лежатъ источники Селенги.

3) Къ Ю.-В. въ его сосѣдствѣ лежитъ еще меньшее озеро Улджейту-чаганъ-норъ (Ouljeitou-Tchagan-Omo у Д'Анв.), изъ котораго вытекаетъ рѣка Чолоторъ (или Tsilotou, Tschilotou-Pira у Д'Анв.), текущая къ В. и впадающая въ Селенгу. Хребетъ горъ, отдѣляющій ее отъ сосѣдней рѣки Эдеръ, называется Урту-Юай; онъ лежитъ къ Ю.-В. отъ горъ Орбеги.

4) Между Селенгою и вышеупомянутымъ ея притокомъ Эхэ простираются отъ С. къ Ю. горы Найманъ-Ола (Namana-Alin у Д'Анв.), далѣе къ Ю.З Халдзунъ-Бургутай (Arjan-Pourgoutey-Alin уД'Анв.), а на З. отъ него, между рѣкою Караталомъ (Karatal-Pira у Д'Анв.) на С. и р. Эдеромъ на Ю. цѣпь горъ Эрцитъ.

5) Къ Ю. отъ Селенги течетъ Орхонъ: оба берутъ начало на З. на высокомъ гребнѣ Хан-гая, направляются сначала въ своемъ паралельномъ теченіи къ В., а потомъ, постепенно сближаясь, къ С.-В. Между обѣими, въ промежуткѣ подобномъ Мессопотаміи, направляются также къ В. паралельныя имъ рѣки, какъ напр. Кассуй на С.-В. въ Селенгу и Тамиръ на Ю.-В. въ Орхонъ. Изъ горныхъ кряжей Госуд. Географія упоминаетъ здѣсь объ Ундурѣ (Ouendour-Houpsoukoul-Alin у Д'Анв.) между южнымъ берегомъ Селенги и р. Кассуемъ.

6) Между рѣками Кассуемъ, Тамиромъ и Орхономъ простираются отъ Ю.-З. къ С.-В. группы горъ: Баянъ-Джурукъ (Payen-tsirouke-Alin у Д'Анв.), хребетъ Сайканъ-Ола далѣе къ С.-В., еще далѣе хребетъ Эрухетай-Хубсуль (Erouhetay-Alin у Д'Анв.); хре-

бетъ Бугумъ-кара (Poukon-chara-Alin у Д'Анв.); хребетъ Бурунъ Pourongban-Alin у Д'Анв.), и наконецъ горы Сирхэгунъ и Эрхэту, изъ которыхъ послѣднія лежатъ въ узкой полосѣ земли, образуемой сліяніемъ рѣкъ Орхона и Селенги.

7) Далѣе на Ю. на высокомъ такъ называемомъ гребнѣ Хангая (Hangai-Alin у Д'Анв.) лежитъ Кукэ-Ола или Кукэ-даванъ (Coucou-Tabahan у Д'Анв.), изъ котораго берутъ начало, текущій къ В. истокъ Орхона, на С.-З. Тамиръ, и на Ю.-З. степная рѣка Байдарикъ, направляющаяся на Ю.-З. къ степи Гоби.

8) Къ Ю.-В отъ этого Кукэ-Ола лежитъ горная группа Укеръ-даванъ (Oukek-Tabahan у Д'Анв.), съ которой къ Ю. течетъ степная рѣка Туй; Укеръ значитъ волъ, и слѣдовательно эти горы называются Воловьими.

9) Къ В. оттуда лежитъ гора Ольджету-дулонъ-Кара-Ола (Holjetou-toulan-hara у Д'Анв.): съ нея беретъ начало южный источникъ Орхона, называемый Ульястай (Ouleatai у Д'Анв.) Недалеко отсюда къ Ю.-В. должна находиться гора Кукэ-Цилоту, о которой сказано, что она лежитъ на Ю. отъ Орхона и склоняется по направленію этой рѣки къ В.: въ 15 часахъ (100 ли.) къ В. отсюда на южномъ берегу Орхона есть теплые ключи.

10) Канхи-Хамаръ можетъ быть расматриваема какъ самая крайняя южная группа Хан-гая къ степи Гоби. Ею оканчивается весь хребетъ съ этой стороны почти подъ 47° с. ш. Она образуетъ здѣсь водораздѣлъ, на С. отъ котораго течетъ въ озеро Байкалъ р. Орхонъ, а на Ю. истоки Онгинъ-Мурена (Onguin-Pira у Д'Анв.), большой степной рѣки, пересѣкающей всю ширину Гоби отъ Хан-гая до южной цѣпи Черныхъ облаковъ при Гурбанъ-Сайканѣ. Этотъ Канхи-Хамаръ есть горная цѣпь, полагающая препятствіе теченію Орхона на югъ.

11) Ближайшая отсюда къ С. горная группа Сирха-Адзирганъ (Sirha-Ajirhan-Alin у Д'Анв.), т. е. Лошадиная гора, расположена на правомъ берегу Орхона, къ Ю.-В. отъ него и заставляетъ поворачивать эту рѣку на С.-З. Въ самомъ дѣлѣ теченіе Орхона, до сихъ поръ направленное къ В., изгибается здѣсь короткою

дугою на С. и при самой сѣверной подошвѣ горы къ З. лежитъ храмъ Эрдени-цзао, на правомъ берегу Орхона (46° 57′ 36″ с. ш. и 13° 5′ 25″ з. д. отъ Пекина, т. е. 100° 56′ 35′ в. д. отъ Парижа по опредѣленіямъ Іезуитовъ) (319). Это тотъ самый храмъ, о разрушеніи котораго Галданомъ въ послѣдней войнѣ съ Элютами мы уже упоминали выше. Онъ составлялъ главную святыню Халхасъ-Монголовъ и былъ выстроенъ ихъ ханомъ Абида-Галзаномъ. Ханъ этотъ вслѣдствіе видѣннаго имъ явленія ѣздилъ въ Тибетъ, выпросилъ себѣ тамъ Ламу-Кутухту и воздвигъ въ честь Эрдени или Tres Augusti этотъ храмъ съ Ламайскимъ монастыремъ (320), сдѣлавшійся очень важнымъ, не смотря на свое кратковременное существованіе. Причину этой важности должно искать въ томъ, что онъ былъ основанъ вблизи древней монгольской столицы Каракорума, лежавшей нѣсколько далѣе на С. въ той же самой долинѣ Орхона, гдѣ изгнанная изъ Китая династія Юань, т. е. Чингисъ-ханиды, со времени Ажуршира-Дала-хана (Биликту-Каханъ у Цананъ-Цецена, стр. 137, царств. съ 1371—1378 г.) основали снова свое мѣстопребываніе, и вблизи которой съ того времени всегда жили, на древней освященной почвѣ, какъ халхасскіе князья, такъ и ихъ кутухты.

12) Отъ упомянутой долины, въ которой находился нѣкогда знаменитѣйшій ламайскій монастырь Монголіи, рѣка Орхонъ направляется къ С., принимая въ себя вскорѣ послѣ того съ В. рѣку Тула, и впадаетъ еще далѣе на С. въ Селенгу. Но прежде соединенія своего съ Тулою, Орхонъ отекаетъ еще многія горныя цѣпи, умѣренно возвышающіяся на его лѣвомъ берегу. Онѣ принадлежатъ къ Хан-гаю, но служатъ ему съ этой стороны восточными пограничными столбами; потому-что на восточномъ берегу Орхона горою Дуланъ Кара (321) начинается подъ именемъ Хин-гана обширная восточная группа Алтайской системы.

13. Горы Джанго (Tcham-vou-Alin у Д'Анв.) лежатъ противъ

(319) Duhalde IV Catal. des latit. etc. p. 605; Timkowsky II. p. 229, 237.
(320) Essai sur la Mongolie въ Timkowsky Voy. II. p. 207.
(321) Timkowsky II. p. 228.

монастыря Эрдени-цзао на лѣвомъ или западномъ берегу Орхона. Онѣ отдѣлены отъ прибрежныхъ горъ праваго берега—Сирха-адзирганъ только р. Орхономъ, и составляютъ самую восточную ([322]) часть Хан-гая, отдѣленную здѣсь отъ Хин-гана рѣкою Орхономъ. Однакоже названіе Хан-гая употребляется еще и далѣе для означенія отдѣльныхъ горъ; такъ напр. на В. отъ р. Тулы, передъ станціею Гакча-Кудукъ, въ двухъ дняхъ пути къ В. отъ Урги. Тимковскій ([323]) проходилъ черезъ подобную гору Хан-гай.

14) *Положеніе Кара-корума при Уте-Кянъ.* На С. отъ упомянутаго Джанго течетъ небольшой горный ручей Джирматай (Tsimaratai-Pira у Д'Анв.) на С.-В. въ Орхонъ, а недалеко къ С. оттуда впадаетъ въ Орхонъ съ В. большая рѣка Тамиръ. Посреди этой рѣчной области, къ которой съ В. притекаетъ р. Тула, лежитъ гора У-те-кянъ. Между ею и р. Орхономъ (въ древности Суенъ-хэ), былъ разбитъ постоянный лагерь Хой-хэ, предводителемъ ихъ Фило ([324]) въ VIII вѣкѣ (744 г.). Изъ него возникла столица Холинъ, столь прославленная впослѣдствіи Монголами подъ именемъ Каракорума и оставшаяся такъ долго по положенію своему сомнительнымъ пунктомъ. Такое положеніе города Холина было означено на оригинальной китайской картѣ, начерченной во время владычества Монголовъ въ Китаѣ, съ цѣлію изобразить различныя мѣста, въ которыхъ, въ разныя времена имѣлъ свое пребываніе дворъ монгольскихъ государей. Карта эта приложена къ I-му тому Су-хунъ-кянълу, Хао-кяй-хана (Чао-юань-п'инъ у Клапрота), т. е. Исторіи Монголовъ на китайскомъ языкѣ, изданной Аб. Ремюза ([325]) и разъясненной его въ высшей степени поучительными изысканіями. Это положеніе совпадаетъ съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ Д'Ан-

(322) Timkowsky II. p. 323.
(323) Timkowsky, I p. 157.
(324) Timkowsky, II. p. 226.
(325) Carte du grand desert et des pays voisins etc. въ Ab. Remusat Recherches sur la ville de Karakorum 4. Paris 1825, p. 1—58.

виль въ своей специальной картѣ tab. VIII, означилъ на западномъ берегу Орхона неизвѣстный намъ впрочемъ Талархэ-кара-балгасунъ 47° 32′ 24″ с. ш. и 13° 21′ 30″ з. д. отъ Пекина, т. е. 100° 40′ 30″ в. д. отъ Парижа, по опредѣленію Iезуитовъ (326). Но имя это кажется Абелю Ремюза искаженнымъ отъ кара—черный и балгасунъ—городъ (327). Другой лежащій вблизи оттуда нѣсколько далѣе къ С. и астрономически опредѣленный пунктъ есть Байзири-Буриту, по значенію котораго можно также было бы предполагать, что онъ совпадаетъ съ положеніемъ древней монгольской столицы, о чемъ впрочемъ Аб. Ремюза полагаетъ свои изысканія неоконченными. Онъ лежитъ по монгольскимъ наблюденіямъ подъ 48° 23′ 50″ с. ш. и 13° 29′ з. д. отъ Пекина, т. е. 100° 33′ в. д. отъ Парижа. Разрушеніе города, отсутствіе извѣстныхъ развалинъ и изысканій на мѣстѣ, затрудняетъ опредѣленіе положенія древняго Каракорума. Даже положеніе горы У-те-кяна извѣстно намъ на столько, на сколько оно слѣдуетъ изъ мѣстнаго описанія города. Тамъ сказано (328): на В. отъ Каракорума лежатъ необработанныя равнины, на З. гора У-те-кянъ, на Ю. городъ доходитъ до р. Орхона (Венъ-Куана); на С. же отъ него въ 45 до 52 г. м. (500 – 700 ли.) течетъ р. Селенга (въ древности Сянъ). На ея сѣверномъ берегу стоитъ городъ Фу-гуй (т. е. дорогихъ богатствъ. Дегинь принимаетъ его за Селенгинскъ), а къ С. и С.-В. простираются снѣжныя горы и пихтовые и березовые лѣса. Слѣдовательно гора У-те-кянъ (У-те-кянъ-шань у Дегиня) безспорно лежитъ на З. (329) отъ Кара корума и принадлежитъ къ восточному Монгольскому Алтаю или Алутаю, нынѣ Хан-гаю. По мнѣнію Аб. Ремюза. она тождественна съ тою, которая въ началѣ исторіи Хой-ху является подъ имепемъ Э-ту-кюнъ и Ту-вей-кянъ (Ту-ю-кянъ. по Ки-

(326) Duhalde IX, p. 615.
(327) Ab. Remusat l. c. p. 20, 56.
(328) Ab. Remusat p. 15.
(329) Также по Дегиня исторіи Гунновъ Гл. I. стр. 61.

тайской Госуд. Геор.) ([330]). Вѣроятно всѣ эти названія суть только варіанты горы Ту-кинъ. о которой Ма-ду-ан-линъ упоминаетъ, какъ о мѣстопребываніи кахана Турковъ. Въ окрестностяхъ этихъ горъ властвовали, какъ мы уже упоминали прежде, въ древнія времена шаньюи (князья) Хунновъ. Слѣдовательно всѣ эти князья, подъ различными именами, съ самой глубокой древности смѣнялись одни другими въ одной и той же столицѣ, которую можно справедливо, вмѣстѣ съ Аб. Ремюза, назвать столицею всей Татаріи. Читая исторію этихъ странъ и народовъ, легко убѣдиться, что здѣсь находилось постоянное средоточіе высшаго могущества туркскаго и монгольскаго племени. А потому Аб. Ремюза полагаетъ ([331]), что здѣсь должно быть стеченіе такихъ обстоятельствъ, которыми природа награждаетъ извѣстныя мѣстности, для того, чтобы они оказывали могущественное вліяніе на исторію человѣчества и составляли центральные пункты окрестныхъ націй.

Впрочемъ гора У-те-кянъ принадлежитъ къ хребту, называемому персидскими лѣтописцами Монгольской исторіи Каракорумомъ, а въ Су-хунъ-кянъ-лу горами Хоринъ ([332]), вблизи рѣкъ Орхона, Тулы (Тукула) и Селенги (Силинги); объ этихъ горахъ существуютъ различныя преданія, находящіяся въ связи съ самою древнею исторіею Уйгуровъ, которыхъ первыя сказанія относятся къ этой мѣстности, какъ къ первобытному ихъ отечеству. Значительная роль, которую играла эта мѣстность въ географіи и этнографіи нагорной Азіи, уяснится изъ примѣчаній нашихъ о Каракорумѣ, присовокупленныхъ ниже, потому-что ими вполнѣ исчерпывается спеціальное описаніе средней группы Хан-гая изъ доступныхъ намъ китайскихъ источниковъ. Мы уже сказали выше, что упомянутый Хан-гай былъ очень рано достигаемъ Китайцами съ южной стороны до Янъ-Яна, какъ назывались его высоты съ 1 вѣка по Р. Х.: здѣсь же приводимъ

(330) Timkowsky Voy. II. p. 226.
(331) Timkowsky Voy. II. p. 17.
(332) Klaproth Observations critiques въ Mem. relat. à l'Asie T. II. p. 331.

мы единственное намъ извѣстное описаніе о восхожденіи на него съ В. къ З. Оно заимствовано изъ упомянутаго уже похода Гулагу-Хана въ 1252 г., направившагося изъ Холина или Каракорума черезъ Хан-гай на З. къ Или (Алмалигу). Западную половину этого похода отъ р. Урунгу къ озеру Кызылъ-башъ и р. Или описали мы уже выше: странствовавшій многократно въ этой странѣ Халхасъ-Монголъ(333) полагалъ это разстояніе въ мѣсяцъ пути, принимая каждый день въ 3½ г. м. Въ описаніи похода по Sou-houng-kian-lou, liv. XLII p. 53 (334) сказано: изъ Холина или Каракорума войска переправились черезъ Вусунъ (или У-сунъ, что̀ значитъ по-монгольски вода или рѣка), т. е. вѣроятно черезъ Орхонъ, который прежде всего долженъ былъ встрѣтиться Монголамъ, такъ какъ они шли съ В. Далѣе войска слѣдовали къ С.-З. на 15 г. м. (200 ли). Страна значительно повышается и дѣлается гористою: здѣсь сдѣланъ былъ первый привалъ. Слѣдовательно отсюда войска начали свой переходъ черезъ Хан-гай съ восточной стороны. Далѣе сказано: войска проходили черезъ Ханъ-хай (см. Ab. Remusat p. 42 infr.) *страну, въ которой очень холодно, а снѣгъ не таетъ даже въ самое жаркое время.* На каждомъ шагу встрѣчались горы и скалы и росъ густой хвойный лѣсъ (Pinus). Въ семь дней пути войска прошли этотъ Ханъ-хай: черезъ 28 г. м. (300 ли) страна начала понижаться и войска пришли къ большой рѣкѣ въ нѣсколько ли шириною, называемой Хоэнъ-му-ляномъ (Хоенъ-Мурэнъ, что̀ означаетъ по-монгольски рѣку Хоенъ, по свидѣтельству Пат. Гобиля). Войска переправились черезъ нее (очевидно черезъ р. Джабганъ) въ весельныхъ баркасахъ и въ нѣсколько дней прибыли къ Лунъ-гу, (т. е. Урунг-гу впадающему въ Кызылъ-башъ). Аб. Ремюза присовокупляетъ сюда слѣдующее замѣчаніе: походъ былъ направленъ къ С.-З. черезъ высокую холодную страну, потому-что должно было переходить Алтайскій хре-

(333) Gerbillon Voy. VIII y Duhalde IV p. 522

(334) Ab. Remusat: Rech. sur la ville de Karakorum p. 38 и въ Nouv: Melanges Asiat. I. p. 285. cf. Pat. Gaubil Hist. de Gentchiscan, 1739. 4. p. 126.

бетъ (называемый здѣсь Хан-гаемъ) по сѣверной дорогѣ, той самой, по которой слѣдовали также Плано-Карпини и Рубруквисъ на пути своемъ въ Каракорумъ. Потому-то Монголы должны были проходить тѣ же озера и рѣки. Еслибъ Каракорумъ (сообразно съ предположеніемъ Д'Анвиля) лежалъ далѣе къ югу, то гораздо естественнѣе было бы избрать южную дорогу черезъ бухарскіе города. Относительно Хапъ-хая можно было бы сдѣлать одно возраженіе: этимъ именемъ означаютъ нынѣ Гоби или Песчаное море, что говорило бы въ пользу предположенія Д'Анвиля. Но въ другія времена Ханъ-хаемъ называлось одно изъ озеръ Тартаріи (Сухое море? см. выше ст. 69), вѣроятно расположенное въ Алтаѣ. Когда въ VII вѣкѣ Тай-Цзунъ, по китайскому обычаю, раздѣлилъ страну Хой-хэ на фу и чеу, т. е. губерніи и округи, то страна, въ которой обитало настоящее племя Хой-хэ, получила титулъ Хань-хая. Очень страннымъ кажется намъ совпаденіе двухъ столь сходныхъ названій какъ Ханъ-хай и Хангай въ одной и той же горной странѣ, тѣмъ болѣе, что изъ самаго текста ясно слѣдуетъ, что дѣло идетъ не о песчаной степи Гоби, а о высокой, обширной горной странѣ, сходной своей природою съ упомянутымъ Монгольскимъ горнымъ хребтомъ, поросшей хвойными лѣсами и притомъ очень суровой и во многихъ мѣстахъ покрытой вѣчными снѣгами. Если замѣченное вскользь Абелемъ Ремюза правописаніе Ханъ-хая достовѣрно, то это можетъ навести на предположеніе, что Ханъ-хай былъ смѣшанъ съ настоящимъ названіемъ горнаго хребта Хан-гай, вслѣдствіе описки или оговорки (Халхасъ-Монголъ называлъ горный хребетъ Хан-гаемъ) ([335]). Стаунтонъ ([336]) въ отчетѣ Тулишена называетъ большую песчаную степь Хан-хай, а горный хребетъ Хан-гай-ханъ. Разрѣшеніе всего этого мы предоставляемъ знатоку оригинальнаго текста: наученные обильными его изслѣдованіями, мы рѣдко будемъ имѣть случай основательно уклоняться отъ его выводовъ. — Безъ знанія китайскихъ пись-

(335) Gerbillon Voy. VIII въ Duhalde IV. p. 523.
(336) Tulischen Narrative въ Staunton p. 25, 31.

менъ разумѣется невозможно придти здѣсь къ какому бы то ни-было заключенію.

III. *Восточная группа, Кентей-ханъ или Хин-ганъ.*

Мы переходимъ на В. отъ рѣкъ Орхона и Селенги, давшимъ поводъ народамъ нагорной Азіи установить особую, перешедшую въ исторію номенклатуру, къ с.-в. части хребта окраины, которую мы узнали подъ тѣмъ же именемъ (Хин-ганъ см. Т. I. ст.276), говоря о средней части бассейна Амура и о восточной оконечности высокой Гоби. Описаніемъ этого Хин-гана заключимъ мы нашъ обзоръ сѣверной окраины плоскогорія. Уже съ Орхона начинается названіе Хин-гана, происхожденіе котораго впрочемъ мы не въ состояніи объяснить: прежде всего постараемся схватить наглядно часть, важную въ историческомъ отношеніи, потому-что къ ея обозрѣнію уже легче будетъ присовокупить остальныя.

1. *Горная группа Кентей, т. е. отечество Чингисъ-Хана.* Тула, впадающая на З. въ Селенгу, Кэрулэнъ иОнонъ, текущая на В. въ Амуръ суть главныя рѣки плоскогорія, направляющіяся въ совершенно противоположныя стороны и въ различныя моря, но берущія начало близко другъ отъ друга между 48° и 49° шир., въ одной и той же горной группѣ, которая носитъ главное названіе Кентея. Здѣсь есть гора Кентей-ханъ ([337]) (Kentey-han-Alin у Д'Анв.), на солнечной сторонѣ которой находится, какъ мы уже говорили, по свидѣтельству Цананъ-Цецена ([338]), гробница Чингисъ-Хана, чтимаго теперь за Тенгри или генія-покровителя своего народа; передъ лицомъ этого властителя, по позднѣйшему церемоніалу, восходили на престолъ его преемники. Тайсунъ-Каханъ, искавшій на Кентеѣ убѣжища отъ преслѣдовавшихъ его Ойратовъ, для до-

---

(337) Tay-thsing-y-thoung-tchi въ Timkowsky Voy. II, p. 226. etc.

(338) Mongol. Gesch. p. 109, 147, 193 etc. cf. Gerbillon VIII y Duhalde IV, p. 552.

стиженія этой горы съ Ю. долженъ былъ сначала переправиться на быстромъ своемъ конѣ черезъ рѣку Кэрулэнъ ([339]), но былъ застигнутъ врагами своими въ ущельяхъ и убитъ (1452). Слѣдовательно гора Кентеи лежитъ на С. отъ Кэрулэна близь истоковъ упомянутыхъ трехъ рѣкъ, а юго-восточное ея предгоріе между Онономъ и Кэрулэномъ съ этого предгорія, называемаго Бирга-даба (Parka Tabahany у Д'Анв.), течетъ къ С.-В. р. Бирга-голъ (Parka-Pira у Д'Анв.) впадающая въ Ононъ. По сѣверному склону Кентея, съ котораго р. Чикой течетъ въ Селенгу, проходитъ русско-сибирская граница: слѣдовательно гора эта съ 1727 года ([340]) образуетъ высокій пограничный столбъ, между двумя могущественнѣйшими государствами земнаго шара. Китайская Государственная Географія называетъ эти горы Кентей-Ола или высокій Кентей (Agigue-Kentey-Alin у Д'Анв.) въ сѣверной его части, съ которой текутъ къ Ю. два небольшіе истока Кэрулэна. Эти истоки Кэрулэна лежатъ ([341]), по наблюденію Пат. Жарту въ 1711 году подъ 48° 33′ с. ш. и 7° з. д. отъ Пекина, т. е. 106° 59′ з. д. отъ Парижа; лежащая же близь Урги южная часть Кентея называется Бага-Кентей, т. е. малый Кентей. На сѣверной его сторонѣ беретъ начало рѣка Чуку или Чикой (Tchoukou-Pira у Д'Анв.), текущая въ русскія владѣнія. Между большимъ и малымъ Кентеемъ лежатъ на В. Цзилунъ-Даба (Kilon-Tabahan у Д'Анв.), а на З. -Терельцзи-Даба (Terelki-Tabahan у Д'Анв.), составляющая только часть Кентея, изъ котораго вытекаетъ истокъ Онона, между тѣмъ какъ со склона Бага-Кентея берутъ начало два истока р. Тулы. Въ противоположность съ словомъ *ола*, означающаго высокія горы, названіе *даба* означаетъ переходимые хребты или горные проходы (Даванъ, Дабаханъ). Въ этомъ самомъ Терельцзи-Даба должно искать гору Бурханъ-Ола, т. е. свя-

(339) Ibid. p. 159.

(340) Klaproth Ueber die chinesisch. Russische Grenze im Archiw für Asiatische Litteratur. St. Petersburg 1810. 4. p. 164; Mem. relat. á l'Asie T. I. p. 8.

(341) P. Souciet Observat. astron. mathemat. etc. p. 150.

тую, потому-что на ней, какъ ясно говоритъ Государтвенная Географія, лежатъ истоки Онона: только она не означена на Д'Анвилевыхъ картахъ. Персидскій авторъ Монгольской исторіи, составленной изъ монгольскихъ архивовъ, называетъ эту гору гробницею Чингисъ-хана, между тѣмъ какъ М. Поло ставитъ эту гробницу въ Алтаѣ. Рашид-еддинъ ([342]) говоритъ именно: трупъ Чингисъ-Хана былъ перенесенъ обратно въ Большую Орду, въ прежнія его владѣнія, близъ истоковъ Кэрулэна. Весь великій народъ, говоритъ историкъ нѣсколько далѣе, сопровождалъ трупъ кахана въ великую его родину. Жены и дѣти властителя, сопровождаемыя многочисленною свитою, вышли съ плачемъ и воплемъ, въ глубокой печали, ему навстрѣчу. Но такъ какъ всѣ усилія снять благородный трупъ съ колесницы остались тщетными, то надъ нимъ, говоритъ Цананъ, воздвигнута была на вѣчное время гробница, а около нея выстроены 8 бѣлыхъ зданій (Орду) ([343]) для молитвы и поклоненія. Объ этихъ осьми бѣлыхъ зданіяхъ или Орду упоминалось чаще только впослѣдствіи. Преемники Великаго Хана должны были получать здѣсь свою инвеституру и преклоняться передъ зданіями. Они встрѣчаются подъ именемъ Найманъ-Курэ, т. е. 8 дворовъ или огородовъ, у Абульгази, который почелъ это названіе за имя страны. Съ 1470 г. въ исторіи въ первый разъ употребляется это названіе Орду, для означенія народнаго отдѣла и именно одинъ посолъ названъ Характаномъ-Орду. Шмидтъ съ большимъ вѣроятіемъ предполагаетъ, что это были сановники, которымъ было поручено храненіе Орду — вѣроятно подвижныхъ палатокъ и войлочныхъ юртъ кахана Чингиса. Такъ напр. хранители оставшагося ханскаго имѣнія назывались Урьянханами, а храненіе гробницъ долгое время поручалось стражѣ, состоявшей изъ 1,000 человѣкъ. Но такъ какъ упомянутыя бѣлыя юрты или *орду* Чингисъ-Хана были сохраняемы въ правомъ или

(342) D'Ohsson Hist. des Mongols T. I. p. 287. not. etc.

(343) Ssanang-Ssetsen Mongol. Gesch. p. 109. not. 63, p. 389, p. 185, not. 28, p. 507; p. 201 not. 2 p. 410.

западномъ народномъ отдѣленіи, то, при случившемся позднѣе распаденіи власти, каханы лѣваго или восточнаго отдѣленія, при восхожденіи своемъ на престолъ, должны были ѣздить туда за инвеститурою какъ напр. Дайрайссунъ, Кудапъ, Тайдши въ 1548 г. Уже гораздо позднѣе говорится, что упомянутыя 8 зданій находятся въ странѣ Ордусъ, племени, о которомъ прежде никогда не было рѣчи и котораго начало должно искать въ Кентеѣ. Впослѣдствіи оно вѣроятно переселилось оттуда и такимъ образомъ произошла страна Ордусъ или Ордосъ со внутренней стороны изгиба Хуанъ-хэ, о которой мы уже упоминали выше (Т. I. ст. 477). Здѣсь на Кэрулэнѣ развозили трупъ Чингисъ-Хана по ордусамъ или придворнымъ юртамъ ханскихъ женъ, куда собрались всѣ князья и княжны крови; самые отдаленные прибыли уже черезъ три мѣсяца. Слѣдовательно гробъ, содержащій въ себѣ кости побѣдителя, былъ погребенъ въ Кентеѣ, на одной горѣ, принадлежащей къ цѣпи Бурханъ-Халдунъ (или Бергаду у Д'Оссона ([344]), изъ которой вытекаютъ рѣки Ононъ, Кэрулэнъ и Тула. Дегинь вмѣстѣ съ Абульгази называетъ ее Бурханъ-Калдинъ ([345]) и говоритъ, что самъ завоеватель назначилъ ее семейнымъ кладбищемъ своей фамиліи. Пат. Гобиль, слышалъ отъ современнаго ему монгольскаго князя изъ племени Халхасовъ, что гробница эта находится въ странѣ ([346]) между 48 и 49° с. ш. и 7° и 8° з. д. отъ Пекина, т. е. 106 — 107° 2′ в. д. отъ Пар., что совершенно совпадаетъ съ упомянутымъ Кентейскимъ горнымъ округомъ, который уже значится подъ этимъ именемъ на картѣ д'Оссона, l'Asie au commencement du XIII siecle 1824. Въ другой главѣ своей Hist. p. 54, Пат. Гобиль даетъ нѣсколько другое и болѣе опредѣленное положеніе этой горѣ, именно подъ 47° 54′ С. ш. и 9° 3′ з. д. отъ Пекина, т. е. 104° 59′ з. д. отъ Пар., и присовокупляетъ, что она называется Ханъ (Канъ?).

(344) D'Ohsson Hist. des. Mongols I. p. 9.

(345) Deguignes Gesch. der Hunnen Buch XV. p. 74; Abulghasi Hist. gén. p. 343.

(346) P. Gaubil въ Souciet astron. mathem. etc. p. 146.

Сіе послѣднее положеніе не совпадаетъ ни съ Кентей-Ханомъ на С. отъ Урги, ни съ Ханъ-Ола на Ю. отсюда, какъ она означена на маршрутѣ Тимковскаго. Такъ-какъ и Рашидъ-Эддинъ переноситъ въ двухъ другихъ мѣстахъ положеніе гробницъ этихъ въ окрестности Каракорума, а въ третьемъ, гробницу Чингисъ-Хана въ Пуда-Ундуръ (Нута-Эндоръ по Шмидту) на Селенгѣ, китайская же государственная исторія въ пещеру Кинянъ (347), которой положеніе впрочемъ въ точности не опредѣлено, то для опредѣленія этой замѣчательной мѣстности остается только изслѣдовать памятники на мѣстѣ, для чего еще не сдѣлано ни одной попытки. Тогда-то можно бы было въ точности опредѣлить вышеупомянутую мѣстность Эхе-Уйгекъ, между тѣнистою стороною Алтай-Хана и солнечною Кентей-Хана (см. Т. I. ст. 618), куда Цананъ-Цеценъ переноситъ гробницу Чингисъ-Хана. Также возможно было бы опредѣлить и положеніе двухъ городовъ (348), выстроенныхъ на тѣнистой сторонѣ Алтая, по приказанію императора (хана) Хубилая (съ 1260), если только отъ нихъ уцѣлѣли развалины, о которыхъ говоритъ монгольскій лѣтописецъ; онъ называетъ ихъ Арулунъ-Цага-Балгассунъ и Эрчыгинъ-Лантинъ-Балгассунъ, но мы ничего болѣе не знаемъ объ этихъ развалинахъ.

Также можно было бы опредѣлить и Дурбенъ-П'у-та или Тили-венъ-п'у-та (349) Китайцевъ (Scheli-ven-po-ta-schan у Дегиня) (350), о которомъ упоминается какъ о мѣсторожденіи Чингисъ-Хана (1162 г.), потому-что мѣсто это лежало также на Орхонѣ, слѣдовательно на В. отъ упомянутой гробницы, если оно не совершенно совпадаетъ съ горою гробницъ, какъ то полагаетъ Шмидтъ, переводчикъ монгольской исторіи Цанана. Рашидъ-Эддинъ въ своемъ разсказѣ называетъ мѣсто рожденія Чингисъ-Хана—Дилунъ-Булдакъ (351). Тоже названіе Делигунъ-Булдакъ

(347) Mailla Hist. gen. de la Chine T. IX. p. 128.
(348) Ssanang Sset sen Mongol. Gesch. p. 113.
(349) Chinesische Reichsgeographie въ Timkowsky Ess. de Mongol. II. p. 226.
(350) Gesch. der Hunnen I. Th. p. 60.
(351) D'Ohsson Hist. des Mongols I. p. 30.

употребляетъ и Цананъ-Цеценъ ([352]), говоря объ утвержденіи четырехлопастнаго знамени генія-хранителя Чингисъ-Хана, а скорбная пѣснь горы Мона (см. Т. I. ст. 618), обращаясь къ Чингисъ-Хану, называетъ Делигунъ-Булдакъ на Ононѣ его родиною. Шмидтъ полагаетъ, что названіе это на неисправимомъ китайскомъ языкѣ выражается словомъ Ти-ли-вен-п'у-та и ошибочно принято за имя горы, между тѣмъ какъ находящаяся тамъ гора есть Бурханъ-Халдунъ. Въ географіи династіи Минь ([353]) сказано: Чингисъ-Ханъ жилъ при горѣ Тей-ли-венъ-панъ-то на Вонанѣ (т. е. Ононѣ). На этой горѣ, называемой также Тей-ли-венъ-п'о-та (по правописанію Аб. Ремюза въ китайской Государственной Географіи Да-цынь-и-т'унъ-чжи), родился Тей-му-чинъ, какъ назывался Чингисъ-Ханъ въ юношествѣ передъ вступленіемъ своимъ на престолъ: имя его слѣдовательно тождественно съ названіемъ горы. Изъ согласныхъ между собою монгольскихъ и китайскихъ показаній очевидно что здѣсь на Кентеѣ находилось истинное патріархальное отечество Чингисъ-ханидовъ; здѣсь возникла династія Юань на С. отъ Кюлана (или Кей-лу-ляна), т. е. рѣки Кэрулена, гдѣ кочевали въ то время племена народовъ, управлявшихся предками міроваго завоевателя. Преданіе ([354]) монгольскихъ князей гласитъ намъ слѣдующее объ этомъ предметѣ: нѣкогда жилъ, но гдѣ именно не изъяснено, Дуа-Цохоръ, получившій имя это отъ единственнаго своего глаза, поставленнаго на лбу; не смотря на это онъ могъ видѣть на разстояніе трехъ дней пути (такое одноглазое существо у Скифовъ *арима*, отсюда Аримаспъ, извѣстно Геродоту IV. 27) ([355]). Между пятью племянниками этого циклопа возникъ споръ; младшій изъ нихъ Буданцаръ-Монъ-Ханъ (П'у-

(352) Ssanang-Ssetsen Gesch. der. Mongolen p. 71, 108. Schmidt. not. 21 p. 379.

(353) Ab. Remusat. Rech. sur la ville de Karakorum p. 29.

(354) Ssanang Ssetsen Gesch. der. Mongol. p. 59. not. 21. von Schmidt. p. 374.

(355) Vorhalle Europaeischer Völkergeschichten vor Herodotus von C. Ritter 1820. 8. 282; Grotefend Ueber Arimaspen in Ersch u. Gruber Deutsch. Encyclop.

дуань-ча у Китайцевъ, Бузенгиръ у Арабовъ), сынъ Тенгри, божескаго происхожденія, удалился отъ своихъ старшихъ братьевъ вверхъ по рѣкѣ Онону. Тамъ поймалъ онъ сѣраго ястреба, ловившаго ему для пищи утокъ и гусей. Ночи проводилъ онъ въ тростниковой хижинѣ; напитокъ доставалъ отъ обитавшаго тамъ на свободѣ народа. Имя отца этого истиннаго прародителя монгольскаго царственнаго дома не названо, потомучто онъ былъ Тенгри (духъ), а потому и самый прародитель названъ сыномъ боговъ, а родина его Тэнгили-хулу (у П. Малья) или Тенгри-хура, т. е. небесный дождь (у О. Іакинѳа). Онъ былъ рожденъ матерью своей Алунъ-гуа (гуа или го, т. е. серебристый) чудеснымъ образомъ. Вмѣстѣ съ послѣдовавшими за нимъ братьями, подчинилъ онъ своей власти жителей береговъ Онона, не имѣвшихъ доселѣ властителей, и похитилъ для себя женъ у сосѣдей: такимъ образомъ основалъ онъ родъ Борджигенъ, т. е. сѣроглазыхъ (отъ боро по-монгольски сѣрый). Въ этомъ-то родѣ, у происходившаго отъ основателя его въ десятомъ колѣнѣ Эссугай-Багатура (у Китайцевъ Э-зу-кай) и похищенной въ сосѣднемъ племени Тайчіудъ или Татаръ жены его Эгеленъ-Хатунь, родился ребенокъ съ замѣчательнымъ кровянымъ пятномъ на рукѣ. Родители дали ему имя Тегринъ-огъгуксенъ-Темучинъ т. е. богами дорованный Темучинъ: за нимъ послѣдовало пять другихъ братьевъ. Когда Эссугей, отецъ столь знаменитаго впослѣдствіи Темучина бѣжалъ, вмѣстѣ съ братьями своими, послѣ совершеннаго имъ похищенія невѣсты, отъ ея соплеменниковъ, то она, какъ гласитъ преданіе, не переставала плакать и младшій изъ братьевъ Эссугея сказалъ ей: „мы перешли уже три рѣки и оставили три хребта за собою; не найдти за нами никакихъ слѣдовъ, кругомъ насъ ничего не видно; твои вопли не будутъ услышаны!“ Эгеленъ услышавъ эти слова, уже молча продолжала путь. Упомянутыя рѣки были вѣроятно Кэруленъ, Тула, Ононъ; ихъ слѣдовало перейти для достиженія Кентея, къ которому принадлежала гора Дурбенъ-Гута, убѣжище, избранное для рожденія Чингисъ-Хана.

*

Здѣсь находимся мы уже на классической почвѣ исторіи юношества великаго монгольскаго героя. Его прапрадѣдъ, потомокъ Буданцзара въ шестомъ колѣнѣ, Тумбагай у Цананъ-Цецена или Хайду ([356]) у Китайцевъ, уже распространилъ, по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, власть свою на З. отъ Орхона, потому-что избралъ своимъ мѣстопребываніемъ долину Ба-ло-хо-кэй или Ба-ла-хо на Черной рѣкѣ, гдѣ устроилъ прекрасный мостъ для переправы. Объ этомъ Хайду монгольскій лѣтописецъ однакожъ и не упоминаетъ, и мы даже не могли бы опредѣлить положеніе рѣки, еслибъ она не была изображена на изданной Аб. Ремюза китайской картѣ Су-хунъ-Кянъ-лу, по показанію которой она течетъ на С.-З. отъ Холина въ Орхонъ и соотвѣтствуетъ Тамиру или какой-нибудь болѣе южной рѣкѣ. Въ этой мѣстности, гдѣ Ванъ-Ханъ Кераитовъ распространилъ впослѣдствіи свою власть, сдѣлавшись обладателемъ Холина, разыгралась исторія не юношества Темучина, а болѣе зрѣлаго его возраста. Театръ же юношескихъ похожденій Темучина простирался на В. отъ Кентея, вдоль Онона и Кэрулэна до Буиръ-Нора (Біуръ-Навера у Абульгази), гдѣ обитали враждебныя татарскія племена, которыя тщетно старался подчинить себѣ воинственный отецъ его Эссугей. Здѣсь на Сали, одномъ изъ истоковъ Ванапа (Онона), недалеко отъ Тулы, Темучинъ побѣдилъ перваго враждебнаго себѣ монгольскаго предводителя. Когда же Татары возстали противъ владычества царствовавшихъ тогда въ сѣверномъ Китаѣ Ю-чжи (Нюй-Чжень) или династіи Гинь, и услышавъ о первомъ подвигѣ Темучина, вступили съ нимъ въ союзъ, то онъ, по точному свидѣтельству исторіи, покинулъ берега Онона ([357]). По выходѣ изъ отроческихъ лѣтъ Темучинъ уже до перваго своего брака умертвилъ ([358]) брата своего Бехтера. Тогда войско Тайчіудовъ, пылая кровавымъ мщеніемъ,

---

(356) Ab. Remusat Rech. sur Karakorum p. 29.

(357) D'Ohsson Hist. des Mong. I. p. 35.

(358) Ssanang Ssetsen Mongol. Gesch. p. 67; нѣсколько иначе повѣствуетъ, по монгольскимъ авторамъ D'Ohsson въ Hist. des. Mong. T. I. p. 32.

окружило мѣстопребываніе Темучина и требовало его выдачи; но мать скрыла его. Онъ бѣжалъ въ большую пещеру на Ононѣ, но слѣды его были открыты и стража приставлена ко всѣмъ выходамъ. Девять дней Темучинъ пытался выйти изъ пещеры, наконецъ былъ схваченъ и заключенъ въ желѣзныя оковы и поведенъ далѣе. Но когда, въ одну лѣтнюю ночь, стражи заснули, Темучинъ разорвалъ свои оковы, убилъ стражей цѣпью и спасся бѣгствомъ, укрываясь въ камышахъ. Послѣ того нашелъ онъ убѣжище у двухъ братьевъ изъ рода Тайчіудъ, бывшихъ прежде его друзьями, за оказанныя имъ услуги. Они приняли его какъ потомка тенгри и сказали ему: „мы хотимъ быть спасительнымъ гнѣздомъ для преслѣдуемаго жаворонка.“ Съ опасностью собственной жизни они укрыли его отъ поисковъ своихъ сродниковъ, и посреди жаркаго лѣта спрятали его во вьюкъ шерсти. По удаленіи преслѣдователей, напрасно искавшихъ Темучина, избавители дали ему сѣдло, зарѣзали жирнаго барана на дорогу, посадили на бѣлую кобылицу и отправили домой, гдѣ онъ съ восторгомъ былъ принятъ матерью и сестрами.

Другое событіе, характеризующее эту мѣстность, доказываетъ намъ, что на степныхъ берегахъ Онона и въ дикихъ пустыняхъ Кентея благодарность и дружба кажутся большими добродѣтелями въ глазахъ самаго грубаго народа, который выхваляетъ и признаетъ ихъ. Событіе это, происшедшее въ 1178 году, было разсказано монгольскому князю-автору ([359]) собственнымъ его дѣдомъ въ слѣдующихъ словахъ: Семнадцатилѣтній Темучинъ привезъ домой невѣсту свою Бюрте-Джушинъ 13 лѣтъ. Она была дочь Дай-Цецена, изъ рода Хунгирадъ отдѣла Ольхоподъ; родственники ея съ материнской стороны были слѣдовательно татарскаго племени. Уже на 9-мъ году была она приведена къ нему родителями, и слѣдовательно пріобрѣтена имъ не предосудительнымъ обычаемъ похищенія. Вскорѣ послѣ того старые враги его Тайчіудъ похитили у него 8 рыжихъ коней. Тогда

(359) Ssanang Ssetsen l. c. p. 69 ch. 63.

братъ Темучина, возвратясь съ сурковой охоты, бросился на его лошадь Дарки-Хонхаръ и преслѣдовалъ хищниковъ черезъ широкую степь, по слѣдамъ ихъ, до табуновъ Богорджи. Сей послѣдній далъ ему свою рыжую лошадь, а самъ сѣлъ на буланую Хурдунъ-Хуба: оба помчались, преслѣдуя хищниковъ, и настигли ихъ на ночлегѣ. Смѣло бросились они въ средину кружка, въ которомъ расположились сонные хищники, выгнали оттуда лошадей своихъ и счастливо возвратились съ ними въ жилище Богорджи. Когда отецъ послѣдняго — правитель рода Аруладъ услышалъ разсказъ о приключеніи своего сына, то улыбнулся одобрительно, но отвернулся въ сторону, скрывая свои слезы. „Путь для людей только одинъ: не забудьте этого", сказалъ онъ брату Темучина, приказалъ заколоть ему на дорогу жирнаго барана и отпустилъ домой. Въ слѣдъ за тѣмъ Богорджи и Темучинъ связались тѣсною дружбою и сдѣлались неразлучными товарищами въ радости и горѣ. Всѣ эти событія юности монгольскаго героя, разсказанныя съ гомерическою правдою и простотою, на монгольскомъ языкѣ, потомкомъ его около 1650 года приводятъ насъ къ тѣмъ же горнымъ и рѣчнымъ системамъ, бывшимъ театромъ его юношескихъ подвиговъ, и получившимъ потому самому славныя наименованія у многихъ народовъ земнаго шара. Только враги Темучина давали этому бичу народовъ до побѣдъ его разныя поносительныя названія; впослѣдствіи же всѣ побѣжденные съ жадностью приняли славное имя возвышенныхъ имъ Куке-Монголовъ (синихъ, т. е. небесныхъ). Одно изъ поносительныхъ названій имѣетъ даже географическій интересъ. Именно Тайбука, царь Наймановъ, обитавшихъ въ безлѣсныхъ западныхъ степяхъ, называлъ Темучина презрительно лѣснымъ княземъ ([360]), потому-что первоначальнымъ его владѣніемъ было лѣсистое нагорье Кентея, къ С. отъ рѣкъ, и только впослѣдствіи Темучинъ распространилъ свое владычество въ безлѣсныхъ и сухихъ степяхъ Гоби, владычество, которое казалось столь славнымъ

---

(360) D'Ohsson Hist. des Mongols 1 p. 60.

упомянутому найманскому князю. На 28-мъ же году, говоритъ Цананъ, Темучинъ былъ признанъ каханомъ луговой степи ([361]) на рѣкѣ Кэрулэнѣ, обитавшимъ тамъ родомъ Арuладъ. Тамъ водрузилъ онъ стоявшее первоначально на р. Ононѣ девятилопастное (сдѣланное изъ хвостовъ яковъ) бѣлое знамя и находившееся на Делигунъ-Булдага четырехлопастное (изъ лошадиныхъ хвостовъ) черное знамя своего Тенгри; знамена эти назывались *султа* (титулъ султановъ произошелъ отъ названія лошадиныхъ хвостовъ). Такимъ образомъ Темучинъ сдѣлался властителемъ четырехъ тысячъ подданныхъ изъ племени Бэдэ, которому онъ далъ почетный титулъ Куке-Монголовъ. Съ этихъ поръ каждая рѣчь его, каждое дѣйствіе принимаетъ мѣстный характеръ. Такъ напримѣръ въ прибрежныхъ камышахъ Кэрулэна обращается онъ къ своему войску съ слѣдующимъ воззваніемъ: „ вы вѣрные мои сподвижники, стоящіе каждый какъ мѣсяцъ впереди своего войска! Вы украшеніямъ шлема подобные, вы средоточіе чести! Вы какъ камень непобѣдимые. И ты мое войско, какъ стѣна меня окружающее и какъ камыши передъ мною стоящее, услышь слова мои. Въ мирное время живите согласно и единодушно какъ персты одной руки; во время же набѣговъ будьте какъ соколы, преслѣдующіе свою добычу. Во время пировъ и отдыховъ веселитесь какъ комары (на Кэрулэнѣ встрѣчаются безчисленные рои комаровъ, безпокоющіе стада), но во время битвъ бросайтесь какъ орлы на свою добычу“ и т. д. Сюда-то на плоскогоріе восходили съ сѣверныхъ водъ Байгала (озера Байкала) посланники племени Ойрадъ-Бурядъ (Бурятовъ) ([362]) и принесли въ подарокъ Богдо-хану орла — эмблему его могущества. Сюда также присылало свою дань съ В. отъ рѣки Улы племя Солонгосъ-Мергедъ (или Солонъ-Дагуръ по Шмидту) нынѣшніе Дагуры или Дауры, которымъ Темучинъ велѣлъ передать только слова: „дань или война“. Дань состояла изъ дочери ихъ князя и изъ покрытой тигровыми

(361) Ssanang Ssetsen Mongol. Gesch. p. 71.
(362) Ssanang Ssetsen Mongol. Gesch. p. 75, 77.

шкурами палатки, потому-что эти богатые мѣха добывались въ ихъ странѣ. Изъ Тибета приводили Темучину на степные берега Кэрулэна и Орхона, множество верблюдовъ въ видѣ дани и въ знакъ подданства. За тѣмъ, въ продолженіи кратковременнаго мирнаго періода, Темучинъ, по удостовѣренію Цанана, наблюдалъ порядокъ и законы и мирно занимался тѣлесными упражненіями. Но скоро наскучивъ своимъ спокойствіемъ, онъ снова сдѣлался кровожаднымъ и предпринялъ походы въ Тангутъ, гдѣ тщетно три раза водружалъ свое девятихвостое знамя; отправившись туда въ четвертый разъ, онъ охотился съ своимъ войскомъ на пути своемъ черезъ горы Хан-гай (363), вслѣдствіе чего жестоко занемогъ прежде чѣмъ успѣлъ перейти степь къ Хуанъ-хэ. Вотъ почему онъ уже не могъ возвратиться на родину и только трупъ его былъ перенесенъ на Кэрулэнъ, куда предшествовалъ ему и призывалъ его слѣдующій плачевный гимнъ (364): „Все манитъ тебя туда, мой Богдо! твоя супруга, твое царство, твои законы и твой вѣрный народъ. Все тамъ! твои чертоги, твое собраніе народное! Все тамъ! Твоя родина, воды, въ которыхъ ты купался, твои подданные, твои Монголы, твои сановники, князья и дворяне и Делигунъ-Булдакъ на Ононѣ, мѣсто твоего рожденія! Все тамъ твое: знамя, барабанъ, кимвалы, трубы и свирѣли, твой золотой дворецъ, заключающій въ себѣ все драгоцѣнное, та степь на Кэрулэнѣ, на которой ты въ первый разъ взошелъ на престолъ какъ каханъ Аруладовъ. Все тамъ! твоя Бюрте-Джушинъ, твоя счастливая страна и великій народъ, Богороджи и Мухули, лучшіе друзья твои.“ и т. д.

2) *Западная вѣтвь.* На З. отъ описаннаго Кентей-хана горная система развѣтвляется па многія болѣе или менѣе самостоятельныя, горныя цѣпи, простирающіяся къ З. до Орхона, и ограниченныя съ Ю. извилистымъ теченіемъ Тулы. Въ Китайской Государственной Географіи онѣ имѣютъ слѣдующія названія: Хадамалъ

---

(363) Ssanang Ssetsen, ibid p. 97.
(364) Ibid. p. 107.

(Hatamal Alin у Д'Анвиля) сѣверная, простирающаяся вдоль сѣвернаго берега Кара-уссу; она приближается къ русской границѣ и составляетъ сѣверный предѣлъ Халхасъ-Монголовъ. Это есть Мангатой Тимковскаго ([365]), по скатамъ котораго онъ проходилъ, слѣдуя изъ Урги. Хайларъ лежитъ между лѣвымъ берегомъ упомянутой рѣки Кара и Орхономъ, и примыкаетъ къ горамъ Джамуръ-Ола (Tchamour-Alin у Д'Анвиля), простирающимся по сѣверному или правому берегу Тулы, до впаденія ея въ Орхонъ. При сліяніи обѣихъ рѣкъ, въ лѣсистомъ горномъ округѣ, происходило торжественное свиданіе Халхасовъ съ посольствомъ имп. Канхи въ 1698 году, на которомъ присутствовалъ Патеръ Жербильонъ ([366]) и были опредѣлены отношенія этого народа съ Китаемъ. Въ окрестныхъ горахъ Жербильонъ находилъ прекрасную землянику и множество дичи, въ особенности козъ, маралей, оленей, кабановъ и медвѣдей. Горы эти сопровождаютъ правый берегъ Тулы къ В., гдѣ онѣ называются Баянъ-Джурукъ (т. е. богатое сердце), а далѣе Сельби-Даба (Selbi Tabahan у Д' Анвиля) и описываютъ полукружіе на протяженіи болѣе градуса широты (до 100 ли). Въ этомъ то горномъ хребтѣ, называемомъ Тимковскимъ Гурбанъ-Урту-Ниру, т. е. три длинныя горныя цѣпи (также Сунгинъ у Тимковскаго, Сунъгу-на у Тулишена), лежатъ три ключа Сельби (Се-эрл-бы у Тулишена). Вершины хребта заострены, и къ нимъ ведутъ только узкіе и трудно доступные дефиле: глубокія ущелья поросли густою травою и прекрасными цвѣтами ([367]), а потому здѣсь много дичи. Сѣверный скатъ горъ къ рѣкѣ Кара, покрытъ тѣнистыми пихтовыми и березовыми лѣсами. Лѣса эти почитаются завѣтными и въ нихъ не смѣетъ проникать никто изъ простолюдиновъ, потому-что въ то время, когда императоръ отправляетъ свое ежегодное пиршество въ Же-хэ, китайскіе намѣст-

(365) Timkowsky Voy. T. I. p. 56, 59, 148.
(366) P. Gerbillon Voy. VIII y Duhalde IV p. 520
(367) Tulischen Narrative y Staunton Lond. 1821 8. p. 32.

ники Урги охотятся въ этихъ лѣсахъ въ честь своего Богдо-хана. Сѣверный скатъ горъ отличается обиліемъ лѣсовъ, въ особенности въ сравненіи съ скудностью ихъ на южномъ скатѣ, обращенномъ къ высокой стени и совершеннымъ недостаткомъ ихъ на плоскогоріи. Тимковскій замѣтилъ ([368]), что срубленный здѣсь строевой лѣсъ перевозится на колесахъ черезъ всю Гоби до Калгана въ Великой стѣнѣ, гдѣ продается очень дорого. Лѣсъ, охота и многочисленныя стада составляютъ въ этомъ отечествѣ Монголовъ, около истоковъ упомянутыхъ рѣкъ, богатство Халхасовъ, неохотно переселяющихся изъ этой благословенной страны. Вдоль сѣверной подошвы лѣсистаго хребта Гурбанъ-Урту-Ниру, входъ въ который запрещенъ, потому-что вся полоса, какъ мы уже сказали. предназначена для охотъ Вана или намѣстника страны Халхасовъ, пребывающаго въ Ургѣ, идетъ караванная кяхтинская дорога, черезъ рѣку Кара въ Ургу, лежащую на правомъ берегу Тулы, при сліяніи ея съ рѣчкою Сельби. Отсюда происходитъ названіе Сельби-Даба, что значитъ горный проходъ въ горахъ Сельби, изъ которыхъ ручей того же имени течетъ къ Ю.-В., а рѣка Кара къ С.-З. Горы, возвышающіяся къ С. отсюда, принадлежатъ къ группѣ Кентея.

3) *Южный водораздѣльный хребетъ.* Вѣтви Кентея продолжаются на Ю. между истоками Тулы и Кэрулэна на В. и З., до ближайшихъ степей Гоби, составляя водораздѣлъ между системами Амура и Селенги. Къ вышеупомянутымъ южнымъ вѣтвямъ Кентея—Дзилуну и Терельцзи Даба, примыкаютъ къ Ю.-З. на правомъ берегу Тулы горы Хадакай (Hatohaien Tabahan у Д'Анвиля), упирающіяся въ горы Сельби съ сѣверной ихъ стороны, и далѣе къ Ю. на лѣвомъ берегу Тулы непосредственно хребетъ Галютай ([369]) (Halotay Tabahan у Д' Анвиля). Съ южной стороны примыкаетъ къ нему гора Кирза (Kirsa-Alin у Д' Анвиля), а къ сей послѣдней Ханъ-Ола. Слѣдуя съ сѣвернаго берега Кэ-

---

(368) Timkowsky V. p. 64, 65.
(369) Timkowsky Voy. II. p. 232.

рулэна проходятъ черезъ этотъ Галютай (Kaloutou у Жербильона) для того, чтобы достигнуть на З. рѣки Тулы; этотъ водораздѣльный хребетъ не высокъ, но довольно затруднителенъ, а вершины его и высокія равнины совершенно обнажены и покрыты только короткой травою. Замѣчаніе это принадлежитъ Жербильону ([370]), который разбилъ здѣсь свой лагерь въ 1698 г., подъ 47° 36′ с. ш., именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, за нѣсколько лѣтъ до того встрѣтились оба отдѣленія китайской арміи, выставленной противъ Элютовъ, и преслѣдовали далѣе на С. разбитыя войска Галдана до Терельцзи; самъ же Галданъ убѣжалъ въ то время въ Хан-гай на рѣку Тамиръ.

4) *Ханъ-Ола и поле битвы Джао-мадо.* Ханъ-Ола Монголовъ, Ханъ-Алинь Манчжуровъ, т. е. Императорская или Царская гора ([371]), ограничена съ З. долиною р. Тулы. Она возвышается на лѣвомъ берегу этой рѣки прямо противъ Урги и ея храмовъ. Съ С.-В. ея ската течетъ ручей Куль, впадающій въ Тулу, которая здѣсь, при пересѣченіи своемъ караванною дорогою, имѣетъ стремительное теченіе. Когда въ 1712 проѣзжалъ по этой дорогѣ китайскій посланникъ Тулишенъ ([372]), то здѣсь не было лодокъ; бурная рѣка поднялась такъ высоко, что посланникъ, со свитою своею, принужденъ былъ ждать цѣлые три дня, прежде нежели можно было переѣхать рѣку въ бродъ. Рыбная ловля и охота доставляли ему достаточно съѣстныхъ припасовъ; въ рѣкѣ ловилась рыбы ло-юй, ва-юй (?) и семга, а въ лѣсу нашли большаго сѣвернаго оленя, слѣдовательно эти животныя, по крайней мѣрѣ въ то время, забѣгали до границы Гоби. Ланге также утверждаетъ, что Ханъ-Ола обилуетъ сѣверными оленями. На восточной сторонѣ р. Тулы, которая имѣетъ здѣсь ширину полета стрѣлы, проходитъ большая караванная дорога изъ Урги въ Пекинъ, мимо каменистой подошвы горы.

(370) Gerbillon Voy. VIII. у Duhalde IV. p. 515; Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 226.

(371) Государственная Географія у Timkowsky II. p. 228, его Voy. T. I. p. 120, 118.

(372) Tubschen Narrative у Staunton p. 31; L. Lange R. III 1727. p. 89.

изъ которой торчатъ высокія скалы. Вершина ея достигаетъ значительной высоты и превышаетъ всѣ остальныя окрестныя горы: она поросла пихтами (Сунъ), лиственницами (по китайски Санъ (Pinus larix) и березами (Тулишенъ говоритъ янъ-ва, т. е. черный тополь). Нѣсколько ручьевъ съ шумомъ стремятся внизъ къ Тулѣ, образуя Куль; многочисленныя стада буйволовъ пасутся на предгоріяхъ. Возвышеніе, лежащее вблизи и къ В. отсюда, называется Налиха: здѣсь разбросано множество юртъ бѣдныхъ Монголовъ, промышляющихъ дѣланіемъ обручей и колесъ для кибитокъ и телегъ проѣзжихъ каравановъ. Этотъ-то проходъ названъ на картахъ Д'Анвиля Хинганомъ (Hincan-Tabahan), а у Тулишена Хинг-ган-линь; Тулишенъ переходилъ его для достиженія Селенги отъ Гоби. Тимковскій, переходившій его два раза въ 1820, называетъ его воротами и естественною границею высокой Гоби. „На З. отсюда, говоритъ онъ, намъ все еще казалось, что мы путешествуемъ въ сосѣднихъ русскихъ пограничныхъ областяхъ, обитаемыхъ Бурятами; такъ сходны ихъ внѣшній видъ и естественныя произведенія. Но на Ю.-З. отъ р. Тулы, т. е. начиная отъ пограничнаго столба Ханъ-Ола, все измѣнилось въ такой степени, какъ бы мы перешли въ совершенно другую страну“ (то же самое говоритъ и Тулишенъ, слѣдовавшій съ противоположной стороны) ([373]). „Мы выпили, говоритъ Тимковскій, еще по стакану прѣсной, свѣжей, ключевой воды: это была послѣдняя хорошая вода, освѣжившая нашу гортань на всемъ пути къ Ю.-В. черезъ сухія степи и пустыни Гоби, до Великой стѣны. Начиная отсюда все измѣняется; лѣсъ исчезаетъ за Тулою, пѣнящеюся въ глубокихъ ущельяхъ и стремящеюся черезъ скалистыя долины. Въ нихъ, по монгольскому преданію, зарыты богатые клады золота и серебра, доступъ къ которымъ затрудняется ядовитыми парами и туманами. Къ Ю.-З. мѣстность расширяется въ знаменитое поле битвы Джао-модо, окруженное горами съ трехъ сторонъ ([374]);

(373) Tulischen Narrative l. c. 28.

(374) Китайская Государственная Географія въ Timkowsky. Voy. II. p. 236.

а на Ю.-В. взоръ въ первый разъ открываетъ необозримую поверхность степи Гоби, которая отсюда печально разстилается сухимъ однообразнымъ песчанымъ моремъ до сѣверной границы Чжили (Petcheli). Горы, говоритъ Тимковскій (375), дѣлаются менѣе высокими и крутыми, значительныя углубленія и большія возвышенія исчезаютъ: все обличаетъ характеръ обширнаго плоскогорія средней Азіи (подъ 48° с. ш.). Дж. Белль (376), который проѣзжалъ здѣсь 100 лѣтъ ранѣе, замѣчаетъ тоже самое: отсюда, говоритъ онъ, начинается рѣзкая перемѣна въ характерѣ страны, которая становится несравненно хуже. Нѣтъ ни одного привѣтливаго холма, ни одной рѣки, ни одного куста ревеню; кругомъ разстилается голодная монгольская степь. страна дѣлается совершенно ровною, подобно морской поверхности. Тотъ же путешественникъ, на возвратномъ пути изъ Китая черезъ однообразную Гоби, говоритъ: „наконецъ увидѣли мы снова первую текущую воду — р. Тулу: трудно выразить, какую радость ощутили мы при этомъ видѣ: рѣчная вода показалась намъ лучшимъ виномъ Шираса и Испахана". Южный склонъ Ханъ-Ола къ рѣкѣ Тулѣ представляетъ еще лѣсистую горную область, которой гребень служитъ далѣе къ З. границею степи Гоби въ направленіи къ Тулѣ. Онъ называется Дуланъ-Кара (Toulan-cara-Alin у Д'Анвиля) и есть самый дальній западный пунктъ, на который еще распространяется названіе Хин-гана, относящееся впрочемъ въ собственномъ смыслѣ до восточной цѣпи, сопровождающей среднее теченіе Амура отъ истоковъ Онона и Кэрулэна. Этотъ Дуланъ-Кара отклоняетъ рѣку Тулу отъ направленія ея къ Ю., принятаго ею отъ Урги, и принуждаетъ возвратиться на С. къ Орхону и Селенгѣ. Къ С. отъ Дуланъ-Кара лѣсистая горная область близъ Ханъ-Ола на Тулѣ, къ Ю.-З. отъ вышеупомянутаго Хинганскаго прохода называется Джао-модо (Tschao-modò, Tchacdan у Д'Анвиля, Tschao-mou у Жербильона, Chao-mo-to у Тулишена). Здѣсь сокрушилось могущество Галдана Элютовъ

(375) Timkowsky Vol. I. p. 154.
(376) J. Bell. Trav. Vol. I. p. 317. Vol. II. p. 121. etc.

въ іюнѣ 1696 года. Джао-модо лежитъ въ 1 1/2 часахъ (20 ли) (377) пути отъ Ханъ-Ола, по наблюденіямъ Пат. Жарту въ 1711 году подъ 47° 42′ 8″. с. ш., 8° 40′ з. д. отъ Пекина, т. е. 106° 22′ в. д. отъ Парижа. Объ этомъ событіи мы уже упоминали выше: поле битвы было въ подробности осмотрѣно въ 1698 г. Пат. Жербильономъ (378). Галданъ Элютовъ стоялъ съ войсками своими на рѣкѣ Кэрулэнѣ. Но такъ какъ китайская армія императора Канъ-хи прибыла на верховье Кэрулэна съ В., то Галданъ отступилъ черезъ водораздѣлъ на З. къ рѣкѣ Тулѣ, желая занять крѣпкую позицію на берегахъ ея, защищенныхъ лѣсистыми высотами и пропастями. Особенное для того удобство представляла окруженная со всѣхъ сторонъ крутыми горами горная долина Джао-модо. Но, къ несчастію Элютовъ, къ Тулѣ уже были придвинуты съ Ю.-З. аванпосты китайской арміи, подъ начальствомъ Фянъ-гу-бея, о которой они ничего не знали. Такъ въ тылу Элютовъ завязалась битва, истребившая всю ихъ армію и обратившая въ бѣгство столь могущественнаго доселѣ Галдана. Рѣка Тула здѣсь гораздо значительнѣе Кэрулэна; свѣтлыя ея воды, пересѣченныя островками, текутъ прозрачно и стремительно по песчаному ложу. По обѣимъ сторонамъ рѣки разстилаются роскошные луга, а за ними поднимаются скалистыя, поросшія густыми еловыми и пихтовыми лѣсами горныя вершины, которыя къ С. становятся все выше и выше, переходя въ Ханъ-Ола. Жербильонъ утверждаетъ, что онъ нашелъ здѣсь самую пріятную мѣстность изо всей видѣнной имъ Тартаріи. Положеніе ея онъ опредѣляетъ нѣсколько сѣвернѣе нежели Пат. Жарту, а именно подъ 47° 56′ с. ш. Посреди обширной широкой долины видѣлъ онъ развалины храма, основаннаго здѣсь великимъ ламою Халхасовъ. Онъ называетъ этотъ храмъ Чемпецунъ-дамба-Кутухту; здѣсь пребывалъ онъ въ палаткахъ на луч-

(377) Tulischen Narrative y Staunton p. 28; Souciet Observat. astron. mathemat. etc. p. 150.

(378) P. Gerbillon. Voy. VIII y Duhalde IV p. 516—518.

шихъ лѣсныхъ лугахъ на р. Тулѣ. Китайскіе зодчіе основали здѣсь пагоду; въ 1688 она была разрушена Галданомъ Элютовъ; Жербильонъ видѣлъ еще остатки глазированной черепицы, ее украшавшей. Кругомъ, въ нагорномъ лѣсу, находится обильный охотничій округъ, богатый въ особенности бобрами, оленями и медвѣдями. Императоръ Канъ-хи, въ воспоминаніе побѣды, повелѣлъ изобразить на полѣ битвы на береговой скалѣ р. Тулы слѣдующую имъ самимъ сочиненную надпись: ([379])

Съ помощью всемогущаго неба побѣдили мы врага и истребили злыхъ!
Дикіе звѣри Джунгары, обезсиленные бунтомъ, скрылись на западѣ.
Небо стояло за насъ; они скоро погибли подъ сталью нашихъ воиновъ,
При первомъ барабанномъ боѣ, оставивъ свой лагерь на степи.
На скалѣ сего брега велѣлъ я начертать подвиги побѣдоноснаго войска.

Мѣстопребываніе великаго ламы или Кутухту Халхасовъ было перенесено на правый берегъ Тулы въ Ургу, нынѣшнюю резиденцію Гехенъ-Кутухту, противъ высокой лѣсистой горы Ханъ-Ола, которая, по сосѣдству своему съ резиденціею боготворимаго буддійскаго кардинала, почитается святынею и имѣетъ своего собственнаго чиновника, инспектора Ханъ-Ола, титулъ ([380]), который встрѣчается напр. въ пограничномъ трактатѣ 1727 г. На западной ея сторонѣ есть надпись ([381]) колоссальной величины, высѣченная на огромныхъ бѣлыхъ камняхъ и изображающая на маньчжурскомъ, китайскомъ, монгольскомъ и тибетскомъ языкахъ слова: „вѣчная радость". Она служитъ выраженіемъ чувства Халхасъ-Монголовъ при новомъ появленіи возродившагося Кутухту, которое всякій разъ празднуется всѣмъ народомъ, приходящимъ сюда на поклоненіе. Вершина этой Императорской горы, по свидѣтельству Л. Ланге ([382]), поросла только горнымъ можжевельникомъ (сланецъ), а подошва — превосходны-

---

(379) Государственная Географія въ Timkowsky Voy. II. p. 228.
(380) Klaproth Mém. retat. à l'Asie T. I. p. 46.
(381) Timkowsky Voy. I. p. 120.
(382) Lange R. III. 1727. p. 89.

ми пихтовыми лѣсами. Тимковскій, во время проѣзда своего, видѣлъ тамъ юрты караульщиковъ, долженствовавшихъ возбранять доступъ къ этому мѣсту, потому, что оно посвящено Хо-фо (Бого-человѣку) и въ немъ должно царствовать вѣчное молчаніе какъ въ долинахъ, такъ и на пустынныхъ высотахъ, п сѣщаемыхъ только дикими горными козами. Къ сожалѣнію Тимковскій не изслѣдовалъ ни надписей, ни окрестностей этого мѣста. Въ примѣчаніи (383), заимствованномъ изъ Сибирскаго вѣстника 1819 часть V ст. 13., по извѣстіямъ о Монголіи г. Игумнова изъ Иркутска сказано, что Ханъ-Ола знаменита у Халхасовъ еще и по тремъ ежегоднымъ собраніямъ, на которыхъ разсматриваются народныя жалобы, дѣлаются общеполезныя предложенія и разбираются всѣ тяжебныя дѣла. Лежащій къ Ю. оттуда храмъ выстроенъ съ великолѣпіемъ, соотвѣтствующимъ важности этихъ совѣщаній. Ханъ-Ола круто склоняется къ С. и отлого къ Ю. (слѣдовательно сообразно системѣ уступовъ всѣхъ горъ на сѣверной окраинѣ); протяженіе ея не превосходитъ 6 полныхъ г. м. (40 верстъ) въ длину. Высотою она не превышаетъ другія сибирскія пограничныя горы; причемъ замѣчено однакожъ, что уже самое положеніе ихъ на плоскогоріи возвышаетъ ихъ значительно надъ вершинами Байкальскихъ горъ.

5) *Хинъ-ганъ, Сибирско-Китайскій пограничный хребетъ.* Именемъ Хинъ-гана, которымъ означается горный хребетъ, простирающійся отъ Кентей-Хана, даже, какъ мы замѣтили, за водораздѣлъ Кэрулэна и Тулы къ Ю.-З., начиная отъ Дулонъ-Кара на В. по сѣверной окраинѣ высокой степной поверхности Гоби до сѣвернаго берега Далай-Нора и даже до образованія Амура изъ слiянія Кэрулэна, Онона и Ингоды около Нерчинска, выше пограничнаго ручья Горбицы. Весь хребетъ этотъ большею частію тянется между паралельными рѣками Кэрулэномъ и Онономъ. Такъ какъ къ этому хребту на значительномъ пространствѣ прилегаетъ граница двухъ государствъ, то онъ называется еще Си-

---

(383) Timkowsky Voy. I. p. 210.

бирско-Китайскимъ пограничнымъ хребтомъ. Но граница эта начинается, какъ уже было сказано, сѣвернымъ склономъ Кентея, при истокѣ рѣки Чикой (праваго притока Селенги). Истокъ Онона съ своими горными группами лежитъ еще на Ю. отъ границы, а дикая горная вѣтвь, простирающаяся оттуда по сѣверной сторонѣ р. Онона, въ его верховьяхъ называется большимъ Хинганомъ ([384]). Вдоль южной подошвы этого Хингана протекаетъ верхній Ононъ, переходя при Киренскѣ выше Акшинска изъ китайскихъ владѣній въ русскія. Китайское названіе не простирается однако же какъ кажется на С., за государственную границу, въ Забайкальскую область. Въ самомъ дѣлѣ с.-в. продолженіе этаго большаго Хин-гана уже не носитъ этого названія. Хин-ганъ дѣлится здѣсь на двѣ вѣтви: меньшая, кратчайшая, южная, проходитъ между Ингодою и Онономъ на С. отъ русскаго городка Акшинска, къ Нерчинску, содержитъ въ себѣ берилловыя горы Адоншалонъ ([385]) и принадлежитъ къ Нерчинскимъ руднымъ горамъ; большая же сѣверная вѣтвь тянется паралельно съ предыдущею и образуетъ водораздѣлъ между Ингодою на Ю., Хилокомъ (правымъ протокомъ Селенги) и Витимомъ на С., слѣдовательно между системою Амура на Ю. и Енисея и Лены на С., а потому Русскіе означаютъ его основательно довольно общимъ названіемъ Водораздѣльнаго хребта: дальнѣйшее же с.-в. его продолженіе называется Яблоновымъ хребтомъ. Мы удерживаемъ это характеристическое названіе, но для различія его отъ другихъ, называемъ его Даурскимъ водораздѣльнымъ хребтомъ. Объ этихъ двухъ хребтахъ будемъ мы говорить ниже при описаніи Даурской Алпійской страны. На горномъ узлѣ, при югозападномъ началѣ обоихъ хребтовъ, отдѣляясь на С. отъ высокаго Кентея, возвышается въ русскихъ владѣніяхъ, между истоками Чикоя и Ингоды, на 7,670 ф. высочайшая изъ тамош-

(384) Китайская Государственная географія въ Timkowsky Voy. II. p. 235.

(385) Dr. H. Hess. Geognostische Beobachtungen въ Leonhard Zeitschrift für Mineralogie II. B. 1827. p. 338, 342; Pallas Russ. R. Th. III. p. 227.

нихъ горъ—Чокондо, высоту которой знаемъ изъ отчетовъ восходившихъ на нее русскихъ путешественниковъ ([386]).

Имя большаго Хингана остается слѣдовательно горной группѣ, ограничивающей съ сѣверной стороны верхнее теченіе р. Онона. Въ самомъ дѣлѣ болѣе южный горный кряжъ, между Онономъ и Кэрулэномъ, уже не можетъ носить этого названія, хотя никто не называетъ его малымъ или низкимъ; скорѣе всего можно было бы назвать его длиннымъ. Эта часть Хингана, продолженная на В. между Онономъ и Кэрулэномъ, состоитъ только изъ низкихъ пологихъ горныхъ кряжей, которые не заслуживаютъ особеннаго вниманія по высотѣ своей. Они лежатъ однакоже абсолютно довольно высоко на холодномъ суровомъ плоскогоріи, но относительная высота ихъ очень незначительна и часто даетъ имъ видъ холмовъ и низкихъ кряжей, хотя они иногда очень затрудняютъ переходы своими скалами, лѣсами, болотами и отсутствіемъ дорогъ. Горы эти составляютъ даже почти совершенную terra incognita, потому-что ни одинъ наблюдательный путешественникъ не изслѣдовалъ ихъ на всемъ протяженіи. Русскіе (Мессершмитъ, Палласъ, Соколовъ и Сиверсъ) принуждены были большею частію ограничиваться долиною нижняго Онона и Ингоды, а китайцы теченіемъ Кэрулэна, потому-что переходъ границы обоихъ государствъ строго запрещенъ. Исключеніе изъ этого составляетъ путешествіе Жербильона въ 1689 г. ([378]), который долженъ былъ проходить здѣсь на пути своемъ съ Кэрулэна въ Нерчинскъ; и онъ-то сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о природѣ сего хребта, который составляетъ здѣсь прибрежныя высоты южной стороны Онона; тоже подтверждаютъ и наблюденія Мессершмита (1724 г.) надъ Тарей-Норомъ ([388]). Далѣе будемъ мы упоминать въ отдѣльности о нѣкоторыхъ поперечныхъ горныхъ

(386) Pallas Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches, Petersburg 1776. 4 Th. III. p. 442-448.

(387) Gerbillon Voy. II. 1689 y Duhalde IV. p. 212-220.

(388) Messerschmidt, въ Pallas N. N., Beitr. Th. III. 137.

проходахъ, говоря о рѣкахъ Кэрулэнѣ и Ононѣ. У Клапрота (389) есть перечисленіе 63 пограничныхъ столбовъ (по-русски маяковъ, по-монгольски и маньчжурски *обо*), съ ихъ мѣстными названіями. Столбы эти начинаются отъ Кяхты и идутъ черезъ Кенгей, мимо истока Чикоя къ истоку Онона, гдѣ стоитъ 12-й, отъ котораго, до Абайгату на р. Аргуни, на С. отъ Далай-нора, на высотахъ Хинганскаго хребта стоитъ еще 40 такихъ столбовъ, снабженныхъ строгими караулами; но нѣтъ ближайшихъ указаній на природу горной страны. Мы замѣтимъ только слѣдующіе пункты: 13-й пограничный столбъ стоитъ на горѣ Кумурѣ, которая также называется Хинганъ-Кумуръ; 14-й при истокѣ текущаго съ С. къ Ю. въ Ононъ ручья Кугè, перваго изъ нисходящихъ съ сѣвернаго большаго Хингана. Въ этомъ самомъ мѣстѣ прежде на русской сторонѣ проходила граница Селенгинскаго уѣзда къ З. и Нерчинскаго къ В. Начиная оттуда, пограничные камни на горныхъ высотахъ остаются вдали отъ сѣвернаго берега Онона: о 23-мъ сказано, что онъ стоитъ на высокой горѣ Хангай или Халю на ручьѣ Бикиконѣ, впадающемъ въ Киркунъ, лѣвый притокъ Онона. 30-й пограничный столбъ стоитъ близь впаденія рѣки Торінъ въ Ононъ при мѣстечкѣ Улкутъ, на самомъ лѣвомъ берегу его, и здѣсь граница переходитъ на южный или правый берегъ Онона. Начиная оттуда, слѣдующіе 30 пограничныхъ столбовъ поставлены на высотахъ, большею частію ничѣмъ не замѣчательныхъ, и линія ихъ направлена къ Чаганъ-Нору и Далай-Нору, гдѣ до Абагайту на Аргуни попадаются еще отдѣльныя высоты, лежащія почти въ уровнѣ поверхности степи. Упомянутая Хинганская цѣпь сохраняетъ еще, какъ кажется, между Кэрулэномъ и Онономъ характеръ хребта окраины, паралельнаго съ хребтомъ Адонъ-Шалонъ между Онономъ и Ингодою, съ Даурскимъ водораздѣльнымъ хребтомъ между Ингодою и Витимомъ, и нѣкоторыми еще болѣе сѣверными до озера Байкала. Главному направле-

(389) Mem. relat. a l'Asie T. I. p. 11, 22; тоже на сибирской губернской картѣ 1825 г.

*

нію этихъ хребтовъ отъ Ю.-З. къ С.-В., соотвѣтствуетъ, какъ кажется, и направленіе продольныхъ долинъ упомянутыхъ рѣкъ, которыхъ углубленія кажутся ступенями террасы ([390]), склоняющейся съ Ю. къ С. Въ такомъ случаѣ Кэруленская степь должна быть разсматриваема какъ верхняя ступень или какъ поверхность плоскогорія, по которой Кэруланъ течетъ въ узко-врѣзанномъ жолобѣ съ Ю.-З. къ С.-В., и Хинганъ, разсматриваемый съ Кэрулэна, могъ бы въ нѣкоторой степени исчезнуть изъ глазъ, не смотря на то что онъ составляетъ значительный горный хребетъ. Пат. Жербильонъ ([391]), путешествовавшій вдоль всего Кэрулэна отъ Далай-Нора почти до истоковъ этой рѣки, замѣтилъ на большомъ протяженіи по среднему теченію Кэрулэна, что отъ сѣвернаго берега его, усѣяннаго рядомъ небольшихъ обнаженныхъ холмовъ (Хороботъ или Верблюжій хребетъ), вся поверхность расширяется къ С. снова въ обширную, почти необозримую равнину, за которою на самомъ отдаленномъ с.-з. горизонтѣ, въ направленіи къ верхнему Онону, могъ онъ замѣтить нѣкоторыя высоты, представляющія вершины упомянутаго низкаго хребта Хингана. Только гораздо западнѣе къ Кентею начинается гористая страна. Тамъ же, гдѣ истокъ Кэрулэна спускается отъ С. къ Ю. съ упомянутаго Кентей-Хана, образуя большую дугу къ В., окружаетъ онъ съ южной стороны дикую, скалистую горную группу Тоно-Ола (Tono-Alin у Д'Анвиля), которая, какъ замѣчаетъ перешедшій черезъ нее отъ В. къ З. пат. Жербильонъ ([392]), очень высока и есть первая южная вѣтвь горной группы: на ней то имп. Кан-хи разбилъ свой лагерь въ 1696 г. На С. отъ этого Тоно, говоритъ Государственная Географія ([393]), разстилается богатая пастбищами и водою полоса, преимущественно обитаемая Халхасами: она имѣетъ 450 г. м. (5000 ли) длины съ В. на З. При переходѣ ея вершина горнаго прохода Уланъ-ерги представляетъ плоскость, но далѣе къ С., говоритъ

(390) Dr. Hess Geognostische Beobachtungen l. c. p. 333.
(391) P. Gerbillon Voy. VIII. y Duhalde IV. p. 507-514.
(392) Gerbillon Voy. VIII p. 513.
(393) Timkowsky Voy. II. p. 226, 233.

наг. Жербильонъ. высокій, длинный хребетъ очень скалистъ. Онъ знаменитъ во всей странѣ потому, что здѣсь начинались владѣнія и лежала резиденція Ценснъ или Чеченъ-Хана, перваго халхасскаго хана, подчинившагося Китаю. Примѣру его послѣдовали и другіе, потому-что Галданъ Элютовъ часто направлялъ сюда свои набѣги и даже овладѣлъ резиденціею, для того, чтобы нанести окончательный ударъ Халхасамъ. Послѣ большой побѣды надъ Элютами въ 1696 году, при Джао-Модо императоръ Канъ-хи, возвратясь къ упомянутой горѣ Тоно-Ола приказалъ вырѣзать на скалѣ слѣдующую надпись на китайскомъ языкѣ:

Какъ неизмѣрима степь Гоби!
Какъ широкъ и глубокъ Кэруланъ!
Шесть полковъ мнѣ послушныхъ, показали здѣсь свое мужество.
Подобно молніи потрясли они все!
Солнце и мѣсяцъ смотрѣли на нихъ съ ужасомъ.
Отъ ихъ воинственнаго взора враги обратились въ бѣгство.
И во всей степи Гоби водворились снова миръ и спокойствіе.

Названіе Хингана нисколько не ограничивается горною областью, лежащею на З. отъ системы Амура. Мы уже видѣли выше, что на В. отъ Далай-Нора, Хинганская цѣпь составляетъ восточную окраину Гоби и мы ознакомились съ нею говоря о первомъ горномъ проходѣ Яло, на цурухайтской дорогѣ (см. Т. I стр. 298). Но кромѣ того за Амуромъ далеко къ С.-В., на В. отъ Нерчинска ([394]) мимо истока пограничной р. большой Горбицы (лѣваго притока Амура) проходитъ въ томъ же самомъ направленіи значительный горный хребетъ, достигающій Охотскаго моря, составляющій границу Русскихъ съ Китайцами и извѣстный у первыхъ подъ различными названіями, а у вторыхъ подъ знаменитымъ именемъ Хингана, которое онъ носитъ оффиціально въ пограничныхъ трактатахъ и на пограничныхъ столбахъ. Такъ какъ о восточныхъ членахъ этого хребта со-

(394) Klaproth Descr. de la Russie trad. du chinois въ Mém relat. á l'Asie T. I. p. 85; его же De la frontière russe et chinoise, тамъ-же p. 8.

общены наблюденія, касающіяся только до сѣверныхъ его скатовъ, съ русской стороны, то мы изучимъ ихъ впослѣдствіи, а теперь, для того, чтобы вполнѣ оріентироваться въ описанныхъ трехъ горныхъ хребтахъ, перейдемъ отъ орографіи ихъ къ гидрографіи, по китайскимъ источникамъ.

§ 36.

Изложеніе 2-е. Гидрографія Алтайской системы, по Китайской Государственной Географіи.

Мы уже замѣтили вообще выше, какимъ образомъ притоки 4 большихъ рѣчныхъ системъ *Иртыша* съ оз. Зайсаномъ, *Енисея*, *Селенги* съ оз. Байкаломъ (Лена вытекаетъ съ сѣверной окраины, а потому принимаетъ здѣсь только второстепенное участіе) и *Амура* раздѣляютъ своими верхними долинами сѣверный склонъ Алтайской системы на три главныя группы. Объ истокахъ Иртыша и верхнемъ его теченіи до озера Зайсана, по китайскимъ источникамъ, было уже говорено выше. Отъ Иртыша до истоковъ Енисея всѣ горныя рѣки текутъ съ большаго с.-з. вѣнца внѣшняго Алтая отъ Эк-тага до Танъ-ну, на С. и С.-З. въ Сибирь, въ русскихъ владѣніяхъ, сѣвернѣе китайской границы; а потому свѣдѣнія о нихъ Китайцевъ не могутъ быть поучительными, и мы должны искать точныя данныя о нихъ въ русскихъ описаніяхъ, выходящихъ съ нижнихъ частей ихъ долинъ. Только долина самаго Енисея составляетъ здѣсь исключеніе, потому-что выше Саянска эта высокая долина на С. отъ Танъ-ну, на всемъ протяженіи своемъ отъ В. къ З., лежитъ въ китайскихъ предѣлахъ, и если не для Китайцевъ, то для Русскихъ она представляетъ совершенную terra incognita, за исключеніемъ впрочемъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о пограничныхъ караулахъ ([395]) съ китайской и русской стороны, на пограничномъ хребтѣ Эр-

(395) Klaproth Mem. rel. à l' Asie T. I p. 22-26.

гикъ-таргакъ-Тайга, къ С. отъ Танъ-ну, отъ верхнихъ истоковъ Енисея и озера Коссогола на З., до истока Юса (Юсъ правый притокъ Енисея выше Саянска) и восточнаго берега самаго Енисея при поворотѣ его къ С., гдѣ находятся его скалистые водопады. Но даже и эти пункты были мало извѣстны ихъ обоюднымъ пограничнымъ владѣтелямъ, и мы знакомимся съ ними только изъ поѣздки туда сержанта Пестерева (396) (1773-1780), посланнаго для точнѣйшаго ихъ изслѣдованія съ русской стороны, которое мы изложимъ въ подробности ниже.

А потому здѣсь будемъ говорить только о тѣхъ частяхъ системъ Селенги и Амура, которыя находятся въ китайскихъ владѣніяхъ: потому-что объ этихъ частяхъ находимъ точнѣйшія свѣдѣнія въ Китайской Государственной географіи, перечисляющей также и тѣ степныя рѣки, которыя берутъ начало въ разсматриваемыхъ нами трехъ горныхъ группахъ и направляются во внутренность Гоби.

I. *Система рѣки Селенги, впадающей въ Байкалъ.*

Селенга, по-маньчжурски Селенга-бира, т. е. Желѣзная рѣка, по русски Селенга, у Туляшена Се-линъ-ха, въ монгольской исторіи Се-линъ-хэ, въ исторіи Танской династіи С'ян'о (397) принимаетъ начало въ Хан-гайскомъ хребтѣ, въ окрестностяхъ горъ Санъ-гинъ и Орбеги (см. выше Хан-гай N 2, 3). Отъ С. къ Ю. считается 6 истоковъ (398) этой рѣки: 1. *Караталъ* (Haratal у Д'Анвиля), берущій начало при встрѣчѣ Танъ-ну съ Хан-гаемъ; 2, *Букуй* (Pocsoui pira у Д'Анвиля): оба текутъ къ Ю.-В.; 3. *Эдеръ*: 4, *Чолоторъ* (Tisłodtou. Tchilotou-pira у Д'Анвиля); 5, *Улятай* (Ouleatai-pira у Д'Анвиля): 6, *Айжиракъ* (Aijeracpira). Послѣ 22½ г. м. (300 ли) теченія соединяются они въ одну рѣку, которая послѣ 15 г. м. (200 ли) теченія на В. при-

(396) Jegor Pesterew Remarques sur les peuples qui habitent la frontière chinoise etc. въ Magasin Asiatiq. I. p. 123-171.

(397) Ab. Remusat Rech. sur la ville de Karakorum p. 15, 18, 28; Klaproth Asiat. Magas. I. p. 28.

(398) Chinesische Reichsgeographie въ Timkowsky II. p. 230.

нимаетъ въ себя съ правой стороны рѣку Хассуй (Hazey-pira у Д'Анвиля), а еще 15 г. м. (200 ли) далѣе къ С.-В. съ лѣвой стороны р. Эхэ (Ehe-pira у Д'Анвиля). Черезъ 30 г. м. (40 ли) оттуда къ С.-В. Селенга принимаетъ съ правой стороны Орхонъ. Послѣ того, сохраняя свое направленіе къ С.-В., она приближается къ русской границѣ, принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны Джеде (у Русскихъ Джида), а съ правой Чуку (у Русскихъ Чикой), Хилокъ (ниже Селенгинска), Удэ (у Русскихъ Уда) и нѣкоторыя другія и впадаетъ послѣ 75 г. м. (1,000 ли) теченія къ С. въ небольшое море Байкалъ, изъ котораго снова течетъ на С. подъ именемъ Ангары (Анъ-го-ла у Китайцевъ) въ Сѣверный Океанъ. Отъ Русскихъ мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о верховьяхъ этой рѣки: они описываютъ только нижнее ея теченіе въ своихъ владѣніяхъ. Русскіе источники говорятъ ([399]): Селенга, выходя изъ китайскихъ владѣній, течетъ на протяженіи 40 г. м. (300 верстъ) по Сибири, образуетъ множество острововъ и впадаетъ восемью рукавами въ Байкальское озеро. Обыкновенная ширина рѣки отъ 1,400 до 3,500 футовъ (200—500 саженъ), а съ рукавами иногда до 4 1/2 г. м. (30 верстъ). Дж. Бель ([400]), замѣчаетъ что Селенга при городѣ Селенгинскѣ по крайней мѣрѣ вдвое шире Темзы и очень далеко судоходна вверхъ своего теченія, что истокъ ея лежитъ въ 12 дняхъ пути выше этого города и что она очень богата рыбою. Глубина ея измѣняется здѣсь отъ 14 до 56 футовъ (2-8 саженъ). Правый берегъ выше лѣваго, береговыя горы состоятъ изъ гранита (?) и поросли травою; ложе ея песчано и каменисто. Халхасъ-Монголъ, разспрашиваемый пат. Жербильономъ, называлъ хребетъ горъ, изъ котораго вытекаетъ Селенга — Тану ([401]): очевидно что онъ принималъ за истокъ Селенги верхній Караталъ, что совершенно согласуется съ вышеупомянутымъ показа-

(399) См. Гидрографію Байкальскаго озера съ русскаго Клапрота въ Nouv. Annales des Voy. T. XXVII. p. 300.

(400) J. Bell Trad. T. I. p. 291.

(401) P. Gerbillon Voy. VIII у Du Halde IV. p. 322.

ніемъ Государственной Географіи. О нижнемъ теченіи Селенги см. ниже.

Притоки Селенгинской системы.

1) *Эхэ* (на русскихъ картахъ Ига)—течетъ изъ озера Коссогола (см. выше Хан-гай N 1), имѣетъ 50 г. м. (700 ли) длины къ Ю.-В, впадаетъ въ Селенгу съ лѣвой стороны и принимаетъ съ обѣихъ сторонъ множество впрочемъ малоизвѣстныхъ притоковъ.

2) Хассуй имѣетъ 37 г. м. (500 ли.) теченія къ С.-В. и впадаетъ въ Селенгу съ правой стороны.

3) Тамиръ, на Ю. отъ предъидущаго, притокъ Орхона (см. выше Хан-гай N 5): онъ принимаетъ начало изъ Хан-гая и двумя вѣтвями, текущими отдѣльно на протяженіи 15 г. м. (200 ли) и соединяющимися къ С.-В. въ одну рѣку (Courban-Tamir у Д'Анвиля), которая послѣ 7—8 миль (100 ли) теченія впадаетъ съ лѣвой стороны въ Орхонъ.

4) Орхонъ (Orghon-Pira у Д'Анвиля), О-лу-хоэнъ у новѣйшихъ Китайцевъ, Вепъ-Куэнъ въ древности, также иногда просто Куэнъ или Ванъ-ги ([402]). Онъ имѣетъ 2 истока: одинъ выходитъ съ южной стороны Хан-гая, составляетъ сѣверную вѣтвь и можетъ назваться собственно Орхономъ: между-тѣмъ какъ другой называется Улястаемъ и составляетъ южную вѣтвь (см. выше Хан-гай N 9). Оба ручья соединяются послѣ $7^1/_2$ г. м. (100 ли), текутъ столько же черезъ горы къ В., а послѣ того 15 г. м. (200 ли.) къ С.-В., мимо храма Эрдени-Цзао (см. выше N 11). По выходѣ изъ горъ Орхонъ течетъ еще 12 г. м. (150 ли.) въ томъ же направленіи, потомъ поворачиваетъ къ С.-З. въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ Каракорумъ (см. выше N 13), принимаетъ Тамиръ съ лѣвой стороны и поворачиваетъ на С. Послѣ $7^1/_2$ г. м. (100 ли) теченія изгибается онъ снова и течетъ $7^1/_2$ г. м. (100 ли) къ С.-В. Здѣсь принимаетъ онъ теплый ключъ, а $22^1/_2$ г. м. (300 ли) далѣе съ Ю.-В. рѣку

(402) Ab. Remusat Rech. sur Karakorum p. 17, 28.

Тулу. Затѣмъ проходитъ онъ по западной сторонѣ хребта Хайларъ, принимаетъ р. Кара съ Ю.-В., поворачиваетъ 7½ г. м. (100 ли) далѣе на С.-З. и впадаетъ въ Селенгу. Этотъ Орхонъ, говоритъ китайскій географъ, значительнѣе Тулы, но менѣе Селенги. Подобно этимъ двумъ рѣкамъ онъ имѣетъ очень извилистое и стремительное течепіе черезъ горы: воды его очень чисты, богаты рыбою, берега поросли ивами и густыми ильмами. При соединеніи своемъ съ Тулою, говоритъ Тулишенъ (403), Орхонъ поворачиваетъ мимо мѣстопребыванія великаго ламы или Кутухту, Шенуцзунъ-Танъ-муня и орошаетъ пастбища кочеваго племени Тушету-хана. Государственная Географія также говоритъ: на С. отъ сліянія Орхона съ Селенгою проходитъ граница съ Русскими (Оросами см. ниже), а на Ю. оттуда лежатъ владѣнія халхасскаго Тушету-хана (Touchetou-Can).

5) Тула, при династіи Танъ—То-ло, впослѣдствіи Ту-во-ла, Тула. Она выходитъ двумя истоками съ западнаго склона горъ Терельцзи и Бага-Кентей (см. выше Кентей N 1) и сначала течетъ 15 г. м. (200 ли) къ Ю.-З., принимая въ себя множество небольшихъ рѣчекъ, потомъ проходитъ сѣвернѣе лѣснстаго Джао-модо на 7½ г. м. (100 ли) къ З. мимо Ханъ-Ола. На западномъ берегу ея лежитъ Урга, въ которой Тула омываетъ Курень (т. е. мѣстопребываніе Кутухту). Послѣ того она поворачиваетъ на 7½ г. м. (100 ли) къ Ю., а затѣмъ на 20 г. м. (300 ли) къ С., принимая въ себя съ Ю.-З. Каратка-Голъ (Karcha-pira у Д'Анвиля), и наконецъ впадаетъ въ Орхонъ. Въ 37 г. м. (50 ли) къ Ю. отъ сліянія двухъ рѣкъ, по свидѣтельству Аб. Ремюза (404), вѣроятно находился древній Каракорумъ: и сюда относится то мѣсто исторіи династіи Танъ, въ которомъ говорится, что къ С. отъ Каракорума до Селенги считается 45 г. м. (600 ли): къ С.-В. отъ Селенги лежитъ сторона, наполненная снѣжными горами и источниками.

(403) Tulischen Narrative въ Staunton 1821 p. 34, въ Souciet observad. astron. въ pat. Gaubil. p. 150.

(404) Rech. Sur la ville de Karakorum p. 20, 32.

6) Кара-Голъ (Kara-pira у Д'Анвиля или Кара-уссу) правый и самый сѣверный изъ притоковъ Орхона, принимаетъ начало въ той же самой горной цѣпи Кентей и Сельби, только съ С.-З. стороны, и называется тамъ Куй-голъ (Coüy у Д'Анвиля). Онъ течетъ на С.-З: съ лѣвой стороны принимаетъ Нарынъ и Бургултай (Bourhata у Д'Анвиля), а съ правой Адахай, Сунпаръ (Somnor-pira у Д'Анвиля) и Тунгла (Tonkele у Д'Анвиля). Еще 10 г. м. далѣе принимаетъ онъ съ лѣвой стороны 150 ли) Боро (Poro у Д'Анвиля) и Джахдуръ (Tchatoul у Д'Анвиля) и впадаетъ прямо на С. въ Орхонъ. Еще далѣе къ С. отъ Карагола впадаетъ также въ Орхонъ паралельная съ нимъ рѣка Шараголъ, которую не должно смѣшивать съ Караголомъ: долины обѣихъ пересѣкаются караванною дорогою изъ Кяхты въ Ургу, въ пунктахъ, съ которыми мы познакомимся ниже изъ русскихъ источниковъ, точно также какъ и съ обоими нижними правыми притоками Селенги — Чикой и Хилокъ и лѣвымъ Джидою.

II. Верховья системы Амура.

Здѣсь наши свѣдѣнія, заимствованныя изъ китайскихъ источниковъ, распространяются только на китайскія части монгольскихъ рѣкъ Кэрулэна и Онона, потому-что третья, самая сѣверная паралельная съ ними рѣка Ингода вся лежитъ въ русскихъ владѣніяхъ, въ Даурскомъ хребтѣ окраины, и показанія о ней мы найдемъ ниже.

1) Ононъ, впослѣдствіи превращающійся въ Амуръ, назывался въ древности у Китайцевъ Ва-нанъ-хэ [405]. Истокъ его лежитъ въ 15 г. м. (200 ли) къ С.-З. отъ Кэрулэна въ Кентеѣ (см. выше Кентей-ханъ № 1). Отсюда направляется онъ къ В. на Ю. отъ большаго Хин-гана. Въ восточномъ направленіи течетъ онъ $37\frac{1}{2}$ г. м. (500 ли) и принимаетъ 8 небольшихъ рѣчекъ. Послѣ впаденія Корсу-гола (Kiorsou-pira) съ южной стороны, поворачиваетъ онъ мимо города Нерчинска (Nepschu у

(405) Ab. Remusat Jd. p. 9, 35.

Маньчжуровъ, Niptchou у Д'Анвиля). Въ этомъ промежуткѣ принимаетъ онъ болѣе 10 рѣкъ съ С.-З. какъ напр. Агачу, Тарбагатай. Тулудой. Торбальцзи и нѣсколько другихъ. Съ Ю. 20 г. м. (300 ли) далѣе достигаетъ онъ пограничнаго столба. Китайское описаніе нижняго теченія Онона дѣлается очень неопредѣленнымъ. потому что тамъ даже не упоминается о сѣверномъ главномъ притокѣ его Ингодѣ. по соединеніи съ которымъ рѣка ([406]) принимаетъ у Русскихъ новое названіе Шилки, а у Маньчжуровъ Сахалянъ-Ула и ниже котораго въ двухъ дняхъ пути она проходитъ мимо Нерчинска. Разумѣется китайская государственная граница лежитъ далеко на Ю. отъ нижняго Онона и рѣка эта. которой длину Мессершмидтъ ([407]) полагаетъ въ 10 дней пути, по свидѣтельству его проходитъ черезъ совершенно безплодную и необитаемую пустыню. потому о нижнемъ Ононѣ имѣемъ мы мало свѣдѣній. Нѣкогда былъ онъ боготворимою рѣкою, потому что на берегу его родился Чингисъ-ханъ ([408]) и что этотъ Тайцзунъ (китайскій его титулъ) Юаньской династіи имѣлъ пребываніе со всѣмъ дворомъ своимъ на рѣкѣ Вананѣ. къ С. отъ Великой степи. прежде нежели перенесъ его въ Каракорумъ (1206 г.). Также на берегахъ Ванана или Онона (Цананъ-Цецзенъ ([409]) говоритъ на берегахъ Кэрулэна) происходило восшествіе на престолъ Темучина, описанное въ Тунъ-канъ-канъ-му. Китайс. Госуд. Географія ([410]) упоминаетъ объ озерѣ Хуху-норъ. т. е. Синемъ, но различномъ отъ большаго Тибетскаго озера того же имени (см. Т. I ст. 513), на которомъ произошло восшествіе Темучина на престолъ: въ настоящее время положеніе этого озера совершенно неизвѣстно. Предокъ Чингисъ-хана Бюртэ-Чино

(406) Gmelin Flora Sibirica 1758 4. T. I. p. XVIII; Gerbillon Voy. II y Duhalde IV, p. 219.

(407) D. G. Messerschmidt Reise въ Pallas Neue nördische Beiträge III. p. 121, 123; D. Hess Geognost. Beobacht. l. c. p. 338.

(408) Китайская Государственная Географія въ Timkowsky II. p. 235; Ab. Remusat Recherches sur la Ville de Karakorum изъ Sou-houng-kian-lou p. 9. 35.

(409) Ssanang Ssetsen Geschichte der Mongolen p. 57, 62, 71, etc.

(410) Въ Timkowsky II. p. 240.

(см. выше ст. 136) встрѣтился въ первый разъ при горѣ Бурханъ-Халдунъ, изъ которой вытекаетъ Ононъ, съ предками Монголовъ, племенемъ Бэдэ, которые избрали его своимъ верховнымъ начальникомъ; ближайшій предокъ его Борджигенъ (см. выше) усилился на рѣкѣ Ононѣ властью надъ пребывавшимъ тамъ племенемъ, не имѣвшимъ предводителя, и на той же рѣкѣ происходили первыя юношескія похожденія міроваго завоевателя. Но отсюда перенесъ онъ свое мѣстопребываніе на З., перейдя на престолъ Хой-ху и Керантовъ, а внуки его перешли еще далѣе къ Ю. и Ононъ впалъ въ забвеніе до тѣхъ поръ, пока Чингисъ-Ханиды въ XIV вѣкѣ не были свержены съ китайскаго престола, и Ононъ не сдѣлался снова ихъ убѣжищемъ, не смотря на то, что китайскія войска преслѣдовали бѣглецовъ до этой рѣки. Китайцы даже упоминаютъ о побѣдѣ своей [411]) надъ Монголами на Ононѣ въ 1410 году, о которой впрочемъ Монгольская исторія совершенно умалчиваетъ.

2)Кэрулэнъ ([412]), въ древности у Китайцевъ ([413]) Кюланъ или Лукю-хэ; Кѣй-лу-лянъ въ Монгольской исторіи. Истокъ его находится на Ю. отъ горнаго хребта Кентея (см. выше № 1), въ 150 г. м. (2,000 ли) на С. отъ страны Ордосовъ. Онъ принимаетъ въ себя 5 небольшихъ рѣчекъ, течетъ на 15 геог. м. (200 ли) къ Ю., послѣ чего поворачиваетъ къ Ю.-В. Здѣсь прорывается онъ черезъ ущелье горъ Баинъ-Ола (Payen Oulon у Д'Анвиля), и принимаетъ съ С. рѣку Сунгиръ (Sencour-pira у Д'Анвиля). 7½ г. м. (100 ли) далѣе, пройдя съ южной стороны Тоно-Ола и скалы съ надписью (см. выше Хинъ-ганъ № 5), Кэрулэнъ поворачиваетъ къ С.-В. и принимаетъ 15 г. м. (200 ли) далѣе, съ лѣвой стороны р. Терельцзи (Tarkildschi-pira у Д'Анвиля), текущую съ С.-З. съ Кентея. Здѣсь, по обѣимъ сторонамъ устья Терельцзи, находятся мѣста, исторически прославленныя войсками императора Канъ-хи, во время похода его противъ

(411) въ Timkowsky II. p. 236, въ Ssanang Ssetsen p. 145 и Not. p. 404.
(412) Китайская Государственная Географія въ Timkowsky II. p. 233.
(413) Ab. Remusat Karakorum. p. 28.

Элютовъ, въ то время когда онъ прошелъ степь Гоби взадъ и впередъ отъ Пекина до береговъ Кэрулэна. Отсюда рѣка течетъ 60 г. м. (800 ли) въ томъ же же направленіи, послѣ чего направляетъ свое теченіе нѣсколько болѣе къ В. Затѣмъ извиваясь на 7½ г. м. (100 ли) теченія къ С.-В. въ озеро Кулунъ или Далай-норъ (Coulon-omo у Д'Анвиля, Kou-louan, т. е. Kouloun-nagour на китайской картѣ) (414). Это озеро (415), лежитъ почти въ 90 г. м. (1.170 ли) къ З. отъ Цицикара, имѣетъ 45 г. м. (600 ли) въ окружности и образуется водами Кэрулэна, впадающаго въ него съ Ю.-З. пересѣкаетъ она двѣ горныя цѣпи и изливается еще послѣ 15 г. м. (200 ли), вытекающаго на С.-В. подъ именемъ Аргуни (*). Во времена владычества династіи Т'анъ озеро это называлось Кю-лунъ, а во время династіи Минь — Кулюань. Второе и меньшее озеро Буиръ-норъ (Pouyour-omo у Д'Анвиля) лежитъ на Ю. отъ Далая; оно наполняется водами рѣки Халха (416) (Kalka-pira у Д'Анвиля), текущей въ него съ Ю.-В. изъ знаменитыхъ горъ Сойэлки (Siolki, Soioltgi) (47° сѣв. шир.), лежащихъ въ Хин-ганѣ, на Ю. отъ горнаго прохода Яло. На этомъ Буиръ-норѣ находится древнее отечество племени Тата (см. Т. I ст. 632). Р. Аргунь, вытекая изъ озера Кулунъ, по наблюденію Мессершмидта подъ 49° 17′ сѣв. шир.: составляетъ границу между Солонами (Маньчжурами) и Оросами (т. е. Русскими), получая названіе Эргунэ (Аргуни). Здѣсь принимаетъ она съ В. р. Хайларъ, вытекающую изъ горнаго прохода Яло въ Хинганѣ. (см. Т. I ст. 298). Еще 60 г. м. (800 ли) далѣе къ С.-В. впадаетъ она наконецъ въ Амуръ (у Китайцевъ Хэ-лунъ-канъ). На Ю. отъ Кэрулена начинается безводная об-

(414) по Sou-houng-kian-lou въ Ab. Remusat sur Karakorum p. 28.

(415) Китайская Государственная Географія въ Timkowsky T. II. p. 240, и Клапрота nota 1. Jd. T. I. p. 160, въ опроверженіе Спасскаго по Messerschmidt, въ Pallas neue Nord. Beitr. T. III. p. 133.

(*) Нынѣ р. Аргунь уже не вытекаетъ изъ озера Далая и только иногда соединяется съ нимъ во время разливовъ озера. Притокъ же Аргуни Хайларъ обратился въ истокъ ея *Пр. Пер.*

(416) Duhalde IV. p. 23, 505.

наженная степь Гоби. Въ X и XI вѣкѣ рѣка эта составляла границу между царствомъ Ляо, въ сѣверномъ Китаѣ и страною Монголовъ, обитавшихъ на С. отъ него. Послѣ того съ Кэрулэна распространилось могущество Юаней, и на берега его возвратились изгнанные изъ Китая Чингисъ-ханиды. Спасшіеся 6,000 Монголовъ были собраны вмѣстѣ съ остальными, говоритъ историкъ ([417]) кахапомъ Тохонъ-Тимуромъ (у Китайцевъ Хуньдо), который прибылъ съ ними на берега Кэрулэна, гдѣ и основалъ городъ Барсъ-Хотонъ: онъ умеръ тамъ въ 1730 году. Городъ этотъ есть по мнѣнію Шмидта китайскій Инъ-Чанъфу, котораго развалины были вновь открыты Жербильономъ въ 1698 г. на сѣверномъ берегу Кэрулэна (48^0 с. ш., 2^0 $40'$ з. д. отъ Пекина по Д'Анвилевой картѣ, т. е. 111^0 $22'$ в. д. отъ Парижа ([418]). Во времена Юаней городъ имѣлъ 3 часа (20 ли) окружности: Жербильонъ видѣлъ еще значительные остатки землянаго вала и двѣ полуразрушенныя пирамиды. Говорятъ, онъ получилъ названіе Барсъ-хотонъ (Хотонъ значитъ городъ), т. е. тигроваго города, отъ часто раздававшагося здѣсь рева тигровъ. Жербильонъ разбилъ свой лагерь вблизи его (въ Kerlonni cantchonckou-alin). Кругомъ разстилается обширная равнина съ хорошими пастбищами; только къ З. въ 9 часахъ (60 ли), оттуда Кэрулэнъ изгибается по южную сторону горы на южной сторонѣ ея и входитъ въ ущелье Бу-синь (Pousing-angha у Д'Анвиля), гдѣ около рѣки образуется дефиле, на Ю. отъ котораго лежатъ горы, а на С. холмы. Дю-Гальде ([419]) полагалъ, однако же безъ основанія, что это могли быть древнія городскія постройки Хубилай-хана. О разрушеніи этой временной резиденціи изгнанниковъ не знаемъ мы ничего опредѣленнаго, но съ достаточнымъ основаніемъ можемъ полагать, что оно произошло въ началѣ XV вѣка, во время междоусобій Монго-

---

(417) Ssanang-Ssetsen Gesch. der Mongolen p. 137. Not. 1. der Schmidt. p. 402. Ab. Remusat Karakorum, p. 52.

(418) Gerbillon Voy. VIII. y Duhalde IV. p. 510.

(419) Duhalde IV. p. 23.

ловъ, когда нѣкоторое время съ 1399 г. ([420]) властвовали Ойрады и почти уничтожили ослабленную фамилію Чингисъханидовъ, современъ сыновей Тимура, перенесшихъ во второй разъ свою резиденцію на З. въ Каракорумъ, разрушенный вскорѣ послѣ того Ойрадами, какъ то съ большимъ вѣроятіемъ слѣдуетъ изъ приводимой историкомъ насмѣшливой рѣчи народнаго собранія о возобновленіи Корум-хана (т. е. Каракорума). Китайская Государственная Географія представляетъ объ этомъ времени много историческихъ данныхъ, имѣющихъ впрочемъ второстепенный интересъ, и относящихся къ берегамъ Кэрулэна. Мы не можемъ однако же согласить ихъ съ данными, приводимыми Цананъ-Цеценомъ и опускаемъ ихъ потому, что все приведенное достаточно обрисовываетъ намъ природу рѣки, служащей границею степи Гоби, на сѣверныхъ предѣлахъ Китайской Имперіи и богатаго пастбищами и источниками, гористаго отечества Монголовъ, лежащаго къ С. отъ нихъ. Эта естественная и этнографическая граница плоскогорія составляетъ великую, крѣпкую, стратегическую и историческую линію, растянутую съ З. къ В. Подобно оси кристалла, направляющей своею динамическою силою соединеніе и группировку кристализующихся частицъ, линія эта естественно обусловила важнѣйшія этнографическія отношенія, какъ напр. колонизаціи, раздѣленія народныя, миграціи, опредѣленія границъ, мѣстопребыванія и походы на обширномъ пространствѣ плоскогорія. Къ счастію объ этой линіи и земляхъ прилежащихъ къ ней съ китайской стороны имѣемъ мы еще данныя, кромѣ приведенныхъ нами общихъ описаній, а именно отчеты миссіонера-іезуита о его караванныхъ переѣздахъ съ китайскими войсками и посольствами вдоль Кэрулэна и къ Сахаляну (Шилкѣ): изъ нихъ-то мы можемъ составить болѣе живой обзоръ странъ, лежащихъ въ верховьяхъ системы Амура. Мы ознакомимся ниже съ переходомъ іезуита черезъ степь Гоби, а здѣсь разсмотримъ только

(420) Ssanang-Ssetsen p. 145, 147 not. p. 404; 159 etc.: Ab. Remusat sur Karakorum. p. 52.

странствованія его на сѣверѣ степи въ бассейнѣ описываемой нами рѣчной системы. Эти дорожники Жербильона заключаютъ въ себѣ: 1) путь его къ мѣсту собранія Халхасовъ между озерами Буиръ и Далай-норомъ: 2) оттуда къ Кэрулэну: 3) въ Перчинскъ, и 4) вверхъ по Кэрулэну до рѣки Тулы.

МАРШРУТЫ ПАТЕРА ЖЕРБИЛЬОНА НА КЭРУЛЭНѢ.

1) Поѣздка Жербильона между озерами Буиромъ и Далай-норомъ къ мѣсту собранія халхасскихъ хановъ на Уланъ Булакъ (1698) ([421]).

Посольство, сопровождаемое Жербильономъ, направилось 24 мая 1698, изъ Пекина черезъ средину степи Гоби, въ страну Халхасовъ, подъ начальствомъ трехъ мандариновъ. Они должны были предсѣдательствовать на двухъ большихъ собраніяхъ халхасскихъ князей, властвовавшихъ на Ю. и З. отъ Кэрулэна. Князья должны были присягнуть императору Канъ-хи, какъ своему новому властителю, и вмѣстѣ съ присягою принять новую государственную конституцію. Путешественники поднялись на южную окраину горнаго ската къ В. отъ Пе-ча (см. Т. I. ст. 302). Отсюда слѣдовали они съ начала іюня по поверхности плоскогорія, первоначально черезъ однообразную высокую равнину, а во второй половинѣ мѣсяца большею частію черезъ песчаные холмы: по обѣимъ сторонамъ лежали горныя области на З. Хаочитъ, къ В. Ару-Корчинъ. 29 іюня достигли они подъ 47° 17'—с. ш., до тогдашней сѣверной границы Китайской Имперіи, на С. отъ песчаной Гоби. Граница эта на Д'Анвилевыхъ картахъ означена линіею Карунъ ([422]) (Caron ou limite des Kalkas), проходящею отъ горъ Сойэлки и истока р. Халха на Ю.-З. сѣвернѣе Ху-ху-хотоня къ Инь-Шану. До прибытія своего въ древнюю страну Халхасовъ, караванъ долженъ былъ пройти черезъ необозримыя равнины, лишенныя всякихъ видимыхъ отно-

(421) Gerbillon Voy. VIII. 1698 въ Duhalde IV. p. 500—505.
(422) Gerbillon въ Duhalde IV. p. 206, 526. Mailla Hist. Gen. T. XI. p. 174, 182.

16

сительныхъ высотъ. Оттуда до мѣста собранія оставалось еще 5 дней пути. 21 г. м. (284 ли). Послѣ перваго дня пути путешественники прибыли къ небольшому соляному озеру Чабту-норъ (Tchapton-Nor, 47° 42′ с. ш.), гдѣ Жербильонъ не встрѣтилъ ничего замѣчательнаго, кромѣ мучительныхъ комаровъ: до самаго озера не было встрѣчено ни горы, ни дерева, ни воды, ни юрты. На второй день пути слѣдовали черезъ такую же высокую равнину до западнаго берега Буиръ-нора (Bouir-Nor), до котораго также не встрѣтилось ни одного возвышенія. Здѣсь находилось нѣсколько монгольскихъ палатокъ; мѣсто привала, по наблюденію Жербильона, оказалось подъ 48° 4′ с. ш. Обширное озеро было богато не крупною впрочемъ рыбою, въ особенности хорошею бѣлорыбицею и дурными карпіями. На третій день путешественники проходили по плоскому, твердому, песчаному западному берегу озера, поросшему короткою травою, приманившею сюда множество монгольскихъ юртъ съ ихъ стадами. Жербильонъ нашелъ, что обитавшіе здѣсь Халхасы гораздо зажиточнѣе чѣмъ Монголы китайской границы. Ихъ многочисленныя стада состояли изъ верблюдовъ, лошадей, овецъ и рогатаго скота. Озеро при западномъ берегѣ имѣетъ только 4 фута глубины. Въ средину его путешественники не могли проникнуть по недостатку въ лодкахъ; рыба въ немъ ловилась только мелкая: самая большая въ 1½ ф. длиною. На четвертый день путешественники также слѣдовали еще вдоль озера, простирающагося на 6 г. м. (80 ли), отъ Ю.Ю.-З. къ С.С.-В. и, имѣющаго только 2 мили (30 ли) ширины. Съ С.-В. его стороны впадаетъ въ него рѣка Халха (Kalka-pira Маньчжуровъ), отъ которой произошло мѣстное названіе сѣвернаго, монгольскаго племени до тѣхъ поръ остававшагося независимымъ. Но гдѣ именно находилось устье этой рѣки, Жербильонъ въ точности не могъ развѣдать. Истокъ озера къ С. (подъ 43° 3′) называется Урсунъ (Oursoun, Oursoun-pira у Д'Анвиля); онъ впадаетъ въ Далай-норъ. Путь Жербильона продолжался вдоль этой рѣки. Поверхность здѣсь кажется еще совершенно плоскою, однакоже,

замѣчаетъ патеръ Жербильонъ, плоскогоріе все болѣе и болѣе поднимается къ С.: на С.-В. появляется гора, которая очень бросается въ глаза, потому-что стоитъ совершенно уединенно (можетъ быть Sibé Alin? у Д'Анвиля). На пятый день караванъ, слѣдуя вдоль берега Урсуна, достигъ наконецъ до лагеря, назначеннаго мѣстомъ собранія и расположеннаго при ручьѣ Уланъ-Булакѣ, на слегка волнистой поверхности, замѣчательной совершеннымъ отсутствіемъ кустарниковъ и деревьевъ, подъ 48^0 30′ с. ш.: здѣсь путешественники пробыли цѣлую недѣлю на торжествѣ по случаю вступленія Халхасовъ въ подданство Китая. Всѣ ханы или князья восточныхъ Халхасъ-Монголовъ съ Кэрулэна, Буиръ и Кулунъ-Нора, были уже собраны для торжественнаго пріема посольства: какъ новые вассалы принимали они приказанія императора при чтеніи *чи* (или указа), Да-шенемъ (императорскимъ посломъ). Всѣ Халхасы были раздѣлены на знамена (полки) и эскадроны (хошунъ и нюрусъ, послѣдніе въ 150 семействъ каждый): всѣ князья собрались какъ союзники, и обычные пограничные караулы были сняты. Два высокія императорскія знамени и великолѣпный китайскій зонтикъ, поставленный въ видѣ балдахина между двумя палатками, означали присутствіе императора, который былъ представляемъ чи (указомъ): благовонный жертвенникъ (хянъ изъ благовоннаго дерева) горѣлъ передъ нимъ. Этотъ чи обуздывалъ самыхъ дикихъ халхасскихъ предводителей, сбиравшихся въ кружокъ въ почтительномъ отдаленіи 5 ли (45 минутъ): каждый всадникъ, проѣзжая мимо, соскакивалъ съ лошади, какъ только замѣчалъ мѣсто занимаемое чи. Послѣ того указъ былъ переданъ могущественнѣйшему изъ хановъ, возведенному императоромъ въ достоинство Цинъ-вана (Rex или царя перваго класса); за этой церемоніею послѣдовали бесѣды, пиры, рыбныя ловли, празднества, во столько, во сколько позволяла совершать ихъ пустынность степи. Уже 7 лѣтъ ранѣе (1691) импер. Канъ-хи, при Доло-норѣ ([443]) близь горы Печа (см. Т. I. ст. 375), лично принялъ

(423) Gerbillon Voy. III. 1691 y Duhalde IV. p. 314.

*

подъ свое покровительство, умолявшихъ его о томъ и едва спасшихся отъ преслѣдованія Галдана Элютовъ, халхасскихъ князей, которыхъ и утверждалъ въ ихъ достоинствахъ. Теперь кромѣ Цинъвана, находилось здѣсь 5 возведенныхъ въ достоинство Бейле, одинъ въ степень Куна и три въ степень Тайцзи, всего 10 хановъ или князей перваго разряда, столь могущественныхъ, что каждый изъ нихъ могъ составить одно знамя или полкъ. Съ тѣхъ поръ существуетъ 10 халхасскихъ знаменъ другъ отъ друга независимыхъ: каждое изъ нихъ находится только въ прямой зависимости отъ императора, къ которому восходятъ всѣ апелляціи и который удержалъ себѣ право жизни и смерти надъ ними, также какъ и право конфискаціи ихъ имуществъ. Эти 10 знаменъ не платятъ никакой дани, напротивъ того предводители ихъ получаютъ, также какъ и пограничные Монголы (Чжахары), жалованье отъ императора. Когда же они, во время своихъ поѣздокъ въ Пекинъ, привозятъ подарки вмѣсто дани, то ихъ отдариваютъ также подарками. Жербильонъ перечисляетъ ([424]) названія всѣхъ этихъ полковъ и эскадроновъ (нюрусъ). Всего считается 130 нюрусовъ, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 150 семействъ (слѣдов. всего 19.500 семействъ). Каждое семейство состоитъ изъ мужа, жены, дѣтей и рабовъ: они выставляютъ войска. Каждые три года число семействъ повѣряется: изъ сверхкомплектныхъ образуются новые нюрусы. Всѣмъ имъ отъ обоихъ озеръ во всѣхъ направленіяхъ, въ 3, 5, 8 и 10 дняхъ пути отъ Уланъ-Булака, на всемъ пространствѣ, подлежащемъ этому распредѣленію, назначены были опредѣленныя мѣста для пастбищъ (перечисленіе ихъ также находится у Жербильона), которыми были ограничены ихъ кочевья, для устраненія слишкомъ большаго ихъ разсѣянія, потому-что въ прежнія времена они кочевали отъ Баинъ-Ола на верхнемъ Кэрулэнѣ, до горъ Сойэлки при истокахъ рѣки Халха, что чрезвычайно затруднило бы управленіе ими. Это разсѣяніе привело ихъ и прежде въ такое ослаб-

(424) Gerbillon l. c. p. 505.

леніе, что они не могли устоять противъ Элютовъ. Патеръ Жербильонъ замѣтилъ, что благосостояніе между Халхасами распространено было болѣе, нежели между Монголами китайской границы: нѣкоторые изъ ихъ хановъ имѣли табуны отъ 8 до 10.000 головъ лошадей. Они вымѣниваютъ своихъ лошадей, тощихъ верблюдовъ, быковъ и овецъ на чай, шелкъ, табакъ, и занимаются нѣкоторыми промыслами, какъ напр. рыболовствомъ на озерахъ, также ловлею рѣчныхъ выдръ. Изъ рыбъ водятся въ здѣшнихъ озерахъ карпіи, щуки, угри и большая порода Ляо-Дуньскихъ рыбъ, вѣсомъ въ 56 фунтовъ, называемая здѣсь чачихи (?)

2) *Поѣздка Жербильона на Нижній Кэрулэнъ: продолженіе ея до переправы при Хороботъ-Бергенъ* ([425]).

11 іюля караванъ тронулся съ мѣста собранія на Уланъ-Булакѣ и направился по рѣкѣ Урсуну, отсюда медленно текущей въ озеро Кулунъ или Далай-Норъ (море-озеро), котораго южный узкій заливъ лежитъ въ 5 г. м. (67 ли) отъ упомянутаго мѣста. Главная же поверхность озера лежитъ далѣе къ С.-В. и имѣетъ 7 дней пути (каждый въ 9—10 часовъ, т. е. 60—70 ли) окружности. Но караванъ Жербильона остановился при южной оконечности залива, близъ устья Кэрулэна (подъ 48°48′. с. ш.), гдѣ горныя вершины заслоняли отъ взора путешественниковъ поверхность озера, лежавшую въ 1 1/2 часахъ оттуда. Съ высотъ видна была однакоже его сѣверная оконечность, изъ которой вытекаетъ Аргунь. Горы, окружающія озеро, не высоки: три замѣчательнѣйшія изъ нихъ суть: Халю-Тай къ Ю., Ольчинъ въ срединѣ, Гурбанъ-Чике на С., близъ берега Аргуни. Южный берегъ озера песчанъ, неровенъ, поросъ отдѣльными массами травы, которую особенно любятъ верблюды. Неглубокое прибрежье озера покрыто песчаными островами, воздухъ наполненъ здѣсь роями комаровъ. Рыбаки принуждены идти полчаса въ бродъ, прежде чѣмъ достигаютъ 3 ф. глубины. Мѣсто привала на южной око-

(425) Gerbillon Voy. VIII y Duhalde IV. p. 506—509.

нечности небольшаго залива называлось Далай-чоэ-чунъ-далай. Къ описанію патера Жербильона присовокупляемъ мы свѣдѣнія, сообщенныя Д-мъ Мессершмидтомъ, въ дневникѣ его путешествія изъ Нерчинска, совершеннаго 1724 г. сентября 14, въ которомъ онъ достигъ до сѣверной оконечности этого озера (426). Намъ неизвѣстно ни одного путешествія вокругъ всего озера. Упомянутый ученый естествоиспытатель странствовалъ вверхъ по р. Аргуни до впаденія въ нея Хайлара (427) съ правой стороны, обстоятельство напрасно оспариваемое Спасскимъ, котораго оригинальныя возраженія опровергнуты (428). Противъ впаденія Хайлара Аргунь имѣетъ высокій скалистый берегъ. Низменность, по которой она течетъ, широка и по обѣимъ сторонамъ покрыта множествомъ озеръ и болотъ. На сосѣднемъ курганѣ стоитъ каменная статуя, изображающая человѣка и очень грубо-высѣченная. Въ тотъ же вечеръ путешественникъ достигъ до сѣверной оконечности Далай Нора, т. е. святаго озера и истока Аргуни, при которомъ онъ раскинулъ свою палатку на холмѣ подъ 49° 17′ с. ш. Длину озера Мессершмидтъ полагаетъ въ 8 г. м., а ширину въ 5 и называетъ его Эхэ-Далай-Норъ, т. е. большое, святое озеро. Ложе его углублено въ сторону горъ, иловато, берегъ совершенно мягокъ, вода бѣловата, подобно мыльной водѣ, непрозрачна, слизиста, солена, содержитъ много извести и очень дурна на вкусъ. На берегу находятся большія прѣсноводныя раковины (Mytilus lacustris), часто имѣющія 5 унцій вѣсомъ; для ловли рыбы не нашлось прибора; однакоже Палласъ замѣчаетъ (429), что Далай-Норъ богатъ рыбою и что во время половодья, въ началѣ лѣта, снабжаетъ въ изобиліи даже Аргунь молодыми даурскими карпіями, породою сома (Silurus asotus), краснонерами, сигами (Salmo oxyrhynchus) и. т. д.

(426) Dr. Messerschmidt Siebenjährige Reise in Siberien въ Pallas N. Nord. Beitr. Th. III. 1782 p. 97—158.

(427) Ibid. стр. 133.

(428) Timkowsky Voy. T. I. p. 160. not.

(429) Pallas R. Th. III. p. 433.

Западная сторона озера есть холмистая, отчасти гористая степь, которой горы отчасти скалисты: восточная сторона кажется точно такою же. Въ одномъ мѣстѣ ближайшаго небольшаго горнаго кряжа, Мессершмидтъ нашелъ на уступѣ скалы, подъ нависшимъ утесомъ, металическій колоколъ, небольшіе металическіе кубки, металическое блюдо, наполненное пылью, маленькую связку тангутскихъ письменъ, заключенную между двумя дощечками, завернутую въ бумажный платокъ и связанную кожаными ремнями; вблизи находился, какъ онъ предполагаетъ, пепелъ трупа, и все это показалось ему жертвоприношеніемъ язычниковъ ламайской вѣры. Сосуды были очень просты, но хорошей формы и хорошо выточены. Изъ растеній собралъ онъ здѣсь дикую коноплю (Cannabis procera), Asclepias humilis, Spinacia saxatilis, одинъ видъ Abrotanum и т. д. На С.-З. отъ озера, куда Мессершмидтъ направился 18 сентября, въ обратный путь къ Нигодѣ и Читинску, перешелъ онъ черезъ небольшой горный кряжъ, а послѣ того чрезъ холмистую степь къ Хин-гану, гдѣ на протяженіи 5 г. м. пути, встрѣтилъ еще множество каменныхъ столбовъ полнаго или получеловѣческаго роста, которые издали были похожи на статуи, но вблизи оказались выдавшимися скалами. Въ такомъ же родѣ должно быть, по его предположенію, такъ-называемое окаменѣлое войско на верхнемъ Тоболѣ. Окрестная степь вся была засыпана кремнями. На 15. г. м. (100 верстахъ) пути къ С. проходилъ онъ только черезъ отлогія возвышенности или холмы, изрытые норами сурковъ, а между валунами находилъ онъ куски зеленаго мрамора съ бѣлыми жилами: все это продолжалось до рѣки Ульджаръ, впадающей къ С.-В. въ Тарей-Норъ ([430]), обширный солончакъ посреди степи, пересыхающій лѣтомъ совершенно за исключеніемъ нѣсколькихъ соленыхъ лужъ. Оттуда къ С. показались нѣкоторые изъ пустынныхъ горныхъ кряжей ([431]), сопровождающихъ, какъ мы уже замѣтили выше, южный

---

(430) Messerschmidt l. c. p. 137; Pallas R. Th. III, p. 215.
(431) Messerschmidt l. c. p. 140.

берегъ Онона, и на которые должно смотрѣть какъ на единственные слѣды Хинганскаго хребта: подъ этимъ именемъ разумѣемъ мы хребетъ сѣверной окраины, составляющій склонъ уступа къ С. Мы возвращаемся къ маршруту Жербильона, который направился отъ Далай-Нора на З. вверхъ по рѣкѣ Кэрулэну, на 4 дня пути или 20 г. м. (285 ли) до прибрежныхъ горъ Хороботъ, т. е. Верблюжій кряжъ, такъ названныхъ по своему очертанію. Здѣсь находится переправа черезъ поварачивающій къ Ю. Кэрулэнъ подъ 48° 30′ с. ш., черезъ который тотъ же патеръ переходилъ нѣсколько лѣтъ ранѣе (1689), на пути своемъ въ Нерчинскъ. Вода Кэрулэна, выше его впаденія въ Далай-Норъ подъ 48° 48′ с. ш. (432), была очень вкусна и здорова: вдоль сѣвернаго берега его тянулись безплодныя высоты, южный же его берегъ разстилался въ широкую равнину, покрытую прекрасными лугами. Послѣ втораго дня пути Жербильонъ прошелъ мимо болотъ, черезъ засыпанные валунами агата песчаные холмы къ лагерю на Туне-Норъ подъ 48° с. ш. На третій день пути рѣка имѣла все еще среднюю ширину 60 ф., но только при 2 ф. глубины, и караванъ перешелъ ее въ бродъ, желая достигнуть сѣвернаго ея берега, на богатыхъ пастбищахъ котораго кочевалъ Цеценъ-Ханъ Халхасовъ. Здѣсь были разбиты прекрасныя княжескія палатки, а кругомъ ихъ все было оживлено многочисленными стадами лошадей, верблюдовъ, быковъ, овецъ и козъ. За торжественнымъ пріемомъ послѣдовало пиршество, для котораго было зажарено 10 жирныхъ барановъ и приготовленъ чай. Воды Кэрулэна были въ этомъ мѣстѣ мутны, но богаты рыбою, въ особенности карпіями: рѣка дѣлаетъ здѣсь множество извилинъ и тихо струится черезъ роскошные луга и пастбища. На четвертый день путешественники перешли, на сѣверномъ берегу, черезъ цѣпь небольшихъ обнаженныхъ горъ, и вступили въ высокую равнину, разстилающуюся къ С. на необозримомъ пространствѣ, до очень отдаленныхъ возвышеній.

(432) Gerbillon Voy. VIII y Duhalde IV, p. 507.

Почва на этой степи состояла изъ очень твердаго песчанаго хряща; на ней не было ни дерева ни воды, и только кое-гдѣ показывалась трава. Подлѣ самаго берега рѣки, имѣющей углубленное ложе, продолжали тянуться прекрасные, обильные травою луга, а съ южнаго берега подымались незначительныя высоты. Вдоль обнаженной цѣпи холмовъ упомянутаго Верблюжьяго хребта (Хороботъ), идетъ дорога на С. къ Нерчинску, по которой мы будемъ сопровождать теперь Жербильона, для изученія поперечнаго разрѣза высокой степи, лежащей въ верховьяхъ системы, а потомъ уже будемъ продолжать вмѣстѣ съ нимъ путешествіе вдоль береговъ верхняго Кэрулэна до его истока.

3) *Переѣздъ Жербильона поперегъ степи* (433) *отъ Кэрулэна до Нерчинска.*

Это путешествіе было совершено пекинскимъ посольствомъ въ Нерчинскъ для повѣрки границъ обоихъ государствъ, о чемъ уже нѣсколько разъ было упомянуто выше. Посольство тронулось уже съ 15 іюня 1639 г. отъ воротъ великой стѣны Губей-кэу и безъ особенныхъ задержекъ перешло южную окраину, прошло степь Гоби и только 8 іюля достигло старой нейтральной пограничной полосы Карунъ (Caron) на древней государственной этнографической границѣ, которой сѣверная сторона обозначается небольшою степною рѣкою Чоно, текущею съ В. на З. (434). Сюда-то, въ сердце плоскогорія, удалился въ то время халхасскій ханъ съ верхняго Кэрулэна, опасаясь какъ Галдана Элютовъ и жестокихъ его набѣговъ, такъ и Русскихъ. Отсюда начали снова показываться воды и пастбищныя мѣста; до Кэрулэна при переправѣ Хороботъ оставалось 6 дней пути къ С. Первый день (11 іюля) путешественники проходили по ровной, твердой почвѣ, на которой только-что начинала пробиваться трава, потому-что дожди начали выпадать только съ

(433) Gerbillon Voy II. 1689 y Duhalde IV p. 196—258.
(434) Gerbillon l. c. p 206.

начала мѣсяца: на привалѣ Чарчи-Кебуръ рыли колодцы, которые впрочемъ дали хорошую воду. На второй день путешественники проходили черезъ совершенно открытую степь, по крѣпкой песчаной почвѣ до небольшой высоты Халюстай-булакъ, на которой разбили свой лагерь. На третій день проходили по лучшей почвѣ, черезъ высоты, оживленныя многочисленною дичью до ночлега Хунту. Здѣсь путешественники встрѣтили множество зайцовъ, желтыхъ козъ (степныхъ антилопъ), нѣсколькихъ волковъ, одного джигетая (Tchiktey, Equus hemionus) ([435]), также какъ и дикаго степнаго осла. На четвертый и пятый дни пути показались на подобной же, пересѣченной холмами поверхности, превосходныя пастбища, мѣстами вода и стада, состоящія изъ тысячъ упомянутыхъ степныхъ антилопъ. Шестой день пути велъ путешественниковъ черезъ открытую степь, безъ горъ, съ хорошею травою, но безъ деревьевъ и кустарниковъ, до южнаго берега Кэрулэна. Рѣка, черезъ которую путешественники переправились на Ю. отъ горы Хороботъ, имѣетъ только 15 шаговъ ширины, при 3 ф. глубины. Отъ сѣвернаго берега ея караванъ продолжалъ путь свой черезъ высокую степь между Кэрулэномъ и Шилкою при Нерчинскѣ. На этотъ путь было употреблено 12 дней отъ 17 до 31 іюля ([436]), причисляя сюда два дня роздыха. 17 іюля слѣдовали къ С. $6^1/_2$ г. м. (88 ли), по гладкой поверхности, пересѣченной небольшими холмами: песокъ исчезаетъ, почва улучшается, но не показывается еще ни одного дерева. 18 іюля прошли 6 г. м. (77 ли) по такой же поверхности, мимо небольшихъ озеръ; день былъ очень жарокъ, вечеромъ воздухъ сдѣлался очень холоденъ: ночлегъ былъ въ Хуту-Байданѣ, куда 5 халхасскихъ князей прибыли съ Онона къ Кэрулэну, боясь Русскихъ. 19 іюля прошли почти 7 г. м. (92 ли) все черезъ равнины съ хорошими пастбищами, мимо небольшихъ озеръ, наполненныхъ дикими утками. При безоблачномъ небѣ,

(435) Pallas N. Nörd. Beitr. Th. II. p. 1—21.
(436) Gerbillon y Duhalde IV. p. 211 — 220.

воздухъ былъ очень холоденъ отъ с.-з. вѣтра: кругомъ въ степи было много перепелокъ и сурковъ (тарбага), величиною съ выдру, собирающихъ траву въ свои норы на зимнее время. На ночлегѣ при Ободу-Норѣ было множество несносныхъ комаровъ. 20 и 21 іюля прошли въ оба дня 9 г. м. (125 ли) по такой же неровной поверхности съ озерами, надъ которыми летали рои комаровъ: пески уменьшились, ночь была холодна, небо безоблачно, ни деревьевъ, ни кустарниковъ не встрѣчено. 22 іюля: 7 г. м. (94 ли) по неровной поверхности, съ лужами воды въ углубленіяхъ: по мнѣнію Жербильона здѣсь можно было бы разводить хлѣбъ въ небольшомъ количествѣ. Ночлегъ избранъ былъ на рѣкѣ Борджи, имѣющей 20 шаговъ ширины, но въ это время очень прибывшей. Рѣка эта, вытекая здѣсь, направляется къ С.-З. (такъ полагалъ Жербильонъ, по русской же губернской картѣ 1825 года къ Ю.-З.) въОнонъ и своею свѣтлою водою и первыми ивами, растущими на берегу ея, представляетъ самый пріятный видъ для путешественника, претерпѣвшаго множество лишеній. На послѣднихъ трехъ часахъ пути къ С. Жербильонъ увидѣлъ горы значительно выше тѣхъ, которыми было ограничено пройденное до сихъ поръ плоскогоріе. Это было вышеупомянутое восточное продолженіе цѣпи Хин-гана, которая здѣсь сдѣлалась уже пограничнымъ хребтомъ. Переправа черезъ сильно прибывшую рѣку, на слѣдующій день, 23 іюля, стоила жизни нѣсколькимъ людямъ изъ каравана, состоявшаго изъ 100 солдатъ, нѣсколькихъ мандариновъ, охранительной стражи ихъ и 1,600 человѣкъ свиты съ 3 до 4,000 верблюдовъ и 15,000 лошадей. День былъ очень холоденъ: степные грызуны собирали коренья и запасы травы въ свои зимніе магазины. Ночлегъ избранъ былъ на р. Сундѣ, текущей сѣвернѣе предъидущей, паралельно съ нею. 25 іюля прошли 5 г. м. (70 ли) черезъ холмы къ небольшой рѣкѣ Тургэнъ (Tourghé-pira у Д'Анвиля), около которой наконецъ равнина съуживается. Здѣсь дорога вступаетъ въ первыя горныя ущелья (восточнаго продолженія Хин-гана, у бере-

говъ Онона), которыя сначала покрыты травою, а послѣ 3 или 4 часовъ пути лѣсомъ: на значительныхъ высотахъ растутъ пихты, а гораздо ниже только (по замѣчанію Жербильона) единственная порода лиственнаго лѣса, чуждая какъ кажется Европѣ и похожая на осину съ бѣлою корою (по китайски хуа-ху). Горы поросли густымъ лѣсомъ, наполнены топями и болотами и не смотря на свою незначительную высоту имѣютъ много обрывовъ и пропастей, которые текущими въ нихъ ключами и ручьями очень затрудняютъ переходы. Почва очень хороша, трава обильна; лагерь путешественниковъ былъ разбитъ на Ху-лунъ-хэу, рѣкѣ, направляющейся къ С. и впадающей въ Ононъ. Рои комаровъ и жаръ были нестерпимы. 26 іюля проходили по столь же дурнымъ дорогамъ черезъ болотистыя и пустынныя ложбины между очень крутыми и здѣсь уже довольно высокими горами, и переправлялись черезъ стремительную и сильно прибывшую рѣку Уэйду (Ouentou), въ которой утонуло при переправѣ 4 человѣка, 30 лошадей и 8 верблюдовъ. Рѣка была богата рыбою, сосѣдній лѣсъ наполненъ оленями, лисицами, соболями, горностаями и т. д. Послѣ роздыха путешественники тронулись далѣе по такимъ же дурнымъ, болотистымъ и лѣснымъ дорогамъ, такъ что 600 человѣкъ были назначены для ихъ исправленія и мощенія хворостомъ и бревенчатыми мостами. Горы достигаютъ здѣсь значительной высоты. Густой лѣсъ состоитъ также изъ хуа-ху, но содержитъ въ себѣ много фруктовыхъ деревьевъ (arbres fruitiers) до самаго ночлега на ручьѣ Теленгонѣ. Жербильонъ находилъ здѣсь много земляники, подобной европейской. Лѣсъ наполненъ дичью, оленями и медвѣдями, и часто посѣщаемъ дикими Татарами (?). Дождь и дурная дорога принудили путешественниковъ сдѣлать второй роздыхъ, не смотря на то что цѣль ихъ путешествія была очень близка. 30 іюля слѣдовали далѣе черезъ лѣсистыя горы, покрытыя все болѣе и болѣе превосходнымъ и разнообразнымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ елей, пихтъ, хуа-ху и другихъ прекрасныхъ деревьевъ; вездѣ встрѣчалась земляника, а первыя многочисленныя хлѣбныя поля появились при станціи Ай-Эргунъ. При наступившей здѣсь свѣт-

лой ночи и утромъ совершенно исчезла сильная стужа, которую путешественники испытывали доселѣ каждую ночь на плоскогоріи. Наконецъ проникли они 31 іюля послѣ 3 добрыхъ миль (44 ли) пути черезъ весь лѣсистый горный хребетъ къ рѣкѣ Сахаляну (Шилкѣ), которая здѣсь имѣетъ только 4 1/2 минуты (1 1/2 ли) ширины, но за то очень глубока. Только черезъ 1 1/2 часа, слѣдуя вдоль по рѣкѣ, достигли они Нерчинска (Нипчу Маньчжуровъ). Городъ, подъ 51° 46′ сѣв. шир. (вѣрнѣе 51° 55′ 34″ сѣв. шир., 134° 12′ 21″ вост. дол. отъ Ферро) ([437]), показался въ видѣ укрѣпленія на концѣ большаго залива, образуемаго сліяніемъ обѣихъ рѣкъ, изъ которыхъ меньшая называется у Русскихъ Нипчу или Нерча. Къ В. отъ города лежатъ довольно высокія горы, къ З. пріятные для глазъ холмы съ полями и лѣсами, къ С. необъятная равнина, къ Ю. заливъ Шилки или Сахалянъ-Ула Маньчжуровъ, по которой на 375 г. м. вверхъ отъ устья Амура шла китайская флотилія изъ 100 судовъ средней величины подъ парусами и на веслахъ съ 1,500 солдатами и 3,000 обозными, присоединившимися тутъ къ свитѣ посольства, слѣдовавшаго сухимъ путемъ, для того, чтобы во время переговоровъ о пограничномъ трактатѣ придать посольству грозный видъ. Русскій посланникъ графъ Головинъ предложилъ Амуръ границею обоихъ государствъ, черезъ что Сибирь современемъ выиграла бы судоходство по этой рѣкѣ. Но такъ какъ Китайцы имѣли въ низовьяхъ его мѣстечки и соболиныхъ охотниковъ на сѣверной сторонѣ рѣки, то они не согласились на это, но напротивъ дерзко требовали удаленія русскихъ до Селенги. Іезуиты, которые записывали на латинскомъ языкѣ переговоры русской и маньчжуро-китайской спорящихъ партій, приписываютъ себѣ честь прекращенія сильныхъ преній. Аргунь была назначена пограничною рѣкою, а дальнѣйшая граница въ точности опредѣлена къ В. до Горбицы на Шилкѣ, а къ З. черезъ Ононъ до

(437) F. v. Schubert. Ortsbestimmungen Tab. XXXII St. Petersb. 1826 8. Gerbillon l. c. p. 221.

высокаго Кентея. Мирный договоръ ([438]) былъ заключенъ 2 сент. 1689 г. Возвращеніе посольства не дастъ нашему обозрѣнію никакого новаго или поучительнаго результата, но за то обильно послѣдствіями продолженіе позднѣйшаго путешествія Жербильона вдоль верхняго Кэрулэна, къ которому мы теперь и переходимъ.

Поѣздка Жербильона вдоль верхняго Кэрулэна, продолженная ([439]) отъ горы Хороботъ до верховьевъ этой рѣки, орошающей плоскогоріе.

Путешествіе это отъ переправы при горѣ Хороботъ, вдоль р. Кэрулэна, до водораздѣла, отдѣляющаго ее отъ р. Тулы, продолжалось около 14 дней: отъ 16 іюня до 1 августа 1639, большею частію подъ 48° с. ш. Въ первые пять дней пути путешественники слѣдовали 25 г. м. (334 ли) по прибрежнымъ берегамъ долины Кэрулэна, рѣдко покидая ихъ для того, чтобы переходить черезъ высоты или песчаныя пространства. Такъ прибыли они къ развалинамъ монгольскаго города, съ которыми мы ознакомились выше подъ именемъ Барсъ-Хотоня. Слѣдующіе три дня пути, до 23 іюля, проходили по подобнымъ же однообразнымъ дорогамъ черезъ небольшіе холмы, на протяженіи 12 г. м. (170 ли) до ночлега Бай-пукъ-алинь-кара-усунь на южной сторонѣ Кэрулэна, откуда вмѣсто равнины начинаютъ уже возвышаться горы. 24 іюля на девятомъ днѣ пути, путешественники на протяженіи 5 г. м. (68 ли) проходили черезъ плоскогорія съ небольшими холмами. Окрестность изобилуетъ дичью, что доказывалось большимъ количествомъ встрѣчаемаго помета: также попадались большіе олени, джагатаи и стада желтыхъ козъ (сайгъ или степныхъ антилопъ), преслѣдуемыя волками. 25 іюля, послѣ такого же перехода (64 ли), прошли мимо холмовъ Эгутей-Халха, гдѣ въ 1696 г. 200 человѣкъ гвардіи императора

(438) Gerbillon y Duhalde IV. p. 237.
(439) Gerbillon Voy. VIII. 16, 98 y Duhalde IV. p. 509—820.

Канъ-хи одержали побѣду надъ Элютами. Недалеко отсюда въ Эрдени-Толохаѣ, подъ 47° 38′ по опредѣленію Жербильона, караванъ расположился на ночлегѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1696 (440) императоръ стоялъ лагеремъ на Кэрулэнѣ: рѣка имѣетъ здѣсь 60 ф. шир. и обыкновенно проходима въ бродъ, такъ какъ глубина ея не превышаетъ 3 ф. Оба берега ограничены холмами, имѣющими однакожъ достаточную высоту для того, чтобы видѣть издали враговъ. Ложе рѣки песчано, съ обѣихъ сторонъ ограничено прекрасными лугами: въ особенности на сѣверномъ берегу стада хана Цецена находили себѣ превосходный кормъ. Полное разстояніе отсюда до Далай-нора къ В. 67 г. м. (30 ли), а до истока Кэрулэна къ С.-З. 45—50 г. м. Рѣка богата здѣсь разными породами рыбъ, изъ которыхъ императоръ Канъ-хи ловилъ карпій и щукъ. Отсюда до высокихъ скалистыхъ горъ Тоно-Ола (см. выше № 5 Хин-ганъ) 4 дня пути—18 г. м. (246 ли): тамъ находится скала съ надписью, близь которой находился императоръ Канъ-хи до совершеннаго пораженія Галдана Элютовъ. Берега рѣки, у подошвы низкихъ, обнаженныхъ песчаныхъ холмовъ, не представляютъ ничего особеннаго, но вообще замѣтно что равнина расширяется, высоты съ С. и Ю. понижаются, а поверхность поднимается къ З. Почва въ такой степени изрыта безчисленными норами земляныхъ мышей и другихъ степныхъ звѣрковъ, что лошади и верблюды проваливаются и дорога становится не только затруднительною, но и опасною. Сухой вѣтеръ изгналъ холодъ, до сихъ поръ ощущаемый ночью. На 14 день пути, при переправѣ Уланъ-Эрги, путешественники оставили Кэрулэнъ и начали подниматься къ З. на водораздѣлъ. На С. видно было узкое горное ущелье, чрезъ которое р. Кэрулэнъ пробивалась сюда изъ высокихъ горъ Кентея, но къ истокамъ ея не проникалъ доселѣ ни одинъ путешественникъ.

---

(440) Gerbillon Voy. V. 1696. y Duhalde IV, p. 411—416.

III. Степныя рѣки между Алтаемъ, Хангаемъ и Тянь-Шанемъ.

Объ этихъ рѣкахъ, скудно питаемыхъ южными скатами Алтая и Хан-гая и текущихъ въ Гоби, можемъ мы сказать очень мало. Европейцы не проникали сюда въ новѣйшее время, а древніе путешественники какъ напр. миссіонеры Рубруквисъ и др., сопровождавшіе набѣги монгольскихъ всадниковъ черезъ степи на В. до Каракорума, даютъ намъ только самыя общія и сбивчивыя понятія о своихъ разъѣздахъ, во время которыхъ имъ мало удавалось дѣлать наблюденій. Со временъ переѣздовъ ихъ и похода Гулагу-Хана (1283 г.) дорога черезъ Или, мимо Кызылъ-баша и вверхъ теченіе степной р. Джабгана черезъ Хангай въ Каракорумъ, осталась посѣщаемою европейскими посольствами, но никогда не была описана въ точности. Въ новѣйшее же время, съ тѣхъ поръ какъ Маньчжуры свергли династію Минь и уничтожили самостоятельность Элютовъ и Джунгаровъ (Калмыковъ), прекратилась и возможность свободнаго перехода черезъ область степныхъ рѣкъ, дѣйствительно совершавшагося со стороны Русскихъ до 1700 года, при покровительствѣ элютскихъ хановъ. Путь черезъ Бэй-лу или сѣверную провинцію, между туркестанскою дорогою на Ю. и монгольскою на С., былъ совершенно закрытъ чужестранцамъ со временъ покоренія Китайцами Или и Тарбагатая и сообщеніе дозволено только по двумъ остальнымъ дорогамъ. Здѣсь мы должны упомянуть о единственномъ извѣстномъ намъ переѣздѣ черезъ эту страну, совершившемся именно во время политическихъ переворотовъ, окончившихся нападеніемъ Галдана Элютовъ, когда еще независимые элютскіе и монгольскіе ханы властвовали тутъ до соединенія своего подъ властью Галдана, а владычество Маньчжуровъ только-что было основано императоромъ Чунъ-Чи (1644 —1661) на В. Порядокъ вещей измѣнился вскорѣ послѣ того до такой степени, что ни одинъ путешественникъ не могъ уже проникнуть сюда съ З.

Мы хотимъ сказать о малоизвѣстномъ первомъ русскомъ посольствѣ Байкова, посланнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (1645—1670) ([441]) въ 1654 изъ Тобольска черезъ Иртышъ въ Пекинъ ко вновь возвысившимся маньчжурскимъ государямъ. Посольство употребило на свой переѣздъ туда и обратно 3 года и 1 мѣсяцъ и оставило намъ краткій поучительный обзоръ своего пути. Реляція эта могла бы служить дополненіемъ къ дорожнику Гулагу-хана, еслибъ она была составлена съ тою же ясностью и точностью. Прибытіе русскаго посольства въ Пекинъ подтверждается встрѣтившимся съ нимъ голландскимъ ([442]). Не смотря на неблагопріятный его пріемъ, вслѣдствіе споровъ о церемоніалѣ, переговоры его открыли прямую торговлю Россіи съ Китаемъ и доставили въ Москву первый чай. Посольство это совершенно пришло бы въ забвеніе, еслибъ М. Тевено и Н. Витсенъ не сохранили о немъ отчета. Авриль, которому орденъ Іезуитовъ во второй половинѣ XVII вѣка поручилъ совершить многолѣтнее путешествіе въ Персію, Арменію и Московію и собрать лучшіе маршруты черезъ внутреннюю Азію, и который для этой цѣли собиралъ у китайскихъ и другихъ купцовъ свѣдѣнія въ Москвѣ и Астрахани ([443]) упоминаетъ объ этомъ пути, который какъ видно былъ посѣщаемъ въ его время. Онъ перечисляетъ и обозрѣваетъ шесть различныхъ путей въ Китай, между которыми *второй* есть туркестанскій черезъ Кашгаръ и Турфанъ, *четвертый* сибирскій, впослѣдствіи получившій названіе кяхтинскаго черезъ Иркутскъ, Селенгу и Монголію, а *третій* ([444]), описываемый намъ — калмыцкій черезъ страну Элютовъ;

(441) Müller. Die ersten Reisen v. Russen nach China въ Samml. russ. Gesch. Th. IV. St.-Peters. 1760 vorzüglich nach Nic. Witsen p. 480—534.

(442) Die Gesandschaft d. ostindischen Gesellschaften in den vereinigten Niederländer an d. Tatarischen Chan (1655—57) durch J. Neuhof Amsterd. fol. 1666, p. 181—186.

(443) J. Ph. Kilburger Unterricht. v. d. russisch. Handel въ Büschings Magas. f. d. neue Historie u. Geographie Th. III. p. 313.

(444) Voyage en divers états d'Europe et d'Asie entrepris p. decouvrir un nouveau chemin d. la Chine p. le père de la compagnie de Jesus. Paris 8, 1693. p. 142—168.

по свидѣтельству Авриля сей послѣдній посѣщали преимущественно Москвитяне. Изъ Тобольска путь этотъ идетъ сначала черезъ Калбазинъ (Сипкаме?), вѣроятно черезъ страну, въ которой впослѣдствіи былъ основанъ Семипалатинскъ (445) и черезъ земли Калмыковъ и Монголовъ до Кукутана (Хуху-хотоня), отстоящаго не болѣе какъ на 8 или 10 дней пути отъ воротъ великой стѣны, ведущихъ къ Пекину. Авриль полагаетъ эту дорогу очень неудобною, по недостатку воды и нападеніямъ Калмыковъ. Тайдши Аюка, говоритъ патеръ, властвуетъ на нѣкоторомъ протяженіи надъ кочующею подобно Скифамъ ордою, и стоило бы задарить его, чтобы безопасно совершить путешествіе по этой дорогѣ.

Не задолго до восшествія этого хана проѣхало московское посольство (446) съ Иртыша при Зайсанѣ мимо истоковъ верхняго Иртыша, оттуда черезъ владѣнія осьми различныхъ калмыцкихъ и монгольскихъ хановъ, до перваго пограничнаго китайскаго города Ху-ху-хотоня.

Издатель называетъ посланника Өедоромъ Исакіевичемъ Байковымъ; Нейгофъ свидѣтельствуетъ, что свита его состояла изъ 100 человѣкъ; цѣль посольства было установленіе ежегодно торга съ Китаемъ. Путь шелъ отъ Тобольска, сдѣлавшагося впослѣдствіи главнымъ пунктомъ московo-китайскихъ торговыхъ оборотовъ, вверхъ по Иртышу и притомъ по южному его берегу до резиденціи калмыцкаго хана Аблая (Аблайкитъ (447), извѣстныя развалины см. ниже). Оттуда слѣдуя сѣвернѣе Калмыкъ-Тологоя, посольство прибыло въ 12 дней пути къ резиденціи сыновей князя Коля (?), и къ городку Коль (?), гдѣ было только два кирпичныхъ дома, обитаемыхъ калмыцкими ламами. Въ 5 дняхъ пути отсюда лежитъ великое озеро Зайссанъ, называвшееся тогда

---

(445) Müller l. c. T. IV. p. 484.

(446) Relatio ablegationis quam Czarea Majestas ad catayensem Chamum Bogdi destinavit, ann. 1653 въ M. Thevenot Receuil de Voy. ed. Paris. fol. 1696 T. II. Part. IV, fol. 13—16; тоже на фр. яз. въ Voyage d'un Ambassad. etc. въ Receuil. Paris. 1681, 8, p. 1—18.

(447) Müller l. c. p. 486.

по калмыцки Кызалпу ([448]) (оно ошибочно названо Кызылъ-башъ см. выше стр. 127, можетъ быть только по опискѣ), черезъ которое протекаетъ Иртышъ. Восемь дней пути за озеромъ, черезъ которое посольство переправилось въ лодкахъ, прибыло оно во владѣнія третьяго монгольскаго Тайдши; послѣ еще 2 дней пути въ земли 4-го, живущаго съ своими подданными въ юртахъ на Иртышѣ и называемаго Тайдши Ирдекулу. Черезъ 17 дней пути черезъ скалистыя горы Русскіе прибыли въ страну пятаго калмыцкаго Тайдши (Ярда-Кула) именемъ Суратекона, гдѣ Иртышъ беретъ свое начало недалеко отъ урочища Булаганъ, служащемъ резиденціею Тайдшѣ. Оттуда, послѣ 22 дней пути черезъ высокія горы (безъ сомнѣнія Алтай), прибыли они въ землю монгольскаго Тайдши Судбилигеня. Послѣ того слѣдовали они 8 дней черезъ страну монгольскаго Тайдши Семзи, потомъ еще 3 дня до страны послѣдняго Тайдши Доброна, потому-что оттуда до китайской границы посольство слѣдовало до города Кукутама (Ху-ху-хотоня) ([449]) два мѣсяца; это былъ первый китайскій городъ. На дорогѣ туда посольство очень страдало отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ и воды при переходѣ черезъ высокія горы (не Инь-шань ли?), обитаемыя Калмыками и Монголами. Изъ Куку-тама путь шелъ къ китайской стѣнѣ и оттуда въ Пекинъ. Мы уже упоминали выше о вѣроятномъ смѣшеніи Кызылъ-баша съ болѣе западнымъ Зайссаномъ, черезъ который протекаетъ съ В. на З. Иртышъ. Такъ какъ путешественники проходили мимо истоковъ Иртыша, то очевидно, что путь ихъ прямо направлялся къ В. и что они переходили черезъ Эктагъ-Алтай. О лежащихъ въ истокахъ Иртыша городахъ, названныхъ Пат. Аврилемъ Синкамэ, а Байковымъ Булаганомъ и служившихъ вѣроятно ургами или резиденціями ханамъ, мы не можемъ сдѣлать никакихъ предположеній. Насъ не должно удивлять, что далѣе къ В. о странѣ степныхъ рѣкъ не находимъ мы никакихъ точнѣйшихъ указаній; ихъ нѣтъ ни у

(448) Müller l. c. c. p. 489.
(449) Müller l. c. c. p. 491.

одного изъ предшественниковъ, отъ пути которыхъ эта дорога уклоняется только тѣмъ, что не выходитъ, подобно прежнимъ путямъ миссіонеровъ и Гулагу-хана черезъ Хан-гай на С.-В. въ давно погрузившуюся въ забвеніе столицу Каракорумъ, но направляется прямо къ цвѣтущему уже тогда и возникшему во времена монгольскаго владычества на китайской границѣ городу Хуху-Хотонь, который безспорно разумѣется подъ именемъ Куку-тама или Куку-котана. Еслибъ вмѣсто проходящихъ именъ князей и ихъ переносныхъ резиденцій были бы названы остающіяся имена горъ, рѣкъ и источниковъ, то мы могли бы оріентироваться здѣсь гораздо успѣшнѣе.

По Китайской Государственной географіи (450) важнѣйшія изъ рѣкъ, начиная отъ истиннаго Кызылъ-баша и его притоковъ суть слѣдующія:

1) *Джабганъ* (у Монголовъ Хоэнъ-Муренъ, у Китайцевъ Хоэнъ-Мулянъ, р. Хоэнъ у Гулагу, Tchobakan у Д'Анвиля) представляетъ значительнѣйшую изъ здѣшнихъ степныхъ рѣчныхъ системъ: она была названа Большою рѣкою войсками Гулагу (451), переправившимися черезъ нее на весельныхъ баркахъ. Истоки ея лежатъ на ю.-з. склонѣ Хан-гая, тамъ, гдѣ горная группа Куку-Ола (см. выше Хан-гай N 7 и 8) сталкивается къ Ю.-З. съ сѣв.-восточнымъ хребтомъ Баянъ-Ола такъ называемой линіи черныхъ облаковъ, составляющемъ водораздѣлъ между сосѣднею съ восточной стороны степной рѣкою Байдарикомъ и Джабганомъ (см. выше Алтай N 4). Область истоковъ рѣки называется Курень-Белъ-иръ; въ 15 г. м. (200 ли) оттуда рѣка принимаетъ въ верхней части своего теченія (Kora-pira у Д'Анвиля) съ правой стороны Бургассутай (Pourhastai у Д'Анвиля), а 15 г. м. далѣе Кун-гей (Conguey-pira у Д'Анвиля). Послѣ большой извилины къ Ю.-З. Джабганъ поворачиваетъ на С.-З. и принимаетъ съ лѣвой стороны Хобду (Hoptu у Д'Анви-

(450) Timkowsky Voy. II. p. 239.
(451) Ab. Remusat Karakorum p. 57. Nouv. Melang. Asiat. T.I. p. 172 etc.

ля), которая течетъ съ Ю.-З. и усиливается впадающею въ нее Баянду (обѣ сходятся въ Эхэ-Аралъ-Норѣ). 7½ г. м. (100 ли) ниже устья Хобду. Джабганъ впадаетъ въ Киргизъ-Норъ, озеро Киргизовъ, лежащее на западной границѣ Халхасовъ и имѣющее 25 г. м. (340 м.) окружности. Изображеніе нижней части теченія Джабгана на нашихъ картахъ еще очень не совершенно и трудно опредѣлить точное положеніе пограничнаго озера, также какъ и цѣлой группы сосѣднихъ озеръ, какъ ихъ представляютъ китайскія спеціальныя карты новѣйшей Китайской Государственной географіи 1818 года. У Д'Анвиля озеро лежитъ подъ 48⁰ с. ш.: на русской, изданной правительствомъ въ 1825 г. картѣ Имперіи, оно ошибкою совершенно опущено. Что оно существовало еще въ началѣ XVIII столѣтія, то это слѣдуетъ изъ показанія много странствовавшаго Халхаса, который говорилъ пат. Жербильону ([452]): озеро Киркизъ, на В. отъ Алтая (по китайски Ай-ки-ли-ки), лежитъ довольно далеко отъ рѣкъ Ханкама (Джабгана) и Кунгея, берущихъ начало во Хан-гаѣ, и впадающихъ по соединеніи своемъ въ Киркизъ: озеро это имѣетъ не болѣе 12 г. м. (150-160 ли) въ окружности. Показаніе это уменьшаетъ его слѣдовательно въ половину противъ Государственной географіи, которой новѣйшее изданіе показываетъ здѣсь вмѣсто одного озера три. Изъ нихъ самое большое въ 22½ г. м. въ окр. есть Эхэ-Аралъ-Норъ, въ которое впадаетъ р. Гобдо (Ходу), текущая съ горъ Кокой(?). Высшую изъ горныхъ стѣнъ, ограничивающихъ Киркизъ-Норъ, составляетъ Улангомъ-Ола (Oulankom-Alin у Д'Анв.) — вѣтвь Алтая, проходящая по с.-з. сторонѣ озера.

2) *Тесъ* едва извѣстна намъ и то болѣе по названію: эта рѣка протекаетъ на С. отъ Джабгана паралельно съ нею къ Ю.-З., и беретъ начало на южной сторонѣ цѣпи Танъну (см. Алтай). Принявъ нѣсколько притоковъ и приблизившись къ Алтаю на западной оконечности Танъну, она впадаетъ въ Убса-Норъ. Озеро это принимаетъ еще съ З. р. Салки-Кара-Голъ. Вотъ и

(452) P. Gerbillon Voy. y Duhalde IV p. 523.

всѣ свѣдѣнія, находимыя объ этой рѣкѣ въ Китайской Государственной географіи у Тимковскаго: съ ними согласны и указанія Д'Анвиля. Почему русская карта 1825 года переноситъ озеро Убса къ В. и заставляетъ течь р. Тесъ на оборотъ съ З. на В. въ это озеро, мы не знаемъ. Новѣйшая Китайская Государственная географія Да-Цынь-хой-Тянъ, въ 261 книгахъ, 1818 года, свидѣтельствуетъ о невѣрности показанной русской карты. Обзоромъ этой географіи обязаны мы сообщенію Пр. Неймана; 27 книгъ ея Ли-Фанъ-Юань, т. е. „трибуналъ для управленія иноземцами", содержатъ въ себѣ описаніе департамента внѣшнихъ дѣлъ со многими картами, на которыя мы сами имѣли случай бросить поверхностный взглядъ.

3) *Байдарикъ*, гораздо менѣе значительная степная рѣка, протекающая отъ южной оконечности Хан-гая прямо на Ю. къ южной линіи Черныхъ облаковъ, беретъ начало къ Ю. отъ Куку-даба (см. выше Хан-гай N. 8); она проходитъ на 15 г. м. (200 ли) теченія на Ю. черезъ горы Курень-Белчиръ и соединяется съ правымъ своимъ притокомъ Чакъ-Байдарикъ (Tchako-pira у Д'Анвиля); $7^1/_2$ г. м. (100 ли) далѣе принимаетъ она съ лѣвой стороны Чаганъ-Тимуръ (Tchahan-temur-pira у Д'Анвиля) и впадаетъ еще черезъ 15 г. м. (200 ли) пути въ Чаганъ-Норъ или Бѣлое озеро, впрочемъ неизвѣстное степное озеро Гоби, лежащее при сѣверной подошвѣ линіи Черныхъ облаковъ подъ 45° 40′ с. ш. у Д'Анвиля.

4) *Туй-голь* (Touy-pira у Д'Анвиля), сосѣдняя съ Байдарикомъ съ восточной стороны рѣка, направляющаяся паралельно съ нею къ Ю. Она кажется еще незначительнѣе предъидущей и вмѣстѣ съ сосѣдними съ В. рѣками напоминаетъ подобныя же степныя рѣки африканской Сахары, текущія съ южнаго склона Атласа въ песчаную степь и останавливаемыя ея дюнами и солончаками. Истокъ Туя лежитъ на Ю. отъ Хан-гая и называется Укеръ-Даба (Воловій проходъ отъ *укеръ*—волъ); она течетъ на $22\ ^1/_2$ г. м. (300 ли) къ Ю., и впадаетъ въ озеро Орокъ (Oroc-Omo у Д'Анвиля). Болѣе ничего намъ о ней неизвѣстно.

5) *Онгинъ* (Onguin-pira у Д'Анвиля) есть наконецъ самая восточная изъ степныхъ рѣкъ, имѣющая различное отъ другихъ направленіе, именно къ Ю.-В. Мы уже упоминали выше объ истокѣ ея, сосѣднемъ съ истоками Орхона (см. выше Хан-гай N 10): отсюда оно направляется къ „Линіи черныхъ облаковъ“ при Гурбанъ-Сайканѣ. Теченія имѣетъ всего 52 г. м. (700 ли) и останавливается въ небольшомъ степномъ озерѣ Курагапъ-Уленъ-Норъ, которое отстоитъ на 60 г. м. (800 ли) отъ страны Ордосъ. Это то самое озеро, на берега котораго гипотеза у Д'Анвиля перенесла древній Каракорумъ. Заблужденіе заслуженнаго географа было, какъ мы уже упомянули выше, опровергнуто его ученымъ соотечественникомъ. Далѣе къ В. на болѣе песчаной, нежели каменистой степи Гоби, подобно какъ въ западной Сахарѣ, въ противоположность съ восточною (Erdkunde, Afrika 2-te Aufl. S. 1022 etc.), совершенно нѣтъ подобныхъ степныхъ рѣкъ и только коегдѣ на окраинѣ попадаются изрѣдка ручьи. Этимъ мы и заключаемъ топографическое описаніе и изслѣдованіе трехъ большихъ горныхъ группъ и ихъ гидрографіи, заимствованное изъ Китайской Государственной географіи, къ показаніямъ которой мы присовокупили коментаріи, съ нѣкоторыми замѣчаніями о среднихъ вѣкахъ Монгольской исторіи и объ основаніи на плоскогоріи важнѣйшаго, даже почти единственнаго замѣчательнаго города Каракорума. Затѣмъ перейдемъ мы къ русскимъ описаніямъ сѣверной части Алтая, разсматривающимъ въ возможной полнотѣ и естественной связи три горныя группы Алтайской системы, занимающей, по крайней мѣрѣ по этнографическимъ своимъ отношеніямъ, столь значительное пространство въ исторически-древнейшей части нашей планеты.

Примѣчаніе. Каракорумъ; Коринъ, Хоринъ, Холинъ, Хо-нинъ, древняя столица Хой-Ху, Кэраитовъ и Монголовъ.

Въ Монгольской исторіи Су-хунъ-канъ-лу, которой извлеченія сдѣлались извѣстными изъ различныхъ трудовъ Аб. Ремюза, сказано ([453]): Чингисъ-ханъ имѣлъ свой постоянный лагерь на

(453) Abel Remusat, Karakorum p. 9.

Ононѣ: а Октай-ханъ (Угэдей у Шмидта), его сынъ и преемникъ (1228—1233), избралъ резиденціею своею Хо-линъ, лежащій на З. отъ Гоби. Городъ этотъ получилъ названіе отъ рѣки Ха-ла-хо-линъ (Кара-Коринъ или Хара-Хоринъ). Онъ былъ основанъ Би-кя (755), однимъ изъ хановъ Хой-ху, современникомъ династіи Т'анъ (слѣдоват. въ VIII вѣкѣ). Вотъ первое свѣдѣніе объ основаніи Каракорума. Также и въ лѣтописяхъ династіи Т'анъ по свидѣтельству пат. Гобиля, упоминается объ этомъ фактѣ, только основатель города названъ иначе и помѣщенъ нѣсколько ранѣе. Въ лѣтописи сказано: въ 715 году Китайцы династіи Т'анъ одержали побѣду надъ Тибетцами (Туфань), вторгнувшимися въ древнюю страну У-суней и Ган-хи (нынѣшній Турфанъ). Вслѣдствіе того ханы пяти турскихъ ордъ, между ними и Хой-хэ (Игуръ), впослѣдствіи Хой-ху, подчинились владычеству династіи Т'анъ: одинъ изъ хановъ ихъ, именемъ Ме-хиханъ, основалъ близъ рѣки Оргуна (Орхонъ) городъ Холинъ (454) (пат. Гобиль присовокупляетъ здѣсь свое ошибочное мнѣніе, что это былъ нынѣшній Эрдени-Цзао) или Каракорумъ. Эти самые Турки, сдѣлавшіеся послѣ основанія своей столицы (отъ VIII до X вѣка) очень могущественными и оставшіеся вѣрными Китаю, открыли съ 727 года лошадиныя ярмарки при сѣверномъ изгибѣ Хуанъ-хэ, вслѣдствіе чего не только вошли въ сношенія съ Китаемъ, но и упрочили свое благосостояніе и достигли до изобилія, роскоши и довольства, а въ постройкѣ своей столицы даже до великолѣпія. Послѣ ихъ паденія Кэраиты возвели тотъ же самый Хоринъ (или Холинъ, потому-что безпрестанное смѣшеніе *р* и *л* между китайскими, монгольскими и другими тамошними народами всѣмъ извѣстно) въ царскую резиденцію при Тули-ванъханѣ, послѣ паденія котораго Чингисъ-ханъ обратилъ этотъ городъ въ свою столицу, переведя сюда курултай или великое государственное собраніе.

Магометанскіе авторы называютъ эту древнюю столицу Тур-

(454) P. Gaubil Histoire des Tang въ Mém. T. XVI, p. 9.

ковъ Орду-Балигъ ([455]) или Беласагунъ (Балгассунъ), что впрочемъ есть только ея титулъ.

Исторія Хой-хэ, впослѣдствіи Хой-ху, присоединенная къ лѣтописямъ династіи Т'анъ и изложенная Аб. Ремюза столь критически, что мы предпочитаемъ ее вышеупомянутымъ даннымъ пат. Гобиля, говоритъ гораздо яснѣе о первомъ основаніи этой столицы. А именно одинъ изъ родовъ племени Хой-хэ, называемый Ло-ло-кэ, обиталъ на С. отъ Ся-янъ-то на берегу Селенги (Со-линъ) въ большомъ разстояніи отъ столицы царства. Родъ этотъ избралъ себѣ предводителя, получившаго названіе Фу-са: онъ поселился на берегу Тулы (Толо). Но съ 628 года Каханъ именемъ Чинъ-гу-бика перенесъ свою резиденцію на гору Э-ту-кянъ (см. выше вѣроятно однозначуще съ Уте-кянъ). Къ В. отсюда обитали Мохэ (Монголы или восточные Татары), къ З. Ту-кюэ (т. е. Турки), къ Ю расширялась песчаная степь, а къ С. находился Кю-лунъ (Керулунъ или р. Кэрулэнъ. По прошествіи нѣкотораго времени Каханъ этотъ подвинулся еще нѣсколько къ В. и утвердилъ свое пребываніе на горѣ Ту-векянъ (по мнѣнію Аб. Ремюза та же гора, какъ и предъидущая, только нѣсколько восточнѣе) ([456]). Алтай или Золотая гора, лежала отсюда къ З. Ту-кюэ жили къ Ю., а на С. расширялась область Ханъ-хай Хой-хэ, о которой уже было упомянуто выше (Хан-гай N 13). Сюда присоединено еще точнѣйшее свѣдѣніе, а именно: въ 755 г. Ку-ту-лу Би-кя, съ своимъ придворнымъ лагеремъ, утвердился на древнихъ земляхъ Ту-кюэ, между горою У-те-кянъ и рѣкою Куэнъ; слѣдовательно въ равнинѣ, въ которой лежалъ Холинъ въ 127½ г. м. (1700 ли) на С. отъ Си-чэна (Западнаго города), называемаго у Китайцевъ Гао-кюэ-сай въ странѣ Ху-си (вѣроятно Хэ-си). Это есть безспорно Хэси на сѣверномъ изгибѣ Хуанъ-хэ, чѣмъ и опредѣляется сѣверное положеніе Каракорума.

---

(455) D'Ohsson Hist. des Mongols. T. I. p. 76.

(456) Pian-i-tian liv. 126, p. 2 въ Rech. sur Karakorum p. 30.

Въ исторіи Монголовъ сообщена объ этой столицѣ басня, которая находится въ связи съ прибытіемъ и переселеніемъ Уйгуровъ изъ ихъ древняго отечества, о чемъ было уже упомянуто выше. Одна княжна, дочь Чингисъ-хана, Э-ли-ан-т'унъ была выдана за царя уйгурскаго Барху-орто-ти-кинъ. Въ ея біографіи ([457]) сказано: есть гора Холинъ, изъ которой вытекаютъ двѣ рѣки Тула и Селенга (То-ху-ла, Си-линъ-го). Страна ими орошаемая была наслѣдіемъ храбраго Пука-хана, котораго родъ властвовалъ надъ этими землями уже въ тридцатомъ поколѣніи. Тридцатый властитель назывался Юй-лунъ-ти-кинъ: онъ былъ храбрый государь и воевалъ часто съ Китайцами на ихъ границахъ. Императоръ успѣлъ склонить его къ миру только тѣмъ, что выдалъ за него свою дочь. Сынъ его именовался Ко-ле-ти-кинъ; онъ пребывалъ въ Хо-линъ-пэй-ли-по-ли-та, т. е. на „горѣ гдѣ живетъ невѣста" (на туркскомъ языкѣ). Недалеко оттуда находилась другая гора Т'янъ-ко-ли-ю-та-ха, т. е. гора небесной премудрости (Mons Dei по-туркски): къ Ю. же лежала Ху-ли-та-ха, т. е. гора душевнаго блаженства. Китайцы хитростью завладѣли этимъ залогомъ душевнаго блаженства. Государь Юй-лунъ умеръ по прошествіи 7 дней: народъ его впалъ въ великое несчастіе. Многіе умерли, другіе удалились и утвердились въ Кяо-Чеу или Хо-чеу и обладали впослѣдствіи Бишбалигомъ, къ С. до А-ху (у Остяковъ Асъ, Обь?) и т. д. Съ тѣхъ поръ прошло 170 лѣтъ до Барху-орто-ти-кина, который съ титуломъ Идикутъ-хана (Иду-хана) былъ вассаломъ Киданей, а потомъ подчинился Чингисъ-хану и сдѣлался его зятемъ.

Мы переходимъ къ главнымъ даннымъ объ этой столицѣ, изъ временъ могущества Монголовъ. Критика Аб. Ремюза не рѣшаетъ справедливо, ли что, какъ гласитъ приведенное нами выше преданіе, уже Чингисъ-ханъ утвердилъ тамъ свою столицу. Онъ ([458]) замѣчаетъ, что и въ Тунъ-кянъ-канъ-му городъ

(457) Sou houng-kian-lou liv. 29, p. 14, y Ab. Remusat Karakorum. p. 28.
(458) Ab. Remusat Karakorum. p. 35.

этотъ въ первый разъ означается именемъ Хо-лина въ 1206 году, при описаніи восшествія на престолъ Темучина на берегахъ Онона (Ванана), но что это сочиненіе содержитъ въ себѣ множество историческихъ ошибокъ. За то достовѣрно, что преемники Чингисъ-хана перешли туда со времени Октая. На седьмомъ году его царствованія (въ 1234 году), начали строиться около столицы городскія стѣны ([459]), которыя имѣли 45 минутъ (5 ли) въ окружности, также какъ и дворецъ Ван-анъ-кунъ т. е. жилище вѣчнаго мира. Императоръ, занятый тогда покореніемъ сѣвернаго Китая, но возвращавшійся въ жаркое лѣтнее время на болѣе прохладное плоскогоріе, освятилъ дворецъ торжествомъ и пиромъ, при чемъ совершенно разстроилъ здоровье своего мудраго министра Э-люй-чу-цай. Тамъ же созвалъ онъ большое собраніе для совѣщанія о продолженіи завоеваній въ Китаѣ въ обоихъ царствахъ Гинь и Сунъ. Для празднованія новаго 1236 года, въ которомъ была окончена постройка дворца, собрались тамъ многіе посланники, какъ напр. изъ царства Сунъ, Кореи и другихъ мѣстъ. Прежде императоръ обиталъ во дворцѣ Су-ху-инъ-кя, расположенномъ въ разстояніи около 2 г. м. (30 ли) отъ города.

Въ другомъ мѣстѣ ([460]) городъ названъ Су-ху и основанный въ немъ дворецъ Инъ-кя; туда перенесено было провинціальное правленіе Юань-Чанъ, впослѣдствіи переведенное въ самый Холинъ. Октай-ханъ, говоритъ персидскій визирь Рашидъ-эддинъ, въ своей Монгольской исторіи ([461]), назвалъ этотъ большой, имъ выстроенный городъ Каракорумомъ (т. е. черный песокъ по Lacroix Hist. p. 35 Not.). Легко убѣдиться въ намѣреніи его сдѣлать этотъ городъ съ окрестностями блистательнѣйшимъ пунктомъ царства. Рашидъ-эддинъ присовокупляетъ слѣ-

---

(459) Ab. Remusat Karakorum. p. 9. Mailla Hist. gén. de la Chine. T. IX, p. 162, 212, 213.

(460) Ab. Remusat Karakorum p. 9, 36.

(461) Raschideddin fol. 188 y St. Martin Memoires hist. sur l'Armenie. Paris, 1819 T. II. p. 278.

дующее замѣчательное свѣдѣніе: между Каракорумомъ и Китаемъ была устроена почтовая дорога, различная отъ всѣхъ другихъ и получившая названіе Ямнаринъ (императорская конная почта). На каждыхъ 5-ти фаразангахъ (т. е. 3 г. м.) стояли почтовыя лошади и гарнизонъ: такимъ образомъ устроено было 27 почтовыхъ станцій (т. е. 81 г. м.)

Въ 1251 году, по смерти хана Гаюка въ Холинѣ, собранъ былъ большой курултай, на которомъ въ императоры избранъ былъ Мангу-ханъ (царс. 1251—1259). Онъ назначилъ брата своего Хубилая главнокомандующимъ арміи на Ю. отъ Шамо, или песчанаго моря, послѣ чего воспослѣдовало покореніе Китая, а младшаго брата Гулагу послалъ онъ въ 1252 году въ походъ на З., окончившійся паденіемъ Калифата (1258) въ Багдадѣ: о переходѣ его черезъ Хан-гай было уже объяснено выше. Слѣдовательно великія міровыя событія, обусловившія участь Азіи, связаны съ Каракорумомъ, нынѣ обратившимся въ развалины. Мангу-ханъ установилъ мѣстопребываніе своего двора снова на Ононѣ (Ванамѣ) и приказалъ, по прошествіи нѣкотораго времени, уничтожить начатыя въ Холинѣ постройки (462), потому-что на шестомъ году своего царствованія перенесъ свою резиденцію въ такъ называемый впослѣдствіи Шань-ду, о положеніи котораго было упомянуто уже выше. Замѣтимъ здѣсь, что сей послѣдній городъ, прежде нежели онъ получилъ имя Шань-ду, назывался Лунъ-Канъ и лежалъ на С. отъ рѣки Луань, на С.-В. отъ Пекина, подъ 42° 22′ с. ш., въ странѣ У-ванъ или нынѣшнемъ Корцинѣ. Мангу-ханъ вызвалъ въ 1254 г. курултай на Хухуноръ (463) на собраніе князей и своего войска и при этомъ случаѣ принесъ большую жертву небесамъ на горѣ Гэ-юэ, сдѣлалъ смотръ войскамъ и предложилъ возобновленіе войны противъ царства Сунъ. По мѣсто этого собранія безспорно находилось не въ сосѣдствѣ Хуанъ-хэ близъ Тибета, на

(462) Ab. Remusat. Karakorum p. 37; Mailla l. c. T. IX. p. 215.
(463) Mailla l. c. p. 261.

тамошнемъ большомъ озерѣ Хухунорѣ, въ отечествѣ ревеня, но въ степяхъ при р. Кэрулэнѣ на небольшомъ озерѣ Хуху-норѣ, положенія котораго мы не можемъ опредѣлить въ точности (см. выше II. Система Амура № 1 Ононъ).

Въ этихъ-то годахъ Европейцы въ первый разъ, какъ очевидцы, привезли въ Европу свѣдѣнія объ этомъ главномъ городѣ плоскогорія и столицѣ Монголовъ ([464]): французскій монахъ Плано-Карпини проникъ туда до Сира-Орду, желтой императорской палатки Гаюка-хана въ 1246 году: патеръ Андре-де-Лонжюмель появился по смерти его въ Каракорумѣ въ 1249 году, въ то время когда избирали новаго императора, а Гильомъ де Рубруквисъ 27 декабря 1252 года, въ царствованіе Мангу-хана и далъ о Каракорумѣ лучшія изъ извѣстныхъ намъ свѣдѣній. Когда Мангу-ханъ, при осадѣ китайскихъ городовъ, погибъ отъ ранъ и болѣзней въ жаркомъ климатѣ, то мѣсто его заступилъ Хубилай-ханъ, какъ счастливый государь (1260 — 1297). Этотъ властитель, обратившій всѣ свои силы на походъ въ Китай и окончившій его покореніе, перенесъ столицу міровой имперіи своей изъ Холина въ Янъ-Кинъ, т. е. Пекинъ ([465]), вслѣдствіе чего снова поблекло только-что начавшееся процвѣтаніе плоскогорія. На первый годъ своего царствованія Хубилай долженъ былъ усмирить тамъ возмущеніе своего брата Арикбуга, провозгласившаго себя императоромъ, и, для устраненія подобныхъ бунтовъ тамъ возгоравшихся, назначилъ въ 1284 году ([466]) въ Холинъ губернатора, съ правомъ жизни и смерти и съ титуломъ Сюань-вей-цзы, а въ 1293 году далъ эту должность сыну своему Тимуру, съ новыми почестями, потому-что, говоритъ лѣтописецъ, иначе трудно было держать тамъ въ повиновеніи всѣхъ князей крови. Къ этому періоду относятся извѣстія Марко-Поло о Каракорумѣ. Императоръ Тимуръ сначала

(464) Ab. Remusat Memoires sur les relations politiques des princes chretiens etc. Paris 1827 4 Mem. I. p. 34, 54, 59.

(465) Mailla Hist. gén. T. IX. p. 295.

(466) Mailla l. c. p. 440, 456. Ab. Remusat Karakorum p. 9, 45.

по смерти отца своего, сообразно съ духомъ кочеваго своего народа. не имѣлъ намѣренія утверждать свою резиденцію въ большой столицѣ Пекинѣ (Янъ-Кинѣ), но по совѣту своихъ министровъ, представлявшихъ, что ему необходимо находиться въ столицѣ для уничтоженія тайныхъ интригъ, оставилъ плоскогоріе и остался навсегда въ Пекинѣ. Императоръ, говорили министры ([467]). долженъ смотрѣть на себя какъ на полярную звѣзду, которую всѣ должны видѣть, съ которою должны соображаться и которая должна оставаться всегда неподвижною, для того чтобы всѣ другія могли обращаться около нея. Такимъ образомъ Холинъ, съ 1300 года, пришелъ въ свое прежнее второстепенное положеніе; а съ 1303 года, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами, началъ получать предсѣдателей 2-го класса въ губернаторы и офицеровъ въ окружные начальники. Въ царствованіе Эльджейту-Кахана въ 1312 году, говоритъ Монгольская исторія, названіе Линь-бэй, т. е. страна на С. отъ горъ, имя которымъ означалась Монголія, было замѣнено другимъ, а именно Хо-нинъ-ли ([468]), т. е. провинція тихаго уединенія, въ честь предковъ властвующей династіи; также названіе Холинъ было измѣнено въ Хо-нинъ, по обычному у Китайцевъ измѣненію названій, для приданія имъ значенія. Въ это время поставлены были тамъ временные гарнизоны, два генерала и т. д. Потому, при послѣдующей династіи Минъ, городъ назывался Хо-нинъ, съ титуломъ *ло*, т. е. провинціальнаго города ([469]).

Названіе Хо-линъ было собственно только китайскимъ измѣненіемъ туземнаго туркскаго и монгольскаго слова Хоринъ или Корумъ. Въ то же время упоминается въ лѣтописяхъ о землетрясеніи, ощущаемомъ въ Хо-нинѣ, и о язвѣ, истребившей болѣе 3.000 человѣкъ.

Съ тѣхъ поръ прекращаются китайскія свѣдѣнія о семъ го-

---

(467) Mailla l. c. T. IX. p. 461.

(468) Ab. Remusat. Karakorum p. 9 нѣсколько измѣн. p. 51.

(469) Географія дин. Минъ въ J-thoung-tchi I. p. 98 въ Ab. Remusat Karakorum. p. 7, 51.

родѣ и исторія династіи Минъ не говоритъ о немъ болѣе ровно ничего. Даже и туземная Монгольская исторія Цананъ-Цецена до 1415 года ни разу не приводитъ его имени.

Только когда монгольскіе императоры были изгнаны изъ Китая, Хонинъ сдѣлался во второй разъ столицею этихъ князей, послѣ того какъ они тщетно силились утвердиться въ Барсъ-Хотонѣ на Кэрулэнѣ (см. выше N 2 Керулэнъ); однакожъ и тутъ они были аттакованы преслѣдовавшими ихъ Китайцами. Каракорумъ служилъ ему короткое время сборнымъ мѣстомъ, съ котораго они нападали на китайскія границы; потому-что онъ былъ разрушенъ во время войнъ Ойратовъ и сѣверныхъ Монголовъ. Это вѣроятно случилось уже въ 1415 году, потому-что въ упомянутой насмѣшливой рѣчи (N 2 Кэрулэнъ) дѣло идетъ о возстановленіи Корумъ-хана (470); и именно здѣсь въ первый разъ упоминается о мѣстѣ, получившемъ еще прозваніе Балгада, т. е. резиденціи и названномъ впослѣдствіи (1570) мимоходомъ еще разъ Хониномъ, по позднѣйшему измѣненію имени. Тутъ прекращаются всѣ свѣдѣнія объ этомъ городѣ, такъ что самое положеніе его было забыто до тѣхъ поръ, пока критика Аб. Ремюза не разъяснила его. Желательно было бы, чтобы на этотъ городъ были еще устремлены изысканія физиковъ и антикваріевъ. Все что Марко-Поло и Рубруквисъ говорили о Каракорумѣ, сдѣлалось гораздо болѣе извѣстнымъ нежели изложенное нами. Рубруквисъ говоритъ, что Каракорумъ, резиденція великаго хана Мангу (471), до которой ему удалось наконецъ достигнуть, лежитъ въ 10 дняхъ пути на З. отъ Ононъ-Керуле (т. е. мѣстопребыванія на рѣкахъ Ононѣ и Кэрулэнѣ), куда удалился этотъ ханъ. На этотъ путь Рубруквисъ употребилъ время отъ страстнаго до пальмаваго воскресенья. Мангу-ханъ, говоритъ онъ, проводитъ въ Каракорумѣ время пасхи и конецъ лѣта и даетъ тамъ большіе пиры. На святой недѣлѣ, которую прожилъ тамъ Рубруквисъ, въ

---

(470) Ssanang Ssetsen Gesch. der Mongolen S. 147 not p. 404, S. 211.

(471) G. de Rubruquis Voyage en Tartarie Bergeron ch. XXXI. ch. XLI.

окрестностяхъ Каракорума зелень еще не показалась. Близь стѣнъ города ханъ обнесъ большое пространство земли кирпичною стѣною и выстроилъ тамъ храмъ и большой дворецъ. Подлѣ нихъ находились обширныя, помѣстительныя жилыя строенія и сарай для храненія припасовъ, казны и т. д. Рубруквисъ нашелъ здѣсь людей разныхъ странъ и религій: Сарацинъ изъ индійскихъ султанствъ, Турокъ и христіанъ изъ Русскихъ, Аланъ, Грузинъ, Арманъ, Венгровъ, также Французовъ, Нѣмцевъ, Фламанцевъ, Англичанъ и мн. др., которыхъ сюда привлекла изъ Европы вѣроятно участь войны. Французскій золотыхъ дѣлъ мастеръ maître Guillaume, привезенный сюда плѣнникомъ изъ Бѣлграда, вмѣстѣ съ норманскимъ епископомъ Ди-Беллевилемъ, соорудилъ для дворца искуственный фонтанъ, въ видѣ дерева, окруженнаго четырьмя львами. Каждый изъ львовъ извергалъ изъ пасти своей кумысъ; кругомъ дерева въ видѣ змѣй обвивались трубы, изъ которыхъ вытекало вино, кумысъ, медъ и другіе напитки въ серебряныя чаши. На вершинѣ искуственнаго фонтана, на которую люди могли взбираться по внутренней лѣстницѣ, стоялъ серебряный ангелъ съ трубою. Посредствомъ мѣховъ въ ней находившихся можно было трубить и давать тѣмъ сигналъ къ надѣленію напитками; вѣтви и листья этого дерева были также сдѣланы изъ серебра, а каждый звукъ трубы имѣлъ свое значеніе для пирующихъ. Ханскій дворецъ походилъ постройкою на храмъ съ двумя портиками посрединѣ, двойнымъ рядомъ колоннъ кругомъ; онъ былъ наполненъ дорогими вазами и украшеніями, а передъ нимъ стояло упомянутое дерево съ фонтанами. Лѣтомъ ко дворцу со всѣхъ сторонъ были направлены водопроводы. Здѣсь Рубруквисъ присутствовалъ на одномъ пиршествѣ. Несторіанцы имѣли въ городѣ Каракорумѣ прекрасную, хорошо изукрашенную, отдѣланную золотомъ и алымъ сукномъ христіанскую церковь, въ которой Рубруквисъ освятилъ образъ св. Маріи: часть города называлась Сарацинскою улицею (472): въ ней жили магометане и находился базаръ, на ко-

(472) Jd. ch. XLIV, p. 106.

торомъ все было дешево. Другая часть города, обитаемая ремесленниками, называлась Китайскою улицею. Магометане имѣли здѣсь двѣ мечети, а кругомъ дворца было расположено 12 языческихъ храмовъ разныхъ націй. Въ городской стѣнѣ было четверо воротъ: передъ восточными находился хлѣбный рынокъ, на которомъ продавалось просо, а передъ тремя другими были рынки для продажи скота: передъ западными для овецъ и козъ, передъ южными для быковъ и телятъ, а передъ сѣверными для лошадей. Не смотря на все это французскій монахъ увѣрялъ своего короля Людовика XI, что городокъ С.-Дени, близь Парижа, нравится ему несравненно болѣе цѣлаго Каракорума и что монастырь С.-Дени въ десять разъ болѣе (?) всего дворца Мангу-хана. Съ этимъ описаніемъ совершенно сходенъ краткій очеркъ Каракорума, составленный Маркомъ Поло ([473]), который не говоритъ о немъ ничего новаго, исключая того, что городъ имѣетъ 3 мили въ окружности и обнесенъ крѣпкимъ земляным валомъ (forte terraglio), потому-что въ камнѣ здѣсь ощущается большой недостатокъ; вблизи же находится замокъ или цитадель, посреди которой построенъ обширный ханскій дворецъ.

(473) Marco Polo ed. Ramusio T. II. B. 1. c. 41 ed. Marsden. ch. XLII. p. 188.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СѢВЕРНЫЯ РАЗВѢТВЛЕНІЯ АЛТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ СО СТОРОНЫ СИБИРИ.

ОБЗОРЪ.

—

§ 37.

Мы раздѣлили выше Алтайскую систему на три главныя группы: *Алтай*—между верховьями Иртыша и Енисея, *Хангай* отъ истоковъ Енисея и Селенги до истоковъ Тулы, Кэрулэна и Онона и *Кентей* на В. оттуда къ верховьямъ Амура. Точно то же раздѣленіе на тѣ же три естественныя группы можемъ мы примѣнить и къ сѣвернымъ развѣтвленіямъ Алтайской системы. Только здѣсь эти отдѣлы намъ еще важнѣе и необходимѣе, потому-что имъ соотвѣтствуютъ и народныя группы и исторія открытія этихъ горныхъ странъ, являющихся въ географіи образованныхъ европейцевъ только съ половины XVII вѣка, то есть позднѣе американскаго, такъ называемаго Новаго свѣта. По принятому нами порядку мы должны слѣдовать отъ З. къ В., т. е. съ разсмотрѣнія естественныхъ отношеній Алтая, и потомъ перейти къ Хангаю и Кентею. Но прежде всего необходимо начать съ историческихъ свѣдѣній, потому-что географическіе предѣлы, до которыхъ при существовавшихъ доселѣ обстоятельствахъ могло достигнуть знаніе этихъ горныхъ странъ, были обусловлены исторіею открытія и покоренія Сибири, колонизаціею ея, основаніемъ горныхъ рудниковъ и заводовъ, укрѣпленныхъ и пограничныхъ пикетныхъ линій, трактатами съ сосѣдними народами и государствами и наконецъ путешествіями отдѣльныхъ естествоиспытателей и наблюдателей. Даже и недостатки, проистекающіе изъ такого ограниченія, имѣютъ ту выгоду, что заставляютъ чувствовать существующіе въ изслѣдованіяхъ пробѣлы.

которые мы въ настоящее время не въ силахъ пополнить. Конечно мы ограничимся здѣсь важнѣйшими фактами и именно въ той степени, въ какой они имѣли вліяніе на изслѣдуемую нами горную страну, потому-что естественныя, также какъ и историческія и этнографическія отношенія западной и сѣверной низменной Сибири будутъ разсмотрѣны нами въ другомъ мѣстѣ.

Первое открытіе и завоеваніе Сибири *казачьимъ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевымъ* (который умеръ въ 1584 году) ([474]), далеко не достигло до Алтайской горной страны. Оно остановилось на Ишимской степи и только мѣстами переходило за среднее теченіе Иртыша, ограничиваясь Уральскимъ краемъ и низменными степями. Здѣсь, близь древней, разрушенной столицы Сибири, былъ построенъ (въ 1587 году), при впаденіи рѣки Тобола въ Иртышъ, новый городъ Тобольскъ, скоро сдѣлавшійся главнымъ городомъ Сибири. Въ томъ же краѣ, вверхъ по Иртышу, возникла Тара (1594) ([475]), далѣе къ В. Томскъ на Оби (1604), Кузнецкъ на Томи (1618) ([476]), Енисейскъ на Кеми (1620), Красноярскъ на той же Кеми или Енисеѣ, вверхъ, ближе къ горамъ (1628), Якутскъ на Ленѣ уже въ 1632, а ближе къ Байкальскому озеру на Ангарѣ Иркутскъ въ 1661 году ([477]). Подвигаясь чрезъ степи мало по малу къ Ю., до крайнихъ отраслей горныхъ хребтовъ, преимущественно изъ Тары, Томска и Кузнецка, и распространяя безостановочно свое владычество, Русскіе встрѣтились съ многочисленными кочевыми и звѣроловческими ордами калмыцкихъ, джунгарскихъ, остяцкихъ, теленгутскихъ, бурятскихъ и другихъ такъ-называемыхъ татарскихъ народовъ, которые однако принадлежатъ къ совершенно различнымъ племенамъ. Съ этими-то народами вошли Русскіе въ разнообразныя мирныя или враждебныя сношенія.

---

(474) Karamsin Gesch. d. russ. Reichs Bd. IX. Leips. 1827. p. 33; G. F. Müller sibirische Gesch. въ Samml. R. Gesch. St.-Petersb. 1761. Th. VI. p. 383.
(475) J. Eb. Fischer Sibir. Gesch. St.-Petersb. 1768. 8. Th. I. p. 257, 271.
(476) G. Fr. Müller Sibir. Gesch. VI. p. 543, 548.
(477) Fischer Sibir. Gesch. I. 395, 403, 498; II. 761.

*

Но къ концу XVII вѣка, большею частью посредствомъ безпрерывныхъ войнъ, подобно Испанцамъ въ Америкѣ, Русскіе успѣли или ослабить и оттѣснить эти туземныя племена, какъ напримѣръ Калмыковъ и Джунгаровъ; или замирить, какъ Киргизъ-Кайсаковъ; или обложить данью, какъ Телеутовъ и другихъ Татаръ на Енисеѣ; или принудить ихъ послѣ долгой и упорной борьбы покинуть свои кочевья, какъ напр. восточныхъ Абаканскихъ Киргизовъ (478), которые подъ именемъ Бурутовъ, ушли изъ Сибири къ Ю.-З. и съ того времени водворились между Калмыками. Только такимъ путемъ мирныхъ переговоровъ, походовъ, набѣговъ и различныхъ экспедицій, можно было, наконецъ, приблизиться къ обширной гористой странѣ, занимаемой верховьями большихъ сибирскихъ рѣкъ, и проникнуть въ сердце этихъ юго-восточныхъ горъ.

Въ крайней Восточной Сибири, набѣгами изъ Якутска до горъ Хинъ-Ганъ и верховьевъ Амура [Василій Поярковъ, 1643, и Ерофей Хабаровъ (479); первое открытіе и плаваніе по Амуру произошло въ 1650 г. (см. Т. I. ст. 279) и первое построеніе Нерчинска Пашковымъ въ 1658 г. (480)], Русскіе успѣли проникнуть въ Даурскій край и вытѣснить миролюбивый земледѣльческій народъ изъ его рудныхъ горъ, прежде нежели тобольскіе воеводы подвинулись изъ Тары черезъ Киргизскія степи къ верховьямъ Иртыша, Зайсану и Алтаю. Здѣсь имъ препятствовали многочисленныя кочевыя орды Калмыковъ, и успѣхи ихъ замедлялись возвышеніемъ могущественнаго государства Галдана Элютовъ и Джунгаровъ на Или при Це-Ванъ-Арабданѣ. Потому-то на верховьяхъ Иртыша и въ долинахъ Алтая, заселенныхъ тогда Джунгарами, русскія, нынѣ цвѣтущія поселенія, образовались гораздо позже. А потому самая западная горная группа Алтайской сѣверной окраины дѣлается намъ нѣсколько извѣстною

(478) Müller Sibir. Gesch. въ Samml. russ. Gesch. Th. VI. p. 527, 529.

(479) v. Berg Unternehm. des Bojaren Sohn's Jer. Chabarow am Amur въ Oldekop Pet. Zeitr. Bd. IV. 1822. p. 241.

(480) Fischer Sibir. Gesch. Th. II. p. 853.

только въ началѣ XVIII вѣка, въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго. На В. границы съ цивилизованнымъ и осѣдлымъ Китаемъ были уже ясно обозначены нерчинскимъ трактатомъ въ 1689 году. Но неопредѣленность пограничныхъ отношеній ([481]) съ кочевыми калмыцкими ордами и постоянные набѣги джунгарскихъ князей между рѣками Обью и Енисеемъ къ С.-З. до Барабинской степи на Оми и Енисейской степи до Ишима, не допускали расширенія русскихъ владѣній и основанія поселеній въ горной Алтайской странѣ до тѣхъ поръ, пока путь туда не былъ проложенъ цѣпью укрѣпленій и постовъ. Но это могло быть приведено въ исполненіе только въ 1715 году, начиная отъ Тары вверхъ теченія Иртыша; и вскорѣ послѣ того, войска Петра Великаго могли уже безъ опасенія пройти этимъ путемъ къ озеру Зайсану. Къ тому же присоединилось еще и то благопріятное обстоятельство, что джунгарскіе Кунъ-Тайдши послѣ сокрушенія Элютскаго государства, должны были защищаться отъ нападенія Китайцевъ, для сохраненія собственной независимости. Необходимость обезпечить себя съ тыла мирными сношеніями съ Русскими, заставила ихъ поневолѣ сдѣлать нѣкоторыя уступки и дѣйствовать миролюбиво. Это кажется было не легко, потому-что миръ при всемъ томъ неоднократно нарушался. Русскіе съ своей стороны, занятые въ то время борьбою съ Европою, по другую сторону Урала, могли только съ небольшими средствами и усиліями держаться на правомъ берегу Иртыша, къ С. отъ линіи своихъ укрѣпленій ([482]) — Омска, Ямышевскаго (построеннаго въ 1715 г.), Семипалатинска (въ 1718 г.) и Усть-Каменогорска (въ 1720 г.), мало по малу пролагая и упрочивая себѣ путь къ изобилующему рудами Алтаю.

Енисей вытекаетъ двумя главными вѣтвями, подъ названіемъ

(481) О границахъ кочевыхъ народовъ см. стр. 191 въ Abhandl. z. Gesch. d. petraeischen Arabiens, въ Abh. d. königl. Akad. d. Wissensch. Berl. 1824.

(482) Müller Nachricht üb. d. Goldsande in d. Bucharei und d. am Fl. Irtysch gelegenen Festungen въ Samml. russ. Gesch. St. Petersb. 1760. Bd. IV, p. 183—274.

Ангары изъ Байкала и подъ именемъ Кеми или Енисея изъ горной группы Хан-гай. Въ верховьяхъ этой колоссальной рѣчной системы, въ сѣверныхъ развѣтвленіяхъ Хан-гая и Танъ-ну или въ такъ-называемыхъ Саянскихъ и Кузнецкихъ горахъ до Оби, обитало восточно-туркское племя восточныхъ Киргизовъ, извѣстное подъ различными именами (Килики у Китайцевъ, или Керкисъ, также Хакасъ) ([483]) и нынѣ называемое Кара-Киргизъ или Бурутъ. Они не имѣютъ ничего общаго съ западными степными Киргизами, съ которыми ихъ часто смѣшиваютъ. Сначала (1606), Буруты легко покорились первымъ русскимъ завоевателямъ, и горная Саянская страна, находясь между Алтаемъ на З. и Дауріею на В., сдѣлалась рано извѣстною. Но со времени возвышенія могущества Элютовъ и Джунгаровъ, Киргизы нашли, что гораздо выгоднѣе избрать собственныхъ хановъ (съ 1632), которые находились бы подъ покровительствомъ могущественныхъ джунгарскихъ владѣтелей и управляли народомъ. Послѣ того они такъ усилились, что въ состояніи были бороться съ Русскими: причиняли имъ много вреда на Енисеѣ; также оттѣснили союзниковъ ихъ Калмыковъ (1673), подвигаясь мало по малу къ западнымъ предѣламъ Сибири, и даже овладѣли Калмыцкими степями (при Аюки-ханѣ въ 1672, см. выше ст. 163), когда Калмыки удалились на Волгу. Въ этихъ степяхъ они извѣстны еще понынѣ подъ названіемъ Кара-Киргизъ или Бурутовъ. Такимъ образомъ горное отечество ихъ на верхнемъ Енисеѣ было покинуто и долговременное противодѣйствіе ихъ распространенію русскихъ колоній само собою уничтожилось ([484]). Послѣдніе остатки вышли изъ Сибири въ началѣ XVIII-го вѣка и переселились къ соплеменнымъ Бурутамъ, обитавшимъ въ Китайскомъ Туркестанѣ и подвластнымъ Имперіи. Оттого-то горная страна, при верховьяхъ Енисея на Ю. отъ Красноярска, къ

(483) Klaproth s. la langue Kirghise въ Journal Asiat. VII 1825. 321—349; въ Mém. Relat. à l'Asie III p. 332—382; Journal Asiat. 1823. II p. 5.

(484) Müller Sibir. Gesch. въ Samml. russ. Gesch. VI. p. 529; Fischer Sibir. Gesch. I. p. 307.

Абаканску и Саянску, до самой китайской границы, долго оставалась совершенно безлюдною, и потому, не будучи никѣмъ посѣщаема, пребывала неизвѣстною, не принося никакой пользы. Еще во время поѣздки Палласа въ 1772 году, города Абаканскъ и Саянскъ (485), не смотря на прекрасное положеніе въ климатическомъ отношеніи на верхнемъ Енисеѣ, почти не были населены, и Саянскъ со своими окрестностями казался совершенной пустынею. Горы на китайской границѣ были открыты и изображены на картѣ только между 1772 — 1781 годами, Нестеревымъ (486): до тѣхъ поръ русское начальство въ Сибири не знало объ нихъ ничего положительнаго, и даже о существованіи ихъ до него доходили только ошибочныя свѣдѣнія.

Открытіе богатыхъ рудниковъ и заложеніе горныхъ и плавильныхъ заводовъ по всей сѣверной окраинѣ Алтайской системы все болѣе заманивало Русскихъ въ глубину долинъ и отъ Иртыша до Амура, а ослабленіе туземныхъ горныхъ народовъ, не препятствуя постепенному успѣху открытій и поселеній, уже позволяло проникать далѣе на Ю. Но сосѣдство Китая, въ половинѣ XVIII вѣка въ царствованіе Канъ-хи и Кянъ-луня, покорившаго Монголовъ, Халхасовъ, Элютовъ, Джунгаровъ и распространившаго свои владѣнія до Или, Балхаша, Тарбагатая, Зайсана и верховьевъ Иртыша, сдѣлалось гораздо стѣснительнѣе, нежели можно было предполагать. Установленныя тогда границы между Китаемъ и Сибирью, сохранившіяся до настоящаго времени, можно почесть, за весьма-немногими исключеніями, предѣломъ ученыхъ изслѣдованій съ этой стороны. Отрасли сѣверной окраины, изобилующія металлами, гдѣ ранѣе разработывались рудники и появились горные заводы, изслѣдованы были прежде другихъ. Такъ напр. Колыванскія, Кузнецкія, Саянскія и Даурскія рудныя горы болѣе извѣстны и ра-

(485) Pallas Reise d. verschiedne Provinzen d. russ. Reiches Petersb. 1773. 4 Th. II. p. 689, Th. III. 1776. p. 388.

(486) Егора Нестерева Remarques sur. les peuples qui habitent la frontiere chinoise etc. въ Magasin Asiatiq. Paris 1825, T. I. p. 123—171.

нѣе были заселены, между-тѣмъ какъ лежащія между ними области, горы и рѣки, не изслѣдованныя въ металлургическомъ отношеніи, подвергнуты самому поверхностному изслѣдованію гораздо позже и тогда только сдѣлались доступными для поселеній. Но многія изъ нихъ по настоящее время остались невоздѣланными пустынями, едва извѣстными и проходимыми для охотничьихъ партій, бѣглыхъ и кочевыхъ туземцевъ. Вотъ причина величайшей разнородности и неровности нашихъ свѣдѣній объ этой горной странѣ, а слѣдовательно и необходимо проистекающей изъ того несоразмѣрности въ ея описаніи: слѣдующіе историческіе обзоры хода открытій горныхъ группъ и самые источники этихъ свѣдѣній могутъ дать нѣкоторое понятіе о степени нашихъ познаній.

§ 38.

Изложеніе 1-е. *Открытіе и географическое изслѣдованіе Алтая отъ озера Зайсана и Иртыша до Оби и Телецкаго озера.*

Богатыя рудныя жилы Сибирскаго нагорья за Иртышемъ и Енисеемъ были еще неизвѣстны русскимъ завоевателямъ: и только степныя озера, изобилующія солью, служили предметомъ разработки минеральнаго царства, когда фантастическій проектъ западно-сибирскаго губернатора проложилъ нечаянно путь къ золотымъ и серебрянымъ рудникамъ Алтая и ознакомилъ насъ съ этою страною.

Тобольскій губернаторъ князь Гагаринъ, получилъ отъ бухарскихъ торговцевъ, пріѣзжавшихъ на Сибирскія ярмарки, свѣдѣнія о золотомъ пескѣ (187), добываемомъ промывкою во мно-

(187) Nachricht v. Goldsande in d. Bucharei въ Müller Samml. russ. Gesch. IV. p. 187—199; 234.

гихъ мѣстахъ внутренней Азіи, въ Хуху-Норѣ, въ рѣкахъ западнаго Китая, особенно въ Туркестанѣ, въ Ярканѣ и на Ярканъ-Дарьѣ. Онъ представилъ петербургскому Двору образцы этого золотаго песку, съ предложеніемъ основать линію укрѣпленій отъ Тобольска чрезъ Тару вверхъ по Иртышу до Яркана (Яркенда на Ю. отъ Мустага), чтобы, проникнувъ туда черезъ страны Калмыковъ и джунгарскаго Кунъ-Тайдши на Или, овладѣть золотыми розсыпями. По его мнѣнію это можно было привести въ исполненіе въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Посланникъ хивинскаго хана, бывшій тогда (1714) въ Петербургѣ, удостовѣрилъ Царя, что въ рѣкахъ Бухаріи добывается золотой песокъ, и что тѣмъ же славится Аму-Дарья, при впаденіи которой въ Аральское море лежитъ Хива. Петръ Великій, не зная, который путь можетъ скорѣе привести къ цѣли, и не имѣя свѣдѣній о положеніи и теченіи обѣихъ Дарій (сходныя названія которыхъ подавали поводъ къ ошибкамъ и смѣшиванію одной съ другою), избралъ оба пути. Онъ снарядилъ въ одно и то же время экспедицію князя Бековича къ Аму-Дарьѣ, послужившую только началомъ знакомства Русскихъ съ Хивою и Бухарою, и экспедицію къ верховьямъ Яркань-Дарьи и Иртыша, которая удалилась отъ предпоположенной цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ привела къ открытію рудныхъ Алтайскихъ горъ. Эта экспедиція подала мысль о первой линіи укрѣпленій, ускорившей колонизацію и просвѣщеніе горныхъ странъ и оградившей край отъ нападеній южныхъ кочевыхъ народовъ. Потому здѣсь необходимо сдѣлать ея краткій обзоръ. Петръ I во время вооруженія своего флота на кронштадтскомъ рейдѣ и приготовленій къ новой войнѣ со Шведами (въ маѣ 1714 года), назначилъ капитана гвардіи Ивана Бухгольца начальникомъ экспедиціи, которая, согласно съ предложеніемъ кн. Гагарина состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ войска съ артиллеріей и опытными минералогами, знакомыми съ горнымъ дѣломъ. Экспедиція должна была отправиться изъ Тобольска чрезъ Тару, построить первое укрѣпленіе на Иртышѣ близъ Ямышевскаго солена-

го озера, подняться отъ него вверхъ по рѣкѣ, закладывать редуты въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ, оставляя въ нихъ гарнизоны, для того, чтобы, обезпечивъ себя съ тыла, идти впередъ до Яркана и овладѣть этимъ городомъ, а потомъ приступить къ собранію точнѣйшихъ свѣдѣній о добываніи золотаго песку. Но незнаніе огромныхъ разстояній мѣстностей, и туземныхъ жителей заставило поплатиться за это предпріятіе горькимъ опытомъ и отказаться отъ предположенной цѣли. Экспедиція (488), составленная изъ 2,932 человѣкъ, въ іюлѣ 1715 года отправилась изъ Тобольска вверхъ по Иртышу на 14 большихъ судахъ или дощанникахъ и 39 лодкахъ, подъ прикрытіемъ 1,500 драгунъ, шедшихъ по правому перегу.—Въ то время оба берега Иртыша, до самой Барабинской степи, были безпрерывно опустошаемы Калмыками и Киргизами. Джунгарскій князь объявлялъ также притязанія на обладаніе страною между Енисеемъ и Обью, потому-что кочевавшіе тамъ калмыцкіе Тайджи ему покорились, хотя издавна и считались вассалами Россіи. Русскіе торговцы проникали тогда уже до степнаго озера, чрезвычайно обильнаго солью, извѣстнаго у туземныхъ кочевыхъ народовъ подъ именемъ Ямышъ и лежащаго въ одной милѣ ($6\frac{1}{2}$ верстъ) отъ праваго берега Иртыша. Они ѣздили туда изъ Тобольска, Тары и Томска на ярмарку, для производства выгодной мѣновой торговли съ Калмыками и Бухарцами и запасались тамъ прекрасною бѣлою солью (489), добываемою изъ озера въ изобиліи безъ примѣси постороннихъ веществъ. Торговыя выгоды заставляли ихъ забывать, что нерѣдко должно было защищаться отъ разбойниковъ и набѣговъ кочующихъ ордъ. Гмелинъ называетъ это озеро чудомъ природы (въ 1733 г.) и всѣ позднѣйшіе путешественники посѣщали и описывали его. Здѣсь-то на Иртышѣ основано первое укрѣпленіе Ямышевское (51^0 53′ 12″ с. ш. 95″ 15′ 0″ в. д. отъ Ферро.

(488) Müller, l. c. 213.

(489) Müller l. c. p. 215; Gmelin Reise d. Sibirien. Th. I. Götting. 1751. p. 203—210; Pallas R. Reise Th. II. 1773. p. 481.

по съемкѣ Шуберта): съ наступленіемъ зимы оно было уже осаждено, весною же оставлено и срыто. По впослѣдствіи подкрѣпленное Омскою крѣпостью, заложенною при впаденіи Оми въ Иртышъ (1717), оно вновь было выстроено полковникомъ Прок. Ступинымъ ([490]), въ большемъ размѣрѣ и такъ укрѣплено редутами, что могло служить опорнымъ пунктомъ для вѣрнѣйшаго успѣха предпріятія. Отсюда отрядъ двинулся далѣе къ Ю. В. и положилъ въ 1718 году первое основаніе крѣпости Семипалатной ([491]), получившей названіе отъ семи кирпичныхъ зданій или палатъ, воздвигнутыхъ когда-то благочестивымъ ханомъ для помѣщенія своихъ *ламъ*. Около этого времени отправлено было въ главное мѣстопребываніе джунгарскихъ владѣтелей на Или ([492]), нѣсколько пословъ съ порученіемъ завести мирныя сношенія съ Калмыками, кочевавшими между Обью и Енисеемъ, и по возможности стараться убѣдить ихъ, что Русскіе пришли не воевать съ ними, а отыскивать руды, и что укрѣпленія строятся не для ихъ стѣсненія.

До какой степени считали тогда это предпріятіе опаснымъ по множеству разбойничьихъ партій высланныхъ враждебными Калмыцкими и Киргизъ-Кайсацкими Ордами, показываетъ уже одинъ ([483]) опытъ подняться вверхъ по Иртышу до Зайсана и объявленіе князя Гагарина въ Тобольскѣ, что тѣмъ преступникамъ, которые изъявятъ согласіе на участіе въ экспедиціи дана будетъ свобода и исходатайствовано совершенное помилованіе. Иванъ Калмыковъ съ маленькимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ ста человѣкъ конницы, благополучно прошелъ по восточному берегу Иртыша отъ Ямышева до озера Зайсана (Кызылъ-ну у туземцевъ), построилъ при истокѣ рѣки лодку и въ первый разъ плавалъ по озеру. Во время этого плаванія (1717) онъ нашелъ что большая часть озера обросла тростникомъ, а при исто-

(490) Müller l. c. p. 237, 243.
(491) Müller, l. c. p. 256.
(492) Донесеніе Григорія Вельянова 1718, тамъ же p. 249—254.
(493) Тамъ же p. 246.

къ Иртыша находились мели и чрезвычайно быстрое теченіе. Совершивъ такъ же счастливо обратное плаваніе по Иртышу, Русскіе благополучно возвратились въ Ямышевское укрѣпленіе. За этимъ открытіемъ неизвѣстнаго до тѣхъ поръ озера послѣдовало вскорѣ (1719) (494), первое плаваніе по всему Зайсану: изъ Ямышева отправлена была флотилія, состоявшая изъ 20 большихъ судовъ плоскодонныхъ, для удобнѣйшаго и безопаснѣйшаго прохода мелей, подъ начальствомъ капитана Урассова и лейтенанта Сомова. Они отважились даже проникнуть на В., десять дней подымались вверхъ по Иртышу между горными долинами Алтая, и первые обозрѣли эти мѣста. Небольшія партіи Калмыковъ, слѣдовавшія за ними по обоимъ берегамъ рѣки, безуспѣшно пытались стрѣлять въ нихъ. Послѣ того, Петръ Великій лично возложилъ на генералъ-маіора Ивана Михайловича Лихарева (495), новое порученіе изслѣдовать подробно Зайсанъ и проплыть какъ возможно далѣе по верховьямъ Иртыша для доставленія точнѣйшихъ свѣдѣній о золотомъ пескѣ и пути въ Яркантъ. Экспедиція отправилась изъ новой Семипалатной крѣпости, гдѣ заблаговременно были построены большія плоскодонныя барки, названныя, въ надеждѣ на благополучное плаваніе, зайсанками. Такъ называются и въ настоящее время барки, употребляемыя для перевозки товаровъ по Иртышу. Лѣтомъ 1720 года, 440 человѣкъ отплыли на 34-хъ зайсанкахъ, снабженныхъ провіантомъ на три мѣсяца. Но на берегахъ Зайсана не смотря на желаніе Императора, не могли найдти ни одного удобнаго мѣста для постройки укрѣпленія, потому-что они были повсюду покрыты только непроходимымъ камышомъ. Лихаревъ не терялъ однакожь надежды привести волю Императора въ исполненіе гдѣ-нибудь далѣе на верховьѣ Иртыша. Но и тамъ это оказалось невозможнымъ, хотя нашли оба рукава, которыми изливается верхній Иртышъ въ восточную часть

(494) Тамъ же p. 258.

(495) Экспедиція Лихарева у Миллера тамъ же p. 261—272.

Зайссана и безостановочно плыли вверхъ по южному рукаву впродолженіе 12 дней и 12 ночей. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно подробное описаніе и опредѣленіе мѣстъ этого плаванія, хотя оно было самымъ дальнимъ путешествіемъ изъ всѣхъ совершенныхъ въ средину Алтайскихъ горъ; можетъ быть подробное донесеніе Лихарева лежитъ еще въ пыли архивовъ. Во всякомъ случаѣ это путешествіе показываетъ, какъ далеко простирается отъ В. къ З. долина верхняго Иртыша, въ которой нѣкогда повелитель Турковъ принималъ посланника византійскаго императора у подножія Эктага или Золотой горы (см. выше ст. 178). Но на этотъ разъ, смѣльчаки были встрѣчены очень непріязненно. Калмыки съ перваго же дня замѣтили ихъ приближеніе, однако изъ страха или по свойственной имъ хитрости не показывались на берегахъ. Русскіе не встрѣтили ни одного живаго существа впродолженіе всего плаванія и наконецъ приблизились къ тому мѣсту, гдѣ стояли 200.000 калмыцкой конницы подъ начальствомъ наслѣдника хана Галданъ-Церена (см. выше ст. 153), отдыхавшей послѣ кровопролитной битвы съ Китайцами и готовившейся къ отраженію нападеній Монголовъ и Манъчжуровъ.

Когда плаваніе русской флотиліи, подвинувшейся уже далеко впередъ, встрѣтило затрудненіе отъ мелководья, Калмыки спустились съ береговыхъ высотъ и открыли огонь, съ твердымъ намѣреніемъ уничтожить непріятеля или принудить его къ немедленному отступленію. Не смотря на большой уронъ отъ выстрѣловъ русской артиллеріи, они достигли своей цѣли, потому-что послѣ безпрерывной трехдневной перестрѣлки заключено было перемиріе, и Лихаревъ рѣшился пуститься назадъ. Онъ убѣдился въ невозможности плыть далѣе и притомъ уже достигъ предположенной цѣли изслѣдованія верховьевъ Иртыша. Обрадованные миролюбивымъ окончаніемъ дѣла, Калмыки сначала провожали удалявшагося непріятеля, но потомъ предоставили его собственному произволу. Съ этого времени Джунгары на южной сторонѣ Иртыша и къ В. отъ Зайссана и Алтая были уже связаны неразрывно съ политикою Китая, и смѣлыя

предпріятія Русскихъ уже не стѣснялись ихъ безпокойнымъ сосѣдствомъ. Спускаясь на обратномъ пути по теченію Иртыша, генералъ Лихаревъ избралъ для заложенія предначертанной Императоромъ крѣпости, то мѣсто ниже Зайссана, гдѣ рѣка выходитъ изъ Алтайскихъ горъ и прорвавшись сквозь послѣднее скалистое ущелье разливается по степи. Эта крѣпость должна была составлять крайнюю южную оконечность всей линіи укрѣпленій и названа Усть-Каменогорскою ([496]) (1720). Какъ всѣ прежде построенныя крѣпости она обнесена была рвами, палисадами и брустверомъ, а впослѣдствіи возвысилась на степень окружнаго города и имѣла уже двѣ тысячи жителей. Послѣ уже не помышляли о дальнѣйшихъ попыткахъ проникнуть въ отдаленный Ярканъ. Вмѣсто фантастическихъ экспедицій для добыванія золотаго песку, вскорѣ открылись болѣе постоянные и прочные источники обогащенія и разработки металловъ въ Сибири. Усть-Каменогорскъ остался съ того времени единственнымъ крайнимъ исходнымъ пунктомъ, для изслѣдованій южной отрасли Алтая со стороны Китайской Джунгаріи. Изъ него должны быть совершаемы всѣ поѣздки, и никакая экспедиція не можетъ миновать его на обратномъ пути. Географія обязана нѣкоторыми новѣйшими свѣдѣніями объ этихъ странахъ (1792—1794), тѣмъ ботаническимъ изслѣдованіямъ (1826) ([497]) и поискамъ, которые были отсюда предпринимаемы ([498]). Еще во время перваго заложенія крѣпости, нѣсколько солдатъ, отправившись на охоту въ юго-западныя горы, открыли въ 10 миляхъ (70 верстахъ) къ Ю. отъ крѣпости, развалины ([499]) города или храма, въ бывшей столицѣ калмыцкаго князя *Аблая*,

(496) Müller, тамъ же p. 273.

(497) C. A. Meyer zum Nor Zaissan etc., 1826; въ v. Ledebour Altai Reise Berl. 1829. Th. II. 8. p. 191—320; v. Ledebour zur Syrianowschen Grube ib. Th. I. p. 283—328.

(498) Müller Samml. russ. Gesch. IV. p. 274 и его же Dissertatio de scriptis Tanguticis въ Comment. Petrop. Acad. T. X. p. 440 etc.

(499) J. G. Gmelin Reise d. Sibirien Th. I. p. 233—237.

который построилъ его въ половинѣ XVII вѣка для своихъ ламайскихъ жрецовъ. Съ того времени эти развалины названы *Аблай-китомъ*, а рѣчка, протекающая близь нихъ: *Аблай-киткой*. Этотъ пунктъ, замѣчательный въ литературномъ и археологическомъ отношеніяхъ, привлекалъ въ разныя времена въ юго-западныя предгорія Алтая множество ученыхъ экспедицій. Таковы, напримѣръ, были поѣздки Фр. Миллера и Гмелина (1733) ([500]): студента Соколова, сопровождавшаго Палласа (1771) ([501]), Д-ра Мейера (1826) ([502]), доставившихъ много полезныхъ свѣдѣній объ этихъ мѣстахъ. Впослѣдствіи край этотъ приведенъ былъ въ бо́льшую еще извѣстность проложеніемъ караванныхъ путей, о которыхъ упомянуто выше, и поѣздкою на берега Иртыша, достойнаго удивленія по своей дѣятельности, А. Гумбольдта и ученыхъ его спутниковъ Эренберга и Розе. Для ближайшаго знакомства съ этимъ краемъ, мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ описанія ихъ путешествій ([503]).

Разработка рудниковъ и устройство горныхъ заводовъ, больше всего способствовали ближайшему знакомству Русскихъ съ внутренними частями сѣверныхъ отраслей Алтайской горной системы. Исторія ихъ открытія, начавшаяся находкою богатыхъ рудныхъ жилъ, совпадаетъ также со временемъ царствованія Петра Великаго, въ началѣ XVIII вѣка. Она непосредственно слѣдуетъ за развѣдкой ([504]) и изслѣдованіемъ рудныхъ горъ Уральскаго хребта въ минералогическомъ отношеніи. Свѣтъ науки и духъ промышленности, оживившія и сдѣлавшія доступными эти лѣсистыя горы и дебри на древней границѣ Европы съ Азіей, вскорѣ послѣ того коснулись Алтая, чрезъ посредство нѣмецкой школы горнаго искусства, въ особенности саксонской. Этимъ

(501) Pallas R. R. T. II. p. 540—554.

(502) Ledebour Altai Reise. T. II. p. 325—330.

(503) A. Humboldt. Fragments de geologie et climatologie asiatiques. Paris. 1831. T. I и II.

(504) B. Fr. Hermann vom Anfange und Fortgange des Bergbaues in den Uralischen Gebirgen въ его Mineralog. Reisen d. Sibirien. Petersb. 4. Th. I. 1797. p. 192, 289.

край обязанъ былъ какъ шведскимъ военнопленнымъ, бывшимъ тогда въ Сибири и основательно знакомымъ съ естественными науками и технической частью горнаго дѣла, такъ и предпріимчивости частныхъ лицъ, подданныхъ великаго Императора. На низменныхъ равнинахъ Алтайской системы, пересѣкаемыхъ цѣпью холмовъ и предгорій, на огромномъ пространствѣ отъ Байкала и Лены до Тобола, безпрерывно встрѣчаются кладбища народа, нѣкогда чрезвычайно многочисленнаго (называемаго Чудью), который имѣлъ обыкновеніе зарывать въ могилы усопшихъ драгоцѣнныя металлическія украшенія изъ золота, серебра, домашнюю мѣдную утварь и желѣзное оружіе, какъ необходимыя принадлежности при переходѣ въ другую жизнь. Оставшіеся послѣ этого народа давно покинутые рудники, и поросшія мохомъ кучи шлаку — разсѣяны въ такомъ безчисленномъ множествѣ на большей части сѣверныхъ отраслей всей Алтайской системы, что могутъ служить вѣрнымъ указаніемъ къ удачному пробитію новыхъ шахтъ и разработкѣ рудниковъ. Но народъ этотъ давно уже исчезъ, а занявшія мѣсто его туземныя племена не только ничего не знали о своихъ предшественникахъ и не сохранили никакого о нихъ преданія, но даже не наслѣдовали отъ нихъ ни смѣтливости, ни проницательности.

При изумительности и изобиліи всевозможныхъ рудъ земной коры, они успѣли воспользоваться только зелеными лугами для скотоводства, да лѣсами для звѣриной ловли, и такъ нуждались во всѣхъ металлическихъ орудіяхъ и утвари (505), что съ жадностію вымѣнивали у чужеземцевъ желѣзные и чугунные котлы, давая за каждый столько соболей и чернобурыхъ лисицъ, сколько могло въ немъ помѣститься. Такимъ образомъ должно было вновь открывать всѣ эти сокровища въ нѣдрахъ земли. Кузнецъ Никита Демидовъ, работавшій на ружейной фабрикѣ въ Тулѣ, переселился въ Уральскія горы и основалъ

(505) Muller Nachrichten v. d. Handlung in Sibirien въ Samml. Russ. Gesch. Th. III. 1760. p. 483.

тамъ въ 1699 году первый желѣзный заводъ, а вскорѣ послѣ того построилъ еще десять заводовъ и сдѣлался обладателемъ обширныхъ лѣсовъ и помѣстій, доставившихъ семейству его княжескія богатства. Сынъ его, статскій совѣтникъ Ак. Никит. Демидовъ, одаренный отъ природы необыкновенными способностями и обогатившій умъ свой обширными свѣдѣніями, распространилъ начатое отцемъ его на Уралѣ (506), и разработкой своихъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ, а также постройкою плавильныхъ заводовъ на Алтаѣ, проложилъ путь къ образованію и географическому изслѣдованію сѣверовосточной Азіи. Чрезъ два года послѣ неудачной экспедиціи къ озеру Зайсану для добыванія золотаго песку и постройки Усть-Каменогорска, найдены были въ Алтаѣ первые штуфы и построенъ первый заводъ сыномъ Демидова. До сихъ поръ неизвѣстно, что было для него ближайшимъ поводомъ съ розысканію рудъ въ Алтаѣ: быть можетъ самое названіе Алтая (означ. золотой) или какія-нибудь преданія (507). Въ 1723 году двое охотниковъ пришли къ Колыванскому озеру и Синей. Сопкѣ, гдѣ кочевали Калмыки и Кузнецкій округъ граничилъ съ владѣніями Галданъ Церена, простиравшимися тогда на С. гораздо далѣе Зайсана и Иртыша. Вывѣтривавшаяся мѣдная синь, покрывавшая всѣ чудскіе шлаки, обратила на себя ихъ вниманіе. Они принесли образцы ея въ слободу Бѣлоярскъ, гдѣ находилось тогда нѣсколько свѣдущихъ въ горномъ искусствѣ развѣдчиковъ, состоявшихъ на жалованьѣ у Демидова, которые и доставили эти образцы на его плавильные Уральскіе заводы. Вскорѣ послѣ того Демидовскіе рудокопы начали разработывать древніе отвалы у подошвы Синей Сопки. Рудникъ этотъ былъ названъ Колыванскимъ, и первая печь для выплавки руды заложена была на р.

---

(506) Hermann Mineralogische Beschreibung d. Uralischen Gebirges. 1789. 8. Th. I. p. 14.

(507) Hermann Von dem Anfange etc. въ его Mineralog. Reisen Th. I. p. 289—357; J. P. Falk Beiträge zu Kenntniss d. russ. Reiches. St.-Pet. 1785. 4. Th. I. p. 301—336.

Локтевкѣ. Первоначально руда давала до 24% . Въ то же время была начата разработка рудниковъ въ Воскресенскихъ горахъ. Въ 1726 г. Демидовъ получилъ отъ Бергъ-Коллегіи формальное разрѣшеніе на основаніе завода и приписку къ нему необходимаго числа рабочихъ крестьянъ изъ округовъ Кузнецкаго и Томскаго. Для защиты новаго поселенія отъ набѣговъ кочующихъ Калмыковъ и Киргизовъ, дана ему сотня казаковъ. Рабочіе его изъ Екатеринбурга (на Уралѣ) устроили плавильныя печи. Въ 1729 году они разработывали на Иртышѣ рудники Колыванскій, Платовскій, Воскресенскій и др., которые должны были снабжать рудою строившійся тогда Шульбинскій плавильный заводъ. Въ 1730 г. Демидовъ приказалъ построить при впаденіи Барнаулки въ Обь, первые дома, и тѣмъ положилъ основаніе Барнаульскому заводу, который сдѣлался впослѣдствіи главнымъ. Самая деревня Барнаулъ (508) (53°20′с. ш. 101°6′45″в. д. отъ Ф.) возведена была потомъ на степень главнаго города во всемъ горномъ округѣ и уѣздѣ. По причинѣ сильнаго приращенія населенія, этотъ городъ сдѣлался въ короткое время однимъ изъ значительнѣйшихъ въ Сибири. Съ 1732 г. узнали содержаніе серебра въ добываемой здѣсь мѣдной рудѣ, почему въ 1735 году правительство купило у Демидова эти заводы, находившіеся уже въ цвѣтущемъ состояніи. Незадолго предъ тѣмъ, естествоиспытатель Гмелинъ (1733) посѣтилъ и описалъ это вновь открытое Эльдорадо (509). Онъ нашелъ уже здѣсь, кромѣ множества рудниковъ, крѣпость съ бастіонами, слободу, торговый дворъ, острогъ, обведенный палисадомъ, мастерскія, помѣщавшіяся въ пяти домахъ, шесть плавильныхъ печей съ мѣдиплющильнями, гаргердами, перегонными печами, рудильнями и кузницами въ полномъ дѣйствіи. На рѣчкѣ Чарышѣ, протекающей не въ дальнемъ разстояніи, уже построилось нѣсколько деревень, населенныхъ раскольниками и старообрядцами, отпавшими отъ Греко-Россійской Церкви. По-

---

(508) Ledebour Altai-Reise. Th. II. p. 359—390.
(509) Gmelin Reise d. Sibirien Th. I. p. 250—260.

ложеніе богатыхъ Колыванскихъ заводовъ на одной изъ лучшихъ мѣстностей Сибири, наименѣе отдаленное отъ населеннаго края, и что̀ еще важнѣе, по мнѣнію одного изъ людей, хорошо знакомыхъ съ горнымъ управленіемъ въ Россіи, пребываніе ихъ сначала въ рукахъ частныхъ людей, которые употребили на нихъ собственные капиталы, поставили ихъ въ зависимость отъ Уральскихъ заводовъ и поддерживали между ними постоянныя сношенія, снабжая людьми свѣдущими въ горномъ искусствѣ и рабочими — все способствовало быстрому и сильному приращенію народонаселенія въ этой части Алтайскихъ горъ и безпрепятственному успѣху его развитія. При иныхъ обстоятельствахъ, это едва ли могло случиться. Трудно рѣшить, до какого цвѣтущаго состоянія возвысились бы эти рудники, если бы впродолженіе цѣлаго столѣтія они оставались въ рукахъ частныхъ лицъ и вольной промышленности, безъ всякаго могущественнаго покровительства свыше, и какое вліяніе они могли бы имѣть на дальнѣйшія открытія и заселеніе этихъ горъ. Но всѣ заводы и рудныя горы сдѣлались казенною собственностію. Правительствующій Сенатъ, обращая постоянно вниманіе на возвышеніе ихъ, старался только послѣ тщательныхъ изслѣдованій приступать къ полезнымъ учрежденіямъ, сообразнымъ съ мѣстностью и вынуждаемымъ обстоятельствами. Внѣшнее обезпеченіе, улучшеніе внутренней администраціи, назначеніе ученыхъ и практически-свѣдущихъ металлурговъ и управляющихъ заводами, наконецъ посѣщеніе края академиками, все это не только способствовало благосостоянію жителей въ новыхъ поселеніяхъ, но и приносило непосредственную огромную пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако, это увеличивало число обитаемыхъ мѣстъ въ горахъ, обращало дикихъ туземцевъ къ мирнымъ занятіямъ и сближало ихъ съ Русскими, словомъ распространяло успѣхи географическихъ открытій, которыхъ нельзя было ожидать безъ покровительства Горнаго Департамента ([510]).

---

(510) См. общее обозрѣніе Сибири (Сперанскаго?) въ „Сынѣ Отечества" 1822; см. Oldecop. St. Pet. Zeitr. Bd. X. 1823. p. 287.

По распоряженію правительства выписаны были горные чиновники изъ главнаго Екатеринбурскаго Горнаго Правленія и прислана рота солдатъ: а въ 1735 году назначены уже въ Алтайскіе рудники (511) 500 ч. ссыльныхъ, тогда же переданныхъ тобольскимъ губернаторомъ въ распоряженіе Горной Канцеляріи. Въ 1736 г. открыты недалеко оттуда первыя руды, близь Змѣиной горы (Змѣиногорскъ, 51° 9′ 27″ с. ш. 99° 49′ 30″ в. д. отъ Ферро по Шуберту). Въ 1743 году убѣдились въ богатомъ содержаніи серебра въ колыванской рудѣ, до того времени доставлявшей одну только мѣдь, а въ 1745 открыли въ Змѣиногорскѣ золотую руду, и содержаніе золота въ верхнихъ частяхъ этого рудника было такъ значительно, что онъ, какъ извѣстно, подвергался съ того времени постоянно тщательной обработкѣ. Такое открытіе чрезвычайно возвысило значеніе заводовъ: всѣ долины и прилежащія горы были старательно изслѣдованы, ближайшія рѣчки и потоки застроены новыми заводами, окрестная страна на далекое пространство покрылась деревнями и поселеніями. Число изслѣдователей (512) и развѣдчиковъ, привлеченныхъ большими выгодами, значительно умножилось.

Отъ этихъ первыхъ рудниковъ, горная канцелярія, правленіе и весь округъ получили оффиціальное названіе Колывано-Воскресенскихъ: окрестныя рудныя горы наименованы Колыванскими: а самые пріиски преимущественно назывались Алтайскими или Мало-Алтайскими. Такимъ образомъ названіе древняго Эктагъ-Алтая, или Золотой горы, лежащей гораздо южнѣе и прославленной только преданіемъ, было перенесено на горные отроги, простирающіеся гораздо сѣвернѣе и дѣйствительно соотвѣтствовавшіе этому знаменитому названію своими богатыми золотыми рудами. Окрестности ихъ мало по малу также были изслѣдованы по всѣмъ направленіямъ, гдѣ только развѣдка и шурфовка могли обѣщать надежды на новые выгодные пріиски, а истребленіе лѣ-

(511) Hermann Bergbau im Altai l. c. p. 307.
(512) Pallas R. R. Th. II. p. 579—588. 1771.

совъ при усилившейся потребности топлива и частые лѣсные пожары открывали доступъ въ лѣсистыя долины и обнажали горы. Послѣ указа о принятіи этого горнаго округа въ казенное вѣдомство, въ 1747 году, вліяніе его необыкновенно распространено было бригадиромъ Бейеромъ. Проложены были новыя дороги, народонаселеніе въ этой пустынѣ быстро развилось: а туземные жители, какъ кочевые, такъ и занимавшіеся звѣроловствомъ, удалились еще болѣе въ глубину горъ и долинъ. Вся горная группа превращалась постепенно въ промышленную европейскую колонію посреди Азіятскаго материка. Отъ времени до времени нужно было предпринимать новыя мѣры: такъ указомъ 1747 г. ([513]) было предписано распространить по возможности добываніе серебряной руды, и, не отдѣляя золота отъ серебра, пересылать ихъ сплавы въ Петербургъ, очистить русло рѣки Алея и сдѣлать его судоходнымъ, а для сбереженія колыванскихъ лѣсовъ заложить другой плавильный заводъ на Иртышѣ. Кромѣ крестьянъ, приписанныхъ уже къ горному правленію для работъ, въ распоряженіе его переданы были еще четыре слободы или поселенія, обязанныя уплачивать, по опредѣленной таксѣ, всѣ подушныя подати и другіе налоги своей работою, т. е. большую часть года быть въ рудникахъ, на плавильныхъ заводахъ, при перевозкѣ руды и т. д. Всѣ поселенцы, подобно переведеннымъ сюда ссыльнымъ, избавлены были, работою при заводахъ, отъ всякихъ другихъ повинностей.

Изъ Олонецкихъ и Екатеринбурго-Уральскихъ заводовъ присланы опытные рудокопы, горные офицеры, Саксонцы свѣдущіе въ горномъ искусствѣ, и разные чиновники, принятые съ обязательствомъ служить впродолженіе всей жизни. Семейства ихъ были обезпечены пенсіями, а для Лютеранъ опредѣлены пасторы. Все это способствовало увеличенію населенія Алтайскихъ заводовъ. Для внѣшняго огражденія новоустроеннаго горнаго округа, на рѣчкахъ Шульбѣ и Убѣ (сѣверовосточныхъ притокахъ

(513) Hermann Bergbau im Alt. l. c. p. 312.

Иртыша) на *Алеѣ* и истокахъ *Оби, Біи, Катуни, Ануѣ* и *Чарышѣ*, текущихъ къ С. отъ Алтая и образующихъ рѣку Обь, а также на заводахъ Змѣиногорскомъ и Колыванскомъ, построены были крѣпости, снабженныя артиллеріей. Для гарнизоновъ переведены въ нихъ, съ Кордонной линіи, военныя команды, которымъ поставлено въ обязанность защищать ихъ отъ всякихъ нападеній и набѣговъ. Такимъ образомъ, постепенно развивался здѣшній горный округъ, и прежняя граница русскихъ поселеній въ Сибири отодвигалась далѣе и далѣе къ Ю.-В. въ Алтайскую систему.

Въ бытность Гмелина въ Колывани, въ августѣ 1733 года ([514]), прибылъ туда небольшой караванъ Урянхай-Калмыковъ (т. е. ясачныхъ или калмыцкихъ крестьянъ, не служащихъ въ военное время въ русскомъ войскѣ), которые жили тогда въ глубинѣ высокихъ, дикихъ горъ, на разстояніи трехъ дней пути, при истокахъ Чарыша (къ С.-В.) и находились подъ управленіемъ хана Омки. Сначала они обитали въ Колывано-Воскресенскихъ горахъ и при первоначальномъ основаніи мѣдиплавильнаго завода сдѣлали на него набѣгъ, желая воспрепятствовать предпріятію Русскихъ и удержаться въ этомъ краѣ. Но будучи народомъ не воинственнымъ и малочисленнымъ, они вскорѣ отступили, и послѣ того, потерпѣвъ неоднократныя пораженія отъ могущественныхъ Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ, не помышляли уже объ удержаніи за собою страны, въ которой когда-то кочевали и которую потому считали своею собственностью. Это одно изъ немногихъ извѣстій, объясняющихъ намъ, какимъ образомъ удалялись прежніе жители горъ; о подобныхъ событіяхъ прежде совершенно умалчивали и въ настоящее время исторію этихъ народовъ нужно отыскивать въ глубинѣ горъ и долинъ высокихъ Бѣлкòвъ или снѣжныхъ горъ Алтая. Палласъ (1771), во время своего пребыванія здѣсь, удостовѣрился, что при первомъ основаніи Демидовскихъ заводовъ, эта горная страна, лежащая между Иртышемъ и Обью, была почти

---

(514) Gmelin Reise d. Sibirien Th. I. p. 249.

совершенно безлюдна и раззорялась джунгарскими Калмыками, которымъ подчинились тогда туземные горные жители, Каракольцы ([515]) (очевидно одного происхожденія съ Урянхаями) и что спокойствіе горныхъ племенъ еще чаще было нарушаемо безпрерывными набѣгами Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ.

По упомянутому выше указу ([516]), для отраженія враждебныхъ покушеній извнѣ и обезпеченія отъ набѣговъ горныхъ Калмыковъ и жившихъ около Телецкаго озера Теленгутовъ, устроена была линія укрѣпленій отъ Иртыша (отъ Убы, близь прежней крѣпости Усть-Каменогорской въ діагональномъ направленіи въ С.-В.) вдоль снѣжныхъ вершинъ или бѣлковъ Алтая до Оби, къ Бійской или Бій-катунской крѣпости (названной такъ отъ слiянія Біи и Катуни, на С.-З. отъ Телецкаго озера, въ р. Обь), до Кузнецка. Линія эта называлась Старой линіей и въ половинѣ прошедшаго вѣка служила крайнимъ предѣломъ географическихъ открытій въ Алтайской горной странѣ. Палласъ подробно обозначилъ направленіе этой Колывано-Кузнецкой пограничной линіи отъ Иртыша до Оби и Томи. Она шла отъ Усть-Убинскаго форпоста ([517]) на Иртышѣ вверхъ по Убѣ, до впадающей въ нее рѣчки Шамананхи, потомъ черезъ Ново-Алейскъ на Змѣиногорскій и Колыванскій заводы, черезъ форпосты Бѣлорѣцкій, Березовскій, Саянскій, Чагирскій, Казанской-Богоматеринскій, Кабановскій, Калмыцкій, гдѣ начиналась Кузнецкая дистанція, далѣе чрезъ Озерный острогъ, укрѣпленіе Николаевское и Ануйское до Бійской крѣпости. Но при успѣхахъ открытій въ здѣшнихъ горныхъ странахъ, развѣдки и поселенія вскорѣ перешли далеко эту границу къ Ю.-В. и въ 1764 г. замѣтили, что большая часть горъ, въ которыхъ предполагали руды и гдѣ были уже открыты богатыя содержанія ихъ, а слѣдовательно всѣ важнѣйшіе рудники, лежали внѣ этой черты. Тогда, для прикрытія и обезпе-

(515) Pallas R. R, T. II p. 579.
(516) Hermann Bergb. im Alt. l. c. p. 313.
(517) Pallas R. R. T. II. p. 513.

ченія Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, основана была другая, такъ-называемая Новая линія, направленная далѣе къ Ю.-В. въ глубину горъ. Первыя, хотя и не полныя свѣдѣнія о ней, мы встрѣчаемъ въ описаніи Палласовой поѣздки, въ 1771 году, потому-что до него ни одинъ путешественникъ ничего не писалъ объ этой пустынѣ. Къ сожалѣнію болѣзнь не позволила тогда Палласу проникнуть далѣе, а сообщенное имъ описаніе поѣздки спутника его студента Соколова ([518]) въ Тигерецкія снѣговыя горы, не заслуживаетъ никакого вниманія. Такое перенесеніе границъ далѣе въ горы было не менѣе важно для звѣроловства и мѣховой торговли, которымъ открывался новый, обширнѣйшій кругъ дѣйствій. Съ приливомъ народонаселенія въ области, обезпеченныя пограничной линіей, число звѣрей, особенно пушныхъ, значительно уменьшилось, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по сю сторону линіи они даже совершенно исчезли. Туземцы же, занимавшіеся звѣринымъ промысломъ, съ разрѣшенія начальствовавшихъ тамъ офицеровъ, чтобы имѣть возможность уплачивать ясакъ или подать мѣхами, переходили за границу въ лѣсистыя горы, гдѣ охота была еще очень выгодна. Такимъ образомъ отъ времени до времени они вынуждены были подвигаться ближе къ тѣмъ округамъ, въ которыхъ звѣроловство оказывалось выгоднѣе ([519]). Съ другой стороны бѣглецы и ссыльные, успѣвшіе перебраться за границу, послѣ долгихъ и трудныхъ странствованій, устроивали тамъ поселенія и селились деревнями. Для отысканія такихъ незаконныхъ выходцевъ, которые причинили много вреда пограничнымъ селеніямъ, переманивая жителей ихъ за границу, и сильно безпокоили недовѣрчивыхъ китайско-монгольскихъ сосѣдей, посылаемы были отъ времени до времени небольшіе отряды въ горы до самой Бухтармы (впадающей справа въ Иртышъ). Походы отрядовъ и

(518) Sokoloff Excursim in d. Tigeräzkische Schneegebirge въ Pallas R. R. T. II. p. 567—571.

(519) Pallas R. R. T. II. p. 571.

частые побѣги раскольниковъ изъ русскихъ владѣній способствовали также распространенію свѣдѣній объ этомъ краѣ.

Новая пограничная линія, подвинувшаяся далеко отъ старой, къ Ю.-В. и обозначающая предѣлы открытій въ Алтаѣ и вновь заселенные на немъ пункты, проходила въ ю.-в. сторонѣ (520) Колыванскихъ заводовъ отъ Тигерецкаго форпоста на рѣчкѣ *Тигерекъ* (впадающей съ С. въ Бѣлую) у сѣвернаго подножія высокихъ снѣговыхъ Бѣлковъ до верховьевъ рѣчки Тулаты при Тулатинскѣ и до большой р. Чарыша, гдѣ была построена Верхне-Чарышская крѣпость. Отсюда она простиралась почти на 65 г. м. (450 верстъ) неуклонно къ С. и С.-В. чрезъ Сосновскій маякъ (24 версты), Маралій-Рогъ (18 в.), Антоновскій форпостъ (24 в.), Николаевскій маякъ (20 в.), Терскую Защиту 27 в.), крѣпости: Анюйскую (28 в.), Катунскую (27 в.), Бійскую (22 в.), Бещемирскую станицу (26 в.): форпосты: Новиковскій (25½ в.) и Кузедеевскій (132 в.) до города Кузнецка (55½ в.). Еще во время Палласа предположено было подвинуть *Новую линію* отъ укрѣпленій Катунскаго и Бійскаго далѣе въ горы, вверхъ по Біѣ. Но предположеніе было, кажется, отсрочено до заложенія Сандыпской крѣпости на рѣкѣ Біѣ. На двухъ послѣднихъ дистанціяхъ къ Кузнецку, изъ которыхъ одна почти въ 20 (132 версты), а другая около 8 г. м. (55 верстъ), укрѣпленія были не такъ часты, потому-что границы ограждались горами, поросшими болотистымъ и почти непроходимымъ Кузнецкимъ чернолѣсьемъ. Отъ Кузнецка до р. Енисея по дикимъ пустыннымъ горамъ, не было еще возможности устроить такую же пограничную линію. На Ю. же отъ Тигерецкой крѣпости осталась, какъ и прежде, линія, проходившая черезъ Ново-Алейскъ (на верхній Алей) и Усть-Убинскъ до Усть-Каменогорска на Иртышѣ, откуда она впослѣдствіи подвинулась однакожъ вверхъ по Бухтармѣ. Въ промежуткахъ (521) обѣихъ линій, лучшія мѣста

(520) Pallas ibid. p. 573.
(521) Pallas R. R. T. II. p. 513.

вскорѣ застроились новыми деревнями, населенными отчасти единоплеменными Русскимъ выходцами изъ Польши, исповѣдывавшими греко-россійскую вѣру; отчасти крестьянами изъ внутреннихъ губерній Россіи, сосланными за незначительныя преступленія въ Сибирь; отчасти наконецъ добровольными переселенцами изъ другихъ, болѣе населенныхъ мѣстъ Сибири. Значительнѣйшіе города этой линіи, главныя крѣпости, укрѣпленія и посты снабжены были гарнизонами и караулами для наблюденія за движеніями и набѣгами непріятельскихъ партій, и между ними учреждено было безопасное почтовое сообщеніе.

Не касаясь спеціальной исторіи горныхъ заводовъ, которая выходитъ изъ круга нашихъ изысканій о развитіи географическаго познанія Алтайскихъ горъ, связаннаго впрочемъ съ успѣхами распространенія и усовершенствованія горныхъ заводовъ, нельзя однакожъ не замѣтить, что правительство могло уже располагать значительнѣйшими средствами именно съ этого времени. Тогда, къ этимъ заводамъ принадлежало уже болѣе 1,000 горныхъ рабочихъ и болѣе пяти-сотъ рудокоповъ, и приписано было слишкомъ 40,000 крестьянъ для различныхъ работъ (съ 1763 года). Съ 1761 года, добыча серебра не превосходила 333 пудовъ; но потомъ (съ 1770 г.) (522) изъ милліона пудовъ руды ежегодно выплавлялось уже около 1,000 пудовъ золотистаго серебра и 10,000 пудовъ чистой мѣди, такъ что казна ассигновала тогда на ежегодныя издержки по заводамъ, вмѣсто прежнихъ 60,000 рублей, болѣе 400,000 р., а въ 1826 году расходовалось уже до 1,200,000 руб. (523). Въ 1779 г. изъ горнаго округа образовалась довольно большая область, раздѣленная на 5 округовъ. Въ 1789, распространившись далѣе въ Алтайскія горы, она превратилась въ настоящее намѣстничество. Съ увеличеніемъ числа рудниковъ умножилось въ разныхъ направленіяхъ число горныхъ заводовъ: введены были новыя методы

(522) Hermann l. c. p. 327. Falk l. c. Pallas R. R. T. II. p. 610—622.
(523) Ledebour Reise n. d. Altai T. II. p. 382.

плавки и обжиганія и въ 1764 г. открыты: монетный дворъ, въ Сузунскомъ заводѣ, на Оби, рудопромывальни на р. Корболихи, и свинцовые рудники, въ которыхъ ощущали до того времени большой недостатокъ (въ 1774 г.) — при Алейскомъ заводѣ на верхнемъ Алеѣ. Для ученаго, спеціальнаго образованія людей, свѣдущихъ въ горномъ искусствѣ, основана была (1789) въ Барнаулѣ горная школа. Къ этому же времени должно отнести открытіе совершенно новыхъ, богатыхъ серебряныхъ рудниковъ, какъ напр. *Риддерскаго* (въ 1786 г.) на Ульбѣ; основаніе прекрасныхъ порфировыхъ и яшмовыхъ ломокъ, въ дикихъ скалистыхъ горахъ Алтая на Коргонѣ, при которыхъ заведена въ 1787 году извѣстная гранильная фабрика; опыты судоходства по Чарышу; начало сношеній Алтайскихъ заводовъ съ Нерчинскими, вслѣдствіе увеличившейся потребности въ свинцѣ для отдѣленія серебра, и наконецъ сильное развитіе всѣхъ отраслей промышленности и торговли внѣшней и внутренней. Все это не могло не способствовать ближайшему изученію страны: протяженіе всей линіи и разстоянія между постами были измѣрены въ подробности.

Къ сожалѣнію, частые пожары, которые истребляли архивы и канцеляріи Сибирскаго края, помѣщавшіеся большею частію въ деревянныхъ строеніяхъ, лишили насъ почти всѣхъ подобныхъ документовъ ([524]). Точнѣйшая съемка мѣстъ и составленіе хорошихъ дорожныхъ картъ этой части Алтая, въ особенности населенной, сдѣлались необходимой потребностью и въ короткое время достигли возможнаго совершенства. Слѣдствіемъ этого было сбереженіе расходовъ на поденную плату, по опредѣленнымъ тарифамъ, выдаваемую крестьянамъ, приписаннымъ для заработки подушнаго оклада къ заводамъ, но поселеннымъ отъ нихъ въ дальнихъ разстояніяхъ (напр. близь Томска и Кузнецка). Такая поденная плата выдавалась имъ также и на обратномъ пути слѣдованія по окончаніи времени заработокъ.

(524) Общее обозрѣніе Сибири Oldekop. l. c. T. X. p. 274.

Большія дороги для перевозки руд, угля, а также и для другихъ потребностей, какъ напр. отправки серебра въ Петербургъ и свинца въ Нерчинскъ, сдѣлали измѣреніе дорогъ важнымъ предметомъ въ финансовомъ управленіи. Путешествія для открытій и экспедицій за развѣдкою рудъ способствовали больше всего собранію матеріаловъ для исправнѣйшихъ картъ этой горной страны, которая сначала была мало извѣстна и понынѣ представляетъ огромныя пространства, вполнѣ достойныя назваться Terra incognita. Такъ напримѣръ, въ 1761 году для изслѣдованія пограничныхъ Джунгарскихъ горъ, посланы были, подъ начальствомъ маіора Петрова (по Герману, Петрулина) рудокопы и такъ-называемые геодезисты, подъ прикрытіемъ 500 человѣкъ. Къ нимъ, по распоряженію главнаго начальника линіи генерала Ф. Веймарна, присоединился штабъ-хирургъ Кизингъ съ порученіемъ сдѣлать изысканія, касающіяся естественной исторіи и древностей страны. Экспедиція отправилась въ апрѣлѣ, и возвратилась осенью того же года. По донесенію Фалька ([525]), въ это короткое время сняты были карты страны, орошаемой Тигерекомъ и Бухтармой, и открыты многія руды. Большая шурфовальная экспедиція ([526]), посланная въ 1786 году во всѣ мѣста Алтайскаго хребта, особенно въ необитаемыя и до того совершенно неизвѣстныя его части, раздѣлена была на 9 партій, которыя состояли каждая изъ горныхъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, рудокоповъ и конвойныхъ солдатъ. Они не только открыли многія каменоломни и руды богатаго содержанія, но и сняли съ посѣщенныхъ мѣстъ хорошія карты, по которымъ впослѣдствіи исправлены были многія ошибки генеральныхъ картъ. Къ тому же періоду относятся чрезвычайно важныя путешествія русскихъ ученыхъ, посланныхъ Академіею Наукъ съ разрѣшенія правительства.

(525) Falk. Topogr. Beitr. Th. I. p. 307; Hermann Miner. Reisen in Sibirien Th. I. p. 323.

(526) Hermann Ibid. p. 343.

цѣлью этихъ экспедицій, посланныхъ въ разные края обширнаго Русскаго Царства и снабженныхъ подробными планами и опредѣленными инструкціями, была польза государства и успѣхи наукъ. Многія изъ нихъ достигли Алтая, но здѣсь мы упомянемъ только объ экспедиціяхъ Миллера и Гмелина (1733), Фалька и Палласа (въ 1770 и слѣдующихъ годахъ) на которыя повсюду ссылаемся, да и впослѣдствіи обратимъ особенное вниманіе: потому-что находимъ у этихъ путешественниковъ самые обильные источники для нашихъ изысканій. Объ экспедиціяхъ же, посыланныхъ съ спеціальною цѣлью для пользы горнаго дѣла, не будемъ говорить, потому-что результаты ихъ совершенно случайные. Шурфовальныя экспедиціи возобновились въ 1790 году, когда посланы были до Бухтармы горные инженеры для разработки рудъ, открытыхъ, въ половинѣ прошедшаго вѣка (527), и къ нимъ присоединились развѣдчики для изслѣдованія неизвѣстныхъ мѣстъ и съемки картъ. Тогда же открыты были, въ южныхъ, самыхъ неприступныхъ отрасляхъ русскаго Алтая, поселенія бѣглыхъ (528) на верховьяхъ Бухтармы въ скалистыхъ ущельяхъ (ихъ называли каменьщиками, т. е. жителями каменныхъ деревень), жившихъ подобно дикарямъ и занимавшихся звѣроловствомъ. Они получили прощеніе отъ правительства, были причислены къ ясачнымъ крестьянамъ и приняты въ подданство русскаго Царя (1791). Въ настоящее время, они живутъ тамъ же, въ 8 деревняхъ, близь послѣдней русской пограничной деревни Фыкалки, противъ перваго китайскаго поста Чингисъ-Тея, на такъ-называемой Новой-Китайской линіи, которая простирается оттуда на Ю.-З. къ Нарымскимъ укрѣпленіямъ, огибаетъ Зайсанъ и Джунгарію, и доходитъ до Бухаріи. Эти поселенія на границѣ Китайской имперіи, которой владѣнія начинаются на лѣвомъ или южномъ берегу верхней Бухтармы, составляли на

(527) Gmelin Reise d. Sibirien 1751. T. I. p. 256.

(528) Hermann l. c. p. 532. Gr. Spasky Reise in d. Süd-Altaï (1809) въ A. Oldecop St. Petersb. Zeitschr. 1824. Bd. XV p. 161—168 изъ Сибирск. Вѣстника 1818. Bd. III.

крайнемъ западѣ, до р. Нарыма (впад. съ правой стороны въ Иртышъ) гораздо позднѣе (до 1728 г.) ([529]) нежели близь Кяхты и Нерчинска (1689 на Амурѣ, предѣлъ дальнѣйшихъ открытій въ Алтайскихъ горахъ къ Ю. и В. До этого предѣла проникли, въ 1826 году, ревностные ботаники Ледебуръ ([530]), Бунге и Мейеръ, которые будутъ нашими главными, почти единственными путеводителями какъ здѣсь, такъ и во внутреннихъ частяхъ высокаго Алтая, до романтическаго Телецкаго озера; потому-что до этихъ ученыхъ ни одинъ еще изъ извѣстныхъ намъ путешественниковъ прошлаго столѣтія и позднѣйшихъ временъ, не совершалъ съ такимъ успѣхомъ открытій въ отдаленныхъ краяхъ внутреннихъ Алтайскихъ горъ. Описанія ученыхъ ботаниковъ такъ важны во всѣхъ отношеніяхъ и принесли столько пользы, что мы не можемъ сравнить ихъ ни съ какими другими сочиненіями объ этомъ краѣ. Что касается до картъ, то кромѣ тѣхъ, которыя приложены къ описаніямъ вышеупомянутыхъ путешествій, но составлены въ чрезвычайно маломъ масштабѣ и исполнены плохими рисовальщиками, только одна изъ этихъ картъ годится къ употребленію. Мы говоримъ о картѣ, составленной при Колыванскомъ горномъ правленіи въ 1816 году, въ 9-ти отдѣлахъ.

Къ сожалѣнію, она состоитъ изъ гидрографической сѣти, основанной на опредѣленіи очень не многихъ астрономическихъ пунктовъ, съ одними названіями мѣстъ, и подобно большей части русскихъ картъ Азіи, не даетъ понятія о горахъ и степени возвышенія или низменности опредѣленныхъ мѣстностей.

Поставивъ себя въ возможность историческимъ путемъ познакомиться предварительно съ Алтаемъ, чтобы перейти къ изображенію его состоянія по настоящимъ свѣдѣніямъ объ этомъ горномъ краѣ, мы постараемся такимъ же образомъ сдѣлать предва-

(529) Klaproth Memoire de la frontière russe et chinoise (въ Mem. rel. à l'Asie) T. I. p. 10.

(530) Ledebour Reise nach d. Altaï T. I. p. 286—328. Bunge id. T. II. p. 518—522. Meyer T. II. p. 232.

рительное обозрѣніе двухъ другихъ горныхъ группъ. Правда, въ отношеніи къ ближайшей изъ нихъ, т. е. Саянской, мы принуждены будемъ довольствоваться гораздо меньшимъ числомъ фактовъ, потому-что исторія открытій въ тамошнихъ отдаленныхъ гористыхъ странахъ не сдѣлала такихъ быстрыхъ успѣховъ и не представляетъ столько средствъ, для изслѣдованія, какъ разсмотрѣнный нами горный хребетъ. Эти обширныя пустыни занимаютъ огромныя пространства, въ которыхъ нельзя полагать (531) даже 27 — 30 душъ населенія на одну милю. Въ Колывано-Воскресенской области (по указанію Сперанскаго) народонаселеніе напр., такъ ограничено, что на верхнемъ Енисеѣ (около Красноярска, Ачинска и Абаканска) приходится по 20, около Перчинска по 17, подъ Нижне-Удинскомъ по 12, а близь Киренска едва по 5 жителей на одну милю.

§ 39.

Изложение 2. *Открытіе и географическое изслѣдованіе средняго Алтая и Саянскихъ горъ, отъ Оби чрезъ Енисей до Ханъ-гая, при озерѣ Коссоголѣ и до Селенги или западной оконечности Байкальскаго озера.*

Отъ Телецкаго озера (52° с. ш.), лежащаго къ С. отъ Зайсана, почти на пять градусовъ широты между Саянскимъ и Алтайскимъ хребтами, близь самой границы Китайской имперіи, пролегающей по Танъну-Алтаю (см. выше ст. 188), находится обширная, совершенно неизслѣдованная гористая пустыня. Она простирается къ В., чрезъ узкія скалистыя долины Абакана, Енисея съ Каномъ и другими быстрыми притоками по южной или верхней части Красноярской области до верховья Уды и притоковъ Ангары — Оки и Иркута, на З. отъ Байкала въ Иркутской области, или до Ханъ-гая на озерѣ

(531) Общее обозрѣніе Сибири l. c. T. X. p. 293.

Коссоголѣ и истокахъ Селенги. Свѣдѣнія наши объ этой горной странѣ до сихъ поръ чрезвычайно ограничены. Европейцы проникли туда, какъ мы сказали выше, по удаленіи воинственнаго туземнаго племени Восточныхъ Киргизовъ, о которыхъ можно почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія ([532]) только изъ китайскихъ лѣтописей, относящихся ко времени династіи *Танъ*. Въ нихъ это племя извѣстно подъ именемъ Хакасъ, какъ западные сосѣди *Хунъ-ну* и сѣверные *Хой-хе*—народовъ, о которыхъ будетъ говорено далѣе. Отдѣльныя, безсильныя племена татарскія, правильнѣе самоѣдскія или калмыцкія, слившіяся съ джунгарскими и другими инородцами, какъ то: *Телеуты*, горные *Калмыки*, *Двоеданцы*, т. е. платившіе двойную подать, *Бельтиры*, *Качинцы*, *Сойоты (Урянхай)*, *Маторы*, *Камачинцы*, *Койбалы* и прочіе безъ борьбы овладѣли прекрасными долинами и ущельями гористой страны, обильной пастбищами и лѣсами! По кромѣ охоты и скотоводства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на равнинахъ и плодоносныхъ, безлѣсныхъ пространствахъ, многія изъ этихъ племенъ начали заниматься земледѣліемъ. Къ нимъ проникла также колонизація русскихъ завоевателей, но развѣдка рудъ, открытіе рудниковъ и устройство заводовъ происходили здѣсь гораздо медленнѣе. Деревни поселенцевъ едва переходили къ Ю. за 54° с. ш., а *Абаканскъ*, *Минусинскъ*, *Саянскъ* и высшія горныя мѣста, были посѣщаемы только русскими сборщиками податей (ясака), уплачиваемыхъ мѣхами. До этихъ крайнихъ поселеній достигали не многіе изъ ученыхъ путешественниковъ: напримѣръ академики Миллеръ и Гмелинъ, (1734) ([533]), посѣтившіе тамъ нѣкоторыя мѣста. Особливо Палла́съ съ своей экспедиціей ([534]) (въ 1772 году), старался о тщательномъ изслѣдованіи края. Сиверсъ, во время ботаническихъ и фармацевтическихъ изысканій, касательно настоящаго

(532) Description de la Russie, trad. du Chinois у Клапрота въ его Memoires relat. à l'Asie. p. 87—92.

(533) Gmelin d. Reise d. Sibirien T. I. p. 297—493.

(534) Pallas R. R. T. III. 1776. p. 324—448.

мѣсторожденія ревеня, проникъ въ 1792 году ([535]) только до Абаканскаго острога. Въ географическихъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ въ запискахъ этихъ ученыхъ, обращено вниманіе даже на разсказы звѣро-промышленниковъ и искателей кладовъ, разрывавшихъ безчисленное множество чудскихъ могилъ, для отыскиванія золота. Изъ официальныхъ донесеній объ этой горной странѣ нельзя было извлечь много полезнаго, и даже въ хорошихъ картахъ ощутителенъ сильный недостатокъ, потому что тѣ, которыя изданы отъ русскаго правительства, чрезвычайно не удовлетворительны. Тѣмъ незабвеннѣе заслуги вышеупомянутаго пограничнаго коммиссара и геодезиста И. Пестерева (1772—1781), относительно открытій его на границѣ и сообщенія хотя неполныхъ объ ней свѣдѣній. Это единственные источники, которыми мы можемъ располагать, хотя много подобныхъ имъ, безъ всякой пользы для науки и правительственныхъ соображеній, лежатъ вѣроятно въ деревянныхъ строеніяхъ сибирскихъ городскихъ архивовъ, превращаясь въ прахъ или пепелъ, и дѣлая болѣе и болѣе невозможною основательную исторію этого края. Предполагая подробно развить впослѣдствіи описаніе этой части горъ и ихъ особенностей, мы теперь хотимъ представить только общее обозначеніе пограничной линіи, такъ какъ успѣхи открытій и здѣсь были совершенно одновременны съ распространеніемъ русскихъ границъ. Новая Колыванская линія, которую мы прослѣдили до *Бійска* и *Кузнецка*, и которая, здѣсь при сліяніи Біи и Катуни, гдѣ онѣ образуютъ Обь, называется *второй Кузнецкой*, далѣе близь самаго Бійска, не удерживаетъ уже своего значенія въ прежнемъ смыслѣ слова. Она проходила пространство отъ 2—300 геогр. миль (200 верстъ) къ С., около горныхъ хребтовъ, по странѣ удобной вездѣ для сообщеній. Устройство ея было *временное*, и внѣ ея черты оставлены многія мѣста, годныя для поселеній, тѣмъ болѣе, что близь нихъ открыты были металлоносныя жилы. Стремленіе къ земледѣльче-

(535) Sievers Briefe aus Sibirien. St.-Pet. 1796. Br. 8. p. 92—104.

скимъ и горнозаводскимъ выгодамъ, вскорѣ потребовало большаго распространенія этой линіи. Между тѣмъ Джунгары, господствовавшіе здѣсь до того времени, удалились: обезсиленные побѣдами императора Кянъ-Луня (см. выше стр. 158), они переселились во внутренность Китайской имперіи. Тогда поселеніямъ ([536]) и промышленной дѣятельности Русскихъ, открылся обширнѣйшій кругъ дѣйствій: они подвинулись постепенно къ Ю. и захватили истокъ Оби—Телецкое озеро, котораго прибрежные жители были уже покорены ими въ 1633 г. ([537]). Нѣкоторыя изъ племенъ горныхъ народовъ, живущихъ въ этихъ мѣстахъ, признали себя зависимыми, какъ отъ Россіи, такъ и отъ Китая, и были названы двоеданцами, т.-е. платившими двойную дань. Тутъ повторилось странное отношеніе, подававшее уже не разъ поводъ къ распрямъ и заблужденіямъ, когда ([538]) они и одноплеменники ихъ, жившіе далѣе къ З., обязались платить подать Россіи и джунгарскимъ Кунъ-Тайдшамъ. Еще Петръ Великій хотѣлъ этому воспротивиться. Тогда-то впервые появляются эти *двоеданцы* вслѣдствіе того, что между имперіями, на огромномъ протяженіи, около Телецкаго озера и верхнихъ его притоковъ, около Бухтармы и Катуни, до самаго Енисея, или точнѣе до лѣваго его притока, Кемчика, не было еще политически опредѣлено никакой точной границы. Дѣйствительно, она обозначалась одними естественными преградами и мѣстами жительства горныхъ двоеданическихъ племенъ. Это богатое племя, посѣщаемо было Александромъ Бунге въ 1826 году ([539]), и важныя путешествія, совершенныя этимъ трудолюбивымъ ученымъ въ горахъ отъ верховья Чарыша и Катуни, Башкауса и Чулышмана и источниковъ горнаго озера Телецкаго или какъ его называютъ ту-

(536) Общее обозрѣніе Сибири l. c. T. X. p. 281.

(537) *Спасскій.* Перв. завоев. на Телецкомъ озерѣ, въ 1633 г. (Въ его Пут. въ Алтай, въ Сибир. Вѣстникѣ за 1823 г.) см. Oldecop Zeitschrift. T. XIV. 1824. p. 318.

(538) Müller Samml. russ. Gesch. Th. IV. p. 235.

(539) A. v. Bunge Reise in den östlichen Theil d. Altai Gebirges 1826 въ v. Ledebour Th. II. p. 170.

земцы *Алтынъ-Куля*, т. е, *Золотаго озера*, доставляютъ намъ почти единственныя свѣдѣнія объ этомъ народѣ. Въ долинѣ верхняго Енисея, по кряжамъ горнаго хребта, шириною въ 50 г. м. (350 верстъ), простирающагося между Обью и Енисеемъ или притоками ихъ Абаканомъ и Таштыпомъ, между Біею и Томью до 53° с. ш., снова начинается опредѣленная и извѣстная граница Россіи и Китая на С.-В. отъ Телецкаго озера, и на З. отъ форпоста Таштыпскаго. Она составляетъ Абаканскую линію ([540]), отстоящую отъ первой на 15—42 г. м. (105—295 верстъ) и пролегающую по нынѣшнему Минуссинскому округу Енисейской губерніи. Линія эта состоитъ только изъ 5 форпостовъ, изъ которыхъ одинъ построенъ въ горномъ проходѣ Шабинъ-Даванъ (у Палласа) или Чабина-Дабаханъ, ведущемъ въ Монголію. Посты эти отстоятъ далеко (4 — 15 г. м.) одинъ отъ другаго, и составляли бы только слабую защиту границы, если бы она не была укрѣплена самой природою. На В. отъ Енисея, пограничная линія извивается по высочайшимъ вершинамъ Эргикъ-Таргака въ Саянскихъ горахъ, гдѣ снова совершенно прерывается на протяженіи 500 верстъ (70 г. м.). Еще далѣе къ В., на верхней Удѣ, (впадающей въ Ангару) въ сѣверныхъ отрасляхъ Хангая донынѣ (1823) линія прикрыта одними подвижными казачьими пикетами, высылаемыми поочередно на 4 различные пункта изъ Нижне-Удинска (54°, 55′ 22″ сѣв. ш. и 116° 41′ 32″ вост. д. отъ Ферро по Шуберту). Здѣсь, до рѣки Оки, впадающей въ Ангару или скорѣе до Окинскаго караула, на З. отъ города Окинска, по границѣ Нижнеудинскаго округа Иркутской губерніи, на протяженіи 450 верстъ (болѣе 60 г. м.), горы считаются также неприступными и потому положеніе ихъ осталось неизвѣстнымъ. Около ста лѣтъ назадъ, многочисленные осѣдлые обитатели горъ, а также окрестностей озера Коссогола и источниковъ Селенги, принадлежавшіе къ племени Самоѣдовъ, извѣстные Монголамъ подъ назва-

---

(540) Сперанскаго, Общее обозрѣніе Сибири l. c. T. X. p. 260.

ніемъ Урянхай ([541]) или Сойотъ, и бывшіе также двоеданцами обѣихъ имперій, почти совершенно вымерли (за исключеніемъ немногихъ семействъ), а самая страна обезлюдѣла. Но хотя пограничныя отношенія значительно упростились, однако ближайшее опредѣленіе границъ и приведеніе ихъ въ извѣстность съ обѣихъ сторонъ, почитаютъ еще до сихъ поръ излишнимъ. Отъ Окинскаго караула къ В. до Горбицы (лѣваго притока средней части Амура) граница съ Китаемъ опредѣлена точнѣе прежними договорами, о чемъ и будетъ упомянуто далѣе. Но здѣсь китайское правительство проявляло столь же мало дѣятельности около своей пограничной линіи, какъ и русское. Между острогами Танъ-Ну и Хан-гая, особенно въ долинѣ верхняго теченія Енисея до его источниковъ, весь край, который мы представляемъ себѣ по своимъ описаніямъ и картамъ, безлюдною пустынею, составляющею для насъ Terra incognita, былъ занятъ однакоже многочисленными народами. Тамъ возникли поселенія и образовалось китайское пограничное военное управленіе Гобдо-Улясутайское, которое частію должно было содѣйствовать пополненію нашихъ свѣдѣній объ этихъ горахъ. Мы можемъ заимствовать спеціальныя карты и свѣдѣнія, дополняющія повѣствованія Русскихъ объ этомъ краѣ, изъ новаго изданія географіи Китайской имперіи (Да-Цынь-Вэй), значительно обогатившаго область землевѣдѣнія. Свѣдѣнія эти заключаются въ 27-ми книгахъ, называемыхъ Ли-Панъ-Юань, т. е. дворъ для управленія иностранцами, въ отдѣлѣ Китайской географіи, напечатанномъ въ 1818 г. въ Пекинѣ. Сообщеніемъ оригинала этого изданія обязаны мы профессору Нейману. Свѣдѣнія эти мы будемъ имѣть въ виду и при дальнѣйшемъ описаніи этой части Азіи.

---

(541) Klaproth. Frontières Russes et Chinoises (Mem. rel. à l'Asie). T. I, p. 11.

§ 40.

Изложеніе 3.

Открытіе и изслѣдованіе горныхъ окрестностей Байкальскаго озера, Даурскихъ Альповъ и нагорья верхняго Амура со стороны Россіи.

Завоеванія, сопровождаемыя розысканіями и заложеніемъ рудниковъ и горныхъ заводовъ, съ самаго отдаленнаго времени обнаруживали уже очень большое, хотя и не столько ощутительное вліяніе на ходъ открытій въ этомъ третьемъ, самомъ восточномъ и огромнѣйшемъ хребтѣ сѣверной окраины Верхней Азіи. Въ болѣе западныхъ горныхъ группахъ вліяніе это было не такъ медленно. Чрезмѣрное отдаленіе отъ Балтійской метрополіи и совершенно отдѣльное положеніе за-Байкалья имѣли бы конечно вредное вліяніе на подобный ходъ открытій, еслибъ съ другой стороны не дѣйствовало привлекательное сосѣдство Китая, какъ государства образованнаго, хотя въ пограничныхъ владѣніяхъ и не населеннаго, но богатаго и многолюднаго во внутреннихъ областяхъ, и обѣщавшаго много выгодъ отъ упроченія политическихъ связей и мирныхъ сношеній. Оно вознаградило за многія невыгоды и сильно способствовало развитію населенія, открытіямъ, колонизація и проложенію путей по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ этого пространства. Близость Китая подавала надежду на богатую будущность для политики и торговли, и потомъ обработка рудниковъ и устройство заводовъ доставляли капиталистамъ несомнѣнныя выгоды, приносившія при счастіи, особенно послѣ проложенія дорогъ, огромные барыши. Эти обстоятельства составили для восточной Дауріи, повидимому слишкомъ отдаленной, самые дѣйствительные и постоянные, хотя и нѣсколько медленные способы къ изслѣдованіямъ и просвѣщенію. Свободная дѣятельность, особенно поддерживаемая ничѣмъ нестѣсняемой торговлей, при измѣненіи политическаго состоянія и

улучшеніи религіозной жизни можетъ привести здѣсь къ самымъ блестящимъ результатамъ для блага народовъ и государствъ, результатамъ, которые въ настоящее время едва можно предъугадывать. Промышленный, свѣдущій въ горномъ искусствѣ народъ, населявшій Даурскія горы, почти безъ сопротивленія бѣжалъ отъ первыхъ воинственныхъ пришельцевъ—казачьихъ отрядовъ Хабарова и его послѣдователей, оставляя завоевателямъ почти безлюдную пустыню, снова заселенную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по основаніи русскихъ горныхъ заводовъ. Когда же вскорѣ послѣ того убѣдились, что сосѣдство Китая не такъ опасно, какъ сначала предполагали, то край быстро наполнился новымъ, еще болѣе многочисленнымъ народонаселеніемъ, пришедшимъ съ С.-З. и занявшимъ пространство до самой восточной части Нерчинскаго края и по Селенгѣ отъ Кяхты до Байкала. Деревень, поселеній, мѣстечекъ и городовъ возникло болѣе, нежели можно было предполагать, потому что торговыя выгоды присоединились къ металлургическимъ и агрономическимъ. Съ другой стороны къ З. на сѣверные отклоны горъ еще не населенные, но богатые лѣсами и пастбищами, перешли въ русскіе предѣлы многочисленныя орды, жившія до того времени гораздо южнѣе. Обратясь частью къ осѣдлой жизни, всѣ они остались данниками Московскаго царя, который всегда обходился съ ними миролюбивѣе китайскаго императора. Эти переселенія были необходимымъ слѣдствіемъ непрерывныхъ политическихъ столкновеній между маньчжурскими, монгольскими, калмыцкими и джунгарскими народами и кровавой борьбы маньчжурской династіи, утверждавшейся тогда въ нагорной странѣ Гоби и на пекинскомъ престолѣ, съ мятежными народами Китая, его вассалами и сторожевыми ордами, кочевавшими на границахъ древняго государства. Къ тому же въ продолженіе одного вѣка совершилось паденіе и совершенное уничтоженіе четырехъ могущественныхъ государствъ, сопредѣльныхъ Сибири. Династія Минь была сокрушена Маньчжурами въ 1645; держава Монголовъ-Халхасовъ разрушена въ 1691 (см. Т. I. стр. 658) Галдана Элютовъ 1696-мъ (см. стр. 146)

и Джунгаровъ въ 1757 (см. стр. 150). Всѣ эти событія сопровождались значительными переселеніями побѣжденныхъ и преслѣдуемыхъ племенъ (см. стр. 148). Общія этнографическія свѣдѣнія о переходахъ туземныхъ народовъ, почерпнутыя изъ политическихъ споровъ и исторіи войнъ, неоднократно возобновлявшихся послѣ нерчинскаго договора 1689 (см. Т. I. стр. 279), точнѣйшее опредѣленіе границъ и пограничныхъ учрежденій, связанныхъ въ обоихъ государствахъ съ устройствомъ двухъ большихъ торговыхъ путей и съ открытіемъ свободнаго доступа въ Китай черезъ Цурухайту и Кяхту, а слѣдовательно съ началомъ караваннаго сообщенія и съ отправленіемъ посольствъ—вотъ особенныя обстоятельства, очень много способствовавшія открытію и изслѣдованію этой горной страны. Сверхъ того способствовали тому съемки и административные труды правительства, ученыя путешествія геогностовъ, горныхъ инженеровъ, ботаниковъ и другихъ соревнователей науки, а въ особенности русскихъ академиковъ.

Западная часть Алтая, судя по приведеннымъ выше изслѣдованіямъ о происхожденіи его названія (см. стр. 179), была уже извѣстна Византійцамъ, въ VI вѣкѣ, какъ мѣстопребываніе туркскихъ хановъ. Но крайняя восточная часть Алтайской системы была совершенно неизвѣстна классическому древнему міру Запада и Европы среднихъ вѣковъ. Полагали только, что въ этихъ странахъ господствуетъ вѣчный мракъ. Гораздо ранѣе, западныхъ народовъ, горы эти извѣстны были древнѣйшимъ завоевателямъ сѣвернаго Китая, въ ихъ побѣдоносныхъ походахъ изъ-за Великой стѣны противъ Хунъ-ну, Ту-гю, Хой-хэ, Кэраитовъ, Монголовъ и друг., нерѣдко тѣснившимъ враждебныя сосѣднія орды къ С. черезъ всю Гоби до горъ Хан-гая, Кентея и до источниковъ Селенги (см. Т. I. стр. 627) для постройки сторожевыхъ постовъ и укрѣпленій отъ безпрерывныхъ набѣговъ сѣверныхъ племенъ. Впрочемъ повидимому, Китайцы никогда не появлялись на холодномъ сѣверномъ склонѣ этихъ горъ, спускающихся террасами къ Байкалу, Енисею (Канъ или Кемъ у Китайцевъ) и Оби, (по китайски Опу). Но по старинной политико-

дипломатической системѣ, свойственной имъ во всѣ времена, и указанной нами при описаніи южной окраины хребта (см. стр. 129) они и здѣсь, на сѣверныхъ предѣлахъ своихъ владѣній, старались постоянно поддерживать дружественныя сношенія съ народами, обитавшими въ тылу ихъ пограничныхъ сосѣдей. Этимъ объясняется то, что о таковыхъ народахъ упоминаютъ самыя древнія китайскія лѣтописи ([542]). Въ географіи странъ Оросъ. (т. е. Руссовъ) Ха-касъ или восточные Киргизы, на верхнемъ Енисеѣ, издавна уже называются народами русаго племени (см. стр. 41), такъ же какъ и одноплеменные съ ними Кули-ханы, жившіе далѣе къ В. (около 627 г.) во времена династіи Танъ на С. отъ Песчаной степи (Шамо), покорившіеся тогда династіи Танъ и платившіе императорамъ подать лошадьми. Сначала страна ихъ называлась Юань-гюй-чжеу, но потомъ (въ 662) имя это измѣнилось въ Юй-ву-чжеу. Китайская Географія повѣствуетъ, что Ха-касы и Кули-ханы жили на границѣ Россіи и основываясь на одной наружной генеалогической догадкѣ (потому-что Русскіе пришли сюда гораздо позже), прибавляетъ: „Происхожденіе этого народа отъ Ха-касовъ и Кули-хановъ доказывается тѣмъ, что между ними и донынѣ встрѣчается много людей съ красными волосами, бѣлымъ лицемъ и зелеными глазами". Въ странѣ Кули-хановъ находили множество лилій, вѣроятно Турецкую чалму (Lilium Martagon), извѣстную у Сибиряковъ подъ названіемъ сараны ([543]), которой луковицы и теперь составляютъ главную пищу монгольскихъ, самоѣдскихъ и туркскихъ народовъ на сибирской границѣ. Эта страна находилась далеко отъ столицы Китая и простиралась къ С. до моря Бэй-Хай или Сѣвернаго Байкальскаго озера (которое еще нынѣ туземцы называютъ моремъ, изъ уваженія къ его величинѣ, Буряты —Далаемъ, а Русскіе — Байкальскимъ моремъ). За этимъ моремъ, ко-

---

(542) Описаніе Россіи (переводъ съ китайскаго) въ Klaproth Memoires rel. à l'Asie. T. I. p. 81—116.

(543) Falk Beitr. z. Kentniss d. R. R. T. II. p. 157. Klaproth. l. c. p. 90.

торое Мадуаньлинь ([544]) называлъ малымъ моремъ, лежащимъ на С. отъ Кули-хановъ (въ кн. CCCXLVIII 6), дни становятся очень долгими, а ночи весьма короткими (разумѣется лѣтомъ, въ то время года, когда путешественники предпринимали сюда поѣздки) по близости къ той странѣ, гдѣ закатывается солнце. Какъ по этимъ многозначущимъ даннымъ, такъ и по слѣдующимъ далѣе видно, что здѣсь говорится о Байкалѣ. Когда море покрывается льдомъ, черезъ него можно переѣхать на лошадяхъ въ восемь дней: на сѣверной сторонѣ его возвышаются огромныя горы и живущій въ нихъ народъ, отличающійся особенной наружностью, обычаями своими очень походитъ на Кули-хановъ. (Нынѣ, на С. и Ю. отъ Байкала, живутъ Буряты). Народъ, ближе другихъ обитавшій къ Кули-ханамъ съ В. на правомъ берегу Селенги (Сянъ-о) въ 2.000 ли (150 г. м.) назывался Ши-вей (Тунгусы) и былъ одного племени съ Нюйчжень. Ремюза полагаетъ, что на такомъ разстояніи отъ Кулихановъ должна быть страна Нипти-лу, т. е. Русская Нерчинская область. Вотъ свидѣтельства китайскаго писателя. Почти такія же скудныя извѣстія о горной странѣ до Байкала, орошаемой Селенгой и ея многочисленными притоками, заключаются и въ означенной географіи, изданной во время царствованія монгольской династіи Юань, хотя отъ нея можно было бы ожидать болѣе свѣдѣній о сѣверномъ склонѣ хребта. Это показываетъ однакоже, что у Монголовъ не было побужденія проникать на столько къ С.-В., на сколько они проходили къ Ю. и З. Но при слѣдующей за тѣмъ династіи Минь, всѣ страны на С. отъ Гоби прервали уже сношенія съ Китаемъ, и только со вступленіемъ на престолъ маньчжурской династіи возобновляются связи съ Ло-ча, появившимися тогда на Хейлунъ-Кянѣ. Эти Лоча были не что иное, какъ казачьи отряды Хабарова и его послѣдователей на р. Амурѣ: впослѣдствіи, въ пограничномъ

(544) Abel Remusat Rech. s. la ville de Karakorum. p. 15—18.

трактатѣ 1727 года, они были названы О-Ло-Цзу ([545]), а позднѣе Русскіе сдѣлались извѣстны Китайцамъ подъ именемъ *Оросъ*. Вскорѣ послѣ того, сношенія эти усилились и распространились покореніемъ Монголовъ — Халхасовъ, нерчинскимъ договоромъ, путешествіемъ Тулишена (см. Т. I. стр. 289), и походами въ страны Элютовъ и Джунгаровъ до сибирской границы. Въ Монгольской оригинальной исторіи Цанангъ-Цецена мѣста эти описаны также очень поверхностно, потому-что въ эту сторону не было предпринимаемо большихъ походовъ, а сами Монголы устремлялись только къ Ю., В. и З. О Байкалѣ въ ней упоминается только дважды. Первый разъ въ главѣ о миѳическихъ сказаніяхъ, онъ называется не совсѣмъ точно и понятно большою водою Байкала ([546]), омывающею гору Бурханъ-Халдунъ (см. стр. 218, т. е. могилу Чингисъ-хана). Второй разъ, въ самый цвѣтущій періодъ Чингисъ-ханова владычества, причемъ говорится, что по принятіи завоевателемъ титула *Великаго хана*, ему покорились также Ойрадъ-Бурядъ (т. е. Буряты, см. стр. 142), приславшіе изъ-за большихъ водъ Байгала пословъ, которые въ числѣ подарковъ поднесли Чингисъ-хану орла въ знакъ совершеннаго повиновенія Богдо, т. е. верховному властителю. И такъ Монголы присвоили этому большому озеру якутское названіе, т. е. *Бай*, богатый и *галъ* озеро (по якутски Байкалъ знач. богатое озеро) ([547]), что̀ можетъ служить доказательствомъ, что монгольское племя *Ойрадъ-Буряты*, наиболѣе удаленное въ то время къ С., распространилось такъ далеко по сѣвернымъ странамъ, вытѣснивъ изъ нихъ Якутовъ. Слѣд. мнѣніе Фишера объ этомъ предметѣ совершенно справедливо. Кромѣ того, о Байкалѣ или Бей-хаѣ, т. е. *Сѣвер-*

(545) ***Тулишена,*** см. Narrative of the Chinese Embassy, въ Staunton cap. 5. p. 76. ***Клапрота*** Mem. rel. à l'Asie. T. I. p. 29.

(546) Ssanang-Ssetsen у Шмидта. p. 57, p. 75. Not. 26. p. 380.

(547) Fischer Sibir. Gesch. St.-Petersb. 1768. 8. T. II. p. 11. Descript. du lac Baikal. trad. du russe, par Klaproth въ Nouv. Annal. de Voyages. T. XXVII. p. 289.

номъ или *Маломъ Морѣ*, и ближайшихъ его окрестностяхъ упоминается въ Китайской исторіи, какъ о мѣстѣ ссылки важныхъ лицъ при Китайскомъ императорскомъ дворѣ, навлекавшихъ на себя немилость за какія-либо преступленія. Вѣроятно также, что въ неопредѣленномъ и неясномъ извѣстіи, которое находимъ у Марко-Поло о большой равнинѣ Баргу, населенной Мекритами (однимъ изъ тунгусскихъ племенъ) и простирающейся по мнѣнію его къ С. отъ Алтая на 60 дней пути до Океана (mare Oceano) или на 40 дней хорошей конной ѣзды (какъ онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ), океаномъ названъ тотъ же самый Бей-хай (Сѣверное море) или Далай (море). Но объ окрестностяхъ его онъ могъ сказать только, что тамъ добываются лучшіе соколы (falconiu girifalchi) (548) для императорской охоты. Во всякомъ случаѣ, по изъясненію коментаторовъ, Марко-Поло говоритъ здѣсь не о Сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ, но о скалистомъ, усѣянномъ островами Байкальскомъ озерѣ, которое онъ принялъ за океанъ только потому, что введенъ былъ въ заблужденіе его названіемъ. Слѣдовательно, географія обязана точнѣйшими свѣдѣніями о здѣшнихъ горныхъ странахъ однимъ только успѣшнымъ изслѣдованіямъ Русскихъ въ этой части Сибири.

Изслѣдованія начинаются немедленно по переходѣ ихъ за рѣку Енисей, вскорѣ послѣ занятія Ангары и Лены. Еще въ 1632 году, Петръ Бекетовъ построилъ на Ленѣ Якутскій острогъ (549) ($62^0\ 1'\ 50''$ сѣвер. ш., $147^0\ 23'\ 43''$ в. д. отъ Ферро, по Шуберту) для защиты первыхъ проникнувшихъ сюда русскихъ промышленниковъ. Острогъ этотъ былъ построенъ на плоской прибрежной равнинѣ, весьма удобной для скотоводства, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было до того главное пребываніе большой части якутскихъ племенъ. Въ то время Русскіе не проникали еще ни въ область Саянскихъ горъ къ верховьямъ Енисея, ни къ Ангарѣ на сѣверный берегъ Байкальскаго озера, ни на южную

---

(548) M. Polo ed. Ramusio. l. c. 49, fol. 15 b. ed. Marsden p. 190. Not. 363; p. 220. Not. 423 и проч.

(549) Fischer Sibir. Gesch. T. I. p. 498.

сторону р. Лены въ обширныя страны, перерѣзанныя горами, поросшія лѣсомъ и заселенныя Бурятами, Монголами, Якутами, Тунгусами и Даурами. Для дѣятельности завоевателей западнаго края открылось тогда новое поприще въ горахъ этой Восточной полосы, и вскорѣ самое названіе Сибири перенесено было съ запада на эти отдаленныя страны, хотя до того времени между ними и не было ничего общаго. Томскъ (1604) и Енисейскъ (1620) ([550]), основанные гораздо ранѣе, какъ мѣстопребываніе воеводъ и администраціи страны, сдѣлались вмѣстѣ съ Якутскомъ главными исходными пунктами, изъ которыхъ отправляемы были потомъ экспедиціи для открытій въ Забайкальскомъ горномъ краѣ. Судоходныя рѣки и доступныя ихъ долины служили первыми линіями сообщенія съ внутренними, еще неизслѣдованными странами. Главнымъ побужденіемъ къ открытіямъ было конечно корыстолюбіе, именно собираніе съ кочующихъ народовъ подати (ясака), особенно соболиныхъ мѣховъ, которые, по мѣрѣ углубленія звѣропромышленниковъ въ дикія, лѣсистыя горы, становились дороже. Разумѣется, чѣмъ болѣе эти безстрашные охотники и искатели приключеній доставляли въ управленіе соболиныхъ сороковъ (т. е. связокъ изъ 40 шкуръ), тѣмъ больше возвышалась ихъ награда и увеличивалась самая извѣстность. Къ тому же присоединилось еще могущественное поощреніе — собственныя выгоды, превышавшія всякія надежды, и наконецъ грабежъ и разбои. Якутскій острогъ, (т. е. укрѣпленное мѣсто), давалъ очень значительный барышъ на всякій десятокъ соболей, потому-что съ маленькимъ гарнизономъ могъ собирать большой ясакъ съ самыхъ дальнихъ племенъ, и еще въ первое десятилѣтіе (1632 — 1642) онъ очень возвысился, хотя зависѣлъ въ то время отъ Томска и Енисейска, потому-что получалъ чиновниковъ изъ послѣдняго города.

Впослѣдствіи, по важности доставляемыхъ въ казну доходовъ, управленіе его ввѣряемо уже было особеннымъ воево-

---

(550) Müller Sibir. Gesch. l. c. Th. VI. p. 523; Fischer Sibir. Gesch. Th. I. p. 395.

дамъ, назначаемымъ въ Москвѣ. Въ это первое время ([551]) изъ него были отправляемы самыя большія экспедиціи для открытій, потому-что основатель острога обязанъ былъ тогда открыть и завоевать какъ возможно большее пространство для взиманія податей и ясака. Якутскія экспедиціи открыли къ С. обширныя страны по Вилюѣ и Ленѣ до Ледовитаго Океана (1637); а томскимъ экспедиціямъ удалось проникнуть на В. черезъ Алданъ (правый притокъ Лены) до Охотска, на р. Охотѣ, и Удска на прибрежной рѣкѣ Удѣ (подъ 55° сѣв. шир.), гдѣ были построены (1639) ([552]) остроги, и такимъ образомъ открыть Охотско-Камчатское Море, и оплыть ближайшіе его берега, отъ Охоты до устья Амура. На рѣкѣ Удѣ Русскіе встрѣтили Тунгусовъ, доставившихъ имъ первыя свѣдѣнія о сѣверныхъ притокахъ Амура и показавшихъ путь къ южнымъ странамъ и завоеванію Дауріи. Тунгусы эти сказали имъ, что ([553]) на рѣкахъ Чи (т. е. Зеи) и Шилькарѣ (называемой Русскими Шилкою), которыя текутъ къ Ю. и соединяясь составляютъ большой Амуръ, живутъ Дауры, воздѣлывающіе землю и собирающіе хлѣбъ, и что у нихъ вымѣниваютъ они рожь на соболиныя шкуры. Имъ также извѣстно было другое тунгусское племя (живущее на Омунѣ) (*), которое вело постоянную торговлю съ народомъ *Натканы*, живущимъ недалеко отъ моря, по нижней части Амура.

У этого народа удскіе Тунгусы вымѣнивали на своихъ соболей серебро, большіе мѣдные котлы и блюда для варки пищи, стеклянные кораллы и шелковыя ткани, словомъ всякаго рода товары, которые сами Наткани получали отъ иностранцевъ (т. е. Китайцевъ). Они разсказывали также о большой рѣкѣ, называемой, ими *Мамуромъ*, на которой жили народы, занимавшіеся ското-

(551) Fischer Sibir. Gesch. T. I. p. 506; Muller Gesch. d. Gegenden am Fl. Amur въ Samml. russ. Gesch. 1736. T. II. p. 293—448.

(552) Fischer Sibir. Gesch. T. I. p. 506—518, p. 525.

(553) Müller Gesch. d. Gegenden, am Fl. Amur въ Samml. russ. Gesch. T. II, 1736. p. 295.

(*) Здѣсь безъ сомнѣнія дѣло идетъ объ Амгуни, большомъ лѣвомъ притокѣ Амура. — *Пр. Пер.*

водствомъ и земледѣліемъ, умѣвшіе подобно Русскимъ дѣлать изъ хлѣба водку, въ мѣдныхъ котлахъ съ трубочками, разводившіе домашнихъ птицъ, свиней и снабжавшіе Натканей мукою, которую они сплавляли по Амуру. Тунгусы отказали однакоже Русскимъ въ проводникахъ, и экспедиція, при всемъ желаніи проникнуть къ этимъ народамъ, богатымъ металлами и хлѣбомъ, не посмѣла тогда рѣшиться на отважное предпріятіе и принуждена была возвратиться въ острогъ, изъ котораго вышла, обогащенная только свѣдѣніями о вещахъ дотолѣ неслыханныхъ.

Енисейская экспедиція, посланная подъ начальствомъ Атамана Максима Перфильева (554) (1640 г.), и слѣдовавшая на югъ по ближайшему, болѣе западному пути, вверхъ по теченію Витима (праваго притока Лены), принесла въ Енисейскъ такія же заманчивыя свѣдѣнія о Даурской странѣ, собранныя отъ витимскихъ Тунгусовъ. Отъ устья *Кутомалы* (праваго притока Витима, съ западной стороны) Перфильевъ поднимался, съ своими 36 казаками, впродолженіе 17 дней, вверхъ по Витиму до водопада близь *Цинира* (у Русскихъ *Цына*, лѣваго притока Витима, вытекающаго изъ озера Баунтъ), гдѣ онъ собралъ съ Тунгусовъ *ясакъ* и получилъ отъ нихъ слѣдующія свѣдѣнія. По словамъ ихъ нужно было цѣлый мѣсяцъ плыть отъ Кутомала вверхъ по Витиму, чтобы достигнуть устья Корги, гдѣ живетъ тунгусскій князь Ботога, у котораго точно также какъ у Дауровъ, можно найти соболиные мѣха, стада рогатаго скота, серебро и шелковыя ткани. Все это Ботога вымѣниваетъ у даурскаго князя Лавкая на рѣкѣ *Шилкѣ* (нынѣ у Русскихъ называемой *Ингодой*, впадающей въ Амуръ съ лѣвой стороны), до которой можно доѣхать сухимъ путемъ въ 4 дня, слѣдуя прямо къ югу. Лавкай живетъ при впаденіи рѣки *Ура* (называемой Русскими Урка, восточнѣе нынѣшней пограничной рѣки *Горбицы*) въ Шилку, а по теченію этой рѣки обитаетъ многочисленный народъ даурскій, занимающійся земледѣліемъ и засѣвающій большое количество

---

(554) Fischer Sibir. Gesch. T. I. p. 527.

ржи. Недалеко отъ этой рѣки добывали также серебряную руду (на рѣкѣ Аргуни?), которую Дауры выплавляли и вымѣнивали на соболиные мѣха, а ихъ съ своей стороны промѣнивали Китайцамъ, привозившимъ къ нимъ шелковыя ткани и разные другіе товары. Далѣе на Шилкѣ (т. е.) Шгодѣ или Амурѣ) находились мѣдныя и свинцовыя руды, а отъ нихъ должно было плыть еще 6 дней внизъ по теченію рѣки, изливающейся черезъ страну Килорцевъ или Гиляковъ (*Гиленъ* у Китайцевъ, принадлежащихъ къ племени Айно и Курильцевъ ([555]) въ Ламъ (т. е. Океанъ Тунгусовъ), по которому этотъ народъ плаваетъ на корабляхъ для торговли съ Китайцами. Князь *Лавкай* и другіе *даурскіе владѣтели* собирали очень много хлѣба, и въ странѣ ихъ р. Гиль (*Гилюй* у Русскихъ) впадала въ *Шилку* (*Чикири* или *Зею* у Русскихъ). Подобныя свѣдѣнія, какъ только сдѣлались извѣстными, не могли не пробудить желанія проникнуть разными путями въ полуденныя страны, хотя довольно скудно населенныя и большею частью похожія на пустыни, но тѣмъ не менѣе представлявшіяся воображенію въ привлекательныхъ краскахъ, казавшіяся обширною *Новою Частью Свѣта*, за которою, на послѣднемъ планѣ, лежало знаменитое во всемъ мірѣ Китайское Государство, какъ крайняя цѣль всѣхъ предпріятій. Но страна между Енисейскомъ и Байкаломъ оставалась еще не открытою, и слѣдовательно черезъ нее не было даже проложено пути, по которому можно бы прямо пройти въ Даурію. Она находилась еще во власти многочисленнаго монгольскаго народа Бурятъ и первый опытъ (1628) енисейскаго ([556]) воеводы Якова Хрипунова въ покореніи этого племени на Нижней Ангарѣ былъ неудаченъ. Онъ едва прошелъ до Оки (лѣваго притока Ангары) и только могъ захватить въ плѣнъ нѣсколько туземцевъ. Буряты угрожали даже раззорить самый Илимскій острогъ, спасенный только двумя сотнями звѣропромышленниковъ, поспѣвшихъ

---

(555) *Тимковскаго*, Путешествіе, Атл. карта VII.
(556) Fischer Sibir. Gesch. T. 1. p. 483.

заблаговременно къ нему на помощь. Но съ 1648 года Русскіе безпрерывно поражали этотъ храбрый языческій народъ, вытѣснили его изъ удобнѣйшихъ улусовъ и кочевьевъ на верхней Ангарѣ, заложили тамъ укрѣпленные остроги Бурятскій и Балаганскій (1654) ([557]), и вскорѣ небольшіе русскіе отряды могли уже подыматься по Ангарѣ до Байкальскаго озера и собирать около него подати. Эти предпріятія подкрѣплялись обыкновенно изъ Енисейска. Туземцы, жившіе около Балаганска, болѣе другихъ уклончивые и миролюбивые, взялись даже провести русскихъ завоевателей къ своимъ соплеменникамъ, обитавшимъ на Бѣлой, Китѣ и Иркутѣ (текущемъ съ З. въ Ангару). Но Буряты, жившіе на Ангарѣ, болѣе привязанные къ своей независимости, чувствуя свое безсиліе для долголѣтней кровавой борьбы съ Русскими и не желая однакоже подпасть ихъ власти, въ 1659 году внезапно покинули берега Ангары и удалились къ Ю., къ соплеменнымъ имъ Монголамъ, жившимъ на южной сторонѣ Байкала. Русскимъ легко было подвигаться по ихъ слѣдамъ, и тогда созрѣлъ планъ о приведеніи въ ясачное подданство всѣхъ прибрежныхъ жителей этого огромнаго озера, въ особенности Бурятъ, Монголовъ и Тунгусовъ, обитавшихъ на восточномъ берегу.

Такимъ образомъ, постепенными ежегодными успѣхами открытій, Русскіе сближались съ прибайкальскою горною страною. Дороги, которыя были тогда проложены, существуютъ еще понынѣ, и онѣ служили главными путями нашихъ познаній объ этой горной странѣ.

Въ 1643 году отправился изъ Якутска первый плаватель по Байкальскому озеру, казачій атаманъ Курбатъ Ивановъ ([558]), съ 75 промышленниками. Онъ вышелъ сначала на большой байкальскій островъ Ольхонъ, и покоривъ обитавшихъ на немъ

---

(557) Fischer Sibir. Gesch. T. II. p. 732, 744.
(558) Ibid. T. II, p. 748.

Бурятъ въ числѣ около 1,000 человѣкъ. Оттуда отправилъ онъ большую часть своего отряда для приведенія въ подданство Тунгусовъ, занимавшихся звѣринымъ промысломъ на восточномъ берегу озера, что и удалось безъ всякаго труда. Самъ Ивановъ съ остальными спутниками былъ убитъ степными Тунгусами, въ зимовьѣ или бревенчатой избушкѣ, построенной для перезимовки на восточномъ берегу озера, при рѣкѣ Баргузинѣ. Изъ товарищей его спаслись только два человѣка, которые счастливо переплыли черезъ Байкалъ и принесли горестное извѣстіе объ окончаніи этой неудачной попытки. Послѣдующія экспедиціи для открытія Байкальской страны были отправлены изъ Енисейска. Уже въ 1644 году посланъ былъ оттуда казачій атаманъ Василій Козляниновъ (559) съ отрядомъ изъ 100 человѣкъ для отыскиванія серебра и серебряныхъ рудъ, гдѣ бы то ни было, потому-что по найденнымъ у Бурятъ украшеніямъ изъ этого благороднаго металла на оружіи и одеждѣ, тогда неосновательно предполагали, что въ ихъ странѣ должны быть серебряные рудники. Между-тѣмъ они, подобно Тунгусамъ, все получали покупкою отъ Китайцевъ и Дауровъ. Атаманъ проплылъ вверхъ по Ангарѣ до Байкала (1645), но не отважился переправиться на южный берегъ озера, потому что тамъ Буряты соединясь съ Монголами готовы были къ битвѣ. И такъ, оставшись на сѣверномъ берегу, онъ прошелъ его въ 1646 до рѣчки Котугой (текущей съ сѣвера въ Байкалъ), на которой жили Тунгусы, а въ 1647 году открылъ восточную оконечность озера, и при впаденіи въ него Ангары заложилъ острогъ Верхне-Ангарскій, въ которомъ и провелъ зиму. Здѣсь дошли до него слухи, что близь озера *Яравна* (между р. Баргузиномъ и Хилокомъ), жили Монголы, у которыхъ было много серебра, но эти извѣстія не подтвердились: у Монгольскаго князя, на рѣкѣ Баргузинѣ, нашли только немного золота и двѣ серебряныя чаши, полученныя отъ Китайцевъ. Открытіе это

(559) Fischer Sibir. Gesch. T. II. p. 750—754.

показалось атаману такъ важнымъ, что онъ немедленно возвратился въ Енисейскъ и въ томъ же году послано было объ немъ донесеніе въ Москву. Но еще не ожидая его возвращенія, въ 1647 отправили изъ Енисейска къ Байкалу боярскаго сына Ивана Похабова (съ отрядомъ изъ 84 чел.), который, узнавъ, что Буряты покупаютъ для себя серебро у монгольскаго хана Зисена (т. е. Цеценъ-хана. см. выше), имѣющаго главное мѣстопребываніе на берегу Селенги *въ Урнь*, направилъ туда свой путь, для открытія *рудныхъ жилъ* и развѣдки ихъ, согласно данной ему инструкціи.

Но проводники, взятые имъ на Байкалѣ, провели его умышленно самой дальней дорогою, вмѣсто двухъ недѣль, болѣе двухъ мѣсяцевъ, и наконецъ по прибытіи въ Ургу, Похабовъ узналъ отъ самого хана, что онъ добываетъ металлы не въ рудникахъ, но покупаетъ или вымѣниваетъ у Китайцевъ. Когда же ханъ отказался дать проводниковъ въ Китай, онъ убѣдилъ его отправить къ московскому Царю пословъ, съ которыми и возвратился немедленно въ Енисейскъ въ 1648 году, не собравъ однакоже подати съ народовъ южнаго берега Байкала.

Такимъ образомъ Русскіе открыли на верхней Селенгѣ мѣстопребываніе халхасскихъ хановъ, тогда еще спокойно владѣвшихъ этой страною (см. выше), и пропустившихъ потомъ первое русское посольство по дорогѣ, сдѣлавшейся впослѣдствіи кяхтинскимъ путемъ, хотя первыя попытки къ сношеніямъ съ ними окончились не совсѣмъ удачно. Правда послы *Хана Цецена* благополучно возвратились черезъ два года изъ Москвы чрезъ Енисейскъ, но русскій посолъ, сопровождавшій ихъ ко двору хана, на обратномъ пути, умерщвленъ былъ Бурятами и Монголами на Байкалѣ въ 1650 году. Вмѣстѣ съ нимъ погибла и вся его свита. Мысъ, на которомъ совершилось убійство, сохранилъ понынѣ названіе *Посольскаго* и впослѣдствіи на немъ былъ заложенъ *Посольскій* монастырь, на Ю.-З. отъ впаденія въ озеро р. Селенги.

Изъ Енисейской области, на подкрѣпленіе Ивану Похабову

(еще до возвращенія его) посланъ былъ въ 1648 году боярскій сынъ Иванъ Галкинъ ([560]) съ отрядомъ изъ 60 человѣкъ. Ему была дана инструкція такого же содержанія, какъ и всѣмъ его предшественникамъ, именно: „вновь открытые народы облагать данью, страны около Байкала въ точности и подробности описывать и особенно стараться отыскивать золотыя и серебряныя руды". Въ первое же лѣто, согласно данному предписанію, онъ построилъ на юго-восточномъ берегу Байкала, близь устья рѣки Баргузина, острогъ Баргузинскій, для 70 человѣкъ гарнизона, который долженъ былъ защищать другіе меньшіе остроги. Баргузинскій острогъ, по своему центральному положенію, сдѣлался главнымъ укрѣпленіемъ и основою всѣхъ другихъ; изъ него долгое время производились всѣ почти дальнѣйшія открытія и завоеванія по ту сторону Байкала. Въ слѣдующемъ году, изъ него послано было подкрѣпленіе въ острогъ Верхне-Ангарскій, котораго гарнизонъ очень пострадалъ отъ голода, собранъ ясакъ съ Тунгусовъ, жившихъ по верхнимъ притокамъ Витима до р. Муи (впадающей слѣва въ Витимъ), и обложены податью прибрежные жители озера Яравна. Нѣсколько казаковъ Галкина проходили даже до Шилки, но опасенія умереть съ голода принудили ихъ возвратиться (1650). Между-тѣмъ, тотъ же самый Иванъ Похабовъ ([561]) былъ посланъ вторично (1652) для открытія и завоеванія Забайкальской горной страны. Еще во время перваго своего похода онъ обложилъ податью Бурятъ на р. Иркутѣ (впадающей слѣва въ Ангару); а на этотъ разъ построилъ при впаденіи Иркута въ Ангару первое казачье жилье, для удобнѣйшаго сбора ясака. Оттуда двинулся онъ за Байкалъ, чрезъ рѣку *Баргузинку* къ озеру *Баунтъ*, построилъ тамъ *первый* острогъ и обложилъ податью окрестныхъ Тунгусовъ. Въ 1657 году онъ назначенъ былъ приставомъ Балаганскаго острога, и несчастные Буряты и

(560) Fischer. Sibir. Gesch. T. II. p. 760.
(561) Ibid. T. II, p. 763.

Тунгусы, оставшіеся на сѣверной сторонѣ Байкала, испытали всю тягость его жестокаго управленія, особенно по возобновленіи острога на Иркутѣ въ 1661 году, бывшаго основою будущаго Иркутска, который вскорѣ возвысился на степень втораго главнаго города Сибири. Между-тѣмъ отдѣльныя партіи промышленниковъ и искателей приключеній смѣлѣе уже пускались изъ Енисейска въ лѣсистыя Забайкальскія горы, на верховья Амура, на Шилку и даже до рѣки Нерчи, потому-что якутскія экспедиціи подъ начальствомъ Пояркова (1643) и Хабарова (1648), въ то же время открыли и нижнюю часть теченія Амура.

Енисейскіе казаки (562) проложили два пути къ Ингодѣ: одинъ отъ Баргузинскаго острога, черезъ озеро Иргенъ, а другой, не такъ близкій, по Селенгѣ и Хилоку (справа въ Селенгу). Въ то же время, они изслѣдовали Ингоду до Нерчи, гдѣ предполагалось довольно значительное народонаселеніе, которое однакоже можно было принудить къ уплатѣ податей однимъ отрядомъ изъ ста человѣкъ казаковъ.

Енисейскій воевода послалъ въ Москву донесеніе о своихъ блестящихъ надеждахъ и въ то же время, не дождавшись отвѣта, снарядилъ опытнаго въ этомъ дѣлѣ боярскаго сына Петра Бекетова (1652) съ отрядомъ въ 100 человѣкъ для изслѣдованія страны, казавшейся всѣмъ, по какому-то, ни на чемъ неоснованному заблужденію, вторымъ Эльдорадо. Многіе изъ казаковъ, бывавшихъ недалеко оттуда, должны были служить проводниками. Похожденія Бекетова (1652 — 1660) принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ путешествій по Забайкальской горной странѣ (563); потому-что онъ первый совершилъ плаваніе по Селенгѣ, Хилоку, верхнему Амуру и р. Нерчѣ.

Бекетовъ послалъ передовой отрядъ, подъ начальствомъ *Максимова*, по извѣстнымъ уже дорогамъ за Байкалъ и Баргузинскій острогъ къ озеру Иргену, для постройки небольшихъ судовъ на верховьѣ Хилока, приказавъ ему спуститься потомъ внизъ для со-

---

(562) Fischer Sibir. Gesch. T. II. p. 763.
(563) Id. T. II. p. 764—778.

единенія съ главными силами. Самъ онъ оплылъ между-тѣмъ неизвѣстную еще сѣверо-западную часть байкальскаго берега и переправился потомъ черезъ озеро къ Посольскому мысу. Устье Селенги еще не было извѣстно: однакоже отрядъ казаковъ нашелъ его, но уже въ то время, когда оно подернулось льдомъ. По причинѣ поздняго осенняго времени, неудобнаго для дальнѣйшаго плаванія, построено было зимовье, названное *Прорвой*, важное по своему выгодному положенію на пути къ Селенгѣ, Хилоку и Шилкѣ и по необыкновенному въ тамошнихъ водахъ обилію рыбы, которой по донесенію Бекетова, казаки наловили столько, что могли бы прокормить тысячу человѣкъ. Это мѣсто, черезъ которое ежегодно проходятъ въ Селенгу безчисленныя стада *омулей* (564) (Salmo migratorius, Pallas) для метанія икры, и понынѣ извѣстно необыкновенными уловами рыбы. Казаки не могли оставаться въ бездѣйствіи цѣлую зиму: они сдѣлали нѣсколько набѣговъ на окрестныхъ Бурятъ, удалившихся, какъ мы уже видѣли, большею частью на южный берегъ Байкала, и съ наступленіемъ весны пустились отыскивать въ лѣсахъ проводниковъ на устье Хилока, къ верховьямъ котораго предположено уже было направить плаваніе. На шестой день, по выступленіи изъ зимовья, Русскіе пришли въ кочевье монгольскаго князя *Култущина*, угощавшаго ихъ впродолженіе трехъ недѣль, какъ дорогихъ гостей. Онъ подробно обозначилъ имъ путь къ Хилоку, и казаки даже жалѣли, что не взяли съ собою товаровъ для вымѣна у гостепріимныхъ Монголовъ, у которыхъ мѣдные котлы, оловянная посуда, толстое красное сукно, топоры, ножи и т. п., были дешевле нежели у Русскихъ. Всѣ эти товары доставлялись имъ, изъ Китая, для вымѣна на шкуры соболей, бобровъ и выдръ, которыхъ они испрашивали у Русскихъ. По свидѣтельству казаковъ, эти Монголы поклонялись вылитымъ изъ серебра и позолоченнымъ идоламъ — Бурханамъ, предъ которыми ставили серебряныя, вызолоченныя чаши съ на-

(564) J. G. Georgi Sibir R. 1772. Th. I. p. 182; Gmelin Sibir. R. Th. II. p. 144; Pallas R. R. Th. III. p. 289.

питками и днемъ и ночью курили ладаномъ. Лама совершалъ ежедневно утромъ и вечеромъ, въ присутствіи князя и всего племени, богослуженіе съ молитвами и пѣснями. Казаки благополучно возвратились отъ этого князя въ свое зимовье *Усть-Прорву*, и пріемъ, сдѣланный имъ въ этомъ племени, судя по всему, былъ сильный дружескій и благосклонный. Іюня 11-го 1653 года, Бекетовъ началъ плаваніе вверхъ по Селенгѣ, въ шесть дней достигъ устья Уды (гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Удинскъ), потомъ черезъ три дня дошелъ до устья Хилока и поднимался уже вверхъ по этой рѣкѣ 14 дней (узнавъ ее по описанію Монголовъ), когда замѣтилъ наконецъ большое плоскодонное судно, плывшее на встрѣчу по теченію. То былъ отрядъ изъ 12 казаковъ, подъ предводительствомъ Максимова, съ присоединившимися къ нему 9-ю промышленниками. Максимовъ, исполнивъ данное ему порученіе, возвращался съ планомъ озера Иргена, описаніемъ рѣкъ Хилока, Селенги, Витима, Ингоды и Шилки и съ шестью сороками ясачныхъ соболей. Послѣ этой встрѣчи, Бекетовъ могъ еще надежнѣе и безопаснѣе продолжать свое плаваніе. Поднявшись выше по Хилоку, который становился уже мелкимъ для его большихъ судовъ (дощаниковъ, вмѣщавшихъ по 50 человѣкъ), онъ принужденъ былъ построить небольшія барки. Черезъ три недѣли новыя суда были готовы, и послѣ шести-недѣльнаго, дальнѣйшаго плаванія вверхъ по рѣкѣ, дошли до впаденія р. *Килы* (текущей съ С.), а оттуда еще плыли 10 дней до озера Иргена, котораго наконецъ благополучно достигли 24 сентября, чрезъ 15 недѣль по отплытіи. Въ этихъ лѣсистыхъ округахъ они видѣли только пустыя жилища Тунгусовъ; объятые страхомъ, жители повсюду бѣжали отъ Русскихъ.

На озерѣ Иргенѣ, соединявшемся тогда съ истокомъ Хилока, посредствомъ нѣсколькихъ другихъ небольшихъ озеръ, впослѣдствіи высохшихъ (см. Гмелинъ. Часть II стр. 20), построенъ былъ острогъ, изъ котораго успѣли удачно собрать ясакъ съ окрестныхъ Тунгусовъ. Въ слѣдующемъ году изъ него собрали

уже 19 сороковъ лучшихъ ясачныхъ соболей, оцѣненныхъ въ то время въ 4,000 рублей ([565]).

Окрестности его, какъ послѣ оказалось, заселены были во всѣхъ направленіяхъ лѣсными и степными Тунгусами, и народонаселеніе это было гораздо значительнѣе, нежели предполагали. Казаки считали уже свои усилія хорошо вознагражденными и ревностно пустились къ Ю. въ дальнѣйшій путь на Ингоду, черезъ горы, составляющія водораздѣлъ и названныя съ того времени *Яблоновымъ хребтомъ*. По теченію Ингоды должно было плыть до слiянія ея съ Шилкою, и на послѣдней, еще (50-ю вер.) ниже, при самомъ впаденіи р. Нерчи, построить новый острогъ для удержанія въ повиновеніи вновь открытой страны. Постройкой этого укрѣпленія оканчивалось порученіе, возложенное на Бекетова. Въ томъ же году ему удалось скоро перебраться черезъ горы, достигнуть р. Ингоды и построить на ней плоты, на которыхъ онъ надѣялся спуститься до Шилки еще до наступленія зимы. Но тогда не знали еще жестокихъ и раннихъ зимъ, свирѣпствующихъ на плоскогоріи: 19-го сентября 1653 года барки на Ингодѣ были уже остановлены льдомъ (на одной параллели съ Берлиномъ). Построивъ здѣсь первое зимовье для сторожеваго поста изъ 20 человѣкъ, и отправивъ казачій отрядъ, подъ начальствомъ Урасова, сухимъ путемъ къ В. для собранія свѣдѣній о странѣ и избранія на Нерчѣ (сѣверномъ притокѣ Шилки) удобнаго мѣста къ заложенію острога, Бекетовъ возвратился на зимовье въ острогъ, построенный на озерѣ Иргенѣ. На Нерчѣ, даурскій князь Гантимуръ, нѣсколько уже лѣтъ кочевавшій на этихъ пастбищахъ съ племенемъ, занимавшимся скотоводствомъ, благосклонно принялъ Русскихъ и не препятствовалъ предпріятіямъ Урасова, такъ что казакамъ удалось построить маленькій острогъ на южномъ берегу Шилки, противъ устья Нерчи, и въ первое же время собрать 2 сорока соболиныхъ мѣховъ. По донесенію Урасова, рѣка изобиловала

(565) Fischer Sibir. Gesch. T. II. p. 771.

рыбою, а прилежащая къ берегу равнина была удобна для хлѣбопашества. Весною 1654 года, со вскрытіемъ рѣкъ, Бекетовъ отправился внизъ по Ингодѣ и Шилкѣ до р. Нерчи. Какія безконечныя, богатыя надежды обѣщала эта экспедиція для исторіи открытія Средней Азіи! Представлялась возможность проплыть по одной изъ огромнѣйшихъ въ этой части свѣта рѣкъ, текущей въ Великій Океанъ, на пространствѣ болѣе 150 г. м. по плоскогорію, и выйдти на берегъ новой обильной хлѣбомъ страны, управляемой благосклонно расположеннымъ княземъ, отъ которой было уже недалеко до Китая: все это, казалось, открывало для Русскихъ Азіятскую Перу или Мексику. Но даурскій князь, подвинувшійся къ С. изъ южныхъ отечественныхъ странъ на рѣкѣ Наунѣ (или Нонни, см. выше) для того только, чтобы не покориться побѣдоносным Маньчжурамъ, какъ бы предчувствуя свой неизбѣжный жребій, рѣшился удалиться со всѣмъ своимъ племенемъ еще далѣе къ Ю.-В., за рѣку Аргунь (см. выше), откуда и не хотѣлъ возвратиться, не смотря ни на какія убѣжденія. Это было началомъ бѣдствій Бекетова: первый посѣянный имъ хлѣбъ, близь новопостроеннаго острога на Нерчѣ, былъ сожженъ Тунгусами. Они ограбили проводниковъ, осадили острогъ и отрѣзали всѣ средства къ продовольствію, такъ что болѣе половины казаковъ отправились внизъ по Амуру, ободрённые дошедшею до нихъ молвою о счастливыхъ поискахъ и приключеніяхъ Хабарова. Наконецъ голодъ принудилъ и самого Бекетова съ 20-ю оставшимися при немъ вѣрными казаками, выйдти изъ новаго острога и присоединиться къ амурской партіи Хабарова, въ которой онъ долженъ былъ служить простымъ казакомъ. Только въ 1660 году возвратился онъ въ Енисейскъ, черезъ Якутскъ, съ донесеніями о своихъ открытіяхъ; но построенный имъ острогъ никогда уже не былъ возстановленъ.

Въ то же время, якутскія экспедиціи проложили путь къ новымъ открытіямъ по среднему и нижнему Амуру. Со времени присоединенія къ Якутской области, страны по верховьямъ Лены, воеводы ревностно старались объ открытіи новыхъ странъ къ Ю.

до Амура, сколько для покоренія ихъ власти Царя, столько же и для собственныхъ доходовъ при сборѣ ясака. Петръ Головинъ, первый воевода, которому извѣстны были путешествія томскихъ казаковъ (1639) на р. Уду и въ Охотскъ и открытія Перфильева (1640) по Витиму и Шилкѣ, послалъ вскорѣ послѣ того на поиски двѣ партіи съ приказаніемъ слѣдовать одной изъ нихъ на Витимъ, а другой на Алданъ (правый притокъ Лены). Обѣ эти партіи возвратились съ донесеніями, что отъ верхнихъ притоковъ Алдана нельзя перейти черезъ высокія горы, составляющія водораздѣлъ (Хинъ-Ганъ), и слѣдовательно нѣтъ возможности проникнуть до Зеи, впадающей въ Амуръ (см. выше). Тогда для дальнѣйшихъ открытій отправленъ былъ Василій Поярковъ ([566]) съ отрядомъ изъ 130 промышленниковъ, т. е. людей, занимавшихся звѣринымъ промысломъ, ловлей соболей и прежде служившихъ казаками: они были снабжены исправнымъ оружіемъ и достаточнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ. Въ половинѣ іюля 1643 г., партія отправилась изъ Якутска и прибывъ черезъ два дня къ устью Алдана, плыла потомъ по этой рѣкѣ 4 недѣли до устья Учура (праваго притока верхняго Алдана, съ восточной стороны), а оттуда десять дней до р. Гонама (Гонома у Фишера). На плаваніе по Гонаму употреблено было еще 5 недѣль, и не смотря на то, что эта рѣка по протяженію была менѣе всѣхъ другихъ, путешественники не успѣли проплыть даже и половины ея по причинѣ множества пороговъ (которыхъ, по счету Пояркова, было пройдено 64). Къ концу сентября она уже покрылась льдомъ, и потому должны были приняться за постройку зимовья. Эта рѣка Гонамъ не показана на картахъ, ни въ Atlas Russicus Petropol. 1745, ни на русской генеральной картѣ Сибири, изданной въ 1825 г.: только Фишеръ обозначилъ ее, какъ западный притокъ Учура на своей Sibiriae veteris, Tabul II. Но теченіе ея и рѣчки Нуёмки должно бы начинаться гораздо далѣе на Ю.-З.; въ противномъ случаѣ, по ней

(566) G. Fr. Müller Gesch. der Gegenden an dem Fl. Amur въ Samml. Russ. Gesch, Th, II. 1736 p. 293—306; Fischer Sib. Gesch. Th. II, p. 778—797.

нельзя было бы пройдти въ Бряиду, которая, по замѣчанію Мюллера, во всемъ точнаго и добросовѣстнаго, составляетъ западный притокъ Зеи (см. у Мюллера l. c. p. 297). Поярковъ еще зимою двинулся изъ этого зимовья далѣе вверхъ по рѣкѣ; черезъ 6 дней достигъ Нуёмки, самаго южнаго изъ всѣхъ притоковъ, стремящихся къ С. и впадающихъ въ Алданъ. Она выходитъ изъ нынѣшнихъ Русско-Китайскихъ пограничныхъ горъ, хребта, составляющаго водораздѣлъ (Хинъ-Ганъ-Тугурикъ, см. выше); за ними, къ Ю. открывался новый міръ — Китай, страна уже не столь суровая, съ умѣреннымъ климатомъ и плодоносной почвой, на которой совершенно созрѣвали всѣ хлѣбныя растенія и плоды, страна, въ которой торговля съ Китайцами обѣщала благосостояніе и пробуждала новыя надежды. Поярковъ перешелъ черезъ горы, раздѣляющія воды Алдана и Амура, и направляясь сначала къ Ю.-В., а потомъ къ Ю., употребилъ три недѣли, чтобы достигнуть истока горной рѣки Брянды, впадающей съ западной стороны въ Зею. Отъ Брянды до этой рѣки онъ дошелъ только въ три съ половиною недѣли, по безчисленному множеству изгибовъ долинъ и безпрерывныхъ переправъ черезъ западные притоки. Поярковъ перечисляетъ ихъ въ своемъ донесеніи въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Брянда; 2) послѣ двухъ дней пути, вторая рѣка, именуемая также Бряндой; 3) послѣ двухъ дней пути — Гилюй, означенная на всѣхъ новыхъ картахъ; отъ него 4) четыре дня пути до Ура и 5) три дня пути до Умлекана. На второй Бряндѣ и на Урѣ онъ встрѣтилъ Тунгусовъ, пасшихъ оленей; на Умлеканѣ же Дауровъ, занимавшихся земледѣліемъ, скотоводствомъ и жившихъ деревнями (подъ 55° сѣв. шир.). Дауры приняли его по всѣмъ законамъ гостепріимства, знатнѣйшіе князья ихъ пришли къ нему съ подарками; людей его они размѣстили по своимъ жилищамъ и подарили полу-голоднымъ пришельцамъ 10 воловъ и 40 корзинъ овсяной крупы; на всѣ вопросы Русскихъ о странѣ, они отвѣчали очень чистосердечно и откровенно. Одинъ туземецъ изъ народа Дучеры (отрасль Дауровъ,

см. выше), живщаго по теченію средняго Амура, отъ устья Зеи, доставилъ имъ свѣдѣнія о странѣ, орошаемой нижнимъ Амуромъ. Но о серебряной рудѣ, которую поручено было найдти Пояркову, никто не могъ сообщить никакихъ свѣдѣній. Разсказывали только о князѣ Борбоѣ, живщемъ въ деревянномъ укрѣпленномъ городѣ, въ 6 недѣляхъ пути внизъ по теченію Умлекана; что ему были подвластны народы на Зеѣ, Шилкѣ и Амурѣ: что онъ посылалъ отъ времени до времени отъ 2—3,000 человѣкъ войска со стрѣлами, луками и трубами, извергающими огонь, для забиранія аманатовъ и сбора подати. Мѣха, особенно собольные, вымѣнивались у него отъ Китайцевъ на серебро, олово, мѣдную посуду, шерстяныя, бумажныя ткани и другія драгоцѣнности, которыя доставляли князю (вѣроятно маньчжурскому) большіе доходы. Страна его изобиловала скотомъ и хлѣбомъ, изъ котораго курили вино: подданные его говорили не на томъ языкѣ, на которомъ изъяснялся народъ, жившій на Зеѣ.

На четыре дня пути ниже Умлекана, въ Зею (или Чи, Чикири, см. выше) впадаетъ съ В. рѣка Селимда, и на ней построенъ укрѣпленный городъ Молдикичидъ (?), населенный Даурами; при сліяніи же Зеи и Шилки находится даурская крѣпость Додува. Вверхъ по Шилкѣ живетъ даурскій князь Лавкай, собиравшій много хлѣба и посылавшій на судахъ излишекъ его въ страну Монголовъ (?). Таковы были первыя свѣдѣнія о сѣверномъ склонѣ восточныхъ Даурскихъ Альповъ, странѣ тогда еще совершенно неизвѣстной. Алчность Пояркова къ завоеваніямъ ([567]) вознаградила туземцевъ неблагодарностью за дружескій, благосклонный пріемъ: отрядъ его былъ съ урономъ отбитъ при непріязненномъ нападеніи на одинъ изъ даурскихъ городковъ, 10 человѣкъ изъ него было убито и 40 ранено: самъ предводитель долженъ былъ благодарить судьбу, что могъ провести холодное время года въ зимовьѣ, и съ не-

(567) Müller l. c. p. 299.

многими, изъ уцѣлѣвшихъ спутниковъ, поддерживать существованіе смѣсью толченой древесной коры съ хлѣбомъ. Большая часть казаковъ умерла однакоже съ голоду.

Съ весною 1644 года, нужда заставила Пояркова двинуться далѣе. По данной ему инструкціи, онъ долженъ былъ идти направо, то-есть взять направленіе къ З. и плыть вверхъ по рѣкѣ Шилкѣ, къ князю Лавкаю, для отыскиванія мнимой серебряной руды. Но видя свое безсиліе, онъ обратился налѣво, потому-что при своей малочисленности могъ болѣе надѣяться, что безопасно спустится по теченію рѣки Амура ([568]), черезъ страну, изобилующую хлѣбомъ и скотомъ и населенную миролюбивымъ народомъ. Дѣйствительно, ему удалось черезъ 3 недѣли спуститься до впаденія Шингала, т. е. Сунгари-Ула (текущаго изъ Чанъ-бо-шаня, см. выше), и оттуда, послѣ разныхъ приключеній, достигнуть устья Амура. Весною 1645 года, онъ прошелъ Тунгусскимъ моремъ, около береговъ, до рѣки Ульи и наконецъ въ 1646, по Маѣ и Алдану возвратился въ Якутскъ. Это путешествіе, предпринятое собственно для открытій, привело однакоже къ подробнѣйшему описанію системы р. Амура.

Дѣло, начатое поисками Пояркова, какъ искателя приключеній, а именно открытіе страны, протекаемой среднимъ и нижнимъ Амуромъ, было приведено въ исполненіе вскорѣ послѣ того предпріимчивымъ Ерофѣемъ Хабаровымъ съ бо̀льшею тщательностью и болѣе существенно. Важность его открытій ([569]) сдѣлалась незначительною для Россіи только потому, что преемники его не воспользовались ими какъ слѣдовало и не подумали о значительности пріобрѣтенія житницы, на восточной оконечности имперіи и транзитной страны въ крайнюю восточную Азію. Она была однакоже въ ихъ рукахъ послѣ легкаго завоеванія величайшей системы су-

(568) Müller l. c. p. 302.

(569) Berg Unternehmungen des Boyaren Sohnes Jarofei Chabaroff u. Niederlassung der Russen an den Ufern des Amur. Изъ Берховой Исторіи Географическихъ откр. въ жур. Ольдекопа Спб. 1822. Т. IV. стр. 241—253 Т. V. 13—25 стр. 68—79, стр. 175—178.

доходныхъ рѣкъ, орошающей плодоноснѣйшія долины, наиболѣе способствующей поселеніямъ Русскихъ на сѣверномъ берегу Тихаго Океана. Прослѣдимъ путешествіе Хабарова въ горную страну, приведенную имъ въ большую извѣстность: онъ прошелъ туда изъ Якутска путемъ болѣе краткимъ и удобнымъ, совершенно неизвѣстнымъ его предшественникамъ. Предпріимчивый духъ Хабарова обнаружился уже до того и за-долго предъ тѣмъ онъ пользовался извѣстностью способнаго, дѣятельнаго человѣка: онъ первый основалъ въ Усть-Кутѣ (1639) на Верхней Ленѣ, къ С.-З. отъ Байкала, соловарню, удовлетворявшую потребностямъ въ соли якутскихъ жителей. Онъ же былъ первымъ земледѣльцемъ на Енисеѣ, при впаденіи Тесса, и какъ сибирскій Триптолемъ первый занялся воздѣлываніемъ земли при устьѣ рѣки Киренги, впадающей въ Лену (справа при Киренскѣ). Хабаровъ имѣлъ возможность собрать здѣсь безъ труда свѣдѣнія (570) о ближайшемъ пути на Амуръ, по Олекмѣ (справа въ Лену) и въ немъ родилось желаніе попытаться пройдти этимъ новымъ путемъ. До того времени, сначала избирали всегда болѣе западный путь изъ Селенги, вверхъ по Хилоку до озера Иргена и оттуда черезъ Яблоновый хребетъ на Ингоду: потомъ избрали путь болѣе восточный, вверхъ по Алдану или другимъ притокамъ, до горъ, составляющихъ водораздѣлъ, и потомъ внизъ по теченію Зеи до Амура. Оставался еще третій путь, средній между двумя первыми. Открытіе и проложеніе его составляютъ заслугу Хабарова, одержавшаго сверхъ того блестящія побѣды на Амурѣ, заставившія историковъ во всей подробности описать эти событія. Мы обратимъ однакоже особенное вниманіе только на успѣхи географическіе. Громкая молва о богатствѣ жителей въ странахъ на Амурѣ, уже разнеслась тогда по всей Сибири. Хабаровъ (571) просилъ у якутскаго воеводы разрѣшенія от-

(570) Müller Samml. Russ. Gesch. Th. II. p. 306—341; Fischer Sibir. Gesch. T. II. p. 795—838.

(571) v. Berg. l. c. in Oldekop IV, 244.

правиться на покореніе Дауровъ съ помощью 150 промышленниковъ, которыхъ брался вооружить и снабдить судами на собственное иждивеніе; обязуясь подать, собранную мѣхами (ясакъ) доставлять въ Якутскъ. Предложеніе его было принято; ему дали инструкцію и нѣсколько казаковъ. Въ 1649 году (по мнѣнію Фишера въ 1647-мъ) онъ отправился съ 70 промышленниками: на пути отрядъ его значительно увеличился новыми охотниками, но позднее время года не позволило идти далѣе устья рѣки Тугира (впадающей справа въ Олекму). Уже въ половинѣ января 1650, началъ онъ подниматься далѣе къ верховьямъ Тугира и перешелъ черезъ горы, составляющія водораздѣлъ, на Амуръ, въ томъ мѣстѣ (на В. отъ Нерчинска), гдѣ онъ снова измѣняетъ свое сѣверное направленіе, устремляется къ Ю.-В. и протекаетъ по владѣніямъ даурскаго князя Лавкая (Ловкай у Берга), о которомъ были доставлены первыя свѣдѣнія уже Перфильевымъ (1640). Вѣроятно князь Лавкай узналъ о приближеніи Русскихъ, потому-что удалился со всѣми своими родственниками и народомъ; такъ что Хабаровъ не нашелъ никого, ни въ его мѣстопребываніи, ни въ четырехъ другихъ небольшихъ укрѣпленіяхъ, названныхъ городами и построенныхъ вдоль по Амуру на разстояніи одного или полутора дня пути одинъ отъ другаго. То были мѣстопребыванія братьевъ и родственниковъ Лавкая, пользовавшихся равнымъ съ нимъ уваженіемъ, построенныя для защиты окрестныхъ племенъ отъ непріятельскихъ нападеній. Они были обнесены деревянными стѣнами съ 4-мя или 5-ю башнями, высокими валами и глубокими рвами: подъ башнями были устроены потаенные выходы для вылазокъ и снабженія гарнизона водою. Въ укрѣпленіяхъ были построены большія бревенчатыя избы (въ каждой по одной комнатѣ), помѣщавшія, въ случаѣ нужды, до 50 и 60 человѣкъ. Только при третьемъ укрѣпленіи остановился Хабаровъ для отдыха и къ нему вышли первые туземцы: 5 конныхъ Дауровъ, самъ князь Лавкай съ братьями и свитой. Они спросили издали: „Какіе люди и изъ какаго народа заняли ихъ жилища?“ „Русскіе купцы“, от-

вѣчалъ имъ Хабаровъ.—„Я уже знаю васъ, казаковъ, отвѣчалъ Лавкай: вы пришли грабить, убивать и уводить въ плѣнъ нашихъ женъ и дѣтей“. Едва сказалъ имъ Хабаровъ, что они пришли не съ злымъ намѣреніемъ, что они не жестоки, требуютъ только ясака и обѣщаютъ за то помощь и покровительство своего Императора, князь обернулъ своего коня и вмѣстѣ со свитою помчался съ быстротою молніи отъ Русскихъ. Нагнать ихъ не было возможности и обѣ остальныя крѣпостцы были также оставлены ими; въ одной изъ нихъ нашли только старуху, сестру Лавкая. Она разсказывала, что братъ избавилъ ее изъ плѣна какого-то даурскаго князя Богдая, извѣстнаго необыкновеннымъ богатствомъ, употреблявшаго только серебряную и золотую посуду, у котораго было много огнестрѣльнаго оружія и пушекъ; что столица его находится на рѣкѣ Нонѣ (Наунъ), впадающей въ Амуръ (справа, см. выше), но что этотъ Богдай состоялъ въ подданствѣ у другаго несравненно могущественнѣйшаго хана, вѣроятно маньчжурскаго императора, не задолго предъ тѣмъ завоевавшаго Китай и распространявшаго свои владѣнія черезъ своихъ наунскихъ намѣстниковъ.

Здѣсь достойно замѣчанія первое соприкосновеніе двухъ обширныхъ государствъ, возросшихъ съ того времени до колоссальныхъ размѣровъ, и встрѣча ихъ въ горной уступовидной странѣ Амура, когда они еще не сознавали богатствъ своихъ отдаленныхъ владѣній, въ которыхъ непримѣтно приготовлялось соединеніе двухъ частей свѣта.

Важнѣйшія послѣдствія этого событія могли обнаружиться только въ слѣдующемъ столѣтіи. Хабаровъ предчувствовалъ близость времени, когда ему придется вести борьбу съ болѣе сильнымъ непріятелемъ. Онъ отступилъ заблаговременно съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ въ первое изъ пяти укрѣпленій, наиболѣе защищенное окопами, съ надежными стѣнами, и ближайшее къ волоку ([572]) (горамъ, составляющимъ черту водораздѣла), черезъ

---

(572) Ritter Erdkunde, T. 1. p. 79.

который можно было перебраться на рѣку Тугиръ. Слѣдовательно, онъ обезпечилъ тылъ и путь отступленія своему безсильному отряду.

Казаки открыли большіе запасы хлѣба, спрятанные въ ямахъ. Амуръ въ изобиліи снабжалъ ихъ рыбою и даже бѣлугами, отъ двухъ до трехъ сажень длины и въ толщину человѣческаго тѣла, какихъ не было во всей Сибири, отъ самой Волги. Болѣе плодоносныхъ и удобныхъ мѣстъ для земледѣлія нельзя было найдти, тѣмъ болѣе, что сосѣдство густыхъ лѣсовъ, богатыхъ дичью и лучшими соболями, придавали этимъ мѣстамъ двойную цѣну. Обрадованный такимъ открытіемъ, Хабаровъ отправился съ нѣсколькими казаками въ Якутскъ, чтобы возвратиться съ значительнымъ подкрѣпленіемъ. Мая 26-го 1650 года, онъ явился къ воеводѣ съ извѣстіемъ объ удачномъ началѣ и картою амурской системы съ пятью укрѣпленіями Лавкая. Мы ничего не знаемъ объ этой картѣ, и такъ какъ предпріятія позднѣйшаго времени были направлены далѣе, укрѣпленія же эти потеряли всякое значеніе, то первоначальныя свѣдѣнія о положеніи ихъ и всей этой мѣстности потеряны для Русскихъ. Мюллеръ полагаетъ (573), что эта линія укрѣпленій раззорена Русскими: что она была построена Даурами, для защиты отъ Маньчжуровъ, но, какъ не приносившая никакой пользы, или сожжена при отступленіи Дауровъ, или раззорена по удаленіи Русскихъ.

Только одно изъ этихъ укрѣпленій, Албазинъ, пріобрѣло позднѣе извѣстность вслѣдствіе пограничныхъ споровъ между Русскими и Китайцами. Мюллеръ, по многимъ обстоятельствамъ думаетъ, что Албазиномъ называется третье укрѣпленіе, почему положеніе всѣхъ остальныхъ обозначается само собою: долго было оно сборнымъ пунктомъ и укрѣпленнымъ складочнымъ мѣстомъ Русскихъ, но наконецъ, послѣ неоднократныхъ нападеній и притѣсненій со стороны Китайцевъ, по нерчинскому трактату (1689) совершенно оставлено и вмѣстѣ со всѣмъ краемъ усту-

(573) Müller, l. c. p. 312.

плено Китаю. Третье укрѣпленіе вѣроятно было названо такъ по имени даурскаго князя Албазы, жившаго въ немъ съ Лавкаемъ до появленія Русскихъ, удержавшихъ это названіе при основаніи колоніи.

Оно находилось на сѣверномъ берегу Амура, при впаденіи въ него рѣчки Эмури, названной Русскими Албазихой. Неумѣстно и странно, производить отъ этой рѣчки названіе Амура, какъ то думали прежде. Маньчжуры называли мѣста, гдѣ находился Албазинъ—Якса, т. е. обвалившійся берегъ, и на картѣ іезуитскихъ миссіонеровъ названо такъ же одно изъ пограничныхъ укрѣпленій, построенныхъ въ этомъ мѣстѣ. Албазинъ сдѣлался городомъ уже послѣ второй удачной экспедиціи Хабарова на Амурѣ, по возвращеніи его изъ Якутска со 140 казаками; потому-что въ своемъ дневникѣ (574) онъ говоритъ, что іюля 2-го 1651, съ флотомъ и войскомъ, отправился изъ Албазина.

Блестящіе походы 1651 и 1652 годовъ, когда Хабаровъ, съ нѣсколькими сотнями казаковъ и промышленниковъ, повсюду одерживаетъ побѣды надъ даурскими народами и многими тысячами китайскаго войска, покоряетъ берега Амура до Ачинска и завоевываетъ значительнѣйшіе города и крѣпости, безъ сомнѣнія способствовали дальнѣйшимъ открытіямъ и пріобрѣтенію новыхъ свѣдѣній объ этомъ краѣ. Но мы только упоминаемъ объ нихъ, потому-что подробное описаніе военныхъ дѣйствій на Амурѣ могло бы удалить насъ отъ обзора горной страны.

Въ Москвѣ было рѣшено дѣятельно поддерживать пріобрѣтенныя уже выгоды: Хабарова призвали къ Царю Алексѣю Михайловичу, который достойно наградилъ завоевателя Амура, пожаловалъ въ боярскіе сыновья и назначилъ приставомъ округа Усть-Кутъ, бывшаго его родиной. На мѣсто его, Царь послалъ новаго начальника Зиновьева, прибывшаго въ Августѣ 1651 года на Амуръ, но съ неудовольствіемъ встрѣченнаго обманутыми

---

(574) Berg, l. c. in Oldekop. p. 249.

въ своихъ надеждахъ спутниками Хабарова, которые не могли забыть своего отважнаго предводителя и сотоварища. Своевольную толпу искателей приключеній трудно было обуздывать. большая часть плѣнныхъ Дауровъ была освобождена по приказанію Царя и справедливый Монархъ воспретилъ указомъ насильно крестить этотъ народъ, какъ то было прежде. Первые спутники Хабарова, возвратившіеся съ нимъ, распространили во время путешествія чрезъ всю Сибирь и Россію до Москвы, слухи о богатствѣ Даурскихъ народовъ. Ихъ шелковыя камчатныя и золотыя парчевыя одежды, ихъ драгоцѣнные соболиные мѣха, ихъ золотыя и серебряныя вещи привлекли толпы переселенцевъ и даже цѣлыя селенія съ береговъ Лены (575), почти весь Илимскій округъ до Верхоленска; цѣлью этихъ переселенцевъ была колонизація на Амурскихъ берегахъ. Страна Амурская, по словамъ Мюллера, казалась имъ Новымъ Ханааномъ и Сибирскимъ раемъ. Путь вверхъ по Олекмѣ и Тугиру сдѣлался самымъ доступнымъ путемъ для даурскихъ переселенцевъ; вообще, непонятное сумасбродство овладѣло скуднымъ населеніемъ Сибири, состоявшимъ изъ крестьянъ, казаковъ и промышленниковъ. Чрезъ это стремленіе къ Амуру народонаселеніе еще болѣе разсѣялось.

Познаніе страны сдѣлало шагъ впередъ; заложено было множество новыхъ остроговъ и поселеній, хотя впослѣдствіи большая часть ихъ была оставлена. Значительнѣйшимъ изъ возникшихъ тогда остроговъ былъ Камарскій, при впаденіи рѣки Камары въ Амуръ (отъ З. съ его праваго берега, почти подъ 52° сѣв. ш.) Но всѣ эти выгоды были снова утрачены, потому-что большая часть искателей приключеній умерла съ голоду. Остальныя же войска, по отдаленности Москвы, лишенные помощи и постояннаго подкрѣпленія въ случаѣ нужды, безполезно, хотя съ геройскою храбростью боролись съ туземцами. Между-тѣмъ, необыкновенною жестокостью они вооружили противъ себя миролюбивыхъ, добродушныхъ туземцевъ и главныя поселенія были часто опусто-

---

(575) Berg, l. c. in Oldekop. T. V. p. 24. Müller, l. c. p. 337.

шаемы многочисленными китайскими флотиліями, привозившими по 10.000 чел. войска. Напримѣръ въ 1655 году, Русскіе, подъ предводительствомъ Степанова, отразили отъ Камарскаго острога 10,000 Китайцевъ, но потеряли однакоже при томъ весь свой флотъ (576). Главный же ударъ былъ нанесенъ Русскимъ, вскорѣ по удаленіи Хабарова, строжайшимъ приказаніемъ обнародованнымъ новымъ китайскимъ губернаторомъ. Вслѣдствіе этого приказа всѣ даурскія и дучерскія племена, жившія въ странѣ, гдѣ протекаетъ верхній Амуръ, должны были совершенно оставить этотъ край и удалиться болѣе на Ю. за Шингалъ (Сунгари) и рѣку Наунъ (Нонни). Это распоряженіе превратило завоеванную Русскими страну въ безлюдную пустыню и съ удаленіемъ населенія побѣдители потеряли подати и доходы отъ земледѣлія и скотоводства. Не было во главѣ ихъ ни одного способнаго человѣка, который своимъ вліяніемъ могъ бы содѣйствовать сосредоточенію слабыхъ силъ; даже прежніе герои уныли и упали духомъ и бѣжали какъ малодушные. Многіе, удалявшіеся небольшими партіями, были перебиты Даурами, чувствовали свое безсиліе для борьбы и частями сдавались грознымъ китайскимъ флотамъ, привозившимъ новыя войска. Въ 1658 году положенъ предѣлъ дальнѣйшему распространенію Русскихъ на Амурѣ. Тогда и послѣ того, взятые въ плѣнъ или передававшіеся Русскіе промышленники и казаки были поселены въ Пекинѣ (577), гдѣ они составили отдѣльное общество, колонію чужеземцевъ, существующую понынѣ и подавшую поводъ путешествіямъ Русскихъ миссій въ Пекинъ. Этимъ миссіямъ мы обязаны въ новѣйшее время важнѣйшими успѣхами открытій въ Китаѣ и подвластныхъ ему странахъ (см. Т. I. ст. 286).

Послѣднимъ изъ несчастныхъ Русскихъ искателей приключеній, о которомъ должно упомянуть здѣсь, былъ Аѳанасій Паш-

---

(576) Berg, l. c. in Oldekop. T. V. p. 68. Fischer, Sibir. Gesch. T. II. p. 841—845.
(577) Pallas N. N. B. T. II. p. 215.

*

ковъ ([578]) построившій Нерчинскъ. Какъ предводитель енисейскихъ казаковъ, онъ обложилъ податью Тунгусовъ на озерѣ Иргенѣ. Нигодѣ и верхней Шилкѣ, довершая начатыя Бекетовымъ завоеванія и заложеніе остроговъ. Въ 1654 году, онъ представилъ Сибирскому Приказу или Московскому Правительству, достопамятную записку, которой главное содержаніе состояло въ предложеніи: сначала утвердиться на Шилкѣ и основать тамъ большую крѣпость, для поддержанія господства Русскихъ въ этой странѣ, и потомъ уже подвигаться далѣе къ Амуру и Зеѣ, и что такимъ образомъ Россія пріобрѣла бы вторую Сибирь. Предложеніе было принято; ему поручено было главное начальство надъ всѣми казаками и промышленниками на Амурѣ, съ правомъ вербовки; операціонная линія должна была пролегать по Олекмѣ и Тугиру: въ Тугирскомъ острогѣ были устроены главные запасные магазины для продовольствія на пути къ Шилкѣ. Но всѣ мѣры и приготовленія оказались неудачными; возмущенія на Байкалѣ и Хилокѣ заставили Пашкова избрать прежній путь по этой рѣкѣ и озеру Иргену.

Близь него, нѣсколько сѣвернѣе, между двумя Телембинскими озерами, на рѣкѣ Конда текущей на С. въ Витимъ (и впадающей въ него справа), онъ заложилъ, по просьбѣ жившихъ тамъ Тунгусовъ, страдавшихъ отъ частыхъ нападеній Монголовъ, острогъ, названный Телембинскимъ. Оттуда, весною 1658 года онъ прошелъ до Шилки и построилъ тамъ на прелестномъ, плодоносномъ и очень удобномъ мѣстѣ при впаденіи рѣки Нерчи, новый острогъ, дѣйствительно сдѣлавшійся главнымъ городомъ въ странѣ, но получившій однакоже не то значеніе, которое хотѣлъ придать ему Пашковъ. По недостатку въ окрестностяхъ строеваго лѣса, Пашковъ приказалъ сплавлять его изъ Телембинска; острогъ этотъ назвалъ онъ по имени многочисленнѣйшаго изъ окрестныхъ тунгусскихъ племенъ (Нелюдъ) Нелюдско-Тунгусскимъ.

---

(578) Berg, l. c. T. V. p. 73; Müller Sib. Gesch. T. II. p. 359; Fischer Sibir. Gesch. T. II. p. 851.

Но такъ какъ племя это, подобно Даурамъ, скоро удалилось отсюда и перестало платить ясакъ, то острогъ былъ названъ Нерчинскимъ по рѣкѣ Нерчѣ. И это поселеніе вскорѣ начало чувствовать недостатокъ въ обезпеченномъ продовольствіи и въ помощи при нападеніи непріятеля: потому-что далѣе къ В., около Албазина и на Амурѣ, остатки первыхъ завоевателей уже давно были уничтожены голодомъ и оружіемъ Китайцевъ или разбѣжались по всѣмъ направленіямъ. Долго послѣ того, въ сибирскую казну не поступало податей съ Амура и надежды на богатую, вторую Сибирь разлетѣлись какъ мечта. Пашковъ употреблялъ всевозможныя усилія для поддержанія вновь построеннаго Нерчинскаго острога, но Россія принуждена была вслѣдствіе небрежнаго управленія и неумѣнья пользоваться обстоятельствами, ограничиться только удержаніемъ западной части Амурской страны, не имѣя возможности снабжать ее людьми, порохомъ, свинцомъ, провіантомъ, между-тѣмъ какъ жалкое состояніе скотоводства не могло отстранить голода. Наконецъ весь скотъ, даже собаки и лошади были съѣдены. Послѣ этихъ тяжкихъ опытовъ Пашковъ возвратился, въ 1662 году, по Байкалу въ Енисейскъ и въ Москву. Вмѣсто Пашкова въ Нерчинскъ ([579]) былъ посланъ другой начальникъ и въ Албазинъ пришла новая партія Русскихъ поселенцевъ изъ ссыльныхъ, самовольно бѣжавшая туда подъ предводительствомъ поляка Черниговскаго, сосланнаго въ Сибирь за убійство. Въ 1672 году этой разбойничьей шайкѣ было прислано изъ Москы помилованіе за то, что она успѣла снова собрать на Амурѣ ясакъ; но въ то же время правительство сообразило, что Китайцы могутъ начать военныя дѣйствія противъ этого пункта, начинавшаго снова процвѣтать населеніемъ, земледѣліемъ и торговлей, но очевидно представлявшаго слабую, почти незащищенную сторону Сибирскихъ владѣній. Для предупрежденія разрыва, Московскій Кабинетъ началъ дипломатическіе переговоры, и от-

---

(579) Berg, l. c. in Oldekop. T. V. p. 77—172. Müller Samml. russ. Gesch. T. II. p. 371.

правилъ, въ 1675 году, Грека Николая Спарфарія, первымъ посломъ по этому дѣлу въ Китай. Онъ поѣхалъ чрезъ Нерчинскъ и Цицикаръ; и это было началомъ длиннаго ряда переговоровъ, которые послѣ разныхъ миролюбивыхъ и непріязненныхъ покушеній и нѣсколько разъ возобновлявшагося разрыва, окончились нерчинскимъ мирнымъ трактатомъ (1689, см. Т. I, ст. 289), положившимъ предѣлъ открытіямъ въ Дауріи и опредѣленную границу обѣимъ имперіямъ. Сила, до того необузданная, болѣе сосредоточилась и обратилась во внутреннія части этого обширнаго края, начинавшаго приносить гораздо большую пользу съ началомъ XVIII-го столѣтія.

Вмѣсто Селенгинска, Нерчинскъ былъ избранъ мѣстомъ конгресса ([580]); въ немъ былъ заключенъ мирный трактатъ на сто лѣтъ, между Китаемъ и Россіей, когда въ главѣ этихъ государствъ уже стояли два знаменитые монарха Канъ-Хи и Петръ Великій. До этого мѣста поднимался тогда многочисленный китайскій флотъ къ Амуру и съ того времени Китай удержалъ за собою эту огромную рѣку до Горбицы (текущей съ С. и впадающей въ Амуръ слѣва): Русскій посланникъ, графъ Головинъ, избранный юнымъ Царемъ, положилъ основаніе оконченной въ 1690 году Нерчинской крѣпости, подъ защитою которой долженъ былъ строиться городъ Нерчинскъ ([581]). Въ то же время и при такихъ же обстоятельствахъ, возникли въ этой странѣ многіе города, и въ тылу Дауріи особенно скоро возвысились Удинскъ (на Удѣ, впадающей въ Селенгу) и Кяхта. Въ Нерчинскѣ Головинъ оставилъ для защиты достаточное количество припасовъ, артиллерію и сильный гарнизонъ; три полка стрѣльцовъ, сопровождавшихъ его, были обращены въ казаки и разселены въ новыхъ городахъ Нерчинскѣ, Селенгинскѣ и Удинскѣ. Только съ наступленіемъ мира въ этой горной странѣ, получены были первыя точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ существованіи

---

(580) Müller, Samml. russ. Gesch. T. II. p. 413—433.
(581) Müller, l. c. p. 445.

серебряныхъ рудъ около Нерчинска, хотя уже давно, какъ мы видѣли выше, объ нихъ носились неопредѣленные и неясные слухи. Нерчинскаго воеводу увѣдомили объ этихъ рудахъ (найденныхъ впервые тамъ, гдѣ потомъ построенъ Нерчинскій заводъ) двое братьевъ Тунгусовъ, и посланникъ Головинъ отвезъ (582) образчики руды въ Россію, но пробирщики того времени не знали, что съ ними дѣлать. Въ 1702 году, при купцѣ Боковѣ, бывшемъ тогда коммисаромъ китайскихъ торговыхъ карвановъ, выходившихъ изъ Нерчинска (потому-что торговая дѣятельность началась здѣсь тотчасъ послѣ заключенія мира), состоялъ Грекъ Левадьянъ, человѣкъ свѣдущій въ горномъ искусствѣ и плавленіи рудъ. Онъ послалъ также штуфы своимъ соотечественникамъ, проживавшимъ въ Москвѣ, и выпросилъ чрезъ нихъ у Сибирскаго Приказа разрѣшеніе разработывать эту руду на собственное иждивеніе. Начало было сдѣлано при нерчинскомъ воеводѣ Муссинѣ-Пушкинѣ, но выплавка серебра и мѣди была приведена въ цвѣтущее состояніе опытными въ горно-заводскомъ дѣлѣ Шведами, разсѣянными послѣ войны съ Карломъ XII по всей Сибири и проникшими до Нерчинска. Шведъ Петръ Дамесъ, впослѣдствіи гиттенфервалтеръ, былъ посланъ въ 1713 г. изъ Тобольска въ Нерчинскъ, гдѣ и пріобрѣлъ громкую извѣстность своими заслугами по горно-заводской части. Нерчинскій горный округъ доставлялъ однакоже на монетный дворъ, въ первое двадцатилѣтіе, не болѣе 20 пудовъ серебра въ годъ; свинцу и мѣди добывалось гораздо болѣе. Изъ различныхъ областей имперіи посылали сюда, отъ времени до времени, сотни семействъ поселенцевъ.

Еще въ царствованіе Петра Великаго, на датскаго естествоиспытателя Даніеля Готтлиба Мессершмидта (583) изъ Данцига, было возложено порученіе, первое въ этомъ родѣ—объѣхать Сибирь до

(582) Hermann V. Bergbau in d. Daurischen Gebirgen въ его Mineral. Reis. St. Petersb. 1797. 4. T. I. p. 358—382; J. G. Georgi Reise im Russ. R. St. Petersb. 1772. Th. I. 4. Gesch. d. Argunisch. Werke p. 418—427.

(583) Nachrichten v. D. G. Messerschmidt's Reise in Sibir. въ Pallas N. N. Beitr. Petersb. 1782. 8. T. III. p. 97—104 и 105—158.

Даурскихъ горъ для обозрѣнія ея въ отношеніи географическомъ и естественно-историческомъ, что и было исполнено имъ съ тщательностью, истинно достойною удивленія.

Д. Г. Мессершмидтъ сдѣлалъ тамъ первыя астрономическія опредѣленія мѣстъ, широтъ, прослѣдовалъ теченія рѣкъ съ компасомъ, составилъ орографическія карты и т. д. до Нерчинска, пограничной рѣки Аргуни, даже до Далай-Нора (см. выше стр. 245) въ монгольскія степи, куда не отваживался проникать послѣ него ни одинъ изъ позднѣйшихъ путешественниковъ (въ 1724 г.) ([584]).

Путешествія, которыя, вслѣдствіе Мессершмидтова, Петербургская Академія не щадя издержекъ устроивала для науки и политики, при великодушнѣйшихъ вспомоществованіяхъ Императрицъ Анны и Елисаветы (1741—1762) и послѣдующихъ Государей, до Императрицы Екатерины II, въ теченіи столѣтія, должно причислить къ самымъ блестящимъ и благоуспѣшнымъ предпріятіямъ для науки, просвѣщенія и народнаго благополучія Россіи. Это обширное государство, только посредствомъ такихъ путешествій могло достигнуть до самопознанія и самосознанія своихъ частей, природныхъ силъ и ихъ благотворнаго употребленія для своихъ подданныхъ. Этими учеными путешествіями и Даурское нагорье также было ближе изслѣдовано и раскрыто въ своихъ различныхъ частяхъ, формахъ, произведеніяхъ природы и сокровищахъ всякаго рода. И. Г. Гмелинъ ([585]), какъ естествоиспытатель, производилъ здѣсь въ 1734 и 1735 годахъ свои наблюденія, которымъ обязаны мы „Сибирскою Флорою“ (Flora Sibirica); въ то же время Людовикъ де л'Иль де ла Кройеръ (Louis de l'Isle de la Croyère) съ своими землемѣрами отправился туда для съемки мѣстностей. Г. Фр. Мюллеръ, какъ сопутникъ Гмелина, долженъ былъ рыться въ архивахъ и собирать грамоты, а также продолжать историко-политическія наблюденія, составившія основанія его мно-

(584) Dr. Messerschmidt's Reise in Daurien (1724) Ibid. p. 121—147.
(585) J. G. Gmelin R. durch Sibirien 1733—43 Götting. 8. 1751—52 IV Th.

гочисленнымъ трудамъ о Сибири и Дауріи ([586]), которые навсегда останутся нашими первыми и положительнѣйшими географическими источниками. Труды его послѣдователя, академика И. Эб. Фишера ([587]), по большей части заключаютъ въ себѣ только свѣдѣнія, почерпнутыя изъ сочиненій Мюллера.

Извѣстія Гмелина о Дауріи, какъ первыя, болѣе обстоятельныя, достойны признательности; но, въ его время, тамошнее горное и заводское дѣло не пріобрѣло еще того значенія, которое впослѣдствіи возвышалось хотя и мало по малу, но однакоже безпрерывно. Только посредствомъ этого промысла страна могла содѣлаться доступною во всѣхъ своихъ частяхъ, и быть отчизною хотя и немноголюднаго, но далеко распространившагося народонаселенія, повсюду пріобрѣтшаго постоянныя осѣдлости, отчего въ то же время долженствовали произойти открытіе за открытіемъ и успѣхъ за успѣхомъ, хотя не столь блестящимъ и изумительнымъ образомъ, какъ въ Западномъ Алтаѣ. Въ 1755 году, когда было устроено нерчинское горное правленіе, состоявшее подъ начальствомъ иркутскаго губернатора, къ нему сперва причисляли только 2,132 души. Количество ихъ въ томъ же году отъ поселенцовъ возрасло до 5,000. Добываніе серебра съ тѣхъ поръ увеличилось до 100 пудовъ, и на покрытіе расходовъ по содержанію горнаго правленія казна опредѣлила 60,000 рублей; тридцать лѣтъ спустя, въ 1787 году, эта сумма возвысилась почти вчетверо: серебра ежегодно добывалось слишкомъ 300, а въ иной годъ болѣе 400 пудовъ, и такимъ образомъ все прочее шло впередъ. Однако же эта крайняя область государства не вездѣ могла населиться и образоваться такъ быстро, какъ около средо-

(586) Müller Sibir. Gesch. X кн. въ Samml. Russ. Gesch. T. VI. 1761 и VIII 1763, вѣрный переводъ съ русскаго подлинника, при чемъ находятся грамоты. „О городѣ Албазинѣ“ въ Samml. Russ. Gesch. T. I. 1732, p. 315—326; „О мирныхъ договорахъ въ Нерчинскѣ“, тамъ же p. 495—518; „Опись Сибирскихъ губерній“, T. II, 1736. 8. p. 182—288; «Исторія тамошнихъ краевъ по рѣкѣ Амуру, тамъ же p. 293—448; „О Сибирской торговлѣ“ T. III. 1758 p. 413—612; „Первыя путешествія Русскихъ въ Китай“ T. IV 1760 p. 473—540; „О Русской торговлѣ съ Китаемъ“ T. VIII. 1763. p. 504—520.

(587) Fischer Sibir. Gesch. St. Petersb. 1768. 8. II части до 1660 года.

точія своихъ рудоносныхъ округовъ. Но горное и плавильно-заводское дѣло, по крайней мѣрѣ въ восточной части Дауріи, въ верховьяхъ Амура, осталось зерномъ, съ обработкою и развитіемъ котораго также преуспѣвало познаніе и просвѣщеніе страны. Въ 1772 году, академикъ И. Г. Георги, товарищъ естествоиспытателя Палласа, путешествовавшій по Даурскому нагорью въ Нерчинскомъ горномъ округѣ ([588]), встрѣтилъ тамъ по сдѣланнымъ оффиціальнымъ исчисленіямъ 15,902 жителей мужескаго пола языческихъ номадовъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ нерчинскихъ воеводъ, 11,376 душъ муж. пола крестьянъ, разселенныхъ по многочисленнымъ деревнямъ, которыя, находясь всѣ въ меньшей или большей отдаленности, были приписаны къ горнымъ и заводскимъ работамъ для отработки своихъ подушныхъ повинностей и около 2,000 ссыльныхъ, приговоренныхъ къ работѣ въ рудникахъ. При горномъ вѣдомствѣ, начиная съ главнаго директора до рудокоповъ и сторожей, считалось 2,403 должностныхъ лица. Въ городѣ Нерчинскѣ, который не должно смѣшивать съ горнымъ заводомъ, отъ коего отстоитъ на 30 г. м. (210 верстъ) къ З. и на такомъ же разстояніи отъ Китайской границы, считалось только 1779 жителей мужескаго пола. Этотъ городъ и теперь даже принадлежитъ къ сибирскимъ городамъ посредственной величины; въ 1830 году считалось въ немъ 3,686 жителей. Въ четырехъ уѣздахъ всѣхъ подвѣдомственныхъ горному округу, по оффиціальнымъ канцелярскимъ даннымъ, разныхъ въ ходу находившихся рудниковъ считалось 46; кромѣ многихъ новыхъ отдѣльныхъ шурфовъ (копей) и множества покинутыхъ старыхъ работъ, руды коихъ (всего въ1771 году мильонъ двѣсти тысячъ пудовъ, или полъ-миллльона центнеровъ) были расплавлены и переработаны на семи различныхъ, отчасти очень обширныхъ плавильняхъ и заводахъ, доставившихъ до 15,000 пудъ свинцу, 405 пудовъ серебра и 5 пудовъ золота. Такое

---

(588) Georgi Bemerkungen einer Reise im russisch. Reiche im Jahre 1772. Petersb. 1775. 4. Th. I. p. 330, 356—378.

приращеніе предполагаетъ во всѣхъ отношеніяхъ распространенное познаніе края и его жителей. Какимъ образомъ это познаніе было въ частности споспѣшествуемо, показываетъ исторія ([589]) тамошняго горно-заводскаго дѣла до новѣйшаго времени. Изъ приведенныхъ обстоятельствъ понятно, что для увеличенія народонаселенія, просвѣщенія и для споспѣшествованія открытіямъ, изслѣдованіямъ, путешествіямъ, и для пользовнія страною, необходимы были особенныя искуственныя мѣры правительства ([590]) въ столь отдаленной Забайкальской области, которая двояко отдѣлена отъ прочаго Русскаго государства, и тѣмъ болѣе въ Нерчинскомъ уѣздѣ, снова находящимся за горами (именно по ту сторону Яблоннаго хребта). Къ этимъ мѣрамъ правительства преимущественно принадлежали: причисленіе людей податнаго состоянія къ горнымъ округамъ для заработки оброка, обращеніе рекрутской повинности въ пользу горныхъ и заводскихъ работъ и ихъ поселеній; кромѣ того, перемѣщеніе отставныхъ за неспособностью къ службѣ солдатъ въ горно- промышленныя области, со времени отмѣненія смертной казни (съ 1769 года, какъ общепринятое правило) ссылка преступниковъ изъ Россіи въ Сибирь, какъ общественныхъ работниковъ, и преимущественно какъ рудокоповъ въ Нерчинскомъ округѣ, или какъ поселенцевъ въ особенно для сей цѣли отведенныхъ мѣстахъ, подобно тому, какъ китайское правительство переселяетъ своихъ преступниковъ за Великую Стѣпу и въ Или (см. выше ст. 102). Наконецъ сюда принадлежали поселенія по главнымъ дорожнымъ линіямъ къ средоточіямъ управленія, учрежденіе пограничныхъ постовъ по государственной границѣ и тамошнія поселенія. Между-тѣмъ, приписнымъ крестьянамъ, поселеннымъ слишкомъ далеко отъ горныхъ округовъ, вмѣнено въ обязанность обработываніе извѣстнаго участка пахатной земли ([591]) для рудниковъ и заводовъ; они

---

(589) Hermann v. Bergbau in d. Daurischen Gebirgen l. c. p. 360—382.
(590) Speransky über Bevölkerung von Sibirien въ Oldekop l. c. X. p. 287.
(591) Georgi Reise in Daurien (1772) l. c. Th. I. p. 424 etc.

доставляютъ засѣвъ, ведутъ строгій надзоръ надъ земледѣльцами и поддерживаютъ между ними порядокъ, понуждая къ отдачѣ хлѣба для пополненія ихъ магазиновъ. Вслѣдствіе того были пріобрѣтены отличнѣйшія жатвы вмѣсто прежняго нерадѣнія и мало по малу могла повсемѣстно распространиться основа благосостоянія—земледѣліе. Несмотря на то, величайшія пространства земли, въ этой обширной горной странѣ, остаются необработанными, неизслѣдованными, непосѣщаемыми, даже неизвѣстными. При величайшемъ обиліи ея легкоплавкими рудами на много лѣтъ впередъ, тощіе лѣса дѣлаютъ необходимымъ бережливое управленіе ими по ежегодно увеличивающейся потребности въ дровахъ. Болѣе настоящей дѣятельности въ работахъ, кажется, нельзя ожидать вслѣдствіе безпрестанно увеличивающихся путей къ доставленію угольевъ и рудъ, и вслѣдствіе медленнаго умноженія лѣсовъ, произрастанію коихъ какъ и умноженію всякаго рода народонаселенія, здѣсь положены извѣстныя физическія преграды.

Если бы восточная караванная и торговая дорога чрезъ Нерчинскъ, Цурухайту, Цицикаръ (см. Т. I ст. 298) въ Пекинъ, сперва проведенная чрезъ эту часть восточной Дауріи, вдоль верхнихъ долинъ рѣки Амура, удержала свое значеніе, какъ то было въ началѣ XVIII-го вѣка, то проѣздъ по ней сдѣлался бы главною артеріею благосостоянія народовъ и просвѣщенія; оно способствовало бы развитію совершенно новаго міроваго сообщенія между находившимися до сего времени въ противоположности выгодами Россійской и Китайской Азіи. Но такимъ образомъ эта чрезвычайно важная въ политико-меркантильномъ отношеніи линія, со времени повторенной повѣрки границъ, въ 1727 году (см. Т. I стр. 279, 296), была перенесена на южную сторону Байкала, вверхъ по рѣчной долинѣ Селенги, чрезъ Кяхту, и въ гораздо кратчайшей діагонали чрезъ Гоби. И теперь въ теченіи полнаго столѣтія она сдѣлалась главнѣйшимъ путемъ открытія земель, поселенія, постройки городовъ, какъ и сообщенія въ торговлѣ, по-

литикѣ и наукѣ, и была въ состояніи не только раскрыть тамошнее природное свойство нагорной страны, но также въ такое короткое время уже придать всей тамошней народной, образованной и государственной жизни измѣненный и болѣе возвышенный характеръ. Но такъ-какъ отношеніе этого кяхтинскаго пути, по его мѣстности, заслуживаетъ болѣе точнаго размотрѣнія нашего, которымъ мы и можемъ довершить исторію открытія этихъ странъ; то мы заключаемъ этотъ обзоръ указаніемъ на вышеупомянутыя древнія и новѣйшія караванныя донесенія, какъ и на ихъ литературу (см. Т. I стр. 279). Еще упомянемъ только о наблюденіяхъ естествоиспытателей Палласа и Георги, особенно обширныхъ и поучительныхъ въ этой области. Кромѣ вышепомянутыхъ даурскихъ путешествій, Георги ([592]) обязаны мы первымъ ученымъ оплытіемъ и изслѣдованіемъ всего великаго озера Байкальскаго, а Палласу ([593]) отличнѣйшими изысканіями рѣчныхъ системъ на востокѣ отъ долины Селенги до Становаго хребта. Немного позже, въ 1791 году, Сиверсъ ([594]) совершилъ только поѣздку къ Яблонному хребту, и при истокѣ рѣки Чикоя (вправо къ Селенгѣ) взошелъ на высокую Чокондо, которую можно почитать патріархомъ тамошнихъ горъ на сѣверной цѣпи Кентея. Клапротъ (1805 и 1806) и Тимковскій (1819 и 1821) точнѣе ознакомили насъ съ настоящимъ историческимъ положеніемъ кяхтинскаго пути и прилежащей страны, съ ея жителями (см. Т. I стр. 284, 326). За ними слѣдовалъ по тому же пути до Китайской границы и на сѣверѣ Байкала, вдоль Ленской долины чрезъ Якутскъ до Охотска и Камчатки (1828—1830), А. Эрманъ ([595]) (1829

---

(592) J. G. Georgi Bemerkungen einer Reise im R. R. 1772. Petersb. 1775 Th. I. Путешествія по Байкалу p. 1—323.

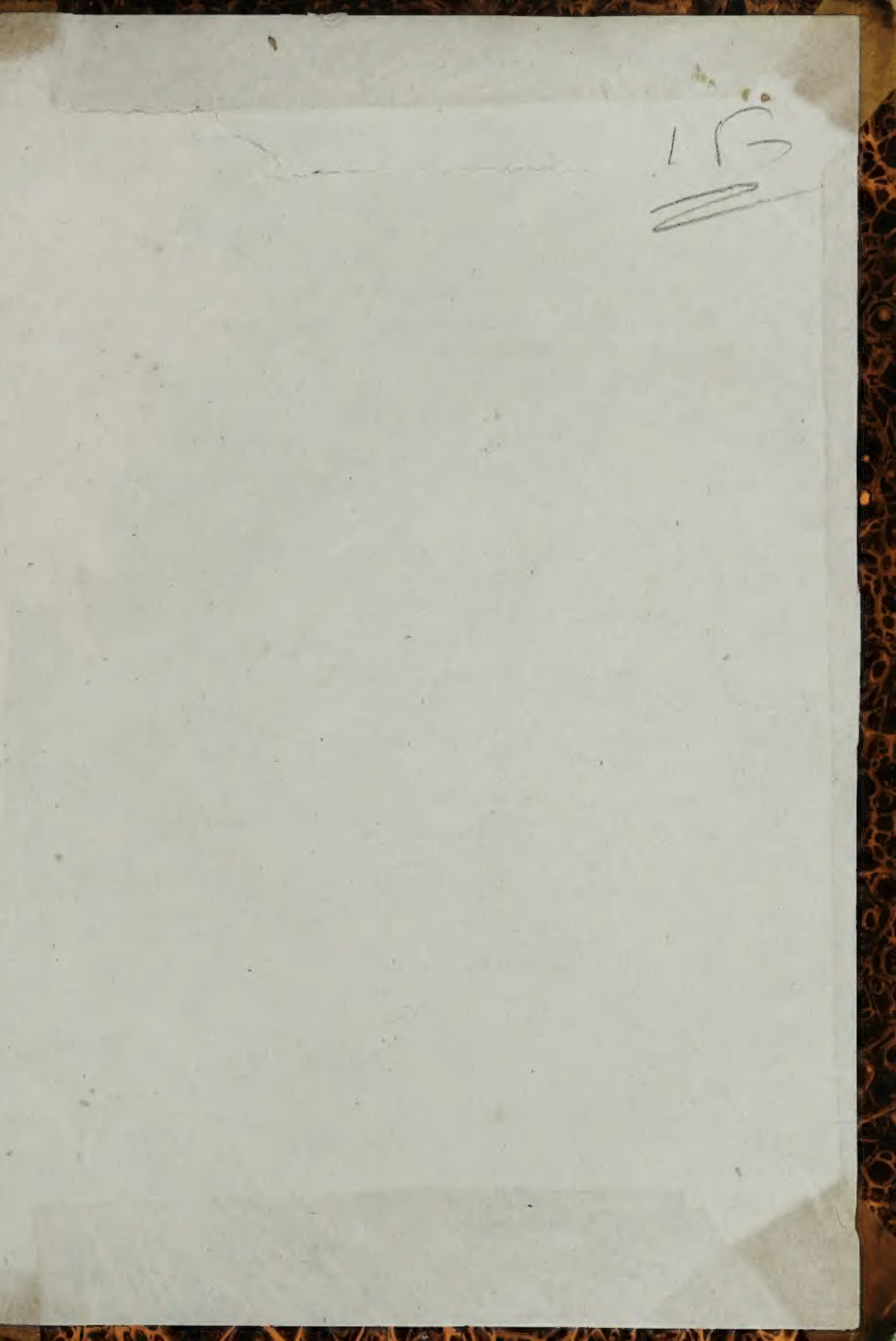
(593) Pallas Reise durch verschiedene Provinzen d. Russ. Reiches, St.-Peters. 1776. 4. Th. III. Путешествіе по Вост. Сибири и Дауріи въ 1772 году.

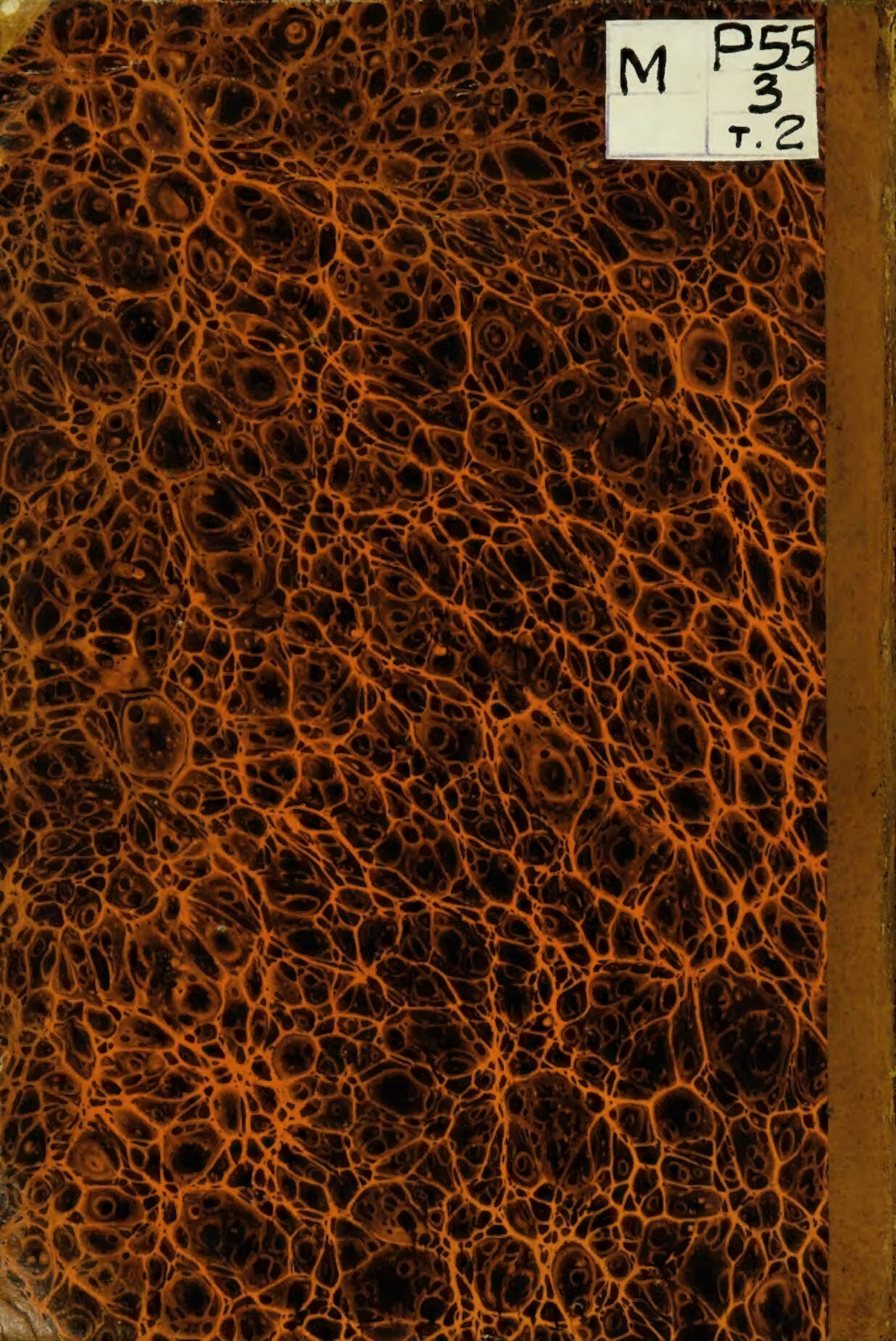
(594) J. Sievers Sibirische Briefe, St.-Petersb. 1796. 8. Въ IV, V, VI, VII, p. 37—91.

(595) Ad. Ermann Den Lauf. d. Obi zwischen Tobolsk u. Obdorsk berichtigt d. astronom. Beobachtungen. Berlin. 1831. 8.

въ Кяхтѣ), какъ физикъ и астрономъ. Незадолго передъ нимъ Д-ръ Г. Гессъ, какъ геогностъ, посѣтилъ области за Байкаломъ и Селенгою на В., долины Уды, Пиготы и Онона до Нерчинска и къ Аргуни. Наконецъ въ настоящее время мы ожидаемъ счастливаго возвращенія послѣдней русской миссіи въ Пекинъ съ предположенною ею нивеллировкою этого кяхтинскаго пути между Пекиномъ и озеромъ Байкаломъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

М
Р55
3
т. 2